

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 15, № 6, 2022

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
08.00.00 –
экономические науки;
22.00.00 –
социологические науки.

Журнал размещается
в следующих рефера-
тивных и полнотексто-
вых базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНИТИ РАН,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ).

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомика Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишицеф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 15, no. 6, 2022

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiyama, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulina, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency: six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:
08.00.00 – economic sciences;
22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. В стране формируются контуры нового Общественного договора	9
--	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Широв А.А., Брусенцева А.Р., Савчишина К.Е., Каминова С.В. Прогнозно-аналитические возможности макроэкономических моделей в условиях кризисного развития экономики (на примере модели QUMMIR).....	35
---	----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций.....	52
Кувалин Д.Б. Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности	79

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций	94
--	----

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Беркович М.И., Волин А.Ю. Детерминанты инновационной активности российских фармацевтических производителей	110
---	-----

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Секушина И.А. Цифровизация малых и средних городов Европейского Севера России: тенденции и перспективы	124
Бучинская О.Н. Знания как медиатор во взаимосвязи между цифровым и экономическим развитием	139

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Леонов С.Н. Оценка влияния пандемии коронавируса на состояние региональных бюджетов: дальневосточный аспект 153

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

- Попов А.В. Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты 167

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Леонидова Г.В. Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни 182
- Камарова Т.А., Баранова Н.В. Оценка развития цифровой занятости на рынке труда на примере ИТ-отрасли: базовые метрики 199
- Артамонова А.С., Базуева Е.В. Эффективность деятельности некоммерческих организаций для региональной экономики: концептуальные основы идентификации 215
- Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. Экологическая ответственность персонала: эмпирический анализ и типология 232

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

- Аносов Б.А. Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок РФ и КНР 243

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 257
- Список статей, опубликованных в 2022 году 271
- Правила приёма статей 275
- Информация о подписке 276

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. A Framework for a New Social Contract Is Being Formed in Russia 9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Shirov A.A., Brusentseva A.R., Savchishina K.E., Kaminova S.V. Predictive and Analytical Capabilities of Macroeconomic Models in Conditions of Crisis Economic Development (Using the Example of the QUMMIR Model) 35

PUBLIC ADMINISTRATION

Balatsky E.V. Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: The Hybrid War of Civilizations 52

Kuvalin D.B. Russian Economy under Tough External Sanctions: Problems, Risks and Opportunities 79

REGIONAL ECONOMICS

Rumyantsev N.M., Leonidova E.G., Gubanova E.S. Defining Sectoral Priorities of the Region's Structural Transformation by Searching for Promising Economic Specializations 94

BRANCH-WISE ECONOMICS

Berkovich M.I., Volin A.Yu. Determinants of Innovation Activity of Russian Pharmaceutical Manufacturers 110

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Sekushina I.A. Digitalization of Small and Medium-Sized Cities in the European North of Russia: Trends and Prospects 124

Buchinskaia O.N. Knowledge as a Mediator in the Relationship between Digital and Economic Development 139

PUBLIC FINANCE

Leonov S.N. Assessing the Impact of the Coronavirus Pandemic on the Condition of Regional Budgets: The Far Eastern Aspect	153
---	-----

SCIENTIFIC REVIEWS

Popov A.V. Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects.....	167
--	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Leonidova G.V. Social and Labor Sphere in the Russian Federation: Trends and Risks in the Formation of the Quality of Working Life	182
Kamarova T.A., Baranova N.V. Assessing the Development of Digital Employment in the Labor Market on the Example of the IT Sector: Basic Metrics	199
Artamonova A.S., Bazueva E.V. Effectiveness of Nonprofit Organizations for the Regional Economy: Conceptual Foundations for Identification	215
Arzamasova G.S., Esaulova I.A. Employee Environmental Responsibility: Empirical Analysis and Typology	232

GLOBAL EXPERIENCE

Anosov B.A. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Consumer Market in Russia and China	243
--	-----

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	257
Index of Articles Published in 2022	271
Manuscript Submission Guidelines	275
Subscription Information	276

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

В стране формируются контуры нового Общественного договора

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Развитие внешнеполитической ситуации и хода действий в зоне проведения специальной военной операции свидетельствует о том, что, как отмечал Президент РФ на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека (7 декабря 2022 г.), на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ (21 декабря 2022 г.), специальная военная операция приобретает затяжной характер. Обстановка, таким образом, диктует руководству страны и всей властвующей вертикали необходимость ставить цели и задачи, направленные на комплексные изменения внутри российского общества для достижения страной полного национального суверенитета и конкурентоспособности в XXI веке. Многие эксперты в связи с этим говорят, что именно сегодня в России создаются предпосылки для формирования нового Общественного договора; новых критериев сосуществования и взаимодействия общества и власти, которые будут актуальны уже после достижения всех целей специальной военной операции. В статье авторы предпринимают попытку рассмотреть новые черты гражданского общества,

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2022). A framework for a new Social Contract is being formed in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 9–34. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.1

переходящие в очертания контуров нового Общественного договора; что способствует и препятствует данному процессу, какие условия требуется реализовать, для того чтобы эти пока ещё разрозненные контуры переросли в конкретные, реально действующие пункты Общественного договора, поддерживаемые большинством населения страны и определяющие легитимность власти на новом историческом этапе развития России.

Ключевые слова: Президент, специальная военная операция, новый Общественный договор, коллегия Минобороны РФ, распад СССР, общественное мнение.

21 декабря 2022 года (символично в день рождения И.В. Сталина¹) состоялось расширенное заседание коллегии Министерства обороны РФ, на котором Президент РФ, по сути, подвел промежуточные итоги прошедших 10 месяцев проведения специальной военной операции (СВО), а также определил ключевые направления дальнейшего развития вооружённых сил России с учетом сложившихся взаимоотношений с НАТО.

*«Сегодня против России активно используется военный потенциал и возможности **практически всех основных стран НАТО**, – отметил верховный главнокомандующий РФ. – Тем не менее наши солдаты, сержанты и офицеры сражаются за Россию мужественно и стойко, уверенно, шаг за шагом решают поставленные задачи. И эти задачи будут, безусловно, выполнены на всех территориях Российской Федерации, в том числе и на новых территориях, будет обеспечена безопасная жизнь всех наших граждан. Боевые возможности наших Вооружённых сил увеличиваются постоянно и с каждым днём, и мы, безусловно, будем этот процесс наращивать... Сегодня наша задача – реализовать весь необходимый комплекс мер для качественного обновления и совершенствования Вооружённых сил»².*

Пожалуй, с учетом внешнеполитической ситуации, сложившейся вокруг России в 2022 году, можно согласиться с экспертами, сравни-

выми выступление верховного главнокомандующего на коллегии Минобороны РФ с так и не состоявшимся в этом году Посланием Президента Федеральному Собранию. Это «соответствует расставленным приоритетам»³.

В условиях активного противостояния России странам НАТО, продолжающейся СВО государство и общество понимают значимость достижения полной победы на линии фронта и готовы «дать армии всё, что она просит». Это позволяет рассчитывать на то, что все ключевые цели и задачи, озвученные Президентом, будут реализованы в полном объеме.

*«Я хочу обратить внимание Министра обороны, начальника Генерального штаба, всех командиров, которые здесь представлены. **У нас нет никаких ограничений по финансированию. Страна, Правительство дают всё, что армия просит, всё.** Надеюсь, что ответ будет должным образом сформулирован и соответствующие результаты будут достигаться»⁴.*

Эксперт Центра военно-политической журналистики Б. Рожин отметил наиболее важные моменты выступления Президента РФ на коллегии Минобороны:

«1. Война с Западом на Украине будет длительной. Курс на достижение целей СВО не меняется. Официальный список целей СВО см. в выступлении Путина 24 февраля (плюс Херсонская и Запорожская области). Неофициальные цели можно трактовать достаточно широко.

¹ 21 декабря 2022 г. исполняется 143 года со дня рождения И.В. Сталина.

² Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 21 декабря 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70159>

³ Вместо послания Федеральному собранию Путин выступил с посланием к Минобороны, что в целом соответствует расставленным приоритетам. URL: <https://rus-republic.com/2022/12/21/vmesto-poslaniia-federalnomy-sobraniu-putin-vystupil-s-poslaniem-k-minoborony-cto-v-celom-sootvetstvyet-rasstavlennym-prioritetam/>

⁴ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 21 декабря 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70159>

2. Договорняков не будет, потому что Запад не готов признавать права России на равноправные договоры с ним. В „цивилизованный мир” мы не вписались. Отлично.

3. Армия получит больше ресурсов — материальных, финансовых, человеческих. Но без фанатизма, чтобы не надорвать экономику. Концепция „пушки вместо масла” не наш выбор. Будут пытаться искать разумный баланс. В следующем году армия получит много различных вооружений, куда как больше, чем в 2021–2022 годах. Также будет больше дронов.

4. Завуалированно признаны различные ошибки предвоенного периода в вопросах снабжения войск, мобилизационной системы, ремонтных мощностей, недооценки роли дронов и концепций мультидоменных операций. Критика недостатков признана желательной.

5. Армию ждёт достаточно существенное реформирование, что является как следствием различных вскрывшихся в ходе СВО недостатков, так и нарастанием угрозы со стороны США и НАТО. Суверенитет страны будет строиться с опорой на рост возможностей нашей ядерной триады, как единственного надёжного гаранта военно-политического суверенитета»⁵.

В целом в своем выступлении Президент подтвердил, что цели специальной военной операции продолжают реализовываться, но процесс носит затяжной характер, и это также означает длительный характер угроз национальной безопасности и тревожной обстановки в обществе на фоне продолжающихся экономических санкций, «накачки» Украины оружием со стороны стран «коллективного Запада», сохраняющейся угрозы прямого военного конфликта между Россией и НАТО, фактически ежедневных обстрелов российских территорий со стороны ВСУ, публичных заявлений представителей западного политического истеблишмента о необходимости отмены российской культуры, возможности по-

явления информационных фейков, направленных на усиление антироссийских настроений и эскалацию конфликта.

Некоторые эксперты указывают на то, что «начавшаяся специальная военная операция России на Украине является поворотным событием в российской истории. Вполне естественно, что в это переломное время общественный договор предыдущего периода во многом утратил свою актуальность, вызвав новые императивы у разных групп населения»⁶.

Другими словами, сама обстановка вызывает объективную необходимость в постановке задачи о формировании после СВО нового Общественного договора как «набора взаимных обязательств между верховной властью (государством) и населением (обществом), которые по умолчанию принимаются обеими сторонами и тем самым обеспечивают консенсус для дальнейшего мирного существования нации»⁷; необходимость в комплексных изменениях системы государственного управления, информационной повестки, гражданского общества, общественного сознания широких слоев населения с целью выработки адекватного ответа на характер угроз, нависших над страной после 24 февраля 2022 г. **Эта необходимость носит вынужденный и жизненно важный характер для формирования суверенного конкурентоспособного государства в XXI веке.**

К этому моменту страну, по сути, привели не сами события, начавшиеся после 24 февраля 2022 г., а предательство властвующих элит, повлекшее за собой распад СССР, период «лихих 90-х» и, в целом, всё последующее 30-летие существования России в рамках либерально-капиталистической парадигмы развития, характеризующееся сегодня многими как период «парадигмальной ментальной оккупации»⁸, результатом которого стала «потеря исторического времени»⁹.

⁵ Мнение эксперта Центра военно-политической журналистики Б. Рожина. Источник: Выступления В.В. Путина и С.К. Шойгу на расширенном заседании коллегии Минобороны РФ // Завтра. 21.12.2022. URL: https://zavtra.ru/events/vystupleniya_v_v_putina_i_s_k_shojgu_na_rasshirennom_zasedanii_kollegii_minoboroni_rf

⁶ Балацкий Е.В. Россия 2022: содержание нового общественного договора // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 24.06.2022. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/rossiya_2022_goda_soderzhanie_novogo_obschestvennogo_dogovora/

⁷ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Journal of Institutional Studies 14 (3). С. 76.

⁸ Дугин А. СВО и смена миропорядка // Официальный сайт Изборского клуба. 11.10.2022. URL: <https://izborskclub.ru/23426>

⁹ Хубиев К.А., Теняков И.М. (2022). Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономики. № 2. С. 22–39.

Проводимый нами мониторинг показывает, что отдельные штрихи нового Общественного договора формируются уже сегодня, в условиях СВО. И не просто формируются, а закрепляются нормативно-правовыми актами Президента РФ, Правительства, Федерального Собрания (законами, указами, постановлениями и т. д.), которые связывают отдельные, пока еще разрозненные штрихи нового Общественного договора в его общие контуры за счет того, что обладают реальной юридической силой и таким образом оказывают прямое влияние на жизнь людей; формируют «правила игры» условий жизни в стране, и каждый гражданин, каких бы взглядов он ни придерживался, обязан эти правила соблюдать.

Поэтому, на наш взгляд, к первому и главному формируемому контуру нового Общественного договора можно отнести государственную политику в условиях СВО.

Первый «контур» – государственная политика в условиях СВО

Мониторинг ключевых шагов, предпринимаемых органами власти в период проведения СВО (который мы начали осуществлять в июне 2022 года¹⁰), позволяет говорить о том, что с февраля по декабрь 2022 года было принято порядка 70 существенных управленческих решений разного уровня и в разных сферах обще-

ственной жизни (причем это только ключевые, на наш взгляд, решения; *вкладка 1*).

Резюмируя результаты их анализа, можно констатировать, что государственная политика в условиях СВО принимает мобилизационный характер. Так, после 24 февраля 2022 г. в управленческих решениях, принимаемых В.В. Путиным, одобренных Федеральным Собранием и Правительством РФ, четко прослеживаются три вектора:

✓ социально-экономическая поддержка широких слоев населения (материнства, детства) и отдельных категорий граждан (военнослужащих – участников СВО, членов их семей)¹¹;

✓ ужесточение дисциплины и персональной ответственности в различных сферах жизни (прежде всего в армии, в сфере оборонной промышленности, в сфере культуры, включая средства массовой информации)¹²;

✓ конкретизация, максимально четкое очерчивание границ образа будущего России и работа с молодежью, то есть фактически формирование в обществе, в широких слоях населения четкого представления о том, в каком направлении движется страна, за что она борется, какой она должна стать «на выходе» из цивилизационного конфликта с коллективным Западом¹³ (*вкладка 1*).

¹⁰ Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41.

¹¹ Например:

✓ Постановление Правительства РФ № 1677 «О сохранении рабочих мест для мобилизованных граждан» (22 сентября 2022 г.);

✓ Указ о единовременной выплате в размере 195 тысяч рублей военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в ВС РФ (4 ноября 2022 г.);

✓ приравнивание статуса добровольцев – участников СВО к статусу военнослужащих (4 ноября);

✓ введение в единую систему государственных пособий семьям с детьми нового ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка (21 ноября 2022 г.) и т. д.

¹² Например:

✓ установление административной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых сил России и уголовной ответственности за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых сил России (4 марта 2022 г.);

✓ Федеральный закон № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», согласно которому «иностранный агент не вправе осуществлять просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних и педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях» (4 июля 2022 г.);

✓ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (24 сентября 2022 г.);

✓ Указ о введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также Указ «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» (19 октября 2022 г.) и др.

¹³ Например:

✓ Федеральный закон № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» (14 июля 2022 г.);

✓ утверждение Морской доктрины РФ и Корабельного устава Военно-морского флота (31 июля 2022 г.);

✓ Указ Президента РФ № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» (5 сентября 2022 г.);

✓ Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (9 ноября 2022 г.).

Вкладка 1

Мониторинг ключевых решений, принятых Президентом РФ (21 октября – 20 декабря 2022 г.)¹⁴

<p>21 октября – Указ о Координационном совете при Правительстве по обеспечению потребностей Вооружённых сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. Совет образован для «организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ при решении вопросов, связанных с обеспечением в ходе проведения специальной военной операции потребностей Вооружённых сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов». Председателем Координационного совета является Председатель Правительства РФ. Состав Координационного совета утверждается Президентом РФ. Как отметили эксперты, «это делается, чтобы четко распределить ограниченные ресурсы по ключевым задачам». В начале 2020 г. правительство создавало координационный совет по борьбе с коронавирусом, и он «показал себя как эффективная структура»¹⁵.</p>
<p>26 октября – Утверждён перечень российских кредитных организаций, в отношении которых установлен запрет на сделки с акциями, долями, составляющими их уставные капиталы. Перечень включает в себя 45 организаций, среди которых не только иностранные, но и российские кредитные организации с головными структурами за рубежом, в том числе «системно значимые Райффайзенбанк и «ЮниКредит», а также входящий в топ-30 Ситибанк»¹⁶.</p>
<p>3 ноября – Указ о единовременной выплате в размере 195 тысяч рублей военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в ВС РФ.</p>
<p>4 ноября – внесены изменения в КоАП. Устанавливается, что отказ или уклонение поставщика (исполнителя, подрядчика) от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу, договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, влечёт административную ответственность, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.</p>
<p>4 ноября – в законодательство внесены изменения, определяющие статус добровольческих формирований, действующих выполнению возложенных на Вооружённые силы задач. Россияне, несущие службу в добровольческих формированиях, получают статус военнослужащих.</p>
<p>4 ноября – подписан закон, направленный на совершенствование законодательства о государственной гражданской службе. Закон предоставляет возможность продления сверх предельного возраста в 65 лет и до 70 лет срока гражданской службы для руководителей из главной группы должностей в федеральных ведомствах, подчиненных Правительству РФ.</p>
<p>4 ноября – в закон о мобилизационной подготовке и мобилизации внесены изменения. Закон определяет порядок прохождения альтернативной гражданской службы (АГС) после объявления мобилизации. Также документом утверждается возможность призыва в ходе мобилизации осужденных, имеющих неснятую или непогашенную судимость по ряду тяжких преступлений.</p>

¹⁴ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга управленческих решений органов власти, который мы начали в статье «Трудная дорога после рубикона» (журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Т. 15. № 3. С. 29–32).

¹⁵ Как будет работать координационный совет для «экономики военной операции» (мнение директора Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ Г. Остапковича) // РБК. 19.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/10/2022/63500e719a79471d547078d8>

¹⁶ Путин запретил без разрешения проводить сделки с долями 45 банков // РБК. 26.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/10/2022/635910419a7947257253>

<p>9 ноября – Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В документе дается определение традиционных ценностей (нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство). Перечислены традиционные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, историческая память и преемственность поколений, единство народов России). Перечислены угрозы традиционным ценностям (в том числе ими являются США и другие «недружественные страны»). К деструктивной идеологии отнесены культивирование эгоизма и безнравственности и пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений.</p>
<p>14 ноября – Указ о порядке согласования с федеральными органами публичной власти вопросов осуществления публичной власти в Запорожской и Херсонской областях. Как отметили эксперты, данный закон «вводит, по сути дела, прямое подчинение двух новых субъектов РФ федеральному Центру... Введен жесткий порядок согласования главами этих субъектов РФ назначений на все должности с администрацией Президента и Правительством. На новых территориях сразу будет организована единая система публичной власти...»¹⁷.</p>
<p>14 ноября – Указ о внесении изменений в Положение о порядке прохождения военной службы. Положением определяется порядок прохождения военной службы в мирное время... гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства, и иностранцами гражданами – Вооруженных силах РФ.</p>
<p>15 ноября – городам Мелитополь и Мариуполь присвоено почетное звание «Город воинской славы». Почетное звание «Город трудовой доблести» присвоено г. Астрахани, г. Вологде, г. Горловке, г. Златоусту, г. Каспийску, г. Луганску, г. Норильску, г. Орску, г. Якутску.</p>
<p>17 ноября – Указ Президента Российской Федерации № 832 «О внесении изменений в состав Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. № 691. Из СПЧ исключены 10 человек (Асмолов А.Г., Бабушкин А.В., Большакова М.А., Верховский А.М., Винокуров Е.В., Евдокимова Н.Л., Засурский И.И., Каляпин И.А., Осокина Г.А., Сванидзе Н.К.). В состав Совета включены также 10 человек: Белехова Ю.А., Власов Я.В., Демичева О.Ю., Иванов Н.Ф., Иконников В.Ю., Коц А.И., Мельников А.В., Рукшин С.Е., Сморода Е.В., Шишкина Е.Н. Как отметил Д. Песков, меняются лидеры общественного мнения, идет процесс ротации... «В новых обстоятельствах другие лица могут лучшим образом представлять гражданское общество, являются наиболее правильно отражением гражданского общества»¹⁸.</p>
<p>21 ноября – в законодательство внесены изменения, устанавливающие право волонтеров на получение поддержки в форме оплаты услуг связи. Также в статью 217 части второй Налогового кодекса внесено изменение, согласно которому в перечень доходов, не подлежащих обложению налогом на доходы физических лиц, включаются доходы, полученные добровольцами (волонтерами).</p>

¹⁷ Гармоненко Д. Россия проводит интеграцию новых территорий беззускорения // Независимая газета. 14.11.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-11-14/3_8589_polit02.html

¹⁸ Путин подписал указ об изменении состава СПЧ // РИА-новости. 17.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221117/spch-1832189632.html>

Продолжение вкладки 1

21 ноября — внесены изменения в статью 4 части первой и в часть вторую Налогового кодекса, а также в отдельные законодательные акты. На 2023 год продлевается действие норм, предоставляющих Правительству Российской Федерации полномочие по изданию нормативных правовых актов в сфере регулирования налоговых правоотношений в части, касающейся изменения сроков уплаты налогов, сборов, страховых взносов. Устанавливается возможность применения налоговой ставки 0 процентов по налогу на добавленную стоимость при реализации в 2023 году судов, принадлежащих на праве собственности российской лизинговой компании и зарегистрированных в Российском международном реестре судов.

21 ноября — подписан закон о смягчении бюджетного правила на 2023–2024 годы. Документ фиксирует в Бюджетном кодексе объем базовых нефтегазовых доходов, которые могут направляться на расходы, в 2023–2025 годах в абсолютном выражении на уровне 8 триллионов рублей с дальнейшей ежегодной индексацией в размере 4%, начиная с 2026 года. Такой объем соответствует умеренно-консервативным оценкам внешних условий при стабильном курсе в диапазоне 65–75 рублей за доллар. Это обеспечит стабильность бюджетных расходов вне зависимости от изменений конъюнктуры и минимизирует влияние волатильности нефтегазовых рентабельных доходов на экономику, говорилось в пояснительной записке. Кабинет также сможет принимать решения о предоставлении в 2023 году госгарантий РФ, не предусмотренных программами таких гарантий, причем в порядке и на условиях, которые сам и установит¹⁹.

21 ноября — подписан закон о статусе ветерана боевых действий для членов добровольческих формирований, участвующих в специальной военной операции. Добровольцы, участвующие в спецоперации по освобождению Донбасса, получат статус ветерана боевых действий. Кроме того, документ устанавливает статус инвалида боевых действий добровольцам, получившим серьезные ранения.

21 ноября — установлены особенности оценки соответствия космической техники различного назначения, а также процессов, связанных с её разработкой, созданием и использованием. Правительство РФ будет утверждать порядок оценки соответствия космической техники, предназначенной для использования в научных и социально-экономических целях. Также правительство будет утверждать порядок аккредитации в области космической деятельности.

21 ноября — в единую систему государственных пособий семьям с детьми введено новое ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка. Право на такое пособие предоставляется нуждающимся в социальной поддержке беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до 17 лет, при условии, если они являются гражданами РФ и постоянно проживают на территории РФ. При наличии в семье нескольких детей в возрасте до 17 лет пособие назначается на каждого такого ребенка. Правительство РФ наделяется полномочиями по установлению порядка и условий назначения и выплаты пособия.

21 ноября — Воздушный кодекс внесены изменения. Уполномоченный орган в области обороны наделяется полномочием по утверждению федеральных авиационных правил, регулирующих деятельность в области государственной авиации. Правительство Российской Федерации наделяется полномочием по установлению порядка использования государственной авиации для проведения испытаний авиационной техники.

¹⁹ Путин подписал указ о смягчении бюджетного правила на 2023–2024 годы // РИА-новости. 21.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221121/bugdzhet-1833112507.html>

<p>21 ноября – в законодательство внесены изменения, касающиеся преимущественного права приёма на обучение по основным общеобразовательным программам в государственную или муниципальную образовательную организацию. Законом предусмотрено, что ребенок, «находящийся под опекой в семье, в том числе из приемной или патронатной семьи, имеет право преимущественного приема на обучение по основным общеобразовательным программам дошкольного образования и начального общего образования в государственную или муниципальную образовательную организацию, в которой обучается ребенок, воспитывающийся с ним в одной семье».</p>
<p>5 декабря – внесены изменения в отдельные законодательные акты, касающиеся, в частности, госслужбы. Вносятся изменения в ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», предусматривающие основания и порядок приостановления государственной службы. В частности, к числу таких оснований отнесены призыв государственного служащего на военную службу по мобилизации, заключение им в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» контракта о прохождении военной службы либо заключение им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооружённые силы Российской Федерации.</p>
<p>5 декабря – внесены изменения в закон об информации и отдельные законодательные акты. Федеральный закон направлен на предотвращение распространения на территории Российской Федерации информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпосылки, педофилию, смену пола. Кроме того, он предусматривает порядок мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.</p>
<p>5 декабря – внесены изменения в Кодекс об административных правонарушениях. Устанавливается административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпосылки, смены пола, пропаганду педофилии, а также за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпосылки либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол. За совершение указанных административных правонарушений с применением средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет) предусматривается повышенная административная ответственность. В случае совершения таких административных правонарушений иностранным гражданином или лицом без гражданства предусмотрено административное наказание в виде административного выдворения за пределы России.</p>
<p>19 декабря – законодательно введена административная ответственность за предоставление недостоверных сведений об объектах критической информационной инфраструктуры. Устанавливается административная ответственность за предоставление недостоверных сведений о результатах присвоения объекту критической информационной инфраструктуры Российской Федерации одной из категорий значимости, предусмотренных законодательством в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, либо об отсутствии необходимости присвоения ему одной из таких категорий... До 31 декабря 2023 г. продлевается срок действия положения, наделяющего должностных лиц органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, перечень которых утверждается высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации, правом составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьёй 20.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях (невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения).</p>

Продолжение вкладки 1

<p>19 декабря – законодательно продлён срок применения комплекса мер по сохранению устойчивости российской экономики в условиях внешнего санкционного давления. В частности, в 2023 году сохраняют своё действие законодательные положения, наделившие Правительство Российской Федерации полномочиями по установлению особенностей:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ организации и осуществления видов государственного контроля (надзора), муниципального контроля; ✓ лицензирования, аккредитации, регистрации, проведения квалификационных экзаменов, включения в реестр, а также иных разрешительных режимов, установленных законодательством Российской Федерации; ✓ осуществления градостроительной деятельности; ✓ регулирования отдельных вопросов, связанных с долевым строительством объектов недвижимости; ✓ регулирования трудовых отношений, а также отношений в области содействия занятости населения; ✓ приёма на обучение, проведения государственной итоговой аттестации, признания в Российской Федерации образования, полученного в иностранном государстве, в отношении граждан, вынужденных прервать обучение за рубежом в связи с недружественными действиями иностранных государств; ✓ порядка ввода в оборот, оборота и вывода из оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, без нанесения на них средств идентификации. 	<p>19 декабря – подписан закон, снижающий налоговую нагрузку на НКО при реализации федеральных проектов. Освобождаются от обложения налогом на добавленную стоимость операции по реализации работ (услуг), имущественных прав, выполняемых (оказываемых), передаваемых некоммерческими организациями в рамках реализации ими федеральных проектов, источником финансирования которых является субсидия из федерального бюджета, предоставленная на основании федерального закона о федеральном бюджете на текущий финансовый год и плановый период. Кроме того, в перечень доходов, предоставляемых при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций, включаются доходы в виде работ (услуг), имущественных прав, полученных безвозмездно от организаций, которые осуществляют деятельность по реализации федеральных проектов за счёт субсидий, предоставленных на основании федерального закона о федеральном бюджете на текущий финансовый год и плановый период.</p>	<p>19 декабря – подписан закон, направленный на оптимизацию требований к уставам НКО. Отменяется обязательное включение в уставы сведений о порядке внесения в них изменений и дополнений, источниках формирования денежных средств и иного имущества, а также о порядке реорганизации и (или) ликвидации некоммерческих организаций. Исключается требование о необходимости определения уставами условий выбытия из членов общественных объединений по возрасту.</p>
---	--	---

<p>20 декабря – распоряжение «О рабочей группе по обеспечению взаимодействия органов публичной власти и организаций по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации, социальной и правовой защиты граждан Российской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей». В состав рабочей группы вошел 31 человек. Ее возглавил вице-спикер Совета Федерации А. Турчак. Рабочая группа будет:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ обеспечивать взаимодействие законодательной и исполнительной власти по вопросам подготовки мобилизации; ✓ организовывать размещение и обеспечение мобилизованных; ✓ контролировать социальную поддержку семей мобилизованных россиян; ✓ готовить предложения по правовому регулированию мобилизации, а также следить за правоприменительной практикой по призыву; ✓ пропагандировать мобилизацию; ✓ анализировать, как проходит патриотическое воспитание молодежи в стране; ✓ готовить предложения по созданию и развитию мобилизационных мощностей, производства продукции, необходимой для вооруженных сил и нужд населения. 	<p>21 декабря – состоялось расширенное заседание коллегии Министерства обороны РФ, на котором Президент РФ и Министр обороны РФ дали общую оценку ходу проведения СВО и определили ключевые цели и задачи развития российской армии на ближайшие годы. Среди них:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ при комплектации Вооружённых сил поэтапно увеличить возраст призыва граждан с 18 до 21 года, а предельный – повысить до 30 лет; ✓ создать два межвидовых стратегических территориальных объединения Вооружённых сил – Московский и Ленинградский военные округа; ✓ повысить ответственность главных командований за подготовку и применение объединений и соединений; ✓ довести численность Вооружённых сил до полутора миллиона военнослужащих, в том числе военнослужащих по контракту – до 695 тысяч человек; ✓ довести численность военнослужащих по контракту с учётом замены в группировках войск мобилизованных граждан и комплектования новых формирований к концу 2023 года до 521 тысячи человек; ✓ в военных комиссариатах ввести федеральную государственную гражданскую службу с увеличением в них количества воинских должностей. Завершить цифровую трансформацию военкоматов и др. 	<p>22 декабря – внесены изменения в Указ о применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций, а также подписан Указ о применении специальных экономических мер в сфере поставок природного газа в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций.</p> <p>Правительству РФ предоставлено полномочие по выдаче временных разрешений на совершение отдельных сделок (операций, действий) с лицами, находящимися под санкциями. Запрещается исполнение публичным акционерным обществом «Газпром» и его аффилированными лицами обязательств перед иностранными лицами, связанными с иностранными государствами, которые совершают в отношении Российской Федерации недружественные действия. Правительству РФ в 10-дневный срок поручено установить предельный размер цены по оплате поставок и услуг, связанных с добычей природного газа, газового конденсата.</p>	<p>23 декабря – Приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 1014 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования». В неё входят начальная военная подготовка на ОБЖ, а также такие темы уроков истории, как вхождение Крыма в состав России; внешняя политика страны и оказание помощи Сирии; события в 2014 году и позиция России; Минские соглашения по Донбассу и гуманитарная помощь ДНР и ЛНР; блок о спецоперации.</p>
--	--	---	--

Одновременно с реализацией этих ключевых направлений государственной политики в условиях СВО активизируется деятельность по устранению от власти (в системе государственного управления, бизнесе, культуре) тех представителей элитарных групп, которые не сумели или не захотели принять повестку СВО, изменить свой образ жизни и свою деятельность... В этом смысле для либеральных элит наступило самое настоящее «смутное время». Так, после 24 февраля 2022 г. состоялась отставка Советника Президента В. Юмашева²⁰ (человека, которого некоторые эксперты называли «идеологом Семьи»²¹ и «„мозгом” либерального клана»²²); покинули страну бывшие вице-премьеры А. Чубайс²³, А. Хлопонин²⁴, А. Дворкович²⁵, И. Клебанов²⁶.

Знаковые кадровые изменения произошли и в сфере культуры. Например, 29 июня 2022 г. с должности художественных руководителей были сняты К. Серебренников (театр им. Гоголя), И. Райхельгауз (Школа современной пьесы), В. Рыжак («Современник»). Ранее (16 мая 2022 г.) из числа лиц, которым при-

суждена премия правительства Российской Федерации 2021 года в области культуры, был исключен бывший художественный руководитель Театра им. Вахтангова Р. Туминас.

В последние месяцы этот перечень пополнился новыми фамилиями:

✓ 29 ноября 2022 года о своей отставке с поста Главы Счетной палаты РФ объявил А. Кудрин – как пишут эксперты, «идеолог системных либералов» и «один из ключевых эмиссаров глобальщины в РФ»²⁷;

✓ 1 декабря был вынесен приговор бизнесменам братьям Магомедовым, а вместе с ними – целому преступному сообществу крупных предпринимателей²⁸, причем за братьев перед судом поручались такие люди, как миллиардер Г. Тимченко, экс-глава Ингушетии Р. Аушев; смягчить меру пресечения Зиявудину и Магомеду Магомедовым просил президент Российского союза промышленников и предпринимателей, президент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член бюро Высшего совета партии «Единая Россия» А. Шохин²⁹;

²⁰ По данным РБК, Юмашев оставил пост примерно в конце апреля – начале мая 2022 года (источник: <https://www.rbc.ru/politics/30/05/2022/629507469a7947e575bb39cf>).

²¹ «Музыка сфер»: зачем возвращается во власть Александр Волошин // Новые известия. 14.12.2019. URL: <https://newizv.ru/news/politics/14-12-2019/muzyka-sfer-zachem-vozvrashaetsya-vo-vlast-aleksandr-voloshin>

²² Делягин М. Волошин вышел из тени – либеральный клан готовится к наступлению // ИА Реалист. 18.12.2019.

²³ Бывший глава «Роснано» А. Чубайс был замечен в Турции 23 марта 2022 г, на следующий день после того как нынешний глава «Роснано» С. Куликов подал заявление в Генпрокуратуру с просьбой проверить работу госкорпорации за период с 2010 по 2020 год (источник: <https://www.kp.ru/daily/27380.5/4574001/>).

²⁴ Первые сообщения об эмиграции из России появились в апреле 2022 года (источник: <https://regcomment.ru/regions/altai/pokinul-stranu-i-brosil-komandu-pochemu-hloponin-mozhet-ispolit-kageru-gyadu-gubernatorov/>).

²⁵ Бывший вице-премьер РФ А. Дворкович подал в отставку с поста председателя фонда «Сколково» в марте 2022 года, после того как дал резонансное интервью американскому изданию «Mother Jones», в котором выступил с критикой спецоперации (источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/543843>). Об эмиграции не заявлял, но, по сообщениям различных Telegram-каналов, проживает в Израиле (источник: <https://sibkray.ru/news/2127/954638/>).

²⁶ В мае 2022 года Госдума приняла протокольное поручение комитету по безопасности и противодействию коррупции запросить в ФСБ, Генпрокуратуре, Следственном комитете и в правительстве информацию о достоверности сведений о выезде из РФ лиц с доступом к гостайне, а также о правомерности такого отъезда в условиях специальной военной операции на Украине. В данном документе упоминался И. Клебанов (источник: <https://www.tek-all.ru/news/id8811-gde-zhivet-chlensoveta-direktorov-pao-transneft-ilya-klebanov/>).

²⁷ Кудрин подал в отставку // Завтра. 29.11.2022. URL: https://zavtra.ru/events/kudrin_podal_v_otstavku

²⁸ Бывший гендиректор входившей в Группу «Сумма» компании «Интэкс» Артур Максидов и бывший директор АО «Объединённая зерновая компания» Сергей Поляков получили по 12 лет колонии, экс-начальник департамента экономической безопасности ОЗК Роман Грибанов получил 10 лет колонии общего режима и штраф в 1 млн руб., гендиректор предприятия «Энергия-М» Юрий Петров получил 7 лет колонии общего режима и штраф в 700 тыс. руб. Кто-то находится вне пределов досягаемости российского правосудия; это, скажем, бывший директор оборонного Подольского электрометаллического завода Мурман Закарадзе (экс-адъютант замминистра обороны РФ; сбежал в Грузию) и бывший совладелец литовского банка Snoras Давид Каплан (экс-исполнительный директор ООО «Стройновация», экс-председатель совета директоров ООО «Интэкс», сооснователь магомедовского благотворительного фонда «ПЕРИ», экс-директор по развитию Международной шахматной федерации и экс-директор представительства ФИДЕ в РФ, экс-член крайне жестокой банды «Вильнюсская бригада» под кличкой «Додик»; сбежал в Израиль).

²⁹ Иванов А. Приговор: длительные сроки для братьев Магомедовых // Завтра. 02.12.2022. URL: https://zavtra.ru/events/prigovor_dlitelnie_sroki_dlya_brat_ev_magomedovih

✓ 9 декабря был арестован начальник управления по противодействию коррупции Федеральной таможенной службы России Д. Мурышов: «главный антикоррупционер и ближайшая креатура руководителя ФТС РФ Владимира Булавина» по версии следствия получил три взятки на общую сумму в несколько десятков миллионов рублей (и готовился к получению ещё одной) через посредников-подчинённых³⁰.

С точки зрения формирования предпосылок для будущего Общественного договора важное значение имеет тот факт, что в условиях СВО получила развитие статья В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.). По сути, её основные идеи, «вызревая» на протяжении почти 25 лет, были конкретизированы в Указе Президента № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые существенно (с 4 до 17) расширяют перечень традиционных ценностей как «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан» (п. 4). Согласно Основам..., к ним относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» (п. 5; *вкладка 2*).

Следует также отметить, что в Указе Президента № 809 зафиксированы цели государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей («сохранение и укрепление традиционных ценностей, противодействие распространению деструктивной идеологии, формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных обще-

человеческих духовно-нравственных ценностей» (п. 23)). По сути, они представляют собой основные направления практической реализации «Российской идеи», о которой В.В. Путин писал в 1999 году.

В целом можно отметить: несмотря на то, что говорить непосредственно о формировании в стране нового Общественного договора можно будет только после окончания специальной военной операции, управленческие решения органов власти уже сейчас, в условиях СВО, задают соответствующий вектор изменений в обществе; идёт работа на будущее.

Результаты этой работы проявляются во втором «контуре» нового Общественного договора – в консолидированной поддержке обществом главы государства и в оценках эффективности государственного управления.

Второй «контур» – динамика общественного мнения

Как показывают результаты социологических измерений, в обществе отмечается консолидированная поддержка деятельности главы государства. По данным ВЦИОМ, в среднем по России за период проведения СВО (с февраля по декабрь 2022 г.) доля положительных оценок деятельности Президента РФ увеличилась на 9 п. п. (с 65 до 74%); отрицательных – сократилась на 8 п. п. (с 24 до 16%). Для сравнения, за аналогичный период 2021 года доли положительных и отрицательных оценок деятельности главы государства фактически не изменились (61 и 28% соответственно).

Аналогичную динамику демонстрируют и данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, который проводится на территории Вологодской области. С февраля по декабрь 2022 года доля положительных оценок деятельности Президента увеличилась на 12 п. п. (с 48 до 60%); отрицательных – снизилась на 8 п. п. (с 33 до 25%). За аналогичный период предыдущего года уровень одобрения работы главы государства фактически не изменился (50–51%; *табл. 1*).

³⁰ Начальника антикоррупционного управления ФТС РФ арестовали по обвинению в коррупции // Завтра. 10.12.2022. URL: https://zavtra.ru/events/nachal_nika_antikorruptcionnogo_upravleniya_fts_arestovali_po_obvineniyu_v_korruptcii

<p>Путин В.В. «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.).</p> <p>«Действительно успешное, не сопряженное с чрезмерными издержками обновление нашей Родины не может быть достигнуто простым переносом на российскую почву абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных учебников. Не приведет к успеху и механическое копирование опыта других государств. Каждая страна, в том числе и Россия, обязана искать свой путь обновления...</p> <p>Уроки уходящего столетия позволяют очертить контуры долгосрочной стратегии, призванной обеспечить преодоление в сравнительно короткие по историческим меркам сроки затянувшегося кризиса, создать предпосылки быстрого и устойчивого экономического и социального развития страны:</p> <p>А) Российская идея. Плодотворная созидательная работа, в которой так нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном. В обществе, где основные социальные слои, политические силы придерживаются различных базовых ценностей и основополагающих идеологических ориентиров... Опорная точка консолидации российского общества – то, что можно назвать исконными, традиционными ценностями россиян. Сегодня эти ценности видятся вполне отчетливо: патриотизм, государственничество, державность, социальная солидарность.</p> <p>Б) Сильное государство. Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее... Сильная государственная власть в России – это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство.</p> <p>В) Эффективная экономика. Страна нуждается в долгосрочной общенациональной стратегии развития... Отсутствие такой перспективной, рассчитанной на 15–20 и более лет стратегии развития особенно остро ощущается в экономике. Важный урок 90-х годов заключается в выводе о необходимости для России формирования целостной системы государственного регулирования экономики и социальной сферы».</p>	<p>Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»</p> <p>«4. Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.</p> <p>5. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.</p> <p>7. Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять бережение народа России и развитие человеческого потенциала.</p> <p>23. Целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей являются:</p> <p>а) сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению;</p> <p>б) противодействие распространению деструктивной идеологии;</p> <p>в) формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей».</p>
---	--

Таблица 1. Динамика оценок деятельности Президента РФ в феврале – декабре 2021–2022 гг. по данным ВЦИОМ и ВолНЦ РАН, % от числа опрошенных

Варианты ответов	Февр. 2021 г.	Дек. 2021 г.	Изменение (+/-), п. п.	Февр. 2022 г.	Дек. 2022 г.	Изменение (+/-), п. п.
Данные ВЦИОМ (в среднем по стране)*						
Доля положительных оценок	61,4	60,6	-1	65,4	74,2	+9
Доля отрицательных оценок	28,7	28,4	0	23,9	15,5	-8
Данные ВолНЦ РАН (по Вологодской области)**						
Доля положительных оценок	50,1	50,6	+1	48,0	59,5	+12
Доля отрицательных оценок	30,9	33,8	+3	32,9	25,1	-8
* Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?». Метод исследования – телефонный опрос. За декабрь 2022 года представлены средние данные за 2 опроса (от 04.12.2022 и 11.12.2022). Источник: Рейтинги. Деятельность государственных институтов. URL: https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/						
** Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?». Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.						

Кроме поддержки политического курса, реализуемого главой государства, в условиях СВО (как мы отмечали в предыдущей статье³¹) формируются новые черты гражданского общества: «не дожидаясь повесток, более 20 тысяч человек поступили в войска в качестве добровольцев...; движение «Юнармия» охватило все регионы России и объединило более 1251 тысячи детей и подростков; во взаимодействии с органами власти субъектов Российской Федерации продолжена работа по развитию сети учебно-методических центров военно-патриотического воспитания молодёжи «Авангард». В 2022 году открыто 20 региональных центров и 25 городских – в городах с населением свыше 100 тысяч человек. Всего в 88 центрах «Авангард» прошли подготовку более 150 тысяч старшеклассников»³².

Немаловажен и тот факт, что в условиях СВО и принимаемых государством политических решений в российском обществе формируются определенные представления об образе будущего страны. Так, по данным общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН), основными, наиболее желаемыми характеристиками образа

будущего России, по мнению граждан, являются «социальная справедливость» (несмотря на то, что с 2021 по 2022 год доля разделяющих это мнение уменьшилась на 4 п. п., с 51 до 47%), «сильная власть» (рост по сравнению с 2021 годом на 9 п. п., с 31 до 40%), «соблюдение прав человека» (снижение на 2 п. п., с 41 до 39%), «традиционные ценности» (рост по сравнению с 2021 годом на 6 п. п., с 33 до 39%; табл. 2).

По данным мониторинга ВолНЦ РАН, за последние 20 лет (с 2000 по 2022 год) значительно увеличилась доля людей, которые считают, что объединяющими страну идеями должны стать «единение народов России» (на 29 п. п., с 23 до 52%), «укрепление России как правового государства» (на 17 п. п., с 22 до 39%), «объединение народов для решения глобальных проблем» (на 18 п. п., с 8 до 26%), «возвращение к социалистическим идеалам и ценностям» (на 13 п. п., с 7 до 20%). Причем важно отметить, что за этот же период существенно уменьшилась доля затруднившихся ответить на данный вопрос (на 11 п. п., с 32 до 21%), то есть люди стали более уверенными в своем выборе основных векторов развития страны (табл. 3).

³¹ Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 9.

³² Выступление Министра обороны РФ С. Шойгу на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 21 декабря 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70159>

Таблица 2. Желаемый образ будущего России в массовом сознании россиян (данные ИС РАН в целом по стране)*, %

Вариант ответа	2021 г.	2022 г.	Изменение (+/-) 2022 г. к 2021 г.
Страна, в которой обеспечивается социальная справедливость	51	47	-4
Страна, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	31	40	+9
Страна, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	41	39	-2
Страна, сохранившая национальные традиции, моральные и религиозные ценности	33	39	+6
Великая держава мира, объединяющая разные народы	27	35	+8
Страна со свободным рынком, частной собственностью, минимумом вмешательства государства в экономику	16	21	+5
Страна, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	20	17	-3
Активный партнер Запада	15	14	-1
Страна в первую очередь для русских (русское национальное государство)	12	8	-4
* Допускалось более 3-х ответов; ранжировано по данным на 2022 г. Источник: Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики). Информационно-аналитический доклад ИС РАН. Москва 2022. С. 187.			

Таблица 3. Представления населения региона об идее объединения российского общества (данные ВолНЦ РАН по Вологодской области), % от числа опрошенных

Вариант ответа	2000 г.	2022 г.	Изменение (+/-), 2022 г. к 2021 г.
Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы	22,6	51,9	+29
Идея укрепления России как правового государства	22,1	38,5	+16
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	7,8	25,9	+18
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	6,6	20,1	+14
Идея объединения всех славянских народов	5	18,2	+13
Идея противостояния Западу, опоры на собственные силы	3,2	12,1	+9
Идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства	3,9	9	+5
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	2,3	6,7	+4
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	3,9	3	-1
Идея очищения общества через православную веру	4,1	2,7	-1
Другая идея	0,2	3,2	+3
Затрудняюсь ответить	31,9	20,5	-11
Ранжировано по данным на 2022 год. Формулировка вопроса: «Какая идея, на Ваш взгляд, способна объединить наше общество?».			

Таким образом, социологические исследования, являющиеся главным инструментом для измерения «температуры» общества и динамики социальных настроений, убедительно показывают, что большинство населения страны поддерживает активную борьбу России за достижение полного национального суверенитета, и более того — решения, принимаемые органами власти

в ответ на вызовы, возникающие по ходу СВО, меняют общество, консолидируют различные слои населения вокруг таких понятий, как «традиционные ценности», «социальная справедливость», «сильное государство», «национальная культура» и т. д. Всё это, безусловно, является одним из контуров будущего нового Общественного договора.

Проявляется и третий «контур». Он заключается в постановке вопроса о необходимости подготовки нового Общественного договора со стороны экспертного сообщества.

В экспертной среде возникают практические предложения по формулированию и обсуждению конкретных пунктов нового Общественного договора. Так, например, по мнению Е.В. Балацкого, его основами могут стать³³:

- ✓ **новая идеология;**
- ✓ **определение экономического строя страны;**
- ✓ **обеспечение профессиональных социальных лифтов и персональной ответственности;**
- ✓ **интеграция Банка России в общую систему государственного управления (Банк России должен стать полноценным элементом национальной системы экономического регулирования и не действовать вразрез с интересами национального производителя);**
- ✓ **дебюрократизация экономики (требуется борьба со всеми видами бюрократии, причем это должно стать общенациональной задачей);**
- ✓ **борьба с крайними формами неравенства (борьба с крайними формами неравенства должна дополняться системой народного капитализма, когда в качестве собственников государственных и частных предприятий привлекается максимально большая часть населения);**
- ✓ **прекращение неконтролируемой иммиграции (игнорирование интересов коренных представителей рынка труда и русской культуры может привести к вспышкам насилия и потере контроля властей над ситуацией);**
- ✓ **введение ответственности за политический саботаж (СВО России на Украине породила новое для страны явление — массовую**

эмиграцию публичных фигур, которые из-за рубежа продолжили антиправительственную пропаганду; подавляющая часть населения оказалась возмущена таким поведением указанных лиц, в связи с чем в обществе сформировался запрос на справедливое наказание людей, покинувших в тяжелое время страну и принявших сторону врага).

Менее конкретными, но все-таки важными с точки зрения формирования предпосылок нового Общественного договора являются предложения А.Г. Дугина по формированию в России «самобытной идеологии»³⁴, основными чертами которой выступают:

- ✓ **резкое расхождение с либеральной демократией, которую коллективный Запад стремится навязать всему человечеству... представляет собой альтернативную модель социально-политической системы;**
- ✓ **преемственность в русской истории того, что является культурными и идеологическими константами (как в традиционном обществе, так и в советское время);**
- ✓ **несовпадение ни с одной прежней идеологией, каждая из которых исторически ограничена, но предлагает самобытный и оригинальный синтез того, что в каждой из них было наиболее существенным;**
- ✓ **приглашение всех граждан России к свободному творческому построению настоящего справедливого, духовного, честного нравственного общества по ту сторону узких догм и искусственной аксиоматики — в каком-то смысле это открытая идеология, нацеленная в будущее;**
- ✓ **раскрытие сути цивилизационной особенности России и диалог с другими цивилизациями в контексте многополярного уклада.**

³³ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Journal of Institutional Studies. № 14 (3). С. 74–90.

³⁴ Дугин А.Г. Указ № 809. Основание суверенной идеологии положено: 14 пунктов суверенной идеологии России // Официальный сайт Изборского клуба. 02.12.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23617>

Таким образом, в условиях возросших угроз национальной безопасности, сопровождающих период проведения специальной военной операции и, по факту, период открытой борьбы России за достижение полного национального суверенитета, можно говорить о формировании, как минимум, трех контуров будущего Общественного договора – связанных непосредственно с деятельностью государства; с изменениями, происходящими под влиянием конкретных управленческих решений; и с запросом (конкретными предложениями) на новый Общественный договор со стороны экспертного сообщества.

Однако само наличие определенных контуров не гарантирует того, что они станут системой. Существует ряд весьма значимых обстоятельств, которые препятствуют этому.

Во-первых, пока что остаются не достигнутыми цели СВО, а без этого невозможен ни новый Общественный договор внутри страны, ни отношение к России как к полноценному, суверенному геополитическому партнеру на международной политической арене. При этом можно согласиться с экспертами, отмечающими, что «никакой предопределенности в будущем России нет и быть не может»³⁵; всё зависит от нас.

Во-вторых, для претворения в жизнь пунктов нового Общественного договора, формулируемого экспертами, а также для реального воплощения основных критериев образа будущего, формулируемых российским обществом, пока что создано недостаточно конкретных организационных механизмов и инструментов, что, в частности, видно по эффективности достижения целей, заявленных В.В. Путиным в 1999

году в статье «Россия на рубеже тысячелетий» – триада «Российская идея», «Сильное государство», «Эффективная экономика», которые Президент обозначил как «контуры долгосрочной стратегии, призванной... создать предпосылки быстрого и устойчивого экономического и социального развития страны». Например:

✓ О необходимости и сути «Российской идеи» в последние годы говорят многие эксперты (А. Дугин, Н. Стариков, С. Сулакшин, А. Фурсов и др.). Своё понимание «Российской идеи» излагал и сам Президент, когда говорил о том, что «национальная идея России заключается в патриотизме, думаю, тут ничего другого не может быть... Но патриотизм не должен быть квасным, затхлым и кислым. Патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед»³⁶.

Однако в Конституции РФ по-прежнему сохраняется запрет на государственную идеологию³⁷, и это препятствует переходу «Российской идеи» на новый уровень – на уровень её четкой формулировки на государственном уровне и доведения до понимания и однозначного толкования широкими слоями российского общества.

За последние 20 лет многое было сделано для реализации такого элемента, как «Сильное государство» («сильная государственная власть»). Особенно это касается поправок к Конституции 2020 года, многие из которых нацелены именно на укрепление в России властной иерархии³⁸.

По сути, вся выстроенная Президентом РФ система государственного управления носит централизованный характер, в которой лично В.В. Путин играет роль «главного арбитра».

³⁵ Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 51.

³⁶ Интервью Президента РФ В. Путина в программе «Москва. Кремль. Путин» // РТР. 09.05.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743>

³⁷ Статья 13, п. 2 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» / Конституция РФ с поправками от 1 июля 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start

³⁸ Например, ведение запрета на иностранное гражданство и вид на жительство для Председателя Правительства, министров и глав федеральных органов, губернаторов, сенаторов, депутатов и судей; усиление взаимодействия между государственными и муниципальными органами власти; введение в Конституцию положения о Государственном совете; право Государственной думы утверждать председателя правительства, а также по его представлению — всех его заместителей и федеральных министров; «обнуление» президентских сроков; Президент РФ получает право лично назначать и отстранять от должности федеральных министров (ст. 112), может отправить Председателя Правительства в отставку (ст. 83, пункт «а») и т. д.

При этом необходимо подчеркнуть, что «кредит доверия», который общество регулярно «выдавало» лично Президенту и партии власти на президентских (табл. 4) и парламентских (табл. 5) выборах, а также итоги общероссий-

Таблица 4. Доля россиян, проголосовавших за В.В. Путина на выборах Президента РФ в период с 2000 по 2018 год

Выборы Президента РФ	26 марта 2000 г.	14 марта 2004 г.	4 марта 2012 г.	18 марта 2018 г.
млн чел.	39,74	49,56	45,6	56,4
% от явки	52,94	71,31	63,60	76,69

Источник: данные Центральной избирательной комиссии РФ.

Таблица 5. Доля россиян, проголосовавших за «Единую Россию» на выборах в Государственную Думу РФ в период с 2003 по 2021 год

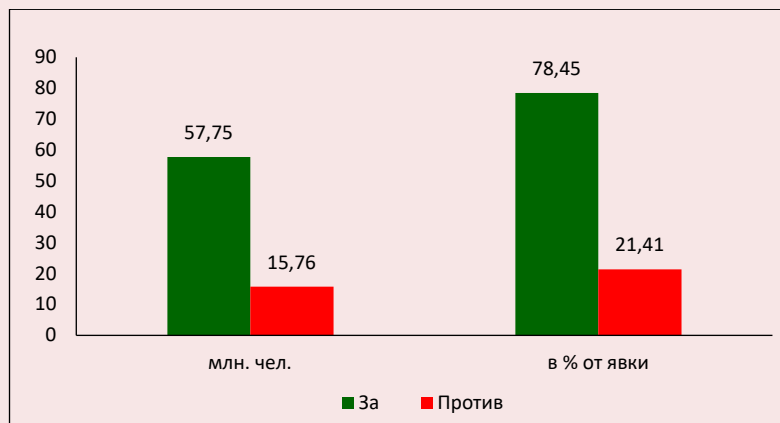
Выборы в Государственную Думу РФ	7 дек. 2003 г.	2 дек. 2007 г.	4 дек. 2011 г.	18 сент. 2016 г.	19 сент. 2021 г.
млн чел.	22,78	44,71	32,37	28,53	28,06
% от явки	37,56	64,30	49,31	54,20	49,82

Источник: данные Центральной избирательной комиссии РФ.

ского голосования по поправкам к Конституции, показавшие, что 79% населения поддерживают закрепление в Основном законе страны традиционных духовно-нравственных ценностей и укрепление организационных основ системы государственного управления (в том числе в виде усиления полномочий главы государства; рис. 1), позволяют говорить о том, что заявленный Президентом в 1999 году курс на усиление власти получил поддержку в российском обществе.

В кризисные моменты такая система «ручного управления» государством играет значительную позитивную роль. Так, например, в 2020 году на фоне форс-мажорных, можно сказать, экстремальных условий, вызванных первыми «волнами» пандемии коронавируса, централизованный характер системы государственного управления позволил ей адаптироваться к новым вызовам: изменился кадровый состав Правительства РФ; фактически в ежедневном режиме (в том числе при личном участии Президента) стали проводиться оперативные совещания и приниматься конкретные решения по реализации сложных задач; в борьбе с коронавирусом и поддержании социально-экономической ситуации значительно повысилась роль руководителей субъектов РФ.

Рис. 1. Результаты общероссийского голосования по поправкам к Конституции (25 июня – 1 июля 2020 г.).

Формулировка вопроса: «Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?»

Источник: данные Центральной избирательной комиссии РФ.

Этот опыт во многом воспроизводится и в условиях 2022 года. Так, за время проведения спецоперации:

- ✓ был принят ряд законов, направленных на усиление полномочий Правительства РФ³⁹;
- ✓ после выявленной в ходе частичной мобилизации «бестолковщины»⁴⁰ 21 октября 2022 года был создан Координационный совет при Правительстве по обеспечению потребностей Вооружённых сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (причем председателем Координационного совета является Председатель Правительства РФ, а состав Координационного совета утверждает лично Президентом);

Как отметили эксперты, «заниматься мобилизацией государства на спецоперацию поручено Координационному совету во главе с премьером Михаилом Мишустиним. Губернаторы тоже усиливают свои полномочия – и тем самым **Владимир Путин повторяет схему разделения ответственности, использованную в ходе борьбы с ковидом**»⁴¹.

✓ Указом «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» руководители субъектов РФ получили дополнительные полномочия по принятию решений о проведении отдельных мероприятий по территориальной и гражданской обороне, мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также полномочия по реализации мер для удовлетворения потребностей Вооружённых сил.

И, тем не менее, сложно говорить о «сильном государстве» в России при наличии во власти значительной части либеральных элит, занимающих самые разные (в том числе высокие) посты в системе государственного управления. В предыдущих статьях мы неоднократно приводили конкретные примеры того, как взращенные в условиях либеральной идеологии чиновники разных мастей (от федеральных министров до государственных служащих муниципального уровня) демонстрируют свою способность переступить юридические и морально-нравственные законы ради достижения личной выгоды⁴².

³⁹ Например:

7 июня 2022 г. были внесены поправки в Закон об использовании средств пенсионных накоплений ликвидируемых негосударственных пенсионных фондов (НПФ), оставшихся после расчетов с кредиторами. Как отметили эксперты, «фундаментальный смысл внесенных поправок прост: Президент России в финансовой сфере может все... либералы всех мастей формально остаются на своих местах, но их реальные возможности сведены к оперативному, тактическому, рутинному управлению... реальная власть в сфере финансов перейдет профессионалам, которые не видны в администрации президента (она уже давно не занимается экономикой), но совершенно очевидны в правительстве Мишустина» (источник: Премьер Мишустин обеспечил юридические рамки обеспечения финансовой стабильности и комплексной модернизации // Официальный сайт М. Делягина. 13.06.2022. URL: <https://delyagin.ru/articles/183-sobytiya/102696-premer-mishustin-obespechil-juridicheskie-ramki-obespecheniya-finansovoy-stabilnosti-i-kompleksnoy-modernizatsii>).

4 ноября был подписан закон, направленный на совершенствование законодательства о государственной гражданской службе. Закон предоставляет возможность продления сверх предельного возраста в 65 лет и до 70 лет срока гражданской службы для руководителей из главной группы должностей в федеральных ведомствах, подчиненных Правительству РФ.

21 ноября подписан закон о смягчении бюджетного правила на 2023–2024 годы, согласно которому кабмин сможет принимать решения о предоставлении в 2023 году госгарантий РФ, не предусмотренных программами таких гарантий, причем в порядке и на условиях, которые сам и установит (источник: Путин подписал указ о смягчении бюджетного правила на 2023–2024 годы // РИА-новости. 21.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221121/byudzhnet-1833112507.html>) и др.

⁴⁰ Выступление Президента РФ на встрече с избранными главами регионов // Официальный сайт Президента РФ. 10.10.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69567>

⁴¹ Родин И. Путин вводит Россию в полувоенное положение // Независимая газета. 19.10.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-10-19/3_8569_securitycouncil.html

⁴² См., например:

Ильин В.А., Морев М.В. (2018). «...А самое главное – в России не будет нищих». «Капитализм для своих» – ключевая проблема национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 2. С. 9–23; Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Российская государственность в условиях угрозы «истления элит» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 24–53; Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41.

Реальная жизнь и сегодня, в период проведения СВО, показывает, что многие представители властвующих элит по-прежнему продолжают вести себя «по-старинке»; так, как привыкли себя вести в эпоху уже очевидно уходящего либерального 30-летия; принимать такие решения, которые в новых условиях вызывают лишь возмущение широких слоев населения⁴³.

Мягко говоря, не в пользу «сильного государства» звучат и некоторые сообщения с критикой управленческих решений, принимаемых органами власти⁴⁴, а также противоречащие представлениям общественности о звездах шоу-бизнеса, уехавших из страны после начала СВО, высказывания некоторых представителей элит, включая людей из Администрации Президента и членов их семей⁴⁵.

⁴³ См, например:

1. История российского гимнаста И. Куляка (май 2022 г.), который за публичную поддержку спецоперации был отстранен российскими чиновниками от участия в национальных соревнованиях на 1 год. «Если мы разрешим Куляку выступать, то могут быть наложены санкции на всю федерацию», — заявила старший тренер сборной России по спортивной гимнастике Валентина Родионенко (источник: Сошенко А. Спортивные чиновники: как козлы за морковкой // Завтра. 12.07.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/sportivnie_chinovniki_kak_kozli_za_morkovkoj). Официальное решение гласит: «В соответствии с решением дисциплинарной комиссии Фонда гимнастической этики (GEF) от 17 мая 2022 года Ивану Куляку не разрешается участвовать в мероприятиях, проводимых под эгидой Международной федерации гимнастики (FIG), а также в соревнованиях, организованных аффилированной федерацией — членом FIG, в течение одного года с даты вынесения данного решения» (источник: https://aif.ru/sport/dvazhdy_nakazannyi_za_z_gimnastu_kulyaku_zapretili_vystupat_v_rossii)

2. Дело независимого депутата горсовета Новосибирска Х. Пироговой (июль 2022 г.), которая неэтично высказывалась в адрес погибших в ходе спецоперации военнослужащих, после чего на неё было возбуждено уголовное дело. 25 июля Пирогова должна была прийти на допрос, но вместо этого уехала из России в Казахстан, а затем в Грузию. С 4 августа объявлена в международный розыск (источник: https://www.om1.ru/news/society/290711-svadba_kleveta_vzjatki_top-5_gromkikh_politicheskikh_skandalov_novosibirska_v_2022_godu/).

3. Скандал с продажей книги «Лето в пионерском лагере», которая содержит явную пропаганду ЛГБТ (резкая критика по этому поводу шла со стороны З. Прилепина, Н. Михалкова, депутатов Гос. Думы А. Балберова, В. Милонова, уполномоченного по правам ребенка в Московской области К. Мишоной и др.), однако после проведения соответствующей проверки Роскомнадзор пояснил: «Раз книга маркирована как «18+», значит, ее оборот не нарушает закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (источник: <https://iz.ru/1375659/ekaterina-korinenko/lvpg-tematika-roskomnadzor-proveril-roman-letu-v-pionerskom-galstuke>).

Тем не менее, Роскомнадзор предложил Российскому книжному союзу изъять из продажи художественные произведения о нетрадиционных любовных отношениях среди детей (источник: <https://news.rambler.ru/community/49235259-dilogiya-letu-v-pionerskom-galstuke-ostaetsya-v-prodazhe-posle-preduprezhdeniya-roskomnadzora/>), а в настоящее время тираж книги массово изымается из интернет-магазинов (источник: <https://www.kommersant.ru/doc/5707669>) и с книжных полок многих регионов России (источники: <https://bel.ru/news/2022-12-08/vot-i-konchilos-letu-kniga-o-geyah-pionerah-bolshe-neprodavotsya-v-belgorode-2610787>; <https://msk1.ru/text/business/2022/11/26/71848241/> и др.). В Хабаровске весь имеющийся тираж книги скупил и уничтожил общественная организация «Совет отцов» (источник: <https://news.ru/regions/ya-schastliveto-delat-v-habarovske-unichtozhili-knigi-s-lgbt-propagandoj/>).

4. Скандал на ярмарке интеллектуальной литературы «Non/fictio№24» (ноябрь 2022 г.). В участии в одном из главных событий книжного мира России, которое традиционно собирает сотни авторов и десятки тысяч посетителей, первоначально отказали ряду писателей и поэтов, пишущих о Донбассе (И. Караулову, О. Старушко, А. Гаспаряну, поэтессе и члену Союза писателей ДНР А. Ревякиной и др.). Решение совета вызвало шквал критики в адрес организаторов, и сразу после скандала они внесли изменения в график работы ярмарки и сообщили, что никакой проблемы нет (источники: <https://dailystorm.ru/kultura/patrioticheskie-pisateli-otvoevali-pravo-na-uchastie-v-knizhnoy-yarmarke-non-fictiono24>)

⁴⁴ См., например: Сообщение ВЦИОМ, содержащее критику закона о запрете ЛГБТ-пропаганды (ноябрь 2022 г.). После того как Государственной Думой РФ был принят пакет законопроектов о запрете пропаганды ЛГБТ, педофилии и трансгендерности, в телеграм-канале ВЦИОМ появилось сообщение, содержащее, в том числе, следующие строки (прямая цитата): «Теперь все „неправильные“ в сексуальном отношении люди будут заниматься этим делом втихаря, как всегда (до последних 30 лет) и было. А если не захотят скрываться — то просто уедут от нас туда, где скрываться не надо! Поэтому можно было бы назвать этот закон иначе: Закон о поощрении эмиграции. И если точнее — о поощрении эмиграции творческих людей. Ведь именно в этой сфере, как все мы прекрасно знаем, нетрадиционный секс, как и все вообще нетрадиционное, распространены гораздо шире. Ну а с другой стороны — зачем нам творческие люди, этот хваленый „креативный класс“? Одно беспокойство от них!» (источник: Иванов А. Каминг-аут ВЦИОМа? Ждём объяснений от руководства именной госконторы // Завтра. 03.12.2022. URL: https://zavtra.ru/events/kaming-aut_vtcioma_zhdyom_ob_yasnenij_ot_rukovodstva_imenitoy_goskontori). 2 декабря с требованием разъяснения ситуации в своем телеграм-канале выступил Глава комитета Госдумы по информационной политике А. Хинштейн (источник: <https://www.rbc.ru/politics/02/12/2022/638a2e3e9a7947024c7c7b95>).

⁴⁵ См., например: Пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков назвал И. Урганта «большим патриотом», также в поддержку шоумена выступила жена Д. Пескова Т. Навка: «Я очень уважаю Ивана и не должен он исчезать» (источник: Иванов А. Супруга пресс-секретаря Президента РФ заявила о большом уважении к Ивану Урганту // Завтра. 19.12.2022. URL: https://zavtra.ru/events/supruga_press-sekretarya_prezidenta_rf_zayavila_o_bol_shom_uvazhenii_k_ivanu_urgantu).

Таким образом, в реализации цели достижения «сильной власти» в России, о чем Президент РФ писал в 1999 году, пока что отмечаются достаточно противоречивые результаты.

✓ Как и в достижении задачи выстраивания в России «эффективной экономики». С одной стороны, российской экономике удалось преодолеть сложный период, связанный с острой фазой пандемии коронавируса (2020–2021 гг.), сопровождавшийся, в том числе, масштабными карантинными ограничениями по всей стране, финансовыми затратами на обеспечение нужд системы здравоохранения и т. д. Ей также удалось выстоять перед беспрецедентным давлением экономических санкций коллективного Запада, обрушившихся на Россию после 24 февраля 2022 г., что позволило Президенту открыто заявить о том, что «стратегия экономического блицкрига не удалась»⁴⁶.

С другой стороны, перенос сроков реализации национальных проектов⁴⁷, отсутствие ощутимых позитивных изменений в динамике уровня бедности и неравенства⁴⁸, автономная от государства (и, соответственно, от целей национального развития) деятельность Центрального банка РФ и по-прежнему существующая система «капитализма для своих»⁴⁹ пока не позволяют говорить о том, что задача создания в России «эффективной экономики» реализована целиком и полностью.

Таким образом, практика показывает, что российская экономика способна мобилизоваться и отражать внешние «шоки», но без ощутимых и долгосрочных успехов в борьбе с бедностью и неравенством она не может считаться «столпом» российской государственности, основанной на новом Общественном договоре, в котором значительное место занимают социальные ценности и социальная справедливость.

Следует также отметить, что устойчивость нового Общественного договора, его жизнеспособность на протяжении десятилетий напрямую зависит от того, **насколько в его неформальную структуру внедрен элемент профилактики от угрозы разрушения изнутри.** Об этом наглядно свидетельствует исторический опыт распада СССР, когда, несмотря на вполне однозначное мнение большинства граждан страны (90% избирателей проголосовали за сохранение Советского Союза⁵⁰), отдельными представителями властвующей элиты (а именно С. Шушкевичем и В. Кебичем от Республики Беларусь, Б. Ельциным и Г. Бурбулисом от Российской Федерации (РСФСР), Л. Кравчуком и В. Фокиным от Украины) 8 декабря 1991 г. всё-таки были подписаны «беловежские соглашения», в которых констатировалось, что **«Союз ССР, как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование»⁵¹...**

⁴⁶ Выступление Президента РФ на совещании по экономическим вопросам 18.04.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68228>

⁴⁷ Указ о национальных целях развития России до 2030 года. 21 июля 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

⁴⁸ По данным Росстата, доля населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума с 2015 г. фактически не меняется и составляет 12–13% от общей численности населения: в 2015 г. – 13,4%, в 2020 г. – 12,1%, в 1 полугодии 2022 г. – 13,1% (источники: Официальная статистика. Уровень жизни / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; Информационно-аналитические материалы. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации – 2022 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_02/Main.htm).

Коэффициент фондов (показывающий, во сколько раз средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами) за аналогичный период снизился по стране с 15,5 до 14,1 раза: в 2015 г. – 15,5 раза, в 2020 г. – 14,4, в январе – сентябре 2022 г. – 14,1 (источник: Социально-экономическое положение России: доклад / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>)

⁴⁹ Добренков В.И., Исправникова Н.Р. (2013). Российская версия «капитализма для своих» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 3. С. 26–55.

⁵⁰ Явка на Всесоюзный референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 г. составила 97,8% (1233858 чел.). За сохранение СССР проголосовало 89,8% избирателей (1107980 чел.); против – 9,2% (113283 чел.). Источник: Сообщение Центральной комиссии референдума СССР «Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года». URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/referendum_rezultat.pdf

⁵¹ Текст соглашения о создании Содружества Независимых Государств 8 декабря 1991 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml>

О последующем рейдерском захвате власти и передаче за бесценок национального достояния и государственной собственности (природных ресурсов, хозяйствующих субъектов, финансовых капиталов и т. д.) в руки отдельных представителей экономических и политических «элит» написано немало книг и статей. Главное в том, что и развал СССР, и последующее установление системы «олигархического капитализма» в стране осуществлялись **весьма ограниченным количеством конкретных людей во власти**, имена которых уже названы, а историческая оценка их действиям (по крайней мере в экспертном сообществе), по большому счету, дана — «национальное предательство, у которого нет срока давности».

Российский социолог, член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко дает следующую характеристику тем людям, которые стояли у истоков распада СССР, приведшего «к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей десятков миллионов людей... и разрыву поступательного развития государства и общества»⁵²:

«...Они обладают специфическими характеристиками, заключающимися, во-первых, в том, что **их поведение полностью (или значительно) не совпадает (и даже противоречит) с тем, что интересует и волнует население страны**, во-вторых, предложением (и даже осуществлением) таких действий, которые **как минимум можно назвать эпатажными (если не сказать еще определеннее и жестче)**, в-третьих, в специфических личных особенностях...:

во-первых, многим из них присуще **неумное, неограниченное и даже патологическое стремление к обладанию властью. Власть**

для этих людей становится самоцелью, ради которой они готовы сменить идеологические позиции, шагать через трупы, друзей превращать во врагов и наоборот.

Во-вторых, фантомным типам присуще **явное или скрытое (недекларируемое) стремление к славе, известности, паблисити**. Для этой категории людей важно быть на виду, претендовать на выражение общественного мнения, приоритетное слово в политике, на социальном поприще.

В-третьих, показателем фантомного типа личности выступает **патологическая жажда богатства**, ради которого осуществлялись различные махинации, организовывались неблагоприятные, а порой и преступные акции, использовались различные лазейки и прорехи в законодательстве, мобилизовывались личные и групповые связи. И если в остальном мире богатства добывались долголетней и упорной работой, то в постсоветской России были использованы разнообразные способы его достижения: создавались финансовые пирамиды, организовывались ваучерные и залоговые аукционы, всемерно практиковались угрозы и насилие вплоть до физического устранения конкурентов или просто стоящих на их пути людей, осуществлялись лжебанкротства, добывались неоправданные льготы.

И наконец, нельзя сбрасывать со счета и личностные характеристики — **властолюбие, тщеславие, необузданные амбиции. Эти персонажи легко меняли свои политические амбиции и пристрастия, активно использовали метод „надевания чужих масок“».**

⁵² Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. С. 14, 64.

В газете «Правда» под рубрикой «Личины оборотней»⁵³ публикуются материалы интервью с автором монографии «Фантомы российского общества» Ж.Т. Тощенко с целью (как отмечают сами авторы рубрики) «рассмотреть персонально историческую вину особенно одиозных предателей [Ельцина, Калугина, Яковлева, Собчака, Немцова и др.], не имеющую срока давности... Если бы удалось предотвратить или вовремя остановить начавшийся разгром страны, официально поименованный горбачёвской „перестройкой” и ельцинскими „реформами”, великий Советский Союз отпраздновал бы в декабре нынешнего года своё 100-летие. Однако замысел врагов социализма в роковом 1991-м был реализован. И колоссальную роль в этом, как народ наш всё более убеждается, сыграло предательство на высших этажах руководящих партийно-государственных органов...

Рукотворный характер нашей трагедии и её последствий сегодня уже должен быть ясен для всех. Ведь если вдуматься, и нынешняя военная операция на Украине – вынужденный результат предательских действий той самой „пятой колонны”, направленных на ликвидацию Советской державы. Вот почему нет срока давности у преступления, которое учинили Горбачёв, Ельцин, А.Н. Яковлев и иже с ними».

Тем не менее, с точки зрения перспектив формирования нового общественного договора принципиально важно, чтобы событиям 30-летней давности была дана критическая оценка именно на

«...чёрные тени предательского прошлого витают в сегодняшней реальности, не спешат до конца исчезать. Проведение специальной военной операции требует более чёткого и острого подхода к оценке фигур, повинных во всём том, что пережил наш народ за последнее тридцатилетие. Только оценив справедливо поведение губителей Советской державы, мы сможем вернее идти в будущее»⁵⁴.

государственном уровне. И не только самому факту распада СССР (который Президент уже назвал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века»⁵⁵), но и тем людям, которые её устроили.

Ведь, по сути, именно распад СССР предопределил дальнейшее развитие России в русле либерально-капиталистической парадигмы, что в конечном итоге привело её к вынужденной необходимости «с оружием в руках» отстаивать своё право на будущее и на сохранение национального суверенитета; к появлению 17 декабря 2021 г. официальных проектов документов МИД РФ с требованием обеспечения правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО⁵⁶ (что на Западе назвали не иначе как «ультиматум Путина»⁵⁷), а чуть позже (24 февраля 2022 г.), когда стало очевидно, что все дипломатические возможности для обеспечения суверенного развития России сведены «к нулю», началась спецоперация – символ и реальный

⁵³ См., например:

1. Политическое ничтожество // Правда. № 69. 2021. 2–5 июля.
2. Личины оборотней // Правда. № 93. 2021. 27–30 августа.
3. «Шоковый терапевт» Гайдар действовал безоглядно и беспощадно // Правда. № 20. 2022. 25–28 февраля.
4. Многие ли помнят, кто такой Бурбулис? // Правда. 2022. № 28. 18–21 марта.
5. Этот Козырев играл чужими козырями // Правда. 2022. № 40. 15–18 апреля.
6. Дьяволиада Березовского // Правда. № 64. 2022. 17–20 июня.
7. Бездна предательства – Александр Яковлев // Правда. № 91. 2022. 19–22 августа.
8. Коварный нож в спину госбезопасности // Правда. № 106. 2022. 23–26 сентября.
9. Стал убийцей своей страны // Правда. № 108. 2022. 1–4 октября.
10. Собчак – самовлюбленный красноречивый и позер // Правда. № 114. 2022. 15–18 октября.
11. Немцовы перешагнули самого Хлестакова // Правда. № 132. 2022. 25–28 ноября.

⁵⁴ Коварный нож в спину госбезопасности // Правда. № 106. 2022. 23–26 сентября.

⁵⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 25.04.2005 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>

⁵⁶ О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1790809/

⁵⁷ «Ультиматум Путина»: чем обернется для мира авантюра НАТО на Украине. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2648130/>

Требования России по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО:

- «исключить дальнейшее расширение НАТО и присоединение к альянсу Украины;
- отказаться от любой военной деятельности НАТО на Украине, в Восточной Европе, Закавказье, Центральной Азии;
- не разворачивать ракеты средней и меньшей дальности там, откуда они могут поражать территорию другой стороны;
- дать обязательство не создавать условий, которые могут быть расценены как угроза другой стороной;
- не размещать вооружения и силы в тех районах, где это будет восприниматься другой стороной как угроза национальной безопасности;
- США обязуются исключить дальнейшее расширение НАТО на восток и отказаться от приема в альянс постсоветских стран;
- США обязуются не создавать военные базы в постсоветских странах, не использовать их военную инфраструктуру и не развивать с ними военное сотрудничество»⁵⁸.

рубикон, обозначивший, что в своей борьбе за новый, суверенный и национально ориентированный Общественный договор Россия пойдет до конца...

Другими словами, невозможно выстраивать новый Общественный договор без критической, полной и открытой оценки договора предыдущего (хотя бы для того, чтобы в будущем «не наступать на одни и те же грабли»), а этой оценки со стороны государства пока нет.

Таким образом, соглашаясь с экспертами в том, что без комплексных изменений внутри страны, без нового Общественного договора, определяющего ключевые критерии взаимоотношений общества и власти, достижение полного национального суверенитета России невозможно, следует отметить два тезиса.

1. Наличие контуров нового Общественного договора свидетельствует о том, что реализуемый фактически с 1999 года курс национальной политики главы государства в конечном итоге способен обеспечить России достижение полного национального суверенитета, конкурентоспособности и обретение своего, достойного российской культуре и истории, места в системе международных отношений в формирующейся на наших глазах геополитической реальности.

2. Однако наличие многих факторов (внешних и внутренних), которые препятствуют дальнейшему развитию отдельных, пока что разрозненных элементов нового Общественного договора, свидетельствует о том, что правильный курс реализуется недостаточными темпами.

В настоящее время Президенту приходится действовать в чрезвычайно сложных условиях. При этом следует подчеркнуть, что на фоне, можно сказать, экстремальных угроз на внешней политической арене (причем оказывающих прямое влияние на внутреннюю социально-экономическую ситуацию в стране) и международные контакты, и внутренние совещания главы государства продолжают вестись в «планово-ручном» режиме. Как показало недавнее заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам⁵⁹, вопросы инвестиций в проекты технологического развития, социальной поддержки населения, модернизации первичного звена здравоохранения, развития механизмов льготной и семейной ипотеки и многие другие аспекты внутренней политики, от которых зависят условия жизни граждан и обеспечение национального суверенитета страны, продолжают оставаться в поле внимания главы государства. «Мы будем **спокойно, ритмично, без всякой суеты, последовательно** решать задачи в сфере укрепления обороноспособности в целом и решение задач, которые стоят в ходе специальной военной операции»⁶⁰, — отметил Президент, и это не может не вселять оптимизм и уверенность в принимаемых им решениях.

⁵⁸ О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО (официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/) // РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20211217/bezopasnost-1764226189.html>

⁵⁹ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 15 декабря 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70086>

⁶⁰ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 21 декабря 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70159>

Однако рубикон, пройденный Россией 24 февраля 2022 г., а также затяжной характер спецоперации диктуют необходимость совершения еще значительного количества сложных, но важных шагов, связанных с достижением целей СВО.

К реальному формированию нового Общественного договора можно будет приступить только после достижения целей СВО и только после публичной и полной оценки периода «лихих 90-х» (включая лиц, причастных к развалу СССР) и «тянущихся» ещё из того времени либеральных элит, которые по-прежнему продолжают реализовывать деятельность, не вписывающуюся в риторику и целеполагание борьбы России за достижение полного национального суверенитета и конкурентоспособности государства.

Тем не менее глава государства своими конкретными указами продолжает реализовывать целенаправленное движение в сторону развития гражданской ответственности и патриотического самосознания в новых поколениях рос-

сиян. Так, 23 декабря 2022 года в федеральную образовательную программу среднего общего образования был введен курс истории, содержащий раздел «Россия в XXI веке», который раскрывает такие темы, как «экономический подъем в 1999–2007 годах, кризис в 2008-м; о президенте Дмитрие Медведеве, избрание Владимира Путина; «Бессмертный полк» и празднование 75-летия Великой Победы; о вхождении Крыма в состав России; об Олимпийских играх в Сочи и чемпионате мира по футболу; о внешней политике страны и оказании помощи Сирии; о событиях на Украине в 2014 году и позиции России; о Минских соглашениях по Донбассу и гуманитарной помощи ДНР и ЛНР; о борьбе с коронавирусом и мировом нефтяном кризисе; о специальной военной операции и санкциях в отношении России и многие другие»⁶¹.

Общество ждет следующих конкретных шагов от главы государства и Правительства, так как «у России больше нет ни права, ни времени на дрему»⁶².

Литература

- Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 33–54.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Journal of Institutional Studies. № 14 (3). С. 74–90.
- Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. (2013). Российская версия «капитализма для своих» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 3. С. 26–55.
- Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Хубиев К.А., Теняков И.М. (2022). Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономики. № 2. С. 22–39.

⁶¹ Иванов А. Утверждена школьная программа с начальной военной подготовкой и изучением СВО // Завтра. 23.12.2022. URL: https://zavtra.ru/events/utverzhdena_shkol_naya_programma_s_nachal_noj_voennoj_podgotovkoj_i_izucheniem_svo

⁶² Дугин А.Г. Дромократия. Скорость как власть // Завтра. 18.10.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/dromokratiya_skorost_kak_vlast_

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

A Framework for a New Social Contract Is Being Formed in Russia

Abstract. The development of the foreign policy situation and the course of actions in the area of the special military operation indicate that the SMO is becoming protracted. This was emphasized by the President of the Russian Federation at the meeting of the Council for Civil Society and Human Rights (December 7, 2022) and at the expanded meeting of the Board of the RF Ministry of Defense (December 21, 2022). Therefore, the situation itself urges the Russian leadership and the entire ruling vertical to set goals and tasks aimed to comprehensively change the Russian society so that the country could achieve full national sovereignty and competitiveness in the 21st century. In this regard, many experts say that currently in Russia in the context of the SMO the prerequisites are being created for the formation of a new Social Contract, as well as new criteria for the coexistence and interaction of society and government, which will become relevant after all the goals of the special military operation have been achieved. In the article, we consider new features of civil society that are evolving into the outlines of a new Social Contract; factors that contribute to and hinder this process; conditions that need to be implemented in order for these still disparate contours to develop into concrete, real-life points of the Social Contract, supported by the majority of the population and determining the legitimacy of power at the new historical stage of Russia's development.

Key words: President, special military operation, new Social Contract, Board of the Ministry of Defense of the Russian Federation, collapse of the USSR, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.2

УДК 330.43, ББК 65.012.3

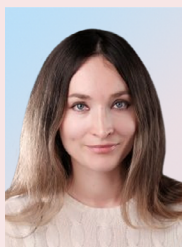
© Широ́в А.А., Брусенцева А.Р., Савчишина К.Е., Каминова С.В.

Прогнозно-аналитические возможности макроэкономических моделей в условиях кризисного развития экономики (на примере модели QUMMIR)

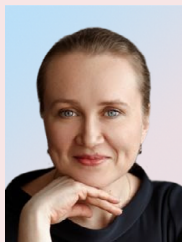
Александр Александрович ШИРОВ

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: schirov-mse@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0806-9777; ResearcherID: D-2207-2018

**Асия Рустамовна
БРУСЕНЦЕВА**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7648-4561; ResearcherID: GWQ-9094-2022

**Ксения Евгеньевна
САВЧИШИНА**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: savchishinak@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3058-9931; ResearcherID: GWQ-9260-2022

**Софья Валерьевна
КАМИНОВА**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Широ́в А.А., Брусенцева А.Р., Савчишина К.Е., Каминова С.В. (2022). Прогнозно-аналитические возможности макроэкономических моделей в условиях кризисного развития экономики (на примере модели QUMMIR) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 35–51. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.2

For citation: Shirov A.A., Brusentseva A.R., Savchishina K.E., Kaminova S.V. (2022). Predictive and analytical capabilities of macroeconomic models in conditions of crisis economic development (using the example of the QUMMIR model). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 35–51. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.2

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования эконометрических макромоделей для решения прикладных задач по обоснованию направлений экономической политики, а также применимости эконометрических методов для моделирования экономических процессов. Формируются требования к ключевым качествам сложных макроэкономических моделей. Особый акцент делается на том, что именно эконометрическое моделирование на базе больших массивов данных способствует глубокому анализу имеющихся в экономике причинно-следственных связей. В качестве иллюстрации описана квартальная макроэкономическая модель QUMMIR, которая на протяжении полутора десятилетий используется в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН для среднесрочного прогнозирования. Показано, что в условиях возрастания геоэкономической неопределенности повышается значимость анализа сценариев социально-экономического развития и обоснования мер экономической политики, направленных на задействование внутреннего потенциала экономического развития. Утверждается, что применение развитого прогнозно-аналитического инструментария позволяет существенно повысить качество прогнозных оценок и обоснованность решений, принимаемых на их основе. Подробно описывается структура модели с акцентом на бюджетный и финансовый блоки. В заключительной части статьи приводится пример использования квартальной макроэкономической модели для анализа решений в области бюджетной и денежно-кредитной политики. В частности, рассматривается влияние на среднесрочную экономическую динамику смягчения параметров бюджетной политики. Расчеты демонстрируют положительное воздействие на динамику ВВП со стороны расходов бюджетной системы при отсутствии значимого эффекта на рост инфляции. В части денежно-кредитной политики расчеты демонстрируют ее относительную нейтральность по отношению к экономической динамике, а также исчерпание в текущих условиях позитивного влияния на экономику за счет ослабления курса рубля.

Ключевые слова: макроэкономические модели, эконометрическое моделирование, экономическая политика, бюджетная политика, денежно-кредитная политика.

Введение

Экономическое развитие России на протяжении последних 30 лет характеризовалось периодическими шоками как экономической, так и внеэкономической природы. Можно вспомнить как минимум пять наиболее значимых кризисов, серьезно повлиявших на сложившиеся макроэкономические пропорции и потребовавших внесения существенных корректив в параметры экономической политики: дефолт 1998 года (Дробышевский, Кадочников, 2003), мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. (Воскобойников и др., 2021), валютно-финансовый кризис 2014–2015 гг. (Дубинин, 2015), пандемический кризис 2020 года, санкционный кризис 2022 года (Шохин и др., 2021). Каждый раз во время этих кризисов возникал вопрос о качестве макроэкономических прогнозов и их месте в системе принятия решений.

Экономика как наука неотделима от вычислений. Как известно, качественно управлять можно только теми процессами, которые могут быть измерены. В то же время критерии точности вычислений, применяемые к естественным

наукам, не могут быть автоматически перенесены на общественные процессы, где практически невозможен эксперимент и не существует абсолютных доказательств. Поведение экономических агентов – сложный процесс, к описанию которого можно приблизиться, но иметь, как модно сейчас говорить, полный цифровой двойник общества – пока за пределами человеческих возможностей. В связи с отмеченным следует однозначно говорить о том, что использование расчетного подхода при обосновании экономической политики может играть ключевую роль, но не может служить единственным доказательством верности того или иного решения.

Однако вопросы о качестве и точности прогнозов постоянно поднимаются как в экспертной среде, так и на уровне правительственных структур (Клисторин, 2011), поэтому нам представляется важным еще раз обсудить ключевые принципы разработки среднесрочных макроэкономических моделей и прогнозов на их основе. Материалом для такого анализа мы выбрали

квартальную макроэкономическую модель QUMMIR¹, в течение ряда лет разрабатываемую в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН. К настоящему времени на ее основе подготовлено более 50 квартальных макроэкономических прогнозов, а значит, накоплен достаточно большой опыт прикладного использования такого инструментария. Кроме того, на этот период современной российской истории пришлось как минимум четыре экономических кризиса, что также дало большой объем информации о необходимых свойствах крупных макроэкономических моделей.

Макроэкономическое моделирование и экономическая политика

Широкое распространение прикладное моделирование экономических процессов получило в 60-е годы XX века, когда, во-первых, была сформирована современная методологическая база глобальных статистических наблюдений (Тинберген, Босс, 1967), во-вторых, сформирован набор эконометрических и балансовых подходов к практическому использованию математических методов при анализе и прогнозировании экономической динамики (DeJong, 2011).

Однако в 1976 году была опубликована статья Р. Лукаса с критикой использования эконометрических моделей для анализа экономической политики (Lucas, 1976). Приводя конкретные примеры использования эконометрических моделей для анализа последствий налоговой политики, Лукас доказывал невозможность получения адекватных результатов. Приведенная в статье критика касалась конкретных примеров, в частности эффектов от изменения налоговой политики, а также взаимосвязи между инфляцией и безработицей на основе кривой Филлипса. Значительная часть экономистов восприняла эту статью как доказательство невозможности анализа последствий экономической политики при помощи эконометрических моделей, хотя для доказательства такого тезиса представленного материала было абсолютно недостаточно. Более того, по справедливому замечанию К. Алмона, любой параметр экономической политики может быть заменен соответствующей пере-

менной, отражающей его функционал (Алмон, 2016), а значит, решение проблемы не в том, чтобы отказаться от эконометрики, а в том, чтобы эконометрические зависимости имели понятную интерпретацию и наиболее адекватно описывали причинно-следственные связи, существующие в реальной экономике.

Критика Лукаса, заставив многих экономистов задуматься о соответствии используемого математического инструментария задачам по описанию реальной экономики, привела к развитию иных методов экономического моделирования, ориентированных на описание экономического поведения экономических агентов (Shoven, Whalley, 1984; Shoven, Whalley, 1992; Макаров и др., 2022). Данное направление породило целые классы моделей, такие, например, как вычислимые модели общего равновесия (CGE) или динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE). Нужно сказать, что с точки зрения прогнозирования и экономического анализа данные модели являются адекватным ответом на критику использования эконометрического подхода, так как опираются на теорию реального делового цикла и пытаются моделировать изменения поведения экономических агентов на различные шоки макроэкономического характера. Проблема состоит лишь в том, что при моделировании поведения используются теоретические постулаты, которые далеко не всегда соответствуют реальности конкретных национальных экономик. В связи с этим можно сказать, что данный класс моделей способствовал продвижению экономической науки вперед, но не смог заменить собой модели, рассматривающие причинно-следственные связи внутри конкретной экономики (Hausman, 2011; Bardazzi, Ghezzi, 2021). Для решения этой задачи необходимо работать с реальными данными и описывать с помощью эконометрических зависимостей существующие в экономике взаимодействия.

Создание прикладной эконометрической модели – сложная задача, требующая значительного времени и усилий группы квалифицированных специалистов. В то же время это лучший способ разобраться в особенностях функционирования реальной экономики, особенно для молодых коллег, делающих первые профессиональные шаги в изучении национальной экономики (Алмон, 2012).

¹ URL: <https://ecfor.ru/nauchnye-izdaniya/kvartalnye-prognozy-makroekonomicheskikh-pokazatelej-rf/>

Как показывает практика, введение студентов и аспирантов в сложный мир экономических взаимодействий лучше начинать с простых макроэкономических расчетов, описывающих ту или иную сторону экономической жизни: доходы и расходы населения, бюджетную систему, внешнюю торговлю и т. д. Однако работа над комплексной моделью является ключевым шагом для развития общеэкономического кругозора специалиста, который хочет работать на поле прикладного анализа и обоснования экономической политики. Умение работать со сложной макроэкономической моделью, формировать сценарии и модернизировать основные зависимости создают базу для работы над более сложными прогнозно-аналитическими конструкциями, в том числе межотраслевыми.

В связи с этим квартальную макроэкономическую модель QUMMIR следует воспринимать не только как ключевой прогнозный инструмент, используемый для среднесрочного прогнозирования в ИНП РАН, но и как важный элемент аналитической работы, позволяющий оперативно оценивать изменение ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие экономики.

Квартальная макроэкономическая модель QUMMIR – общее описание

Модель основана на последовательном итерационном расчете прогнозных показателей экономической динамики с шагом в один квартал. Расчет динамики макроэкономических показателей осуществляется в логике от спроса: населения, бизнеса и государства. Спрос формируется в зависимости от уровня доходов, а также структуры и объемов сбережений субъектов экономики.

Доходы, в свою очередь, формируются на основе результатов экономической деятельности, полученных в соответствии с распределением спроса экономических агентов на импортную и отечественную продукцию, а также динамики внешнего спроса (экспорта). Предполагается, что спрос на товары и услуги внутреннего производства полностью обеспечивается соответствующим предложением. Подобная логика построения расчетов, на наш взгляд, целесообразна при моделировании динамики экономики в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Прогнозирование

показателей в более длительном периоде требует дополнительного учета ресурсных ограничений, в том числе по объемам и структуре капитала.

Таким образом, модель представляет собой замкнутую систему, в которой взаимодействуют доходы, спрос, внутреннее производство, импорт и цены.

В настоящий момент в базе данных более 2000 переменных и система из более чем 200 уравнений.

Статистическая база модели содержит квартальные ряды данных по направлениям:

1) национальные счета: произведенный ВВП (с 2003 г.), использованный ВВП (с 1993 г.), ВВП по источникам доходов (с 1995 г., источник: Росстат);

2) инвестиции в основные фонды по источникам финансирования (с 2002 г., источник: Росстат);

3) доходы и расходы населения (с 1995 г., источник: Росстат);

4) статистика занятости (с 1998 г., источник: Росстат);

5) демографическая статистика (с 1996 г., источник: Росстат);

6) ценовая динамика (с 1993 г. дефляторы элементов конечного спроса и индексы потребительских цен, источник: Росстат);

7) консолидированный бюджет и бюджеты внебюджетных фондов (с 1995 г., источник: Федеральное казначейство РФ, Минфин РФ);

8) показатели финансового состояния организаций (со 2 кв. 1998 г., источник Росстат);

9) статистика внешнего сектора: платежный баланс в аналитическом представлении (с 1994 г., источник: Центробанк РФ), обменный курс рубля (к доллару США с 1993 г., к евро с 1999 г., источник: Центробанк РФ);

10) статистика внешней торговли: экспорт энергетических товаров, структура импорта товаров по целям конечного использования, экспортная цена на природный газ (с 1994 г., источник: ФТС России);

11) обзор кредитных организаций и ЦБ (с 1995 г.; источник: Центробанк РФ);

12) статистика деятельности предприятий ТЭК (с 2005 г., источник: Росстат, Министерство энергетики РФ), цена на нефть сорта Urals (с 1993 г., источник: Минфин РФ);

13) статистика рынков товаров и услуг (с 1993–1995 гг., источник: Росстат);

14) индексы цен производителей энергоносителей (с 2000 г.), тарифов на ж/д перевозки грузов (с 1997 г., источник: Росстат);

15) другие переменные внутриэкономической деятельности: минимальная оплата труда (с 1993 г.), размер пенсии (со 2 кв. 2006 г.), вводы жилья (с 1998 г., источник: Росстат);

16) статистика внешнего мира: ВВП США, баланс по текущему счету США (с 1993 г., источник: Бюро экономического анализа США), ВВП Еврозоны (с 1995 г., источник: ЕЦБ);

17) мировые рыночные показатели: цены на нефть Brent, пшеницу (с 1993 г., источник: Всемирный банк), учетная ставка ФРС США (с 1993 г., источник: ФРС США).

Модель содержит рассчитывать ВВП по элементам использования в текущих и сопоставимых ценах в условиях моделирования ценовой динамики (дефляторов элементов конечного спроса). Кроме этого, моделируется счет производства ВВП в постоянных ценах.

Модель включает в себя систему балансов, включение которых в систему расчетов позволяет ограничить диапазон и повысить «жесткость» прогноза. К ним относятся:

- баланс доходов и расходов населения;
- доходы, расходы и профицит/дефицит бюджета;
- платежный баланс;
- баланс Центрального банка;
- баланс кредитных организаций.

В соответствии с логикой формирования расчетов модель представляет собой систему нескольких взаимосвязанных блоков, в числе которых блок расчета ВВП; ценовой блок; блок доходов и расходов населения; блок налогов и бюджета; блок инвестиций; блок платежного баланса; финансовый блок; блок занятости; энергетический блок.

Основные экзогенные переменные модели представляют собой совокупность параметров внешнеэкономической среды, а также внутренних факторов, преимущественно имеющих отношение к параметрам экономической политики.

К внешним факторам относятся переменные, отражающие внешние и сопряженные с ними условия функционирования российской

экономики. Комплекс внешних факторов можно распределить по группам.

1. Мировой спрос на товары и услуги:

- цена на нефть марки Brent и Urals;
- цена на газ;
- динамика ВВП США, Еврозоны;
- цена на пшеницу.

2. Мировой спрос/предложение финансовых ресурсов:

- соотношение мировых валют (евро / доллар США)
- динамика внешней задолженности российского частного сектора (банки и прочие секторы) в контексте инвестиционного климата / элемента геополитики.

К внутренним факторам относятся переменные, отражающие внутренние условия функционирования российской экономики. Данная группа факторов характеризует направления внутренней политики, цены инфраструктурного сектора, описывает демографическую ситуацию, определенные аспекты деятельности предприятий.

По направлениям внутренней политики факторы можно распределить следующим образом.

1. Налогово-бюджетная политика:

- с точки зрения формирования доходов бюджетной системы (налоговые ставки);
- с точки зрения требований к динамике бюджетных расходов (функциональная структура расходов консолидированного бюджета);
- с позиций возможности привлечения источников финансирования дефицита бюджета (объем государственного долга – внешнего и внутреннего, использование ранее накопленных средств Фонда национального благосостояния);

2. Государственная социальная политика: минимальная заработная плата (МРОТ); индекс роста среднего размера пенсий.

3. Денежно-кредитная политика:

- обменный курс рубля (действия ЦБ РФ на внутреннем валютном рынке, в том числе в рамках реализации бюджетного правила, предоставление кредитным организациям средств в иностранной валюте, ограничение на движение капитала физических и юридических лиц, нормативы требований обязательной продажи валютной выручки);

- ключевая ставка Банка России.

Параметры инфраструктурного сектора и демографической ситуации включают в себя индексы цен естественных монополий (электроэнергия, газ, железнодорожные перевозки) и демографические показатели (численность населения, в том числе в трудоспособном возрасте; численность студентов, пенсионеров).

Принципиальная схема расчетов по модели QUMMIR приведена на *рисунке 1*.

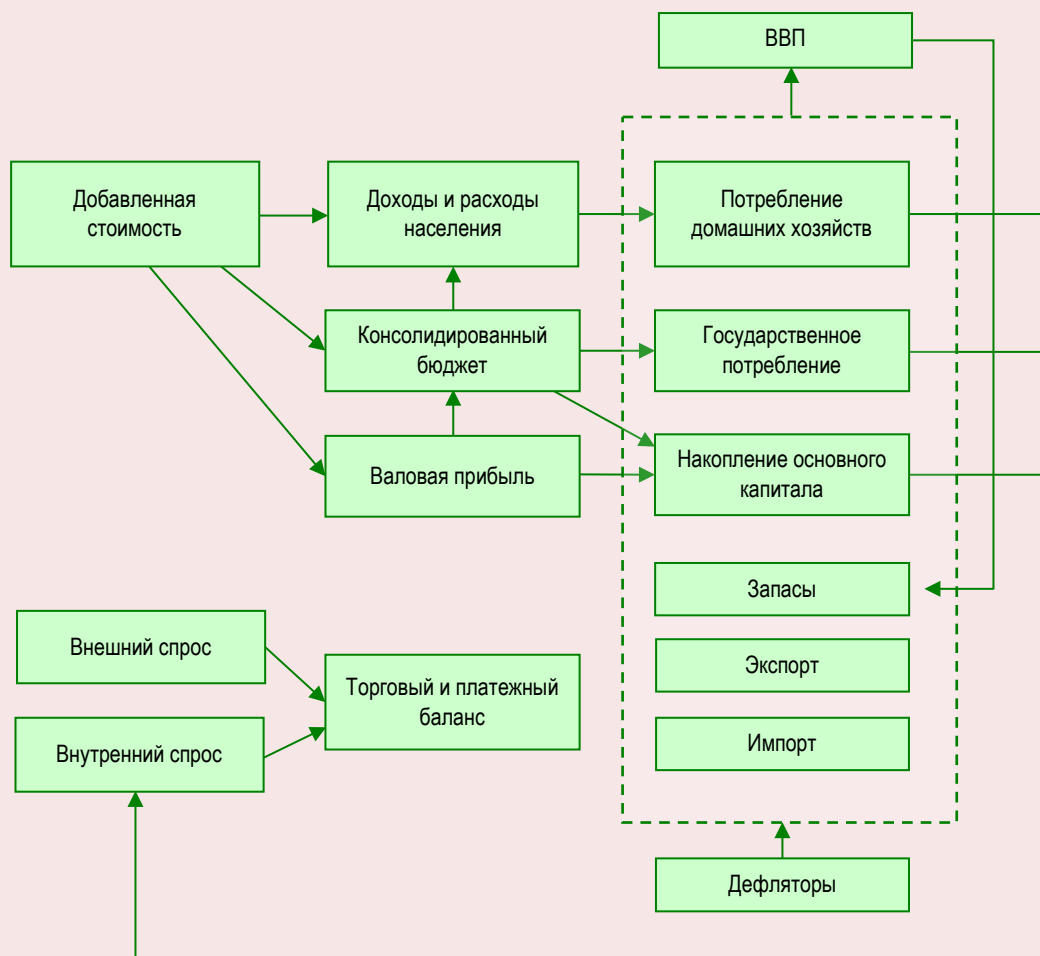
Прогнозные расчеты в рамках квартальной макроэкономической модели осуществляются методом итераций через одновременное решение системы уравнений с заданными параметрами точности. Критерий сходимости определяется для потребления домашних хозяйств

таким образом, чтобы расхождение результатов расчетов между итерациями не превышало 0,01%.

В свою очередь сценарии различаются набором экзогенных переменных, поэтому формирование и согласование сценарных условий является ключевым элементом процедуры прогнозных расчетов.

Модель позволяет осуществлять расчеты по сценариям, связанным с изменением экзогенных параметров, в том числе для оценок последствий различных шоков. Возможно рассмотрение как частных сценариев изменения отдельных направлений политики, так и комплексных сценариев изменения ситуации во всей экономике в целом.

Рис. 1. Принципиальная схема расчета ВВП методом использования в модели QUMMIR

Источник: составлено авторами.

Оценки экономической динамики с использованием модели QUMMIR с учетом происходящих геоэкономических изменений

Наиболее распространенным вариантом для среднесрочного прогноза, выполняемого с помощью квартальной макроэкономической модели, является инерционный сценарий. Его выбор позволяет производить оценки экономической динамики в логике *business as usual* при отсутствии значимых изменений в области проводимой экономической политики.

Формирование инерционных сценариев в той или иной степени опирается на сценарные условия Минэкономразвития РФ, параметры трехлетнего бюджета и показатели прогнозов ведущих мировых организаций (МВФ, Всемирный банк, МЭА).

Ценность такого сценария состоит в том, что он позволяет оценить риски сохранения текущих параметров экономической политики в средне- и долгосрочной перспективе. С другой стороны, в рамках инерционного сценария невозможно реализовывать одну из ключевых целей прогнозирования – обоснование экономической политики.

Эта проблема может быть решена на основе оценок альтернативных макроэкономических сценариев, предполагающих определенные сдвиги в параметрах экономической политики. Наибольший интерес при этом представляют собой те, в которых оцениваются изменения в параметрах денежно-кредитной и бюджетной политики, которые должны быть погружены в общий контекст развития российской экономики.

Ситуация, складывающаяся в российской экономике после введения новых санкционных ограничений в 2022 году, характеризуется существенным изменением пропорций обмена с внешним миром, что неизбежным образом влияет на параметры производства, финансовой и бюджетной систем и в целом на экономическую динамику в стране.

По нашим оценкам, особенностью текущего кризиса станет длительность периода отрицательной динамики ВВП, что будет связано как с ограничениями на поставки импортной продукции, так и с решениями недружественных стран по отказу от российских энергоносителей и сырьевых товаров. В таких условиях

потребуется определенный период адаптации российской экономики к изменению структуры производства, доходов и цен. Этот период станет необходимым условием для следующей стадии развития российской экономики – структурно-технологической перестройки, направленной на формирование устойчивой базы развития в средне- и долгосрочной перспективе.

В краткосрочной перспективе наиболее серьезное влияние на экономическую динамику в стране будут оказывать ограничения, связанные с недоступностью ряда импортируемых товаров. Они будут сдерживать как спрос, так и производство, в той его части, где используются импортные сырье и комплектующие. Восстановление потоков импорта, в том числе через смену поставщиков, а также механизмы параллельного импорта, в наибольшей степени будет влиять на сроки адаптации российской экономики к новым условиям. Следует также учитывать, что импорт товаров – наиболее значимый канал поступления в российскую экономику результатов исследований и разработок развитых стран. Таким образом, в среднесрочной перспективе наложенные на российскую экономику ограничения будут непосредственным образом сдерживать рост эффективности производства через ограничения доступа к наиболее эффективным технологическим решениям. Преодолеть эту ситуацию можно только при условии наращивания вложений в исследования и разработки, а также снижения зависимости от импорта. Понятно, что речь не идет о какой-либо форме автаркии. Более того, без выстраивания глубоких кооперационных отношений в научно-технологической области с дружественными странами задача по достижению технологического суверенитета решена быть не может.

Наращивание сотрудничества с дружественными странами станет естественным развитием процессов в мировой экономике, где после периода роста за счет процессов глобализации наступает период замедления темпов роста торговли и формирования крупных региональных блоков, что сопровождается снижением надежности вложений в резервных валютах и ростом нетарифных барьеров в торговле. При этом ключевым ограничением для развивающихся

стран, как и ранее, будет оставаться технологическая зависимость от решений, разрабатываемых в развитых экономиках. Для изменения ситуации требуется создание альтернативного контура торгово-экономических отношений, обладающего относительной независимостью от традиционных механизмов финансирования, резервирования и научно-технологического развития.

Технологическая модернизация развития российской экономики должна быть поддержана соответствующими решениями в области финансирования проектов. По сути, речь идет о балансе между бюджетным и рыночным финансированием направлений структурно-технологической перестройки экономики. Здесь необходимо сделать одно важное замечание — бюджетные источники финансирования экономики в значительной степени ограничены. Например, совокупные расходы консолидированного бюджета в 2021 году не превышали 32% от ВВП. Соответственно, опираться при структурной перестройке экономики преимущественно на бюджетный канал не получится. В то же время бюджетные ресурсы могут стать важнейшим источником для запуска нового инвестиционного цикла, так как позволяют направить ресурсы туда, где существуют возможности достижения наибольшего макроэкономического эффекта, а кроме того демонстрируют бизнесу направления для эффективного вложения средств.

Наращивание бюджетного финансирования требует сохранения на переходный период дефицита бюджета, который может финансироваться за счет внутренних заимствований. При этом необходимо соблюдать ряд условий: относительно низкая инфляция, определение границ наращивания внутреннего долга. По нашим оценкам, в период до 2025 года ориентир по уровню дефицита бюджета может составлять до 3% от ВВП, что не приведет к значимому ущербу параметрам микрофинансовой стабильности. Принципиально важно, чтобы за счет дефицита бюджета в первую очередь финансировались нерегулярные расходы бюджета, связанные с структурно-технологической модернизацией экономики.

Что касается денежно-кредитной политики, то она при запуске нового экономического

цикла будет играть вспомогательную роль. Важно поддерживать такой уровень ключевой ставки, который бы не ухудшал возможности нефинансовых предприятий по использованию заемных ресурсов для финансирования оборотного капитала и инвестиций. Однако по мере восстановления экономической активности роль заемного финансирования будет естественным образом возрастать, а роль банковской сферы в формировании экономической динамики существенно повысится.

Для выстраивания активной экономической политики, направленной на смягчение негативного воздействия внешних ограничений на российскую экономику, важно понимать диапазон влияния ключевых параметров на формирование экономической динамики. С этой целью целесообразно рассмотреть соответствующие альтернативные сценарии.

Прежде чем перейти к оценке таких сценариев более подробно, остановимся на описании расчетов в бюджетном и финансовом блоках модели QUMMIR.

Финансовый блок модели

Целью создания финансового блока на базе макроэкономической модели РФ является стремление описать закономерности развития денежно-кредитной сферы во взаимодействии с макроэкономической динамикой. Функционирование денежно-кредитной сферы обеспечивается банковской системой страны, институциональными субъектами которой выступают Банк России и кредитные организации². Таким образом, центральной задачей при разработке финансового блока является моделирование показателей деятельности банков и Банка России с позиции их внутреннего взаимодействия и отношений с прочими субъектами экономики. В результате финансовый блок представлен взаимосвязанными балансами ЦБ РФ и кредитных организаций, при этом связующими элементами выступают объемы кредитования банков со стороны ЦБ и требований банков к ЦБ.

² Говтвань О.Д., Илюхина И.Б., Шманев С.В. (2022). Глава 8. Денежно-кредитная политика // Экономическая политика: учебник / под ред. А.А. Широга, С.В. Шманева, И.Л. Юрзиновой. Москва: Прометей. С. 255–318.

Элементы банковских балансов рассчитываются с учетом поведения основных субъектов экономики: населения, организаций, органов государственного управления, внешнего мира — в отношении формирования сбережений и заимствований. Для моделирования взаимосвязей используется регрессионный анализ. Независимые переменные финансового блока являются либо эндогенными, т. е. рассчитываются в рамках других блоков модели, либо экзогенными — задаются извне.

Депозиты населения моделируются в зависимости от оплаты труда, доходов населения, цен и экзогенно заданных обменного курса рубля и структурной доли наличности в обращении в составе денежной массы. Депозиты финансовых и нефинансовых организаций — от ВВП в текущих ценах, оборота организаций, обменного курса. Кредиты населению рассчитываются в зависимости от уровня доходов и цен, экзогенных ставок по кредитам и обменного курса. Дополнительно для оценки объемов выплат населения по погашению кредитной задолженности используются экзогенные переменные сроков кредитования по видам кредитов, при моделировании жилищных кредитов — экзогенные показатели объема вводов жилья и ставки по жилищным кредитам, при расчете автокредитов — заданные доля продаж легковых автомобилей в обороте розничной торговли и ставка по кредитам. На динамику кредитов и прочих требований к организациям оказывают влияние объем ВВП в текущих ценах, располагаемые ресурсы банковской системы, уровень цен и обменный курс, ставка по кредитам организациям, рассчитываемая в зависимости от уровня заданной ключевой ставки.

Депозиты и прочие привлеченные средства органов государственного управления в банковской системе рассчитываются с учетом остатков средств на счетах расширенного правительства на начало периода, доходов и расходов консолидированного бюджета, объемов внешних и внутренних источников финансирования профицита/дефицита бюджета. Динамика требований банков к органам государственного управления определяется экзогенно заданным объемом чистой эмиссии государственных ценных бумаг на внутреннем рынке.

Внешние активы и обязательства банков зависят от экзогенно заданной структуры

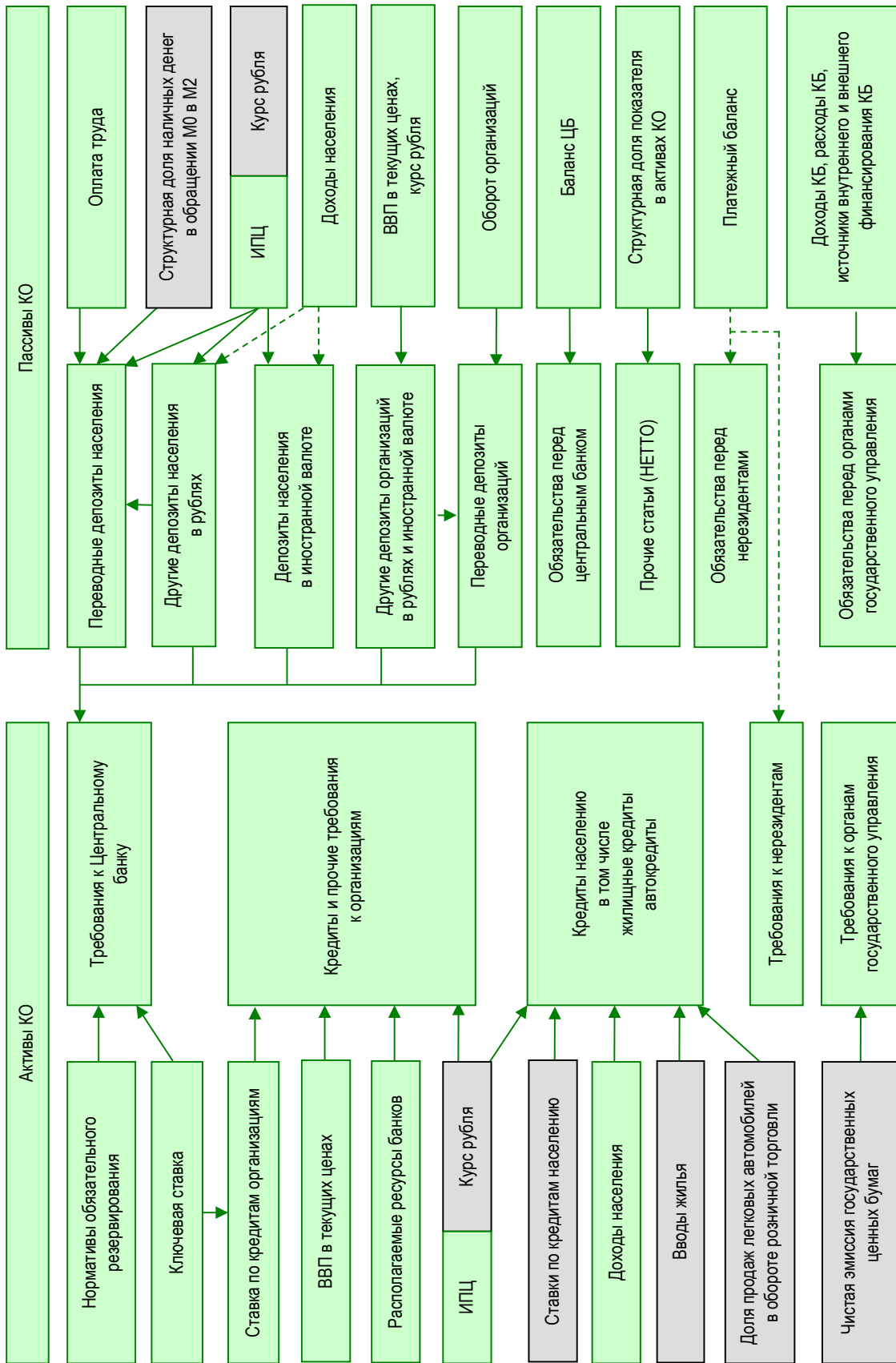
составляющих их элементов и объемов внешней торговли.

Требования банков к ЦБ моделируются на основе объема привлеченных средств, нормативов обязательного резервирования, ключевой ставки и уровня цен. Данный показатель совместно с наличностью в обращении представляет денежную базу в широком определении, которая наряду с государственными средствами в ЦБ формирует спрос экономики на деньги. Активы ЦБ обеспечивают предложение денежной ликвидности, основными составляющими активов являются международные резервы и кредиты и прочие требования к банкам со стороны ЦБ. Динамика требований ЦБ к нерезидентам определяется экзогенными показателями — изменением валютных резервов (в том числе в результате операций), объема монетарного золота и обменного курса. Кредитование банков является балансирующей статьей в условиях равенства активов и пассивов ЦБ.

Представленная на *рисунке 2* схема отражает воздействие различных макропеременных на денежные показатели в рамках расчета баланса кредитных организаций. Здесь отдельно выделены внешние переменные денежного блока, в том числе экзогенные переменные модели (блоки серого цвета).

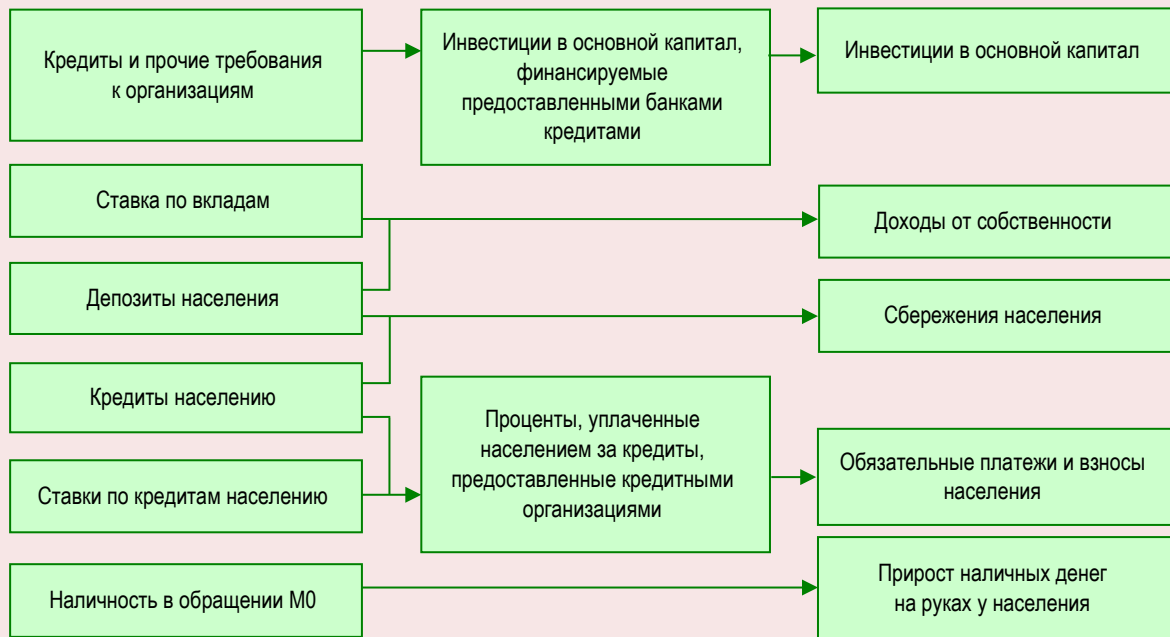
Влияние денежных переменных на прогноз макроэкономической динамики осуществляется через потребительский и инвестиционный спрос посредством их встраивания в уравнения элементов баланса доходов и расходов населения и инвестиций в основной капитал (*рис. 3*). Так, прирост вкладов населения за вычетом прироста кредитной задолженности является составной частью сбережений населения, динамика наличности в обращении определяет прирост наличных денег на руках у населения. Объем накопленной кредитной задолженности наряду со ставками по кредитам позволяет оценить объемы обязательных платежей населения в отношении уплаченных процентов по кредитам. Начисленные проценты по вкладам, рассчитываемым от объема вкладов населения и уровня ставки по депозитам, используются при моделировании доходов от собственности. Кредиты и прочие требования к организациям учитываются при расчете объема инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет предоставленных банками кредитов.

Рис. 2. Схема расчета статей баланса кредитных организаций

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Влияние денежных показателей на другие переменные модели

Источник: составлено авторами.

Бюджетный блок модели

Описываемый блок модели позволяет прогнозировать доходы и расходы консолидированного и федерального бюджетов РФ, величина которых определяет объем государственного потребления и размер государственных инвестиций в экономику, а также влияет на величину денежных доходов населения через зарплату работников бюджетной сферы и социальные трансферты. Кроме того, в блоке реализован расчет показателей бюджетов внебюджетных фондов.

Схема блока следующая:

- 1) рассчитываются показатели поступлений по основным налогам (с разделением на нефтегазовые и прочие), оценивается общий объем бюджетных доходов;
- 2) экзогенно задаются объемы привлечения и погашения внутреннего и внешнего государственного долга, а также структура расходов консолидированного бюджета (как элементы бюджетной политики);
- 3) прогнозируются показатели расходов консолидированного бюджета (через балансовое тождество расходы = доходы + источники финансирования дефицита/профицита);

4) рассчитывается объем государственного потребления в постоянных и текущих ценах, а также объем инвестиций за счет бюджетных средств.

Основную часть доходов бюджета составляют налоговые доходы, поэтому центральное место в блоке бюджета занимают моделирование и прогнозирование поступлений по основным налогам.

При этом в модели реализовано раздельное моделирование нефтегазовых (налог на добычу полезных ископаемых, экспортные пошлины, налог на дополнительный доход, акциз на переработку нефти) и ненефтегазовых доходов. В составе последних для налогов, имеющих основную налоговую ставку (НДС, налог на прибыль, НДФЛ, страховые взносы на обязательное социальное страхование), величина поступлений рассчитывается по эконометрическим уравнениям следующего вида:

$$\begin{aligned} & \text{Величина поступлений по налогу} = \\ & = \text{налогооблагаемая база} \times \text{основная номинальная ставка} \times \text{расчетный уровень собираемости} \\ & \text{(рассчитывается по уравнению регрессии)}. \end{aligned}$$

Для налогов, не имеющих единой налоговой ставки, например акцизов, в качестве основной объясняющей переменной используется налогооблагаемая база. Кроме того, где это возможно, применяется экзогенно задаваемая усредненная динамика ставок (например, для акцизов по табачным изделиям и алкоголю) (Савчишина, 2008).

Таким образом, основной задачей при моделировании налоговых поступлений является максимально корректное определение налогооблагаемой базы.

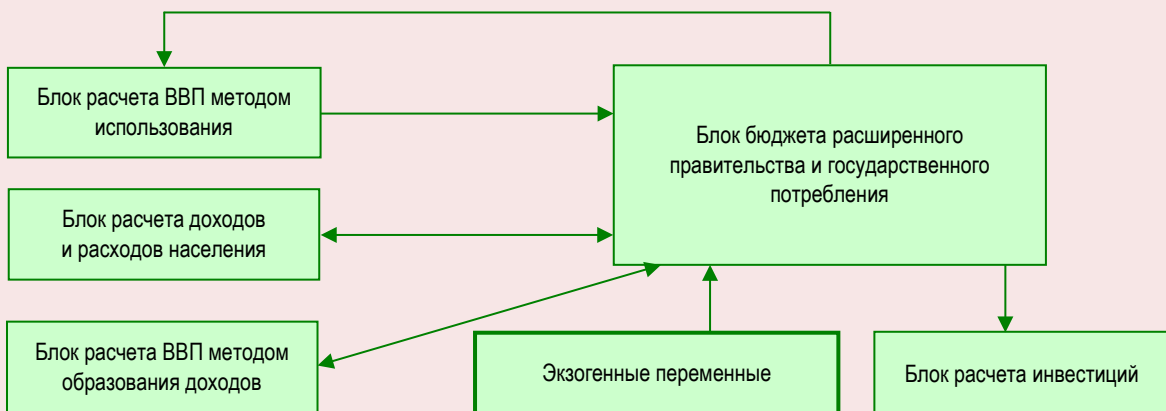
Основные взаимосвязи в рамках налогового-бюджетного блока отражены на рисунках 4, 5 (экзогенные параметры отмечены утолщенными рамками).

Рис. 4. Блок бюджета и госпотребления

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Взаимосвязи с другими блоками модели

Источник: составлено авторами.

Для определения динамики экзогенных параметров (в частности источников финансирования дефицита бюджета) используются соответствующие параметры Закона о федеральном бюджете (на ближайшие три года), пояснительная записка к которому традиционно содержит основные параметры и региональных бюджетов, и бюджетов внебюджетных фондов³. Однако в условиях высокой неопределенности, которая характерна для кризисных периодов, определяющими при балансировке прогноза становятся динамика и структура бюджетных расходов (Клепач, 2020). В таком случае задачей исследования выступает определение, с одной стороны, необходимого для поддержания общеэкономической динамики, а с другой стороны – безопасного с точки зрения бюджетной устойчивости объема дополнительных источников финансирования дефицита.

Результаты прогнозных оценок

Текущая экономическая ситуация предъявляет повышенные требования к конфигурации бюджетной системы, устойчивость которой в силу возникших ограничений по объективным причинам снизилась (Клепач, 2022). Необходимость парирования внешних вызовов, возникших в 2022 году, привела к формированию дефицитного бюджета. Еще более тяжелым с точки зрения бюджетной сбалансированности станет 2023 год. Далее будет рассмотрен базовый прогноз развития экономики на среднесрочную перспективу, отражающий взгляд авторов.

На фоне вероятного снижения в 2023 году доходов бюджета на 11% год к году (в том числе по налогу на прибыль – на 19%, НДС – на 2%, вывозных пошлин – на 41%, НДПИ – на 21%) даже падение расходов на 4% потребует дополнительного финансирования дефи-

цита в размере 4,3 трлн руб., что сопоставимо с ситуацией «ковидного» 2020 года. В среднесрочной перспективе даже минимальный рост расходов (+5% в 2025 года к уровню 2021 года в номинальном выражении) на фоне низкой динамики восстановления экономики приведет к исполнению бюджета с дефицитом не менее 2 трлн руб. ежегодно как минимум до 2026–2027 гг. При этом ресурсы для финансирования такого дефицита у государства имеются, прежде всего за счет использования ликвидной части ФНБ и возобновления ограниченных внутренних заимствований (табл. 1).

Однако и значимого вклада в экономическую динамику при сохранении текущей бюджетной политики (в том числе возобновления действия бюджетного правила) после 2023 года бюджет внести не сможет. После периода роста государственных инвестиций (+5% в 2022 году и +2% в 2023 году в реальном выражении) и государственного потребления в ближайшие два года в 2024–2025 гг. их реальная динамика с высокой вероятностью будет нулевой, также сократится вклад госсектора в рост доходов населения (пенсий и заработных плат госслужащих).

Инструментарий модели QUMMIR позволяет рассмотреть целый ряд альтернативных сценариев, результаты которых могут быть использованы при обосновании изменений в бюджетной политике. В частности, могут быть рассмотрены два фактора:

- повышение нефтегазовых доходов бюджета за счет ослабления рубля при консервативной динамике расходов;
- интенсификация экономического роста при смягчении бюджетной и монетарной политики.

Таблица 1. Источники финансирования дефицита бюджета (инерционный сценарий), трлн руб.

Источники финансирования дефицита КБ	2022	2023	2024	2025
Дефицит	-0.9	-4.3	-1.8	-2.0
Чистая эмиссия государственных бумаг	-1.2	2.0	2.0	2.0
Чистое внешнее заимствование	-0.4	-0.3	-0.3	-0.3
Использование накопленных средств ФНБ	1.8	2.0	0	0
Прочие	0.7	0.6	0.1	0.3

Источник: расчеты авторов (<https://ecfor.ru/publication/kvartalnyi-prognoz-ekonomiki-vypusk-55/>).

³ Федеральный закон о федеральном бюджете на 2022 год и плановый период 2023–2024 годов. URL: www.minfin.ru

Расчеты в рамках первого из сценариев показывают, что даже существенное ослабление рубля не решает проблем бюджетной системы. Например, в условиях 2023 года ослабление рубля до уровня 90 руб./долл. в среднем за год позволило бы получить такой рост нефтегазовых доходов, который приведет к беспрофицитному бюджету. Среднегодовой курс в 82 руб./долл. даст возможность исполнить бюджет с дефицитом не более 2 трлн руб., на финансирование которого достаточно внутренних займов, то есть будет обеспечено сохранение объема ФНБ. Однако при обоих вариантах ослабления национальной валюты общеэкономическая ситуация ухудшается. Динамика тех элементов внутреннего спроса, которые напрямую финансируются государством (госинвестиции и госпотребление), будет немногим ниже, чем в инерционном сценарии (на 0,8 и 0,1 п. п. соответственно) в связи с ростом цен.

Наибольшие потери будут зафиксированы для бизнеса и населения (табл. 2). Даже при условии роста реальных доходов сокращение импорта на фоне удорожания доллара заметно снизит потребление домашних хозяйств и инвестиции (причем как в секторе ТЭК, так и в прочих видах деятельности).

Результаты сценария смягчения бюджетной политики выглядят более позитивными. В случае сохранения расходов консолидированного бюджета в 2023 году на уровне 2022 года будет

возможно провести повышенную индексацию пенсий и МРОТ (на 10% против 6% в инерционном сценарии), что повысит динамику реальных доходов населения (с +2,3% в базовом сценарии до +3%) и потребления, а вслед за этим – инвестиций (правда, в гораздо меньшем объеме). При этом какого-либо значимого ускорения инфляции в условиях стабильного курса мы не ожидаем. Суммарный прирост ВВП в 2023–2025 гг. составит 1,6 трлн руб. относительно инерционного сценария. Тем не менее без восстановления производственных цепочек, нарушенных санкциями, одного лишь краткосрочного смягчения бюджетной политики недостаточно для действительно активного экономического роста.

Теперь попробуем оценить влияние параметров рассматриваемых сценариев на финансовые показатели, в частности при изменении параметров курса рубля.

В прогнозе по инерционному сценарию сбережения населения в форме банковских вкладов в рублях увеличиваются на +3,9–4,5% доходов ежегодно в 2022–2025 гг. Депозиты организаций возрастают на +2,9–2,7% ВВП в 2022–2023 гг. и +1,6% ВВП в 2024–2025 гг. Указанная динамика определяет темп прироста денежной массы М2 на уровне +10,3% г/г в 2023 году с последующим снижением до +8,3% г/г и +7,3% г/г в 2024–2025 гг. Объем денежной массы М2 к ВВП при этом возрастает с 50,6% на начало 2022 года до 60,9% к концу 2025 года.

Таблица 2. Результаты альтернативных сценариев для 2023 года

Макроэкономические итоги 2023 года	Инерционный сценарий	Сценарий ослабления рубля	Сценарий сохранения бюджетных расходов
ВВП, % к предыдущему году	-1.5	-1.5	-1.2
Потребление домашних хозяйств, % к предыдущему году	-1.3	-3.2	-0.6
Инвестиции, % к предыдущему году, в том числе:	-1.3	-3.0	-1.0
государственные	+2.1	+1.3	+3.0
в секторе ТЭК	-1.3	-5.0	-1.3
прочие частные инвестиции	-1.9	-3.4	-1.8
Импорт, % к предыдущему году, в том числе:	+1.3	-6.2	+1.7
потребительский	-3.4	-18.5	-2.4
инвестиционный	+1.1	-9.5	+1.2
Доходы консолидированного бюджета, трлн руб.	41.4	43.6	41.4
расходы	45.7	45.7	47.7
дефицит	-4.3	-2.1	-6.2
Инфляция, %	5.4	6.5	5.4
Источник: расчеты авторов.			

В предположении отсутствия операций по резервным активам и сохранения объема монетарного золота постепенно возрастает роль кредитования банков со стороны ЦБ в обеспечении экономики ликвидностью. Объем требований ЦБ к банкам в 2023–2025 гг. находится в диапазоне 6,5–9,7 трлн руб. и сопоставим с уровнем 2014–2015 гг. Депозиты органов государственного управления в ЦБ сокращаются в условиях бюджетного дефицита, денежная база в широком определении увеличивается темпом +13% – +5,4 г/г в 2023–2025 гг. и к концу прогнозного периода достигает половины в структуре пассивов ЦБ. Кредитование населения возрастает темпом +11,2 – +13,9% г/г в 2023–2025 гг., что позволяет поддерживать потребительские расходы на уровне 78,2–81,2% от совокупных доходов населения. Прирост требований банков к организациям находится в диапазоне +7,8 – +8,8% г/г в 2023–2025 гг., при этом объем инвестиций в основной капитал, финансируемых привлеченными кредитами банков, оценивается на уровне 2,1–2,3 трлн руб. ежегодно.

В целом в рамках инерционного сценария развития российской экономики происходит постепенное восстановление уровня кредитования населения и нефинансовых предприятий.

В прогнозе по альтернативному сценарию с ослаблением курса рубля в 2023 году важным фактором является ускорение ценовой динамики в сравнении с инерционным вариантом. Сопутствующий дополнительный рост ставок оказывает сдерживающее влияние на кредитование населения – прирост задолженности в 2023 году снижается до +8,1% г/г. Сбережения населения, напротив, оказываются выше в сравнении с инерционным вариантом – в итоге доля потребительских расходов снижается до 76,8% совокупных доходов, а реальное потребление домашних хозяйств сокращает-

ся интенсивнее (-3,2%). Динамика требований к организациям в данном варианте немного выше (+10,2% г/г), но при этом инвестиции в основной капитал, финансируемые предоставленными банками кредитами, при сохранении номинального объема, в реальном выражении сокращаются в 2023 году большим темпом (-7,7 и -3,6% соответственно по вариантам) в условиях повышения уровня цен.

На основании приведенных расчетов можно сделать вывод о том, что в сложившихся в российской экономике условиях значительное ослабление курса рубля уже не играет столь же стабилизирующую роль, как в предыдущие два десятилетия. Значимым остается фактор поддержания конкурентоспособности российских экспортеров, однако в условиях внешних ограничений и здесь происходят серьезные изменения.

Заключение

В заключение можно отметить, что использование сложных эконометрических макроэкономических моделей остается одним из наиболее эффективных инструментов обоснования регулярной экономической политики, которое, с одной стороны, решает задачи по изучению механизмов формирования экономической динамики на макроуровне, а с другой – не только позволяет производить комплексные расчеты экономической динамики, но и оценивать эффективность отдельных мер экономической политики.

Все сказанное отнюдь не означает, что эконометрическое макро моделирование является универсальным способом обоснования решений в области экономической политики в среднесрочной перспективе. В то же время при условии описания ключевых взаимодействий в экономике и использования существующих массивов данных оно может стать важным аргументом в дискуссии о повышении эффективности макроэкономической политики.

Литература

- Алмон К. (2012). Искусство экономического моделирования / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; отв. ред. М.Н. Узяков; общ. ред. и пер. с англ. Г.Г. Сапов, Г.Р. Серебряков. М.: МАКС Пресс. 648 с.
- Алмон К. (2016). Межотраслевые модели INFORUM: происхождение, развитие и преодоление проблем // Проблемы прогнозирования. № 2 (155). С. 3–15.

- Воскобойников И.Б. и др. (2021). Постшоковый рост российской экономики: опыт кризисов 1998 и 2008–2009 гг. и взгляд в будущее // Вопросы экономики. №. 4. С. 5–31.
- Дробышевский С.М., Кадочников П.А. (2003). Эконометрический анализ финансового кризиса 1998 года // Экономика переходного периода: сб. избр. работ 1999–2002 гг. / глав. ред. Е. Гайдар; Институт экономики переходного периода. Москва: Дело. С. 299–365.
- Дубинин С.К. (2015). Финансовый кризис 2014–2015 гг. // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (26). С. 219–225.
- Клепач А.Н. (2020). Российская экономика: шок от коронавируса и перспективы восстановления // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 222. № 2. С. 72–87. DOI 10.38197/2072-2060-2020-222-2-72-87
- Клепач А.Н. (2022). Макроэкономика в условиях гибридной войны // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 235. №. 3. С. 63–78.
- Клисторин В.И. (2011). О точности и надежности прогнозов // ЭКО. №. 12 (450). С. 40–47.
- Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сидоренко М.Ю., Хабриев Б.Р. (2022). Вычислимые модели общего равновесия. Москва: Государственный академический университет гуманитарных наук. 126 с.
- Савчишина К.Е. (2008). Прогнозирование показателей налогово-бюджетной сферы в рамках квартальной макроэкономической модели QUMMIR// Научные труды. С. 225–241.
- Тинберген Я., Босс Х. (1967). Математические модели экономического роста. М.: Прогресс. 176 с.
- Шохин А.Н., Акиндинова Н.В., Астров В.Ю. [и др.]. (2021). Макроэкономические эффекты пандемии и перспективы восстановления экономики (по материалам круглого стола в рамках XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. № 7. С. 5–30. DOI 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30
- DeJong D.N. (2011). *Structural Macroeconometrics*. Second edition. Princeton: Princeton University Press.
- Lucas R. (1976). Econometric policy evaluation: A critique. In: Brunner K., Meltzer A. *The Phillips Curve and Labor Markets. Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy I*. New York: American Elsevier.
- Bardazzi R., Ghezzi L. (2021). Large-scale multinational shocks and international trade: A non-zero-sum game. *Economic Systems Research*, 34(2), 1–27.
- Hausman D.M. (2011). Mistakes about preferences in the social sciences. *Philosophy of the Social Sciences*, 41(1), 3–25.
- Shoven J.B., Whalley J. (1984). Applied general-equilibrium models of taxation and international trade: An introduction and survey. *Journal of Economic Literature*, XXII, 1007–1051.
- Shoven J.B., Whalley J. (1992). *Applying General Equilibrium*. Cambridge University Press.

Сведения об авторах

Александр Александрович Широ́в — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47); МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: schirov-mse@yandex.ru)

Асия Рустамовна Брусенцева — научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47)

Ксения Евгеньевна Савчишина — научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: savchishinak@mail.ru)

Софья Валерьевна Каминова — младший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47)

Shirov A.A., Brusentseva A.R., Savchishina K.E., Kaminova S.V.

Predictive and Analytical Capabilities of Macroeconomic Models in Conditions of Crisis Economic Development (Using the Example of the QUMMIR Model)

Abstract. The article deals with the use of econometric macromodels for solving applied problems to substantiate economic policy. The questions of the applicability of econometric methods for modeling economic processes are considered. The requirements for the key qualities of complex macroeconomic models are being formed. Emphasis is placed on the fact that it is econometric modeling based on large amounts of data that contributes to a deep analysis of the causal relationships existing in the economy. As an illustration, we use the description of the quarterly macroeconomic model QUMMIR, which has been used for a decade and a half at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences for medium-term forecasting. It is shown that in conditions of increasing economic uncertainty, the importance of analyzing scenarios of socio-economic development and substantiating economic policy measures aimed at tapping the internal potential of economic development increases. We argue that the use of advanced predictive and analytical tools can significantly improve the quality of forecast estimates and the validity of decisions made on their basis. The structure of the model is described in detail with an emphasis on budget and financial blocks. The final part of the article provides an example of using a quarterly macroeconomic model to analyze decisions in the field of fiscal and monetary policy. Calculations demonstrate a positive impact on the dynamics of GDP on the part of budget system expenditures in the absence of a significant effect on the growth of inflation. In terms of monetary policy, calculations demonstrate its relative neutrality in relation to economic dynamics, as well as the exhaustion of the positive impact on the economy in the current conditions due to the weakening of the ruble exchange rate.

Key words: macroeconomic models, econometric modeling, economic policy, fiscal policy, monetary policy.

Information about the Authors

Aleksandr A. Shirov – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), director, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation); Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: schirov-mse@yandex.ru)

Asiya R. Brusentseva – Researcher, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Ksenya E. Savchishina – Researcher, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation); e-mail: savchishinak@mail.ru)

Sofya V. Kaminova – Junior Researcher, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 12.10.2022.

Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций

Евгений Всеволодович

БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: evbalatsky@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы, которые приводятся в действие во время развернувшейся в настоящее время гибридной войны цивилизаций. Для этого введены понятия двух враждующих мегацивилизаций – Запад и Не-Запад. Раскрыты сущность и генезис возникновения Первого и Второго цивилизационных сбоев внутри Западной цивилизации, реконструирована анатомия разрушения национальной модели социального развития России после 1991 года под воздействием неокOLONиальной системы управления. Обнаружен и проинтерпретирован парадокс отставания в развитии двух мегацивилизаций, раскрыт механизм рождения пассионарности этноса, обоснован примат геополитической логики над экономической. Дан эскиз протекания нынешней гибридной войны между Западом и Не-Западом. Новизна авторского подхода состоит в синтезе имеющихся знаний в рамках разных наук для объяснения социальных процессов в период геополитической турбулентности. В зоне внимания оказались философские явления (разнонаправленная динамика материальной и духовной сфер), кибернетические (полная и частичная кибернетические инверсии), исторические (рождение пассионарности этноса), политические (гибридные войны), биологические (нейропластичность мозга), культурологические (культурная пластичность цивилизации), экономические (мировая валюта, феномен сверхприбыли) факторы. Это позволило соотнести объективные и субъективные факторы противостояния двух мегацивилизаций. Главный вывод исследования состоит в том, что ни Запад (США), ни Не-Запад (Россия) не имеют явных преимуществ в развернувшейся гибридной войне

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3

For citation: Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3

цивилизаций. Тактическое превосходство Запада противостоит стратегическому превосходству Не-Запада, что не позволяет делать однозначные прогнозы относительно будущего победителя.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, мировой центр капитала, конкуренция, война, мирохозяйственная система.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2023 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

С февраля 2022 года, с момента разворачивания специальной военной операции (СВО) России на Украине, стартовала деглобализация мирового геополитического пространства (МГПП). В ходе таких событий Россия оказалась в эпицентре геополитической турбулентности и выступает в качестве главного действующего лица коалиции Не-Запад. Как уже отмечалось ранее, в этом противостоянии у РФ имеются весьма серьезные глобальные преимущества, позволяющие рассматривать ее в качестве возможного будущего мирового центра капитала (МЦК) (Balatsky, 2014; Balatsky, 2022a; Balatsky, 2022b). Вместе с тем совершенно очевидно, что никакие объективные геополитические и экономические предпосылки к обретению страной лидирующих позиций в мире не могут реализоваться без неких дополнительных субъективных — организационных, управленческих и культурно-исторических — условий функционирования соответствующего государства. В связи с этим правомерно задать вопрос: есть ли цивилизационные основания у России для ее превращения в новый МЦК?

Начавшаяся в 2014 году и перешедшая в 2022 году в явную форму Четвертая (гибридная) мировая война привела к четкому разделению мира на две коалиции — «Запад» и «Не-Запад» — с соответствующим стягиванием огромных ресурсов для развернувшейся борьбы (Balatsky, 2022a; Balatsky, 2022b). Западная коалиция достаточно монолитна и представлена передовыми странами мира, тогда как Не-Западный блок состоит преимущественно из развивающихся государств, интеграция которых еще не до конца состоялась. Хотя технологическое преимущество Запада неоспоримо, его ресурсный потенциал уступает Не-Западной коалиции. В связи с этим возникает глобальная

геополитическая интрига по поводу будущего победителя нынешнего противостояния. Ниже мы постараемся объективно рассмотреть шансы России на позитивный исход в развернувшейся гибридной войне цивилизаций. Новизна авторского подхода состоит в реконструкции геополитической логики предыдущих и нынешних событий с выявлением их исторической доминанты; раскрытие темы сопровождается использованием материала из смежных наук.

Мегацивилизации Запад и Не-Запад: основные характеристики

Хотя в широких кругах понятия «Запад» и «Не-Запад» уже стали привычными и традиционными, их точного разграничения нет. Несмотря на то, что исследователи уже давно оперируют оппозицией Запад/Восток, во избежание возможного недопонимания оговорим их существенное различие.

Сегодня два крупных сообщества «Запад» и «Не-Запад» представляют собой своего рода мегацивилизации, которые разделяют мир на две части по культурному признаку. Понятие цивилизации, вкладываемое в него С. Хантингтоном, является более узким и основано на религиозно-культурной идентичности народа, в связи с чем он насчитывает их 8 плюс «разорванные» (недоопределившиеся) страны (Хантингтон, 2021). Соответственно, объединение стран и народов с разной религиозно-культурной идентичностью образует более крупную общность — *мегацивилизацию*. Так как зарождение Западной мегацивилизации произошло в Европе и получило свое развитие в Северной Америке, то и идентификация входящих в нее стран и народов определяется тем, в какой степени они следуют сложившимся традициям. Сегодня Западная цивилизация включает в себя США,

Канаду, Австралию, Новую Зеландию и страны Европы; некоторые государства, исходно не принадлежащие к Западной цивилизации, могут быть отнесены к ней из-за нахождения в орбите ее интересов и ценностей: Израиль, Сингапур, Южная Корея, Япония, Ямайка, Пуэрто-Рико и т. д. Страны Латинской Америки по всем признакам также относятся к Западу, однако большинство из них находится в состоянии скрытого противостояния США, в связи с чем они скорее входят в иную коалицию – Не-Западную. Остальные государства мира могут быть смело отнесены к блоку «Не-Запад». Помимо чисто культурных традиций бинарная система деления МГПП предполагает и другие, совпадающие с основной, оппозиции: центр/периферия, богатые/бедные страны и т. п. (Хантингтон, 2021, с. 38).

Принятое понимание мегацивилизаций «Запад» и «Не-Запад» в целом соответствует имеющимся представлениям и предполагает противостояние западной культуры богатых народов с передовыми технологиями и остального мира. Сущность столкновения состоит в стремлении Запада выровнять институциональную и культурную среду всего МГПП по своим стандартам и в свою пользу, тогда как Не-Запад пытается воспрепятствовать этому процессу. Для стран Запада характерны установки на определенные экономические и политические режимы – либеральную идеологию и выборную демократию. Эти режимы ставят в заведомо проигрышное положение многие страны Не-Западного блока, включая Россию, Китай, Иран, Индию и другие государства. Таким образом, исходная цель Запада состоит в «зачистке» недружественных экономических и политических режимов для сохранения своего привилегированного положения в МГПП.

Столкновение Запад/Не-Запад имеет геополитическое измерение. Например, крупные страны с неблагоприятным климатом и рельефом местности: Россия, Китай, Индия и др. – не могут позволить себе выборную демократию с массой политических сдержек и противовесов, как в США. Именно поэтому В.И. Ленин выдвинул в качестве институциональной альтернативы политическое устройство СССР на основе принципа демократического централизма – выборную демократию на местах (в регионах) при максимально сильной централь-

ной власти. Сегодня в КНР этот принцип эффективно реализован и дает впечатляющие результаты. Отказ стран Не-Запада от сильной центральной власти равносителен крушению их государственности как таковой, что и вызывает непримиримое сопротивление с их стороны западному давлению.

Так как олицетворением Запада являются США, а Не-Запада – Россия, то в дальнейшем будем рассматривать эту пару стран для иллюстрации всех поднимаемых вопросов.

Цивилизационное противостояние Запад/Не-Запад: Естественное vs Искусственное, Гуманизм/Трансгуманизм

В настоящее время социальная граница между Западом и Не-Западом эквивалентна дихотомии Искусственное/Естественное или, используя современную терминологию, Гуманизм/Трансгуманизм. Сегодня Запад отрывается от традиционного понятия человека, расширяет его и выходит в своих концептах за его пределы. Именно поэтому главным проявлением данного процесса является *гендерная революция*, суть которой состоит в отрицании таких традиционных понятий, как семья, статус отца и матери, бинарная гендерная система, поощрении однополых браков и т. п. Тем самым предполагается, что человек изначально несовершенен и в нем могут быть «исправлены» любые элементы, вплоть до пола. Этому подходу противостоят более консервативные круги населения из стран Не-Запада (как, впрочем, и Запада), где указанные вольности с оперированием человеческой природой считаются недопустимыми или, по крайней мере, нежелательными.

Идущая сейчас Четвертая мировая война представляет собой столкновение Запад/Не-Запад с соответствующей оппозицией в ценностных установках. Если Запад открывает перед человечеством бесконечные возможности трансформации человека, его усовершенствования и, в конце концов, превращения в нечто иное, возможно, более могущественное, то Не-Запад желает сохранить человеческое начало в каждом индивидууме и усовершенствовать мир в рамках такого глобального ограничения. Это равносильно противостоянию «нечеловеческое, но великое» vs «ограниченное, но человеческое». При этом Западная модель предполагает «универсального»

субъекта — без ярко выраженных параметров пола, национальности, конфессии, семейного положения и т. п. Иными словами, человек становится абстрактным существом, к которому уже не применимы традиционные биологические и социальные оппозиции мужчина/женщина, мать/отец, христианин/мусульманин/буддист/иудей, итальянец/китаец/русский/араб и т. д. В Не-Западной модели субъект, наоборот, получает свои «законные» индивидуальные характеристики, например мужчина, русский, православный, отец двух детей и т. п. Это принципиальное различие, которое каждый человек решает в меру своего понимания мира и своих предпочтений. Активное меньшинство в странах Запада выбирает первое, большинство в странах Не-Запада — второе.

Социальное противостояние моделей Запад/Не-Запад эквивалентно дихотомии Искусственное/Природное. Однако, помимо социальных трений, Западная модель имеет и другие цивилизационные изъяны. Например, с философской точки зрения фундаментальное свойство мира состоит в его биполярности и диалектичности. Именно наличие двух противоположностей выступает источником эволюции и всех прогрессивных изменений; ликвидация пресловутой бинарности мира автоматически влечет за собой застой и регресс. Отказ от гендерной бинарности ставит под удар принцип естественности, который фигурировал во всех древневосточных и более поздних западных философских учениях. Двумя фундаментальными принципами философии традиционно выступали *принцип единства* (бытия и небытия, природы и человека) и принцип естественности (дуализма, диалектичности, полярности, структурности). Более того, как справедливо отмечал Л.А. Петрушенко, «история взаимосвязи принципа естественности с принципом единства... есть предыстория взаимосвязи принципа развития с принципом субстанции» (Петрушенко, 2020, с. 68). Тем самым трансгуманизм с присущим ему неприятием гендерной бинарности означает отрицание как самого развития цивилизации, так и источника ее самодвижения, ибо мир является самодвижущимся и самоактивным благодаря своему единству и диалектичности (Петрушенко, 2020, с. 68).

Одновременно с этим, отказавшись от природной бинарности в гендерных вопросах, Запад оказался в сетях непреодолимых противоречий во всех сферах жизни, когда началось полное отрицание религии, истории, морали, права, науки. Например, энергичные танцы в американских храмах и благожелательное отношение Римско-католической церкви к однополым бракам равносильно полному отрицанию всех религиозных догматов. Односторонняя борьба за права темнокожего населения привела к отрицанию американской истории, что выразилось в сносе памятников отцов-основателей США во время предвыборной президентской кампании 2020 года, к созданию исторических фильмов с темнокожими актерами в роли персонажей, относящихся к представителям «белой нации», и т.п. Запрет на дискриминационные высказывания о трансгендерах и бисексуалах ведет к запрету деятельности феминисток, традиционно защищавших права женщин, каковых в мире гендерного разнообразия не существует, что в свою очередь перечеркивает традиционную систему права; арест в 2022 году счетов и золотовалютных резервов России, счетов и имущества граждан и компаний РФ за рубежом, запрет на посещение российскими судами международных портов эквивалентны ликвидации системы международного права, священного права частной собственности, если не Закона вообще. Массовое распространение в СМИ заведомо ложных сведений по вопросам внешней и внутренней политики означает крушение той морали, на которой базировала свое существование Западная мегацивилизация. Провозглашая гендерное разнообразие, Запад провоцирует глобальный конфликт с наукой, которая по-прежнему утверждает обратное. А отказываясь от творчества русских писателей и композиторов, Запад перечеркивает свои собственные культурные достижения, неотъемлемой частью которых выступает русская культура. Тем самым Западная цивилизация на данном этапе развития отрицает саму себя и свой собственный культурный багаж.

Указанные столь явные социальные девиации Запада внутри самого себя делают его модель развития крайне непривлекательной для остальных стран и народов мира, что лишний раз подчеркивает цивилизационное размеже-

вание двух миров; противостояние природного и техногенного вызывает раскол и внутри стран Запада — как в США, так и в Европе.

Обозначившуюся ориентацию Запада на построение искусственных миров и искусственного человека здесь и далее будем называть *Первым цивилизационным сбоем* внутри Западной мегацивилизации.

Главная ошибка Запада

В 2007 году Зб. Бжезинский опубликовал свою программную книгу, в которой проанализировал ошибки американской администрации за 15 лет после 1991 года, когда США стали безоговорочным мировым гегемоном (Бжезинский, 2007). В этот период у Америки появился *первый шанс* стать настоящим мировым лидером, однако, по мнению Бжезинского, она упустила его. Падение СССР позволило США перейти к линейной внешней политике по подавлению своих интересов и решений, невзирая на мнение международного сообщества. Фактически с 1991 года в мире была ликвидирована дипломатия как феномен международных отношений, ибо американская администрация больше не выказывала готовности не только *договариваться*, но и вообще *разговаривать* с кем-либо. Такой разворот в политике привел к серии военных столкновений. Первым из них стала война в Персидском заливе (Persian Gulf War) за освобождение Кувейта в 1990–1991 гг.; впоследствии это начинание получило продолжение в 1998 году, а затем в 2003–2011 гг. и в 2014 году. Следующий инцидент связан с проведением США миротворческой операции в Сомали в 1992–1995 гг. — сначала в форме операции «Возрождение надежды», а потом операции «Продолжение надежды». Третий конфликт имел место при развертывании войны в Югославии — сначала в форме операции «Обдуманная сила» («Deliberate Force») в 1995 году при бомбардировках боснийских сербов, а затем операции «Союзная сила» («Operation Allied Force» или «Noble Anvil») при бомбардировках Сербии во время войны в Косово. Еще один военный инцидент — операция «Длинные руки» (Infinite Reach), в ходе которой в 1998 году Америка наносила удары крылатыми ракетами по базам «Аль-Каиды» в Афганистане и Судане. Пятый акт связан с военными мероприятиями США в ответ на террористические акты 11 сентября 2001 г. в форме операции «Несокрушимая

свобода» («Enduring Freedom») в Афганистане в 2001–2014 гг.

Такая чисто силовая стратегия и вмешательство во внутренние дела разных государств вызвали рост антиамериканских настроений во всем мире, что подорвало авторитет США и позволило Бжезинскому говорить об упущенном страной первом шансе на обеспечение своего глобального лидерства. Однако, по его мнению, у Америки оставался с 2008 года *второй шанс* в течение будущих 15 лет, который следует реализовать во что бы то ни стало, ибо *третьего шанса* у нее уже не будет (Бжезинский, 2007, с. 215). И здесь политик делает недвусмысленное предостережение: «Ничего не может быть хуже для Америки и в конечном счете для всего мира, чем восприятие американской политики в постимперскую эру как самонадеянно имперской, увязшей в колониальном прошлом вопреки наступившему постколониальному времени, эгоистически безразличной в условиях беспрецедентной глобальной взаимозависимости и уверенной в собственной культурной ценности в религиозно разделенном мире» (Бжезинский, 2007, с. 215).

С момента выхода в свет книги Бжезинского прошло ровно 15 лет, и время показало, что и свой второй шанс Америка упустила. За эти годы США запустили очередную серию военных конфликтов. Это Пятидневная война в Грузии 2008 года между Грузией с одной стороны и Южной Осетией, Абхазией и Россией с другой; грузинская операция против Южной Осетии носила название «Чистое поле» и была заранее разработана Грузией совместно с США, а грузинские вооружённые силы были подготовлены в тесном сотрудничестве с НАТО. Другой инцидент — Гражданская война в Ливии 2011 года, также известная как Первая гражданская война, которая была инспирирована и поддержана США, в том числе посредством участия коалиции стран блока НАТО. Аналогичная ситуация имела место в организации Гражданской войны в Сирии в 2011 году, в которой США оказывали военную помощь антиправительственным силам. В 2014 году произошел первый конфликт между Россией и Украиной, связанный с ориентацией украинского руководства на вхождение в НАТО и закончившийся присоединением Крыма к РФ. В 2022 году при прямой поддержке администрации США возник новый

конфликт между Россией и Украиной в форме СВО. Таким образом, период 2008–2022 гг. Америка провела в типичном для себя стиле силового продавливания своих интересов во всех точках мира вопреки интересам других стран. Сегодня Соединенным Штатам противостоят почти все государства, претендующие на политический суверенитет.

Сказанное позволяет констатировать, что главная ошибка Запада в лице ее флагмана – США – состоит в категорическом нежелании учитывать интересы других стран и специфику происходящих в них политических процессов. Тем самым Америка оказалась в состоянии войны против всех, что ставит ее в крайне невыгодное с геополитической точки зрения положение. Ярко выраженный политический эгоцентризм США здесь и далее будем называть *Вторым цивилизационным сбоем* внутри Западной мегацивилизации.

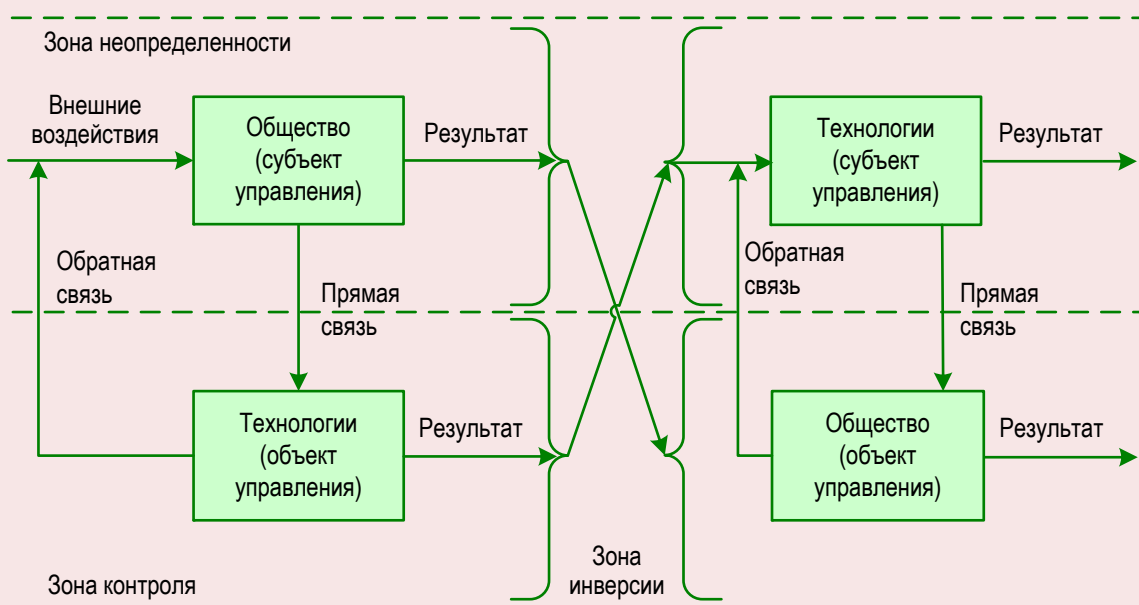
Феномен полной кибернетической инверсии

Выше мы рассмотрели два цивилизационных сбоя Западной цивилизации, которые делают ее весьма уязвимой в условиях начавшейся гибридной войны. Однако для лучшего понимания, раскроем их генезис, сущность и механизм возникновения.

Начнем с Первого цивилизационного сбоя, для которого актуальны два вопроса. Первый: почему именно Западная цивилизация оказалась апологетом Трансгуманизма и Искусственного Мира? Второй: почему эта тенденция не затронула в той же мере Не-Запад?

Ответы на поставленные вопросы основаны на факте технологического лидерства Запада. Именно западный капитализм породил феномены экономического роста и перманентного технологического прогресса, которых ранее не было в истории человечества. Именно капитализм Запада создал все современные технологии и всю имеющуюся культуру, в рамках которых живет современное человечество. Однако такая ситуация таит в себе вполне определенную опасность, которая была давно изучена в философии и кибернетике: человечество как субъект творчества и управления породило технологический прогресс как объект творения и управления, но, не справившись с масштабом возникшего явления, претерпело системную инверсию, став его заложником и игрушкой (Столерю, 1974). Описанная ситуация предполагает, что субъект и объект управления в кибернетической системе меняются местами, равно как прямая и обратная связи (рис. 1).

Рис. 1. Схема полной кибернетической инверсии «Общество-Технологии»

Источник: составлено автором.

В XX веке эта философско-управленческая проблема стала темой футурологических дискуссий о том, может ли компьютер и искусственный интеллект выйти из подчинения человеку. Нынешний этап эволюции человечества убедительно показывает, что технологии действительно превратились в самодовлеющий феномен, под логику которого человек и общество теперь уже вынуждены старательно подстраиваться. Возможности технологий и предельная рационализация жизни породили идеологию Трансгуманизма и потребность в «деривативе человека» (Дугин, 2010, с. 11). Возникновение подобного социального феномена будем называть *полной кибернетической инверсией* (ПКИ), так как имеет место полная перестановка мест двух подсистем — управляемой и управляющей.

Неудивительно, что Запад, высвободив джинна технологического прогресса, первым и пострадал от него. Серьезность цивилизационного вызова со стороны технологического прогресса осознавалась всегда. Например, еще в 1934 году К.Э. Циолковский проницательно предупреждал: «Лучше медленный прогресс, с возможным ограничением страданий и насилия, чем бешеный, но с большими муками» (Циолковский, 2017, с. 378). Однако технологический прогресс, помимо всего прочего, влечет за собой активные институциональные реформы, в отношении которых английский писатель Роберт Льюис Стивенсон (Robert Louis Stevenson) еще в 1896 году при осмыслении процесса депопуляции туземцев Полинезии писал следующее: «...проблема обстоит так: там, где было меньше всего перемен, значительных или нет, благотворных или вредных, там народ выживает. Где их было больше всего, значительных или нет, благотворных или вредных, там вымирает» (Стивенсон, 2005, с. 45). Современное объяснение такого эффекта состоит в том, что радикальные институциональные реформы и бурный технологический прогресс приводят к разрушению человеческого капитала во всех его проявлениях — девальвации образования, профессиональных навыков и практического опыта, снижении мотивации, возникновении депрессивных состояний, стрессов, общего ухудшения здоровья и т. п. (Балацкий, 2021). Данное обстоятельство позволило В.М. Полте-

ровичу сравнить институциональные реформы с технологическими изменениями, географическими открытиями, войнами и природными катаклизмами (Полтерович, 2014, с. 169). Даже Йозеф Шумпетер (Joseph Schumpeter), будучи поборником экономического прогресса, еще в 1943 году ввел понятие «созидательного разрушения», порождаемого любыми инновациями — технологическими и организационными. «Созидательное разрушение», по его мнению, «является самой сущностью капитализма...», «иллюстрирует... процесс экономической мутации» и «непрерывно революционизирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую» (Шумпетер, 2008, с. 461).

Единственное средство смягчить указанные болезненные эффекты — ограничить темпы технологического и институционального прогресса. Однако в условиях глобальной конкуренции это не представляется возможным: любое экономическое отставание от геополитических соперников чревато гибелью соответствующей страны и народа. Безальтернативность данного выбора в конечном счете порождает феномен ПКИ.

Особый драматизм феномена ПКИ в настоящее время вызван той стадией, на которой находится человечество. Например, по мнению К. Шваба, сегодня мы стоим накануне так называемой Четвертой промышленной революции (4ПР) (Шваб, 2018, с. 48), тогда как другие исследователи считают, что она началась уже в 2000 году (Xu et al., 2018). В соответствии с современными представлениями Первая промышленная революция (1ПР) была направлена на замену самых тяжелых и примитивных видов физического труда (например, работа молотом, перенос тяжестей и т. п.) и привела к *первичному вытеснению физического труда*, тогда как Вторая промышленная революция (2ПР) породила *массовое сокращение физического труда*, оставив только самые легкие ручные операции, требующие внимания и профессиональной сноровки (сбор часов, обслуживание конвейера и т. п.); Третья промышленная революция (3ПР) дала старт *первичному вытеснению умственного труда* (компьютеры разгрузили людей в части простых вычислений, сбора, сортировки, обработки и хранения данных), тогда как 4ПР даст

результат в виде его *массового вытеснения* (за счет создания сложных цифровых систем и алгоритмов) (Балацкий, 2019). Следовательно, в XXI веке ни мускульная сила, ни разум человека уже не будут ценностью, ибо подлежат замене техническими устройствами. Более того, утрачивает былое значение и сам труд во всех проявлениях. В свое время Ф. Энгельс утверждал: «Труд — источник всякого богатства... Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» (Энгельс, 2017, с. 558). Однако теперь любой труд становится рутинной. Это и есть *главный цивилизационный вызов современности*, вызов той техногенной цивилизации, которую построил Запад.

Логичным следствием указанного вызова становится обесценение самого человека и его естественных свойств. Достаточно вспомнить, как возникновение и развитие фотографии постепенно почти полностью ликвидировало живопись как направление искусства; компьютерные технологии и обучающие программы привели к обесценению шахматного состязания; химические препараты (допинг) стали главным фактором спортивных успехов, а интернет-технологии и электронные архивы отвергли традиционные библиотеки и книгохранилища, равно как и труд их персонала. И если 1ПР и 2ПР оставляли для людей обширную «территорию к отступлению» в виде сферы высококвалифицированного труда, то на зрелой стадии 4ПР вытесняемым работникам умственного труда (профессорам университетов, юристам, врачам, бухгалтерам, финансистам, экономистам, управленцам и т. п.) уже некуда мигрировать. Технологии искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, клонирования и коррективки генома открывают новые возможности гибридной эволюции человека, ликвидации семейных проблем, отношений между мужчиной и женщиной и т. п.

Таким образом, логика технологического развития привела к девальвации самого человека и его жизни, породив феномен ПКИ и Первый цивилизационный сбой. Неудивительно, что Западный Мир, став архитектором Искусственной цивилизации, первым отдалился

от своего природного начала; более консервативные сообщества Не-Запада, хотя и затронуты влиянием прогресса, более активно сопротивляются нависшей над ними опасности полной аннигиляции Человека Естественного.

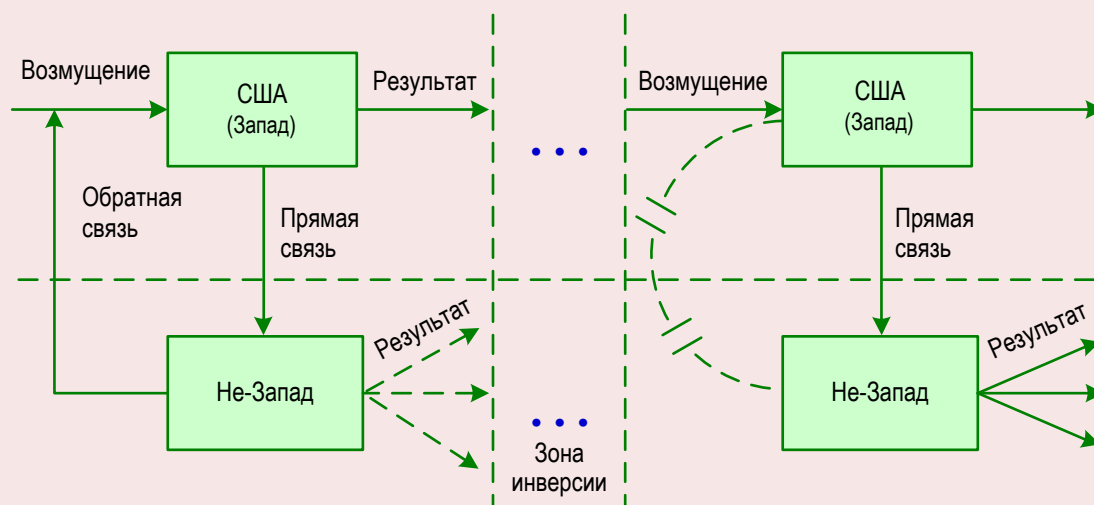
Феномен частичной кибернетической инверсии

Теперь рассмотрим генезис Второго цивилизационного сбоя внутри Западной мегацивилизации, который порождает основную ошибку Запада и состоит в его категорическом нежелании учитывать интересы других стран и в неготовности входить с ними в прямой конфликт. Данное явление также имеет кибернетическую интерпретацию.

Отталкиваясь от того факта, что Запад в лице США до сих пор выступает в качестве центра управления мирохозяйственной системой, его нежелание учитывать интересы участников этой системы означает ни что иное, как обрыв обратной связи в соответствующей кибернетической системе. США сознательно игнорируют информацию о жизни и деятельности других государств и народов и тем самым попадают в *информационный геополитический вакуум*. Фактически они перестают понимать и предвидеть поведение участников МГПП и тем самым открываются всем тем рискам, которые сами же и порождают своими необдуманными действиями. Совершенно очевидно, что в такой ситуации Запад (США) сначала теряет эффективность своего управления Не-Западом, а потом вообще перестает выполнять миссию координатора мировых событий. В конечном счете он столкнется с непредвиденной и крайне нежелательной для него ситуацией, ликвидировать которую уже не сможет. Не исключено, что такие нежелательные для США события будут повторяться вплоть до полной утраты Соединенными Штатами мировой гегемонии. За этим последует полное переформатирование МГПП с сопутствующей ему сменой МЦК.

Как уже было сказано, Второй цивилизационный сбой эквивалентен разрыву обратной связи в соответствующей кибернетической системе, следовательно, ее частичному разрушению, в связи с чем само это явление будем называть *частичной кибернетической инверсией* (ЧКИ), когда две подсистемы оказываются в относительно автономном режиме (*рис. 2*).

Рис. 2. Схема частичной кибернетической инверсии «Запад – Не-Запад»

Источник: составлено автором.

Причина возникновения ЧКИ состоит в монопольном положении США и их традиционном и многолетнем могуществе, позволявшем не обращать внимания на своих конкурентов. Военное, интеллектуальное и финансовое главенство Соединенных Штатов на протяжении примерно 35–40 лет было столь подавляющим, что усыпило бдительность американской администрации. С этим в значительной степени связано катастрофическое падение дееспособности высшего руководства страны, включая ее президентов.

Применительно к России ЧКИ проявляется также в игнорировании политическими кругами США накопленных знаний и исторического опыта взаимодействия Запада и России. На этом поприще Штатами допущено несколько ошибок, достойных упоминания.

Во-первых, при инспирировании конфликта на Украине США проигнорировали тот факт, что в течение всей истории России не она выступала агрессором для Запада, а Запад в отношении нее. Это особенно странно, если учесть, что еще британский историк А. Тойнби 80 лет назад подробно написал об этом. Он справедливо отмечал: «Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы

западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах» (Тойнби, 2011, с. 252). Более того, он напоминает, что вплоть до XIII века отношения между Россией и Западом складывались очень удачно. Однако в период монгольского нашествия Русь ослабела, чем не преминули воспользоваться западные соседи, присоединив к своему миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине, которые России удалось вернуть только в 1945 г. (Тойнби, 2011, с. 254).

Во-вторых, на все военные и технологические вызовы Запада Россия всегда давала эффективный ответ. Например, отмеченные Тойнби акты агрессии против России в 1610 (со стороны Польши), 1709 (Швеции), 1812 (Франции), 1915 и 1941 (Германии) годах были успешно отражены; на технологический вызов 1945 года (атомная бомбардировка США Японии) в 1949 году также был дан адекватный ответ. Несмотря на эти факты, США спровоцировали столкновение России с Украиной в 2014 году, закончившееся присоединением к российской территории Крыма и новым витком гонки вооружений. Итогом этой провокации со стороны Запада стала разработка Россией гиперзвукового авиационного ракетного комплекса «Кинжал», принятого на вооружение в 2017 году, и оснащенного ядерной энергоустановкой беспилотного подводного аппарата

«Посейдон», введенного в строй в 2018 году. После указанных событий обстановка в мире стала максимально напряженной.

В-третьих, чрезмерно настойчивые попытки США внедрить в России после 1991 года демократический режим политического правления привели к прямо противоположному результату – беспрецедентному усилению центральной власти в стране в период правления В.В. Путина. И это после того, как Тойнби пронципально отметил, что с XIV века «доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм» (Тойнби, 2011, с. 254). Более того, Тойнби дал абсолютную точный диагноз причины такого положения дел: «Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями» (Тойнби, 2011, с. 254).

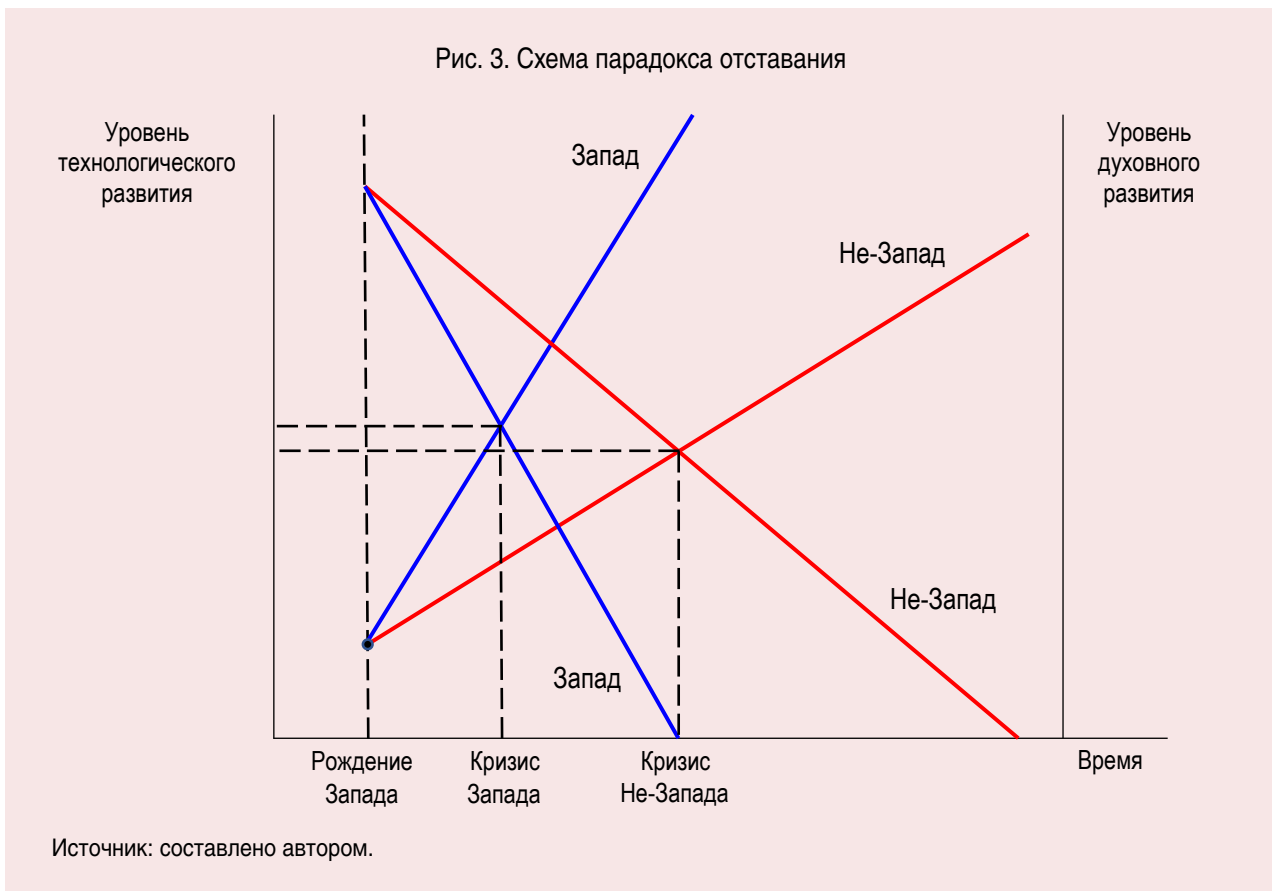
В-четвертых, США втянулись в активное противостояние с Россией в период крушения

собственной либерально-демократической идеологии. С 1945 года столкновение Запада с остальным миром перешло из сферы технологической в сферу духовную (Тойнби, 2011, с. 261). Победа в 1991 году Запада над коммунизмом СССР обнажила аналогичное противостояние с коммунистическим Китаем и стражами исламской революции Ирана. Судя по всему, симпатии большинства населения Земли, в том числе в странах Запада, склоняются к духовным установкам Не-Запада.

Таким образом, иллюзия неограниченной силы и вседозволенности привела США к параличу аналитического сегмента системы управления и действиям, ведущим либо к поражению Запада, либо к гибели всего мира, включая и сам Запад.

Парадокс отставания

Чтобы понять общий расклад сил в гибридной войне Запад/Не-Запад, следует рассмотреть два ее измерения – технологическое и духовное. Для этого достаточно воспользоваться крайне упрощенной, но очень наглядной схемой на *рис. 3*.

Для обеих мегацивилизаций «Запад» и «Не-Запад» характерен свой уровень технологического и духовного развития, который отражен соответственно на левой и правой осях рис. 3. Для упрощения будем полагать, что в начале времен Запад и Восток находились примерно на одинаковом уровне развития технологий, равно как и на духовном уровне. Главной характеристикой и преимуществом Западного мира является его ускоренное по сравнению с остальным миром технологическое развитие (на рис. 3 это отражено двумя сплошными возрастающими прямыми, где линия для Западного мира имеет больший угол наклона). Однако одновременно с этим Запад гораздо быстрее деградировал духовно (на рис. 3 это отражено двумя пунктирными убывающими прямыми, где линия для Западного мира имеет также больший угол наклона относительно временной шкалы). Несложно видеть, что точка пересечения двух кривых для Запада соответствует более раннему периоду времени по сравнению с точкой пересечения кривых для Не-Запада. Сами точки пересечения можно интерпретировать как кризис Западной и Не-Западной цивилизаций соответственно, когда материальное начало начинает превалировать над духовным¹.

При таком изображении цивилизационного прогресса оказывается, что отстающая мегацивилизация Не-Запад позже приходит к тотальному духовному кризису по сравнению со своим конкурентом в лице Запада². Таким образом,

¹ Рис. 3 схематично отображает процесс наложения духовных и технологических трендов в развитии двух мегацивилизаций. Однако единицы измерения двух процессов не совпадают, в связи с чем и пересечение соответствующих кривых может носить только качественную интерпретацию, иллюстрируя лишь сам факт доминирования той или иной стороны социальной динамики. Тем не менее для обсуждаемой проблемы этого вполне достаточно.

² Несложно видеть, что в зависимости от угла наклона соответствующих кривых Не-Запад может не только позже прийти к кризису по сравнению с Западом, но и на более высоком уровне духовного и материального развития, что само по себе означает менее выраженный кризис. В более общем случае можно говорить о том, что сохранение человечества требует радикального разворота кривой духовного развития — с убывающей на возрастающую, желательна в обеих мегацивилизациях. У Не-Запада эта иллюзорная возможность хотя бы теоретически сохраняется, тогда Запад уже явно не успевает пересмотреть свои базовые духовные установки.

наблюдается своеобразный *парадокс отставания*, когда более передовая цивилизация раньше оказывается в состоянии духовного кризиса и распада, тогда как отстающий мир получает временное преимущество.

В основе рассмотренного парадокса лежит представление, согласно которому современный мир в духовном отношении с течением времени не развивался, а деградировал. Ярким выразителем этой позиции считается французский философ, автор работ по метафизике, традиционализму и символизму Рене Гёнон (René Guénon). Подобные утверждения относительно динамики духовной сущности человечества могут быть подтверждены только косвенными данными, однако весь ход мировой истории и особенно последних 100 лет недвусмысленно показывает справедливость доктрины Гёнона, что и позволяет использовать ее в качестве рабочей гипотезы³.

Строго говоря, парадокс отставания представляет собой некую метафизическую модель человеческой цивилизации, которая нуждается хотя бы в самом беглом пояснении. Например, само наличие двух линий развития — духовной и технологической (материальной) связано с оппозицией, которую О. Хаксли характеризует как «созерцание/действие» (Хаксли, 2018, с. 465); в терминологии Р. Гёнона это оппозиция «умозрение/действие» (Гёнон, 2021, с. 111). В зависимости от преобладания того или иного полюса формируется либо преимущественно деятельная натура человека, либо преимущественно контемплативная (созерцательная)

³ Примером оцифровки моральной и духовной деградации может служить подход Эдварда Глейзера (Edward Glaeser) по идентификации семи смертных грехов человечества: алчности, зависти, лени, чревоугодия, похоти, гордыни и гнева. Например, усиление феномена чревоугодия можно оценить через долю людей, страдающих ожирением, или через долю лиц, систематически практикующих религиозный пост. Рост гордыни и нарциссизма можно оценить посредством социологических замеров самооценки людей; альтернативный вариант — замер частоты употребления слова «я» в различных падежах в текстах популярных песен за разные периоды времени (Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее (2016) / под ред. И. Паласиоса-Уэрты. М.: Издательство Института Гайдара. 304 с., с. 132). Таким образом, даже самые тонкие материи могут быть вполне адекватно оцифрованы посредством косвенных замеров и использования прокси-переменных.

личность. Во всех самых древних духовных традициях постулируется положение, согласно которому цель человеческой жизни — созерцание (т. е. прямое и интуитивное постижение Бога, Абсолюта, Брахмана и т. п.), а средство достижения цели — действие (преобразование мира и себя); в учениях Запада все наоборот: цель — действие, а средство — созерцание (в низшей форме — дискурсивное мышление) (Хаксли, 2018, с. 465). Доктрина созерцания порождает *духовные (абстрактные) ценности холистического типа* (истина, творчество, знание, красота, любовь и т. п.), а доктрина действия — *эгоистичные материальные (конкретные) интересы* (бытовой комфорт, норма прибыли, удержание власти и т. п.). Сказанное делает схему на рис. 3 более понятной. Соответственно, момент, когда высшим смыслом развития цивилизации становится прогресс технологий, а не духовные ценности, означает наступление духовного кризиса.

Рассмотренные в предыдущих разделах Первый и Второй цивилизационные сдвиги в функционировании Западной мегацивилизации выступают проявлениями и косвенными доказательствами действия парадокса отставания. Действительно, технократия Запада уже отрицает культуру и историю человечества как изжившие себя явления и тем самым убирает духовную основу самого человека (Дугин, 2010, с. 12). Как справедливо отметил И. Р. Шафаревич, принцип технологической цивилизации Запада «состоит в постепенном вытеснении природных элементов техникой» (Шафаревич, 2003, с. 366). В более радикальной формулировке «цель западного прогресса — уничтожить природу и заменить ее искусственной природой-техникой» (Шафаревич, 2003, с. 366). Если следовать логике О. Шпенглера, то «цивилизация — это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей» (Шпенглер, 2009, с. 43); важнейшим же признаком упадка Западной цивилизации является угасание духовного творчества. Факт, что Рафаэль и Моцарт, Сервантес и Гете, Шекспир и Диккенс уже остались в далеком прошлом Запада, подтверждает этот тезис. Однако Шафаревич развивает его, говоря о двух этапах развития Западного мира — раннем, связанном с созданием науки, и позднем, в рамках которого идет создание техники.

И если наука открывает законы природы, а техника — это использование уже известных законов природы, то ранний этап существования Запада основан на духовном постижении мира, а поздний — на практических приложениях духовных достижений (Шафаревич, 2003, с. 421). Разумеется, сегодня уже имеется множество дополнительных признаков духовной деградации Запада, подробно останавливаться на которых не имеет смысла.

Развитие событий вокруг СВО на протяжении 2022 года также дает дополнительные аргументы в пользу более заметного морального разложения Запада, который слишком далеко зашел в своих политических интригах и не останавливается даже перед подталкиванием руководства Украины к бомбежкам АЭС и оказанием ему помощи в создании «грязной бомбы» с радиоактивной начинкой⁴.

Парадокс отставания имеет важное значение для понимания складывающейся диспозиции на поле действий нынешней гибридной войны. В связи с этим уместно еще раз вспомнить А. Тойнби, который полагал, что в соревновании Западной и Не-Западной цивилизаций используются как материальные, так и духовные инструменты. В качестве последнего выступает мировоззрение Не-Запада, способное перевесить материальные орудия Запада (Тойнби, 2011, с. 258). Например, с 1917 года наибольшую опасность для Запада несла в себе идея коммунизма.

К сказанному следует добавить и то обстоятельство, что духовность человека естественным образом проявляется в его материальном *самоограничении* и повышенной требовательности к себе, тогда как философия действия, наоборот, провоцирует повышенные претензии к окружающему миру в свою пользу и к материальной *экспансии*. На практике это означает, что более духовный индивидуум склонен к профессиональному перфекционизму, способен к большей концентрации и достижению большей эффективности в работе, продуцированию более качественных артефактов, тогда как сугубо материальная ориентация человека зачастую порождает брак, халтуру и отчуждение

⁴ См., например: https://aif.ru/politics/v_mid_rf_dopustili_sodeystvie_zapada_v_sozdanii_ukrainoy_gryaznoy_bomby

от труда. Вряд ли нужно доказывать, что духовные качества людей сами по себе уже являются огромным преимуществом цивилизации при ее столкновении с геополитическим противником. Именно большая духовность народа, в конечном счете, и проявляется при рождении пассионарности, о которой более подробно будет сказано ниже.

Еще одной важной характеристикой духовной деградации общества выступает бесконечная суета индивидуумов в обществе с сопутствующими ей «метафизическим беспокойством» и «метафизической тревогой» (Генон, 2020, с. 21), что лежит в основе большинства современных болезней — от рака до психических нарушений и деменции. В связи с этим можно говорить о том, что Запад представляет собой общество больных людей. Указанное обстоятельство не может не вызывать протеста, типичным примером которого служит позиция британского разведчика Дж. Блейка, перешедшего на сторону СССР: «...я всегда ненавидел соревнование между людьми. Получать от этого удовольствие мне кажется чем-то унижительным и недостойным человека. Делать что-то хорошо надо для самого себя, а не для того, чтобы превзойти или затмить другого... По тем же причинам меня никогда не привлекал бизнес. Мне ненавистна сама мысль принимать участие в крысиных бегах, где ты либо преуспеваешь, либо будешь выброшен не свалку, как мусор, где человек так захвачен деланием денег, что не остается времени ни на что другое, даже на то, чтобы получать удовольствие от траты этих денег» (Блейк, 2006, с. 136). Далее Блейк выносит окончательный вердикт индивидуализму Запада: «Когда сравниваешь себя с другими, всегда становишься ожесточенным или самовлюбленным, потому что рядом есть кто-то лучше или кто-то хуже» (Блейк, 2006, с. 137). Иными словами, образ жизни с большей духовностью всегда будет центром притяжения для огромных масс людей.

В завершение этого раздела отметим, что рассмотренный выше парадокс отставания представляет собой крайне упрощенную модель происходящих цивилизационных сдвигов. В реальности восходящая линия технологического прогресса и нисходящая линия уровня духовного развития людей могут ломаться сколь угодно разнообразным образом — не только за

счет стабилизации ситуации, но путем временного разворота тенденции. Однако на больших временных интервалах направления генеральных трендов сохраняются.

Разрушение национальной модели социальной эволюции России; анатомия неокOLONиализма

К открытой фазе Четвертой гибридной войны с Западом Россия подошла с колоссальным объемом самых разнообразных проблем. В связи с этим необходимо понять, способна РФ выступать полноценным участником войны и может ли она рассчитывать на победу в ней. Для этого рассмотрим четыре глобальные социальные проблемы России, которые окончательно обнажились к 2022 году.

Проблема № 1 — политический аутизм населения России. После 1991 года в стране имел место крайне негативный эффект начальных условий, идущий с советских времен. Так, в СССР идеологическая и политическая обработка молодежи в школах и университетах основывалась на догмах и велась довольно примитивно, а сама политическая жизнь страны была столь инертна и искусственна, что результатом стало почти полное отторжение выпускниками школ и вузов политики в качестве области их интереса. Отвращение молодежи и людей среднего возраста к политике лежало в основе индифферентного отношения советского населения к распаду СССР. Люди либо не понимали, что происходит, либо даже поддерживали падение коммунистического режима, не осознавая того, что с ним вместе рушится и вся государственность вообще. После 1991 года политическое сознание всех бывших народов СССР было вообще парализовано необходимостью выживать в новых условиях. Сегодня пока радикально ничего не изменилось — у россиян нет чувства принадлежности к одному народу, нет понимания, что стране снова угрожает опасность; мелкие бытовые проблемы по-прежнему перевешивают политическое самосознание людей.

Проблема № 2 — тотальная депрофессионализация и декартификация кадров страны. После 1991 года в России началась беспрецедентная деградация национальной экономики. Все наукоемкие производства были закрыты или до предела сокращены. Следствием этого процесса стала не востребоанность науки и любых разработок, а затем и качественное образование. Профессиональные знания, навыки и опыт в

условиях отсутствия спроса на них постепенно «испарялись». Фактически сохранение профессионализма и мастерства в своей сфере стало маргинальной стратегией единиц, вместо того чтобы быть общенациональной идеей, каковой она была в СССР. Сегодня в России почти во всех отраслях работают дилетанты, которые не имеют профильного образования и опыта работы, в связи с чем вынуждены самостоятельно осваивать различные навыки, что в большинстве случаев принимает форму архаичной и непродуктивной самодеятельности.

Проблема № 3 – отсутствие адекватной политической элиты. После 1991 года к власти, включая высшие посты в правительстве и крупном бизнесе, пришли люди, полностью отрицающие главный принцип политической элиты – Служение отечеству. Даже само понятие отечества для большинства этих людей утратило смысл, ибо свои денежные авуары, недвижимость и членов семьи они переправляли за рубеж. В России для представителей власти и крупных компаний не осталось никаких ценностей, кроме возможности нажать в ней богатство с его последующим вывозом в более благополучные страны. До сих пор указанный синдром крыс, бегущих с тонущего корабля, проявляется во всех слоях российского населения.

Проблема № 4 – отсутствие у страны государственной идеологии. До сих пор п. 1 ст. 13 Конституции РФ гласит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие»⁵. Признание идеологического многообразия привело к отсутствию идеологии вообще, в связи с чем население оказалось без элементарной духовной основы, без понимания перспектив и объединяющего начала. В условиях СВО эта проблема проявилась во всей полноте. Частным проявлением идейного вакуума, в котором оказалось российское население, стало массовое уклонение от мобилизации и бегство призывников из страны.

Наличия перечисленных четырех проблем достаточно для крушения национальной модели развития России. В связи с этим достаточно напомнить, что Ли Куан Ю в основу развития

Сингапура поставил следующую формулу: «Успех страны = Гениальное управление + Тотальный кадровый перфекционизм» (Ли, 2018). Эти условия эквивалентны наличию высокого профессионализма кадров и максимально ответственной политической элиты, чего в России не было последние 31 год. Если к этим двум «провалам» добавить отсутствие идеологии и чувства единства у народа, то можно констатировать, что Россия к началу СВО подошла, не имея никакой основы для победы в ней. Однако в связи с этим правомерно задать вопрос, как сложилось такое положение дел и можно ли его исправить.

Как правило, столь явные институциональные провалы редко происходят самостийно, они рукотворны. Для России они представляют собой естественное следствие установленной после 1991 г. системы внешнего управления страной – неокOLONиализма (Balatsky, 2022a). Действия сети западных эмиссаров и марионеточного правительства шли по следующему сценарию.

Нынешняя Конституция РФ была принята в 1993 году и в нее фактически специально был внесен упоминавшийся п. 1 ст. 13. После крушения коммунизма стране уже не дали шанса не только сохранить старую идеологию, но и построить новую. Более того, в тот момент не было никаких объективных условий для выработки нового идеологического курса; в дальнейшем оставалось лишь сохранять данный пункт Конституции РФ, делая тем самым незаконными любые попытки выработки государственной идеологии. Одновременно был приведен в действие принцип, сформулированный Зигмунтом Бауманом (Zygmunt Bauman) (Бауман, 2008, с. 40). В современной трактовке принцип Баумана выглядит следующим образом: возможности разделяют людей, тогда как отсутствие возможностей – объединяет их (Балацкий, 2011, с. 136). Вся эпоха существования России с 1991 года, особенно с начала XXI века, характеризовалась генеральным противоречием: граждане России постепенно жили все лучше и лучше, а страна катилась в пропасть – к окончательной утрате технологического суверенитета (Balatsky, 2022a, p. 56). Это противоречие также было рукотворным: нефтегазовая рента «размазывалась» по всему населению

⁵ См.: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/>

страны, обеспечивая людям весьма приличный уровень жизни, в связи с чем продуцировалась тенденция к разобщенности населения. Граждане России покупали квартиры и дома, ездили в путешествия и на отдых за границу, приобретали современные импортные автомобили, а отечественное производство постепенно деградировало, продуцируя утрату технологического суверенитета. В условиях СВО проблема разобщенности народа и отсутствия стратегически значимых производств полностью обнажилась. Сегодня гигантская российская политическая оппозиция, переместившаяся в другие страны и ведущая оттуда антиправительственную пропаганду, равно как и масса населения, озлобленного из-за ухудшения жизни после начала СВО, являются типичным примером рукотворной реализации принципа Баумана в условиях отсутствия государственной идеологии.

Разобщение народа подкреплялось дезавуированием истории страны и абберацией русского языка. Например, уже во время позднего СССР фигуры И.В. Сталина, Н.С. Хрущева и отчасти В.И. Ленина были частично демонизированы, а после 1991 года они подверглись полномасштабной фальсификации. В результате практически весь советский период был предан своеобразной исторической анафеме, что подрывало связь народа со своей собственной историей. В настоящее время полным ходом продолжается развенчивание положительных дел более ранних исторических деятелей страны, включая Петра I. Тем самым процесс очернения истории российского государства постепенно уходит вглубь веков, окончательно лишая народ своих корней и предмета исторической гордости за страну. Новыми ложными интерпретациями исторических фактов наполнены не только все виды СМИ, но и научные конференции, учебники и монографии. Параллельно кампания ЕГЭ и реформа русского языка, направленная на введение формальных правил, которых никогда раньше не было, привели к тому, что сегодня почти вся страна говорит неправильно, делая немыслимые ударения в словах, которые раньше не вызывали никаких разночтений. Новые правила безальтернативно навязываются ученикам школы и являются основой для сдачи экзамена. Даже из навигатора компании «Яндекс» голосовой робот произносит русские слова с откровенно неправильным

ударением. Последним аккордом Запада, «обидевшегося» на Россию из-за СВО на Украине, стал его отказ от великих литературных и музыкальных произведений представителей русской культуры.

Указанные меры по подрыву целостности российского народа сопровождались еще двумя «специальными операциями» – подрывом профессионализма населения и отторжением политической элиты от страны ее происхождения. Для обеспечения успеха первой операции был не только разрушен наукоемкий сектор экономики страны, но и организован *механизм отрицательной селекции*, когда на все руководящие позиции в политике и экономике назначались не лучшие представители народа, а его худшие образцы. Это гарантировало, что никакие реальные политические и экономические проблемы страны не будут решены, и одновременно подавляло естественное стремление людей к профессиональному совершенству. Причем следует отметить, что механизм отрицательной селекции может быть только *искусственным*, т. к. в естественных условиях само наличие масштабных проблем обязательно приводит на верхние этажи руководства компетентных людей. В России этого практически не происходило, что лишней раз свидетельствует о внешнем инспирировании процессов социальной деградации. И, наконец, логичным завершением неокOLONиальной политики является отторжение политических и экономических элит от страны их происхождения. Это достигалось международной открытостью России, когда ее граждане могли свободно перемещать свои капиталы за рубеж; нестабильность российского режима на фоне надежности западных стран предопределяла однозначный выбор элит. Развернувшаяся в настоящее время кампания по «наказанию» (арест счетов, отъем недвижимости, отказ в визах и проч.) представителей российских элит за нежелательные для Запада действия российского руководства лишней раз подтверждает рукотворность проводимой в отношении России политики предыдущего периода.

Нельзя не отметить, что деградация населения и элит в России отнюдь не достигла своего предела, а имеет дальнейшие впечатляющие перспективы. Здесь уместно напомнить результаты эксперимента «Вселенная 25», постав-

ленного на мышах Джоном Кэлхауном (John Calhoun) в 1968–1972 гг. (Calhoun, 1973): создание для животных искусственного рая, в котором еда, территория и строительный материал для гнезд были неограниченны, привело к полной депопуляции отобранной для эксперимента группы мышей. Итогом данной работы стала формула «смерть в квадрате»: вымирание популяции происходит в два шага – сначала разрыв *социальных связей* между особями, а потом их социальный аутизм и безразличие из-за потери *смысла* жизни (Calhoun, 1973). Именно этот алгоритм сегодня реализуется марионеточными режимами Запада в отношении стран и народов, подлежащих ослаблению и уничтожению.

В настоящее время в России СВО способствует преодолению всех перечисленных синдромов, однако вопрос состоит в том, возможен ли в этом направлении коренной перелом ситуации в условиях активной фазы гибридной войны с Западом.

Когнитивный цикл «Решения – События»

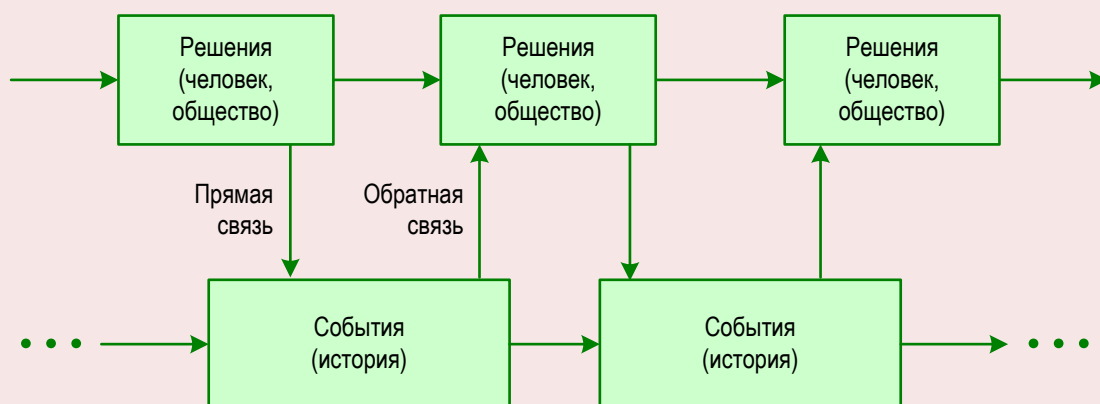
При исследовании исторической динамики необходимо учитывать ключевые механизмы трансформации социальных систем, один из которых рассмотрим в этом разделе.

В современной нейробиологии хорошо известен *принцип нейропластичности мозга*, введенный в науку Ежи Конорски (Jerzy Konorski) и состоящий в возможности мозга изменяться под действием опыта человека, в том числе замещать одними участками мозга функции, за

которые отвечали другие, поврежденные участки (Гоулман, 2005). На уровне общества данный принцип имеет свой эквивалент в форме *принципа культурной пластичности цивилизации*, предполагающего способность социальной системы корректировать принимаемые ее руководителями решения в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Наличие принципа культурной пластичности общества ответственно за эволюцию народов и стран. Например, без него нельзя было бы объяснить, как немецкая культура XX века смогла породить фашизм и нацизм со всеми вытекающими последствиями. Столь же проблематично объяснить и такое явление, как превращение Сингапура всего лишь за полвека из замусоренной небольшой территории в самое передовое карликовое государство. В основе принципа культурной пластичности лежит *когнитивный цикл «Решения – События»*, состоящий в том, что общество (человек) генерирует определенные решения, которые порождают некие новые события, учитываемые в следующем раунде принятия решений; и так до бесконечности (рис. 4). Именно сопряженность когнитивного процесса осмысления людьми реальности и их действий по изменению этой реальности формирует «шнурочную» схему истории, описанную Джорджем Соросом (Сорос, 1996). Данный цикл демонстрирует неразрывную связь между ментальными процессами и материальным окружением.

Рис. 4. Схема когнитивного цикла «Решения – События»

Источник: составлено автором.

Значение когнитивного цикла «Решения — События» состоит в том, что он снимает предопределенность какого-либо исхода в геополитическом противостоянии разных сил. Согласно указанному принципу, не только люди *продуцируют* события, но и события *формируют* людей. Этот вопрос тесно примыкает к хорошо известной проблеме о роли личности в истории. Однако Г.В. Плеханов, всесторонне рассмотревший данный вопрос, лишь наметил ответ на него, указав, что для реализации потенциала личности требуются определенные исторические условия (Плеханов, 2013). Такой ответ предполагает *статический* срез рассматриваемой ситуации — либо условия есть, либо их нет. Вместе с тем когнитивный цикл «Решения — События» дает нам более полную *динамическую* картину и говорит о том, что даже при отсутствии изначальных условий для реализации потенциала той или иной выдающейся личности они со временем могут быть созданы. Более того, череда событий может сформировать искомые условия, которые сами породят и востребуют нужную для проведения тех или иных решений личность. Наиболее впечатляющей иллюстрацией действия этой схемы может служить факт повторяемости научных открытий и разработок: если есть запрос на соответствующее открытие (разработку) и есть условия для выполнения необходимых для этого процедур, то появляется не один человек, а множество людей, способных удовлетворить открывающуюся потребность.

Сделанное уточнение имеет важное значение для понимания хода и последствий проводимой СВО и всей мировой гибридной войны. На протяжении 8 месяцев боевых действий на Украине можно было наблюдать крайнюю нерешительность и непоследовательность руководства России по их проведению. Политика этих месяцев строилась по принципу «Шаг вперед — два шага назад». Однако сам ход операции и ее результаты на разных этапах постепенно вели к смене характера управленческих решений со стороны российской власти. В настоящее время наметилась большая последовательность в действиях Вооруженных сил РФ. Однако главный вывод из сказанного состоит в том, что изначально сгенерированное событие способно привести к совершенно непред-

сказуемым последствиям. Например, СВО при достаточно длительном ее проведении способна привести к власти новую политическую элиту, породить новую идеологию и качественно иные управленческие решения.

Структурная модель эволюционного скачка

Расклад сил в МГПП сам по себе не дает возможности предвидеть какие-либо события и тем более исход возникшего столкновения мегацивилизаций. Итог в таких конфликтах во многом зависит от комплекса субъективных факторов, которые либо позволяют, либо не позволяют реализовать объективный потенциал цивилизации. Для определения этой группы факторов Л.Н. Гумилев ввел весьма удачное понятие — *пассионарность* этноса, под которой понимается объем жизненной энергии, имеющейся в этнической системе; в свою очередь пассионарность этноса проявляется в выполняемой им работе, принимающей форму исторических событий (Гумилев, 2016, с. 283). Пользуясь терминологией Артура Шопенгауэра, можно сказать, что историческая работа этноса (цивилизации) кристаллизуется в совокупности его *деяний* (географических открытиях, завоевательных и оборонительных войнах, актах самопожертвования и т. п.), направляемых великими сердцами, и *творений* (скульптурах и живописных полотнах, музыкальных произведениях композиторов, книгах философов и писателей, открытиях ученых и т. п.), требующих великой головы (Шопенгауэр, 2011, с. 86). Это и позволяет уяснить величину *пассионарного напряжения* этноса, т. е. его удельной пассионарности (Гумилев, 2016, с. 283).

Гумилев вполне справедливо полагал, что в основе пассионарности лежит понятие *этнического поля*, т. е. неких энергетических вибраций, пронизывающих всех представителей того или иного этноса (Гумилев, 2016, с. 317). Однако источник взрывов (скачков) пассионарности народа он усматривал в планетарно-космических, чисто природных процессах: излучении Солнца, тектонических движениях земной коры, сейсмологической активности, электромагнитных бурях и т. п. Такое представление является глубоко ошибочным и может служить примером примитивного редукционизма, когда социальные и духовные явления сводятся к физическим и химическим реакциям.

А. Тойнби гораздо тоньше и проницательнее объяснял эволюционные витки цивилизаций, вводя в рассмотрение модель «Вызов — Ответ», справедливо полагая, что любое значимое историческое явление представляет собой реакцию на экзистенциальный вызов со стороны окружающего мира (Тойнби, 2011). Действительно, только экстраординарные события стимулируют объединение больших групп людей и вызывают их согласованные действия. В этом плане Л. Гумилев был солидарен с А. Тойнби: «Подлинная связь [между народами и культурами] — это связь духовная, а не родовая, не природная, не социальная, и достигается она только перед лицом „абсурдных ситуаций“, „последних вопросов“, когда общение людей совершается на экзистенциальном уровне» (Гумилев, 2016, с. 373–374). Однако ответ этноса, даже обеспечивающий его простое самосохранение, сам по себе еще не ведет к социальной эволюции и прогрессу цивилизации. На это обстоятельство обратил внимание Нассим Талеб, который уточнил механизм эволюционного витка. Согласно его пониманию, социальные системы обладают способностью самосовершенствоваться (повышать свою функциональность относительно исходного состояния) под воздействием неблагоприятных обстоятельств. В основе указанного свойства лежит механизм *гиперкомпенсации (гиперреакции)*, когда система с лихвой компенсирует урон, нанесенный ей изначальным стрессом (Талеб, 2014, с. 73–75). Наличие такого свойства позволяет социальным системам эволюционировать за счет высвобождения их скрытых резервов. Несколько позже в литературе был раскрыт механизм гиперкомпенсации, включая основные фазы его протекания (Балацкий, 2015, с. 119); ниже мы уточним эти более ранние результаты.

Сказанное позволяет синтезировать все имеющиеся знания для раскрытия механизма рождения пассионарности этноса (государства). Рассмотрим его схематичное изображение (рис. 5), которое будем называть *структурной моделью эволюционного скачка*. Для этого разобьем весь процесс на несколько стадий.

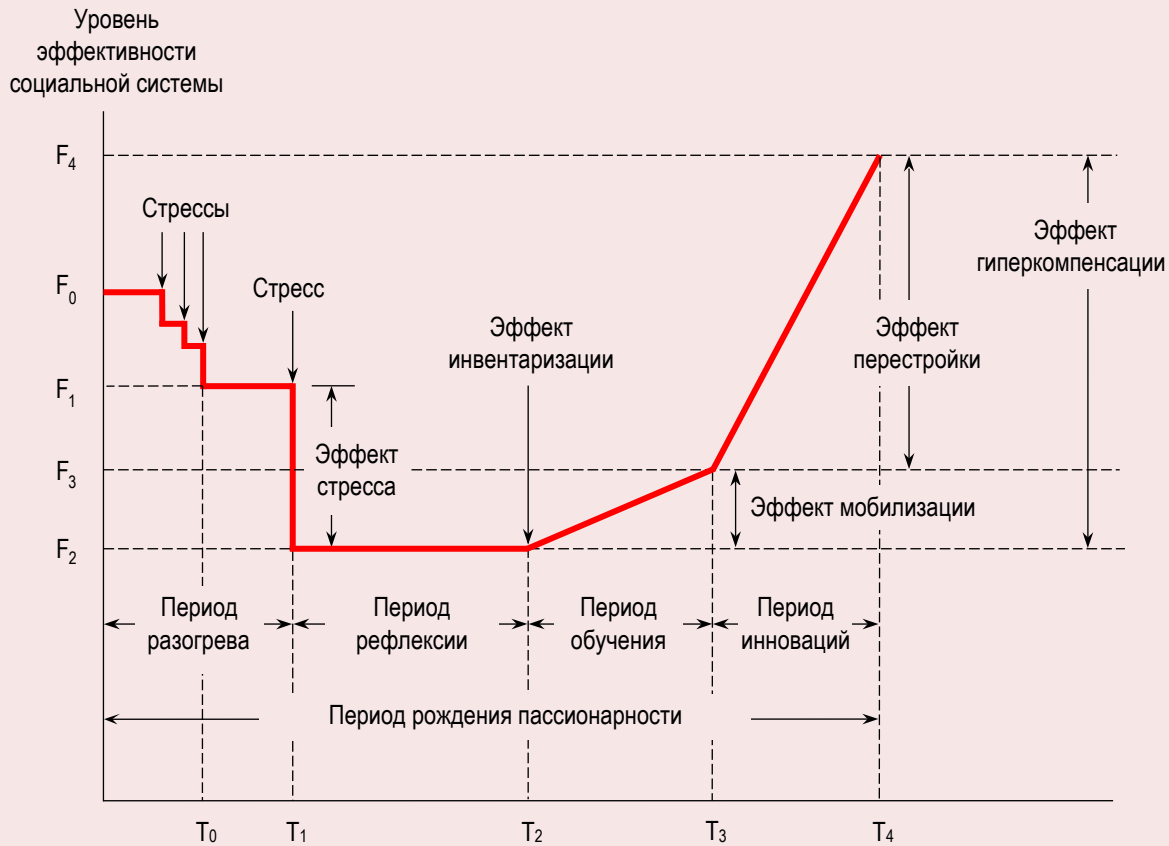
На первой стадии, образующей *период разогрева*, происходит последовательное возникновение стрессоров (вызовов), которые понижают функциональность системы и вызывают пер-

вичные проблемы. Согласно нашей логике одноактный процесс возникновения стресса (вызова) отнюдь не всегда приводит к рождению механизма гиперкомпенсации. Во многих случаях система нуждается в «разогреве» и шоковой встряске, чтобы возникшая проблема была осознана всеми слоями населения. Типичным примером такого разогрева русского народа может служить Отечественная война 1812 года, когда Наполеон Бонапарт смог со своим войском не только дойти до Москвы, но и взять ее, тогда как после ему с трудом удалось уйти из России с незначительными остатками армии. Аналогичная ситуация имела место во время Второй мировой войны, когда Адольф Гитлер со своей армией довольно быстро дошел до Москвы и Ленинграда, но после этого начался новый этап противостояния с перевесом советских вооруженных сил и последующим разгромом Германии. Таким образом, рождение пассионарности этноса является динамическим процессом, растянутым во времени и реализующимся последовательно за несколько исторических периодов, в том числе в результате *каскада внешних вызовов*. Как правило, среди череды стрессов появляется тот, который оказывается самым болезненным и выступает в роли «последней капли», переполнившей стакан (на рис. 5 это иллюстрируют условия $F_0 > F_1; F_1 > F_2$).

На второй стадии, образующей *период рефлексии*, возникает *эффект инвентаризации*, когда происходит полное переосмысление всех возможностей социальной системы, ее недостатков и скрытых резервов. Именно на этом этапе самопознания в обществе и его системе управления формируется вектор всех дальнейших структурных преобразований для нейтрализации возникших проблем (условие: $dF_2/dT = 0$).

На третьей стадии, образующей *период обучения*, запускается *эффект мобилизации*, когда все ресурсы системы сосредотачиваются на строго определенных, жизненно важных направлениях. Одновременно с этим осуществляется структурная чистка системы от ненужных, вредных или сомнительных элементов и проектов, что в свою очередь также способствует более рациональному перераспределению ресурсов (достигается эффект $F_3 > F_2$). На практике данный этап связан со сменой руководящих

Рис. 5. Структурная модель эволюционного скачка

Источник: составлено автором.

элит на всех уровнях, доминированием во всех сферах принципа профессионализма и устранением идеологической оппозиции.

На четвертой стадии, образующей *период инноваций*, обеспечивается *эффект перестройки* социальной системы на основе новой организационной модели. На этом этапе, как правило, генерируются совершенно новые для государства решения, а также выстраиваются новые управленческие и организационные структуры, направленные на эффективное решение поставленных задач. Именно эта масштабная перестройка всей системы позволяет радикально повысить ее эффективность и достичь результатов, ранее казавшихся невозможными. В итоге функциональные возможности системы оказываются больше, чем во все предыдущие периоды времени, включая моменты первичных вызовов (стрессов) (обеспечение условий $F_4 > F_0 > F_1 > F_3 > F_2$).

Все вместе описанные эффекты позволяют обеспечить механизм гиперкомпенсации и тем самым запустить рождение («взрыв») пассионарности народа.

В завершение следует хотя бы упомянуть три момента в формировании пассионарности. Во-первых, очаги пассионарности обладают свойством динамичности. Как МЦК движутся во времени и пространстве, так и очаги пассионарности перемещаются по планете. Имеется множество примеров, доказывающих корреляцию между центрами мирового капитализма и пассионарной активностью их народов. Во-вторых, пассионарность может быть как *позитивной* (жертвенность, храбрость, креативность, способность преодолевать лишения и т. п.), так и *негативной* (жестокость к врагу, идейная непримиримость, эгоцентризм, гордость и т. п.). Обе составляющие пассионарности идут рука об руку и придают драматизм

историческим столкновениям. В-третьих, пассионарность образуется за счет двух явлений — увеличения *коэффициента полезного действия* системы и сдвига вверх границы ее *потенциала*. Иными словами, растут как *потенциальные возможности* системы, так и *эффективность их использования*.

Рассмотренная структурная модель эволюционного скачка выступает аналитической основой для исследования возникшего противостояния Запад/Не-Запад. Это вносит в анализ динамический аспект, ибо изначальный расклад сил не только не гарантирует того или иного хода событий, но и, наоборот, создает импульсы для изменения исходной диспозиции.

Примат геополитической логики, красные линии и два вечных клана

Рассмотренные в предыдущих разделах когнитивный цикл «Решения — События» и структурная модель эволюционного скачка проливают свет на то обстоятельство, что субъективный фактор, будучи вплетен в логику объективных событий, во многом также предопределен. Однако на нынешнем этапе геополитической турбулентности имеется еще одна группа факторов, которая усиливает сделанный вывод.

Для краткости назовем эти дополнительные факторы геополитическими и раскроем их более подробно. Дело в том, что геополитическая логика, оперирующая *экзистенциальными сущностями*, в период смены МЦК становится *определяющей* и подчиняет себе макро- и микроэкономическую политику, дипломатию и военную стратегию. Например, когда на кону стоит само существование США в качестве гегемона МГПП, то никакие моральные, гуманистические и прочие соображения уже не имеют большого значения. Аналогичным образом обстоит дело и для России, которая отреагировала в 2014 году на провокации с проникновением НАТО (США) на территорию Украины путем присоединения Крыма.

В данном случае речь идет о так называемых *красных линиях*, переходить которые нельзя. Под красными линиями понимаются некие условия мирного сосуществования, и их нарушение равносильно объявлению войны. Например, вытеснение России из Севастополя и разрешение на размещение там военных баз НАТО (США) было воспринято верховным

руководством страны в 2014 году как недопустимое событие, что и спровоцировало присоединение Крыма. В свою очередь власти Украины на потерю Крыма отреагировали введением в отношении него водной блокады путем прекращения подачи воды из Днепра через Северо-Крымский канал, который покрывал 85% потребностей полуострова в пресной воде⁶. Никакие последующие меры по строительству водохранилищ на территории Крыма не смогли решить проблему, вылившуюся в гуманитарную катастрофу засоления почвы, приравненную российским правительством к геноциду населения республики. Тем самым Украина перевела территориальный конфликт в геополитическое измерение, которое требовало вторжения в Запорожскую область для разблокировки и взятия под контроль Северо-Крымского канала. Подготовка же Украиной удара по Донбассу с последующим наступлением на Крым лишь усилила намерения России, что и спровоцировало СВО 2022 года.

Заход геополитического соперника на территорию, в недавнем прошлом принадлежавшую России, является той красной линией, за которой фактически начинается распад государства, с чем мириться никакое правительство не может. Можно сказать, что красные линии отрицают даже те ограничения, которые накладываются на страну неокOLONиальной системой внешнего управления.

Последний момент требует пояснения из-за кажущегося логического противоречия между зависимостью страны от внешнего управления и независимостью в решениях, касающихся красных линий. Дело в том, что в любом достаточно крупном государстве, претендующем на политическую самостоятельность, всегда имеется два политических клана — национально ориентированный силовой блок и космополитически настроенный экономический альянс. В первый входят высшие должностные лица силовых структур страны, прежде всего Вооруженных сил, во второй — руководители крупнейших компаний и экономических ведомств. Силовой блок (силовики) по своей сути является консервативным и национально ориентиро-

⁶ См.: <https://www.pnp.ru/social/pochemu-oonzakryvaet-glaza-na-vodnuyu-blokadu-kryma.html>

ванным, ибо его задача состоит в сохранении и защите государства; в противном случае с крушением государства исчезает и весь его силовой блок. Однако силовики не могут и не должны развивать экономику, без которой страна не существует. Эту миссию призваны осуществить крупный бизнес и экономические ведомства (либералы), по своей сути ориентированные на внешние рынки, торговую экспансию и заинтересованные в международной открытости страны; в противном случае бизнес ограничивает сам себя, сжимается и деградирует. В суверенном государстве поддерживается баланс между этими двумя политическими кланами. Однако в период геополитической турбулентности, когда геополитическая логика становится доминирующей, политический вес силовиков возрастает. Проявляется это в контроле силовиками красных линий, заход за которые равносителен объявлению войны и переходу политической власти в руки военных.

Рассмотренная механика взаимодействия двух политических кланов позволяет понять события последних лет в МГПП. Так, полная подконтрольность России Западу в сфере экономики и культуры «наткнулась» в 2014 году на красную линию в Крыму, в результате чего активизировался силовой блок вопреки интересам экономического блока. Подобный перевес привел к подрыву системы неокOLONIALИЗМА в России. В 2022 году этот инцидент повторился, силовики еще больше усилили свое влияние, а компрадорская элита оказалась в двусмысленном положении. Дальнейший ход событий определит, какая политическая группировка в итоге одержит верх.

Нечто весьма похожее, но менее явное происходит в 2022 году в Китае, где обострение ситуации на Тайване также стало красной линией для силовиков Поднебесной. Для Китая Тайвань является неотъемлемой частью единого государства, а окончательное отделение его островной части равносильно отрицанию целостности и дееспособности китайской цивилизации и краху прежней экономической модели материкового Китая. Конфликт КНР с США из-за Тайваня в 2022 году уже привел к укреплению силового блока страны и позиций Си Цзиньпина, что проявилось в переназначениях на высшие посты государства на XX съезде КПК.

Таким образом, красные линии геополитики выступают в качестве последних ограничений в утрате государствами своего политического суверенитета. И именно поэтому логика красных линий дает старт крушению неокOLONIALИЗМА системы правления США. Это явление можно назвать *приматом геополитической логики над экономической*.

Однако было бы ошибкой думать, что геополитические факторы ограничиваются только маркерами красных линий. На протяжении последних 400 лет роль геополитического фактора возрастала. Например, в центре Первого цикла накопления капитала еще могли оказаться города-государства (Генуя и Венеция), тогда как уже второй цикл требовал полноценного государства. Вместе с тем в качестве МЦК во время второго цикла могла стать страна, еще не до конца отвоевавшая свою национальную независимость (Голландия), тогда как на третьем цикле это было уже недопустимо. И если на третьем цикле возглавить мир могла относительно небольшая европейская страна (Великобритания) при наличии даже более крупных держав (Испания, Франция и Германия), то четвертый цикл вывел на арену самое крупное из возможных на тот момент капиталистическое государство (США). Сегодня геополитическая логика трансформации мировой системы требует становления в качестве МЦК самой крупной в мире и самой богатой природными ресурсами страны капиталистического мира — России. Нарушить эту логику можно, только если разрушить РФ на несколько частей и тем самым уже осуществить принципиальное геополитическое реформатирование МГПП. Тем самым геополитическая логика ставит как перед Западом, так и перед Россией экзистенциальный вопрос — быть или не быть. Этим обстоятельством во многом объясняется взаимная непримиримость Запада и России.

Перспективы гибридной войны

Всё рассмотренное ранее позволяет подойти вплотную к пониманию нынешней гибридной войны, ее текущего и будущего протекания. При этом, как было показано, в эпицентре оказалась Россия, которая подошла к этому событию крайне плохо подготовленной. На первый взгляд кажется, что в стартовавшем противостоянии у России нет никаких шансов победить, однако это не так, что и будет показано ниже.

Дело в том, что Первый цивилизационный сбой Запада сам по себе является проблемой, ибо большинство людей даже внутри Запада не приемлет новой техногенной идеологии. В связи с этим все страны Запада оказываются расколота на две части — сторонников естественной жизни, природного начала в человеке и национальной культуры и сторонников трансгуманизма и космополитизма. Не случайно сейчас впервые за всю свою историю разногласия между республиканской и демократической партиями США стали не просто значимыми, но и принципиально непреодолимыми. Страны Европы также расколота на два лагеря, позиции которых все больше кристаллизуются вокруг отношения к России.

Второй цивилизационный сбой Запада вносит дополнительный раскол внутри данного альянса, когда часть западных государств отворачивается от генеральной антироссийской линии из-за возникших разногласий и противоречий. Например, Венгрия с самого начала придерживалась стратегии сотрудничества с Россией и дистанцирования от Украины. Дальнейший раскол наметился после взрывов «Северного потока — 1» и «Северного потока — 2», когда Европа оказалась полностью отрезана от поставок углеводородов из России и в полной зависимости от США. Воспользовавшись ситуацией, Вашингтон установил цены на сжиженный газ в 4 раза выше цен, действующих для их собственной промышленности⁷; немецкая химическая корпорация BASF решила свернуть деловую активность и сократить количество рабочих мест, когда европейские цены на газ в 6 раз превысили их уровень в США⁸. Однако помимо этого Америка начала активно продвигать Закон о борьбе с инфляцией, предполагающий снижение налогов и энергетические льготы для компаний, инвестирующих на ее территории; кроме того, законопроект легитимирует применительно к рынку электромобилей лозунг «покупать американское». Соединенные Штаты не только осуществляют монопольное завышение цен на газ для Европы, но и перенаправляют ев-

ропейский бизнес и капитал на свою территорию. Неудивительно, что в таких условиях власти Франции и Германии начали переговоры об ответных мерах, способных разжечь торговую войну между двумя важнейшими представителями Запада — США и Европой. Тем самым спустя 8 месяцев после начала СВО на Украине наметился раскол коллективного Запада, а его единство оказалось не столь прочным.

Случай со взрывами газопроводов и ценами на газ требует хотя бы краткого комментария. Так, обрыв газопроводов, по одной из версий инспирированный США и осуществленный Великобританией⁹, сделал Америку монополистом на рынке сжиженного газа в Европе. Это позволило США поднять цены до баснословного уровня в целях обеспечения своих сверхприбылей. Даже если допустить, что цены на газ в США находятся на уровне себестоимости, то 4-х-кратное их превышение обеспечивает американским экспортерам норму прибыли в 300%, а 6-кратное — в 500%. Если же принять более реалистичную гипотезу, согласно которой уровень американских цен вдвое выше себестоимости, то приведенные оценки нормы прибыли поднимутся до 600 и 1000% соответственно. Неудивительно, что ради такой прибыли Штаты готовы пожертвовать политическим партнерством с Европой и позволить себе «не слышать» доводы не только соперников, но и партнеров.

Сегодня уже есть и другие случаи сомнительного сотрудничества внутри Запада. Например, по официальным сведениям страны НАТО передали для украинских раненых военнослужащих консервированную кровь, в которой украинские врачи обнаружили ВИЧ и гепатит¹⁰. Тем самым помощь Украине осуществляется на основе принципа максимальной экономии, даже если это прямо противоречит элементарным медицинским нормам.

Следовательно, единство Запада является всего лишь политическим штампом, а без наличия такого шанса России на успешное

⁷ См.: <https://rus-bel.online/novosti/economica/platit-za-gaz-v-4-raza-bolshe-makron-udivilsya-tsenam-amerikanskih-postavshhikov/>

⁸ См.: <https://inosmi.ru/20221028/sholts-257300349.html>

⁹ Согласно официальным заявлениям, у Службы внешней разведки РФ имеются материалы, указывающие на западный след в организации и осуществлении этих террористических актов в отношении трубопроводов. См.: <https://rg.ru/2022/10/01/razvedka-v-kurse.html>

¹⁰ См.: <https://lenta.ru/news/2022/11/03/natokrovsvu/>

противостояние возрастают. Более того, время будет играть на руку России — усиливать распад Западной коалиции и укреплять Не-Западный альянс.

Но как бы ни сказались два цивилизационных сбоя на Западе, это еще не может компенсировать плачевного состояния России после 31 года неокOLONиальной деградации. Однако здесь кроется своя интрига — расклад сил может принципиально измениться в случае рождения в РФ пассионарности этноса. Логика военного противостояния способна привести к власти иные элиты, породить востребованность профессионализма, сгенерировать дееспособную идеологию и обеспечить единство народа. Причем такой эффект не применим к Западу. Это связано с тем обстоятельством, что именно Запад занимает активную позицию и продуцирует в адрес России глобальные вызовы, на которые она вынуждена отвечать; сам же Запад находится в тепличных условиях, и их нарушение в крайнем случае приведет лишь к «восстанию масс», которое уже начинает проявлять себя; Второй цивилизационный сбой может способствовать тому, что и этот внутренний вызов элиты Запада проигнорируют. Иными словами, имеет место *асимметрия в работе модели А. Тойнби «Вызов — Ответ»*. И эта асимметрия работает в пользу России.

Реалистичность рождения пассионарности подтверждается многочисленными историческими аналогиями. Например, в 1917 году, когда страна проигрывала в Первой мировой войне, находилась многие годы под властью недееспособного правительства и испытывала давление со стороны иностранного капитала, нашлась политическая сила в лице партии большевиков и ее лидера Владимира Ленина, для того чтобы сохранить, а впоследствии модернизировать и укрепить государство нового типа — СССР. К 2000 году Российская Федерация под руководством Б.Н. Ельцина была готова к очередному распаду, однако нашлась фигура В.В. Путина с его командой, которые удержали ситуацию под контролем. Нашествие Наполеона на Российскую империю в 1812 году долгое время не получало эффективного ответа; должно было пройти немало времени, чтобы все механизмы структурной модели эволюционного скачка начали работать в полную силу.

Тем не менее в конечном счете это случилось. Аналогичная ситуация была во время войны 1941—1945 гг.: в первые годы поражение советских войск следовало за поражением, однако за 4 года произошло полное перевоплощение страны, когда и экономика, и оборонный комплекс, и вооруженные силы СССР безоговорочно превзошли потенциал Германии. Можно сказать, что для полного проявления пассионарного толчка потребовалось не менее трех лет, однако он все-таки возник. За это время появились неизвестные ранее военачальники, инженеры, разведчики и пр., которые своим талантом способствовали почти невозможной победе¹¹. Не исключено, что через 2—3 года после начала СВО Россия сможет нейтрализовать свой «низкий старт» и превратиться в эффективно управляемое государство.

Как это ни парадоксально, но война на истощение работает в пользу России, а не Запада. Дело в том, что США уже начинают перенапрягать свои силы на нескольких направлениях. Зреющий конфликт Китай — Тайвань может в любой момент радикально ослабить США — не только вооруженным столкновением, но и разрывом экономических связей, который уже осуществляется полным ходом. Нет никаких гарантий, что в период геополитической турбулентности не начнется объединение Северной и Южной Кореи. Все эти события рано или поздно приведут к ослаблению доллара в качестве мировой валюты, что станет быстрым и масштабным крахом для США. Для иллюстрации последствий такого события проделаем тривиальные расчеты, наподобие выполненных Ю.И. Мухиным (Мухин, 2022, с. 45).

В настоящее время статус доллара США позволяет стране-эмитенту напечатать соответствующие купюры и приобрести на них реальные ценности, поставляемые из-за рубежа. Такая возможность держится на международном консенсусе относительно признания Америки в качестве гегемона МГПП. Тогда рентабельность операции по выпуску долларов в международное обращение определяется соотношением их номинала и себестоимости.

¹¹ Логика протекания длительной войны хорошо раскрыта в популярной работе: https://zavtra.ru/blogs/ocherk_o_vojnah_zh_prostranstvo_vojnah_aresa_evolyuciya_i_razvitie

По имеющимся данным, себестоимость купюры номиналом в 1 и 2 доллара составляет примерно 5 центов, купюра в 5, 10, 25 и 50 долларов – 10–11 центов, купюра в 100 долларов – 12,5 цента; альтернативные источники дают примерно те же цифры¹². Тогда норма прибыли выпуска 1-долларовой купюры составит 1900% (т. е. $[(100-5)/5]100\%=1900\%$), а 100-долларовой – 79900% (т. е. $[(10000-12,5)/12,5]100\%=79900\%$). Таким образом, долларовая эмиссия на закупку товаров извне обеспечивает американскому государству рентабельность операции от 2 до 80 тыс. процентов в год. Даже если учесть все оговорки и ограничения проведенных расчетов, итоговая норма прибыли оказывается все равно фантастической. Разумеется, эта рентабельность не является тотальной для американской экономики, но наличие достаточно большого объема долларовой денежной массы, предназначенной на внешнеэкономические нужды, повышает эффективность бизнеса США до такого уровня, который находится за пределами мечтаний для бизнеса других государств мира. Эти баснословные цифры и лежат в основе столь же невероятного политического могущества США. Соответственно, стоит нарушить сложившийся эмиссионный процесс, как американское могущество начнет ускоренно рушиться. Тем более что аналитики американского издания «Fox Business» уже заподозрили Россию и Китай в работе над созданием обеспеченной золотом новой валюты, способной если не полностью заменить, то существенно потеснить американский доллар в качестве мировой резервной валюты¹³.

Для иллюстрации расклада сил в современном МГПП рассмотрим, сколько стран на настоящий момент обладают действительным политическим суверенитетом. С учетом всевозможных оговорок можно утверждать, что сегодня имеется лишь несколько стран в мире, которые независимы от прямого диктата США. Это Северная Корея, Иран, Афганистан и с некоторыми оговорками Турция и Белоруссия. Свой суверенитет пытаются отвоевать военным

путем Россия, пока мирным путем – Китай¹⁴. Индия также осуществляет финальную политическую эквилибристику по отстаиванию своей независимости; Пакистан борется за это же уже много десятилетий с переменным успехом. Если их попытки все-таки увенчаются успехом (а это более чем вероятно), то американская гегемония рухнет, а с ней ее монополия на мировых экономических рынках и феномен сверхприбыли. Дальнейший ход событий окажется уже в пользу коалиции Не-Запад.

Таким образом, столкновение мегацивилизаций Запад и Не-Запад началось, а его результат остается принципиально открытым. Любые прогнозы относительно исхода стратегического противостояния будут нелепы и безосновательны. Шанс есть у каждой стороны.

Заключение

Выше были рассмотрены основные социальные механизмы, задействованные в геополитическом противостоянии мегацивилизаций и ведущейся между ними гибридной войне. Однако даже зная и понимая работу этих механизмов и действующие в МГПП закономерности, мы не можем вынести обоснованный вердикт о том, за кем же будущее нашего мира. Как в свое время справедливо утверждал Славой Жижек (Slavoj Žižek,), движение капитала стоит за всем прогрессом и всеми катастрофами в реальной жизни (Жижек, 2012, с.189). В свою очередь Нассим Талеб ввел в оборот удачную метафору в виде так называемого *генератора событий* (Талеб, 2009), который «подпитывает» социальную систему новыми явлениями, процессами и событиями, придавая ей необходимые сложность и разнообразие. Именно круговорот капитала и лежащая в его основе логика обеспечивают работу пресловутого генератора событий и выступают в качестве неисчерпаемого горючего для бесконечного преобразования социальной системы (Балацкий, 2013).

¹⁴ Примечательно, что своеобразным критерием на политическую суверенность может служить «фильтр» международных экономических санкций. Например, Иран и Северная Корея являются рекорсменами по длительности действующих в отношении них санкций. Афганистан напрямую вел войну с США на своей территории. Белоруссия уже попала под санкции, а ранее постоянно ограничивалась в экономической активности. Россия стала рекорсменом по масштабности введенных в отношении нее санкций. Наконец, сегодня уже и в отношении Китая вводятся селективные экономические санкции.

¹² См.: <https://na-zapade.ru/zametki/usa/kakova-realnaya-sebestoimost-u-dollara-ssha-iz-chego-ih-delajut/>; <https://www.icpress.ru/news/19835/>

¹³ См.: <https://ruposters.ru/news/31-10-2022/nachalipodozrevat-kitai-rossiyu-razrabotke-novoi-obespechennoi-zolotom-valyuti>

За бортом нашего анализа в противостоянии мегацивилизаций «Запад» и «Не-Запад» остались их идеологемы, их социальный порядок и образ жизни. Именно идейные основания и их вербальные отражения определяют потенциал соответствующего государства, народа, цивилизации и мегацивилизации. Как справедливо констатировал В.А. Волконский, «...слова — это тоже дела. ...большое количество правильных слов обычно повышает вероятность общего развития этических систем сообществ и всего человечества» (Волконский, 2021, с. 43). И, наоборот, большое количество неправильных слов повышает вероятность общей деградации цивилизации. С этой точки зрения Запад все явственнее теряет позиции, генерируя в информационное пространство все более сомнительные тезисы, лозунги и ценности, что говорит не в его пользу. В России же наоборот все чаще появляются люди, говорящие правильные

слова. Дело за малым: умеющий уши да услышит. Если же этого не произойдет, то Россия позорно проиграет нынешнее цивилизационное противостояние и сойдет со сцены МГПП. В связи с этим следует помнить, что история не только не знает сослагательного наклонения, но и не ведает милосердия: государство, которое имело все основания для превращения в новый центр мира и упустившее свой шанс, не имеет права на существование и не достойно жалости.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что содержание данной статьи следует рассматривать не в качестве вереницы строгих научных утверждений, а как системное описание набора механизмов и эффектов, наиболее значимых для понимания современной исторической ситуации. Вместе с тем такое описание может существенно помочь в выработке общей политической и экономической стратегии государства.

Литература

- Балацкий Е.В. (2011). Концепция текущей реальности З. Баумана и ее приложения // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 134–146.
- Балацкий Е.В. (2013). Новые характеристики глобального капитализма // *Общество и экономика*. № 3. С. 59–80.
- Балацкий Е.В. (2015). Концепция антихрупкости социальных систем и ее приложения // *Общественные науки и современность*, № 6. С. 116–130.
- Балацкий Е.В. (2019). Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // *Terra Economicus*. Т. 17. № 2. С. 6–22.
- Балацкий Е.В. (2021). Институциональные реформы и человеческий капитал // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (51). С. 103–124.
- Бауман З. (2008). *Текущая современность*. СПб.: Питер. 240 с.
- Бжезинский Ж. (2007). *Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы*. М.: Международные отношения. 240 с.
- Блейк Дж. (2006). *Прозрачные стены*. М.: Молодая гвардия. 290 с.
- Волконский В.А. (2021). *Смысловые установки и роль государства в эпоху многополярного мира*. М.: Книжный мир. 384 с.
- Генон Р. (2020). *Инициация и духовная реализация*. М.: Тотенбург. 248 с.
- Генон Р. (2021). *Кризис современного мира*. М.: Академический проект. 265 с.
- Гоулман Д. (2005). *Деструктивные эмоции*. МН.: Попурри. 672 с.
- Дугин А.Г. (2010). *Конец экономики*. СПб.: Амфора. 479 с.
- Гумилев Л.Н. (2016). *Этногенез и биосфера Земли*. М.: АЙРИС-пресс. 560 с.
- Жижек С. (2012). *Год невозможного. Искусство мечтать опасно*. М.: Европа. 272 с.
- Ли Куан Ю (2018). *Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965–2000)*. М.: Манн, Иванов и Фербер. 576 с.
- Мухин Ю.И. (2022). *Сталин — хозяин Советского Союза: наука управления страной*. М.: Родина. 272 с.
- Петрущенко Л.А. (2020). *Мифология, философия и немного теории систем*. М.: ИНФРА-М. 118 с.
- Плеханов Г.В. (2013). *К вопросу о роли личности в истории*. М.: Лань. 26 с.

- Полтерович В.М. (2014). Почему реформы терпят неудачу // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (23). С. 169–173.
- Сорос Дж. (1996). Алхимия финансов. М.: Инфра-М. 416 с.
- Стивенсон Р.Л. (2005). В Южных морях. СПб.: Пропаганда. 448 с.
- Столерю Л. (1974). Равновесие и экономический рост: Принципы макроэкономического анализа. М.: Статистика. 470 с.
- Тaleb Н.Н. (2009). Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри. 528 с.
- Тaleb Н.Н. (2014). Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 768 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель. 318 с.
- Хаксли О. (2018). Вечная философия. М.: АСТ. 480 с.
- Хантингтон С. (2021). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 640 с.
- Циолковский К.Э. (2017). Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Книжный Клуб Книговек. 448 с.
- Шафаревич И.Р. (2003). Две дороги – к одному обрыву. М.: Айрис-пресс. 448 с.
- Шваб К. (2018). Четвертая промышленная революция. М.: Э. 208 с.
- Шпенглер О. (2009). Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск: Попурри. 656 с.
- Шопенгауэр А. (2011). Изречения. Афоризмы житейской мудрости. Минск: Харвест. 416 с.
- Шумпетер Й.А. (2008). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо. 864 с.
- Энгельс Ф. (2017). Анти-Дюринг; Диалектика природы. М.: Э, 2017. 832 с.
- Balatsky E.V. (2014). Prerequisites for global geopolitical inversion. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(32), 28–42.
- Balatsky E.V. (2022a). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 42–59.
- Balatsky E.V. (2022b). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Signs of eventual domination. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 33–54.
- Calhoun J. (1973). Death squared: The explosive growth and demise of a mouse population. *Proc. Roy. Soc. Med.*, 66(2), 80–88.
- Xu M., David J.M., Kim S.H. (2018). The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and challenges. *International Journal of Financial Research*, 9(2), 90–95.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, лаборатория математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Balatsky E.V.

Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: The Hybrid War of Civilizations

Abstract. The article discusses mechanisms that are put into action during the hybrid war of civilizations that has unfolded at the present time. For this purpose, the concepts of two antagonistic megacivilizations – the West and the Non-West – have been introduced. We reveal the essence and genesis of the First and Second civilizational failures within Western civilization, reconstruct the anatomy of destruction of the national model of Russia's social development after 1991 under the influence of the

neocolonial governance system. We uncover and interpret the paradox of the lag in the development of the two megacivilizations, look into the genesis of the passionarity of the ethnos, and substantiate the primacy of geopolitical logic over economic logic. We provide an outlook of the current hybrid war between the West and the Non-West. The novelty of our approach consists in combining the knowledge of different sciences to explain social processes during the period of geopolitical turbulence. We look into philosophical phenomena (opposite dynamics of the material and spiritual spheres), cybernetic (full and partial cybernetic inversions), historical (birth of ethnic passionarity), political (hybrid wars), biological (neuroplasticity of the brain), cultural (cultural plasticity of civilization), economic (world currency, phenomenon of superprofits) factors. This made it possible to correlate objective and subjective factors in the confrontation between the two megacivilizations. The main conclusion of the study is that neither the West (USA) nor the Non-West (Russia) has clear advantages in the unfolding hybrid war of civilizations. The tactical superiority of the West is opposed to the strategic superiority of the Non-West; this situation does not allow us to make unambiguous predictions about the future winner.

Key words: geopolitical turbulence, world capital accumulation center, competition, war, world economic system.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 08.11.2022.

Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности

**Дмитрий Борисович
КУВАЛИН**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: dbkuvalin@ecfor.ru
ORCID: 0000-0002-5462-8763

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые сюжеты, связанные с нынешним экономическим кризисом в России, который стал следствием масштабных санкций со стороны западных стран. Проанализированы основные тенденции, сложившиеся в российской экономике после введения санкций. Отражены результаты анкетного опроса представителей российских предприятий, показывающие реакцию отечественных производителей на кризисные явления 2022 года. На основе анализа официальной статистики, отраслевой и корпоративной информации выявлены точки роста, возникшие в российской экономике в новых условиях, и описаны основные причины этих «историй успеха». Осуществлена оценка главных рисков и угроз для развития российской экономики в средне- и долгосрочной перспективе. Предложены способы купирования рисков и угроз. Показано, что в условиях мощного внешнеполитического давления на Россию необходимо значительно расширить сферу применения мобилизационных (плановых) инструментов. Эти механизмы должны обеспечить ускоренное решение таких структурных проблем, как полноценное возрождение ключевых отраслей экономики, развитие инфраструктуры, устранение региональных диспропорций и т. д. Повышение роли мобилизационных инструментов должно обеспечиваться за счет расширения государственных инвестиций, усиления протекционизма во внешнеэкономической политике, внедрения элементов индикативного планирования и валютного контроля, но с обязательным сохранением ключевой функции рыночных механизмов. Выдвинут тезис о возможности мощного рывка российской экономики в современных условиях.

Для цитирования: Кувалин Д.Б. (2022). Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 79–93. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.4

For citation: Kuvalin D.B. (2022). Russian economy under tough external sanctions: Problems, risks and opportunities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 79–93. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.4

Он обоснован, с одной стороны, аналогией с ситуацией конца 1990-х годов (мощный рывок российской экономики сразу после отказа от неадекватной макрофинансовой политики), с другой стороны, данными опросов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН о достаточно высокой модернизационной активности российских предприятий в настоящее время.

Ключевые слова: антироссийские санкции, риски и угрозы, адаптация к кризису, антикризисная политика, опрос предприятий, потенциал экономического роста.

Введение

После февраля 2022 года Россия столкнулась с резким ужесточением геополитических и внешнеэкономических условий. Это ужесточение включает в себя усиление военно-политического давления на Россию и введение широкомасштабных экономических санкций, которые нацелены на нанесение серьезного ущерба российскому государственному бюджету, бизнесу и населению. Безусловно, такое развитие событий создает значительные дополнительные угрозы для внутривнутриполитической и социальной стабильности в стране. Кроме того, жесткое внешнее давление приводит к серьезным экономическим проблемам и рискам как краткосрочного, так и долгосрочного характера. В то же время в силу ухода многих иностранных поставщиков из России отечественные производители получают новые возможности для развития за счет занятия высвободившихся рыночных ниш. Однако использовать этот потенциал для развития в полной мере российские производители смогут только при условии активной поддержки со стороны государства и проведения качественной макроэкономической политики.

Краткий теоретический обзор

Макроэкономическая теория характеризует условия, в которые Россия попала в 2022 году, как внешний шок (Мэнкью, 1994). Как правило, под макроэкономическим шоком понимается резкое изменение условий, в которых функционирует та или иная национальная экономика. При этом можно утверждать, что общепринятого научного определения для макроэкономического шока не существует. Разные теоретики описывают и интерпретируют это явление по-разному (Самуэльссон, Нордхаус, 1993; Львова, 2015; Миркин, 2020; Михеева, 2021). Тем не менее можно выделить некоторые общие характеристики макроэкономических шоков, используемые большинством исследователей.

Во-первых, макроэкономический шок – это крупномасштабное событие, оказывающее значительное влияние на всю национальную экономику.

Во-вторых, макроэкономический шок – это событие, которое протекает быстро, радикально меняя общую ситуацию за несколько недель или месяцев.

В-третьих, для макроэкономических шоков характерен внезапный приход. Даже если какой-то из шоков имеет циклический характер и возникает периодически, точные сроки его возврата почти никогда нельзя предсказать. Кроме того, бывают уникальные шоки, вызванные редким стечением обстоятельств. Нассим Николас Талеб назвал такие шоки «черными лебедями» (Taleb, 2007).

В-четвертых, большинство исследователей (хотя и не все) считают, что шок – это внешнее по отношению к национальной экономике явление, которое никак или почти никак не связано с событиями внутри нее.

В-пятых, внешний макроэкономический шок может быть вызван как событиями экономического характера (например, масштабными финансовыми кризисами глобального характера или скачками мировых цен на ключевые товары), так и внеэкономическими событиями (пандемиями, крупными природными и техногенными катастрофами, геополитическими катаклизмами, технологическими прорывами и т. п.)

Исследуя влияние шоков, экономическая теория немало внимания уделяет процессам адаптации внутри национальной экономики. Для анализа процессов адаптации к шокам используются, например, модели, основанные на гипотезе рыночного равновесия: модель Солоу – Свона (Solow, 1956; Swan, 1956), модель Рамсея – Касса – Купманса (Koopmans, 1963; Cass, 1965). В рамках этих моделей рассматривается, при каких условиях экономика, которую

макроэкономический шок вывел из равновесия, может прийти в новую точку равновесия. В качестве таких условий выступает, например, изменение нормы накопления или нормы государственных расходов. Следует отметить, что при всех своих достоинствах эти модели носят скорее теоретический характер и мало пригодны для принятия практических решений. В них практически не отражаются структурные, технологические, институциональные, культурные, географические и другие особенности национальных экономик. Кроме того, эти модели предполагают наличие совершенной конкуренции, полную доступность информации для всех экономических агентов, мгновенное перемещение ресурсов в пространстве, отсутствие институциональных барьеров, одинаковость мотивов для всех экономических агентов и другие идеальные условия, отсутствующие в реальной хозяйственной жизни. В то же время некоторые идеи общего характера, например необходимость снижения налогов или роста государственных расходов за счет увеличения госдолга в кризисный период, этими моделями вполне подтверждаются.

Методические подходы

Поскольку в данном случае Россия столкнулась со слабо предсказуемым экономическим шоком типа «черный лебедь», то классические теоретические подходы к изучению шоков и основанные на этих подходах рекомендации могут использоваться для анализа лишь частично. Адаптация национальных экономик к подобным уникальным шокам обычно проходит гораздо сложнее, чем к шокам циклического характера, возможные последствия которых уже более-менее изучены и в теории, и на практике. Исследование уникальных шоков требует особого внимания к особенностям поведения домохозяйств, предприятий, региональных властей, муниципалитетов и других

экономических агентов, поскольку в нетипичных условиях их реакция определяет динамику производства, потребления, накопления и других социально-экономических процессов едва ли не больше, чем соотношения макроэкономических показателей (Яременко, 1999). В связи с этим особую ценность приобретают, в частности, экономико-социологические обследования – анкетные опросы предприятий и домохозяйств, углубленные интервью с представителями бизнеса и т. п. Кроме того, при изучении реакции экономики на нетипичные шоки важен анализ отраслевой и региональной статистики, а также корпоративной отчетности, позволяющий уловить происходящие структурные сдвиги, выявить наиболее проблемные секторы экономики и увидеть потенциальные точки восстановительного послекризисного роста.

Анализ экономической ситуации в России после введения санкций

Данные опроса предприятий, проведенного Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН в апреле – мае 2022 года¹, полностью подтвердили сведения официальной статистики и показали, что шок, вызванный санкциями, повлек за собой масштабные кризисные процессы, затронувшие практически все сферы российской экономики. Согласно опросу весной 2022 года от санкций уже успели пострадать 59,2% российских предприятий. Представители еще 22,3% предприятий в этот момент предполагали, что организации пока не пострадали от санкций, но могут пострадать в будущем (табл. 1).

К числу наиболее острых проблем, вызванных санкциями, респонденты чаще всего относили трудности с получением импортного сырья и комплектующих, а также необходимость их замены (67,4% ответов); рост цен внутри страны (62%); рост общей неопределенности

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Пострадало ли Ваше предприятие от санкций, связанных с ситуацией на Украине?» (сумма ответов = 100%), %

Период	Да	Нет	Нет, но может пострадать в будущем
Апрель-май 2022 г.	59,2	18,5	22,3
Источник: (Кувалин и др., 2022).			

¹ 189 предприятий из 47 регионов России.

в российской экономике (44,2%); удорожание импорта (40,3%); падение платежеспособного спроса внутри России (38,8%); удорожание кредита (32,6%; табл. 2).

Сразу после обострения геополитической ситуации возникли серьезные проблемы и в финансовой сфере. Официальный обменный курс национальной валюты стал быстро падать, достигнув пикового значения в 120 руб./USD 11 марта 2022 года (рис. 1). При этом потребительские цены только за март месяц, по данным Росстата, выросли в России на 7,61% (рис. 2).

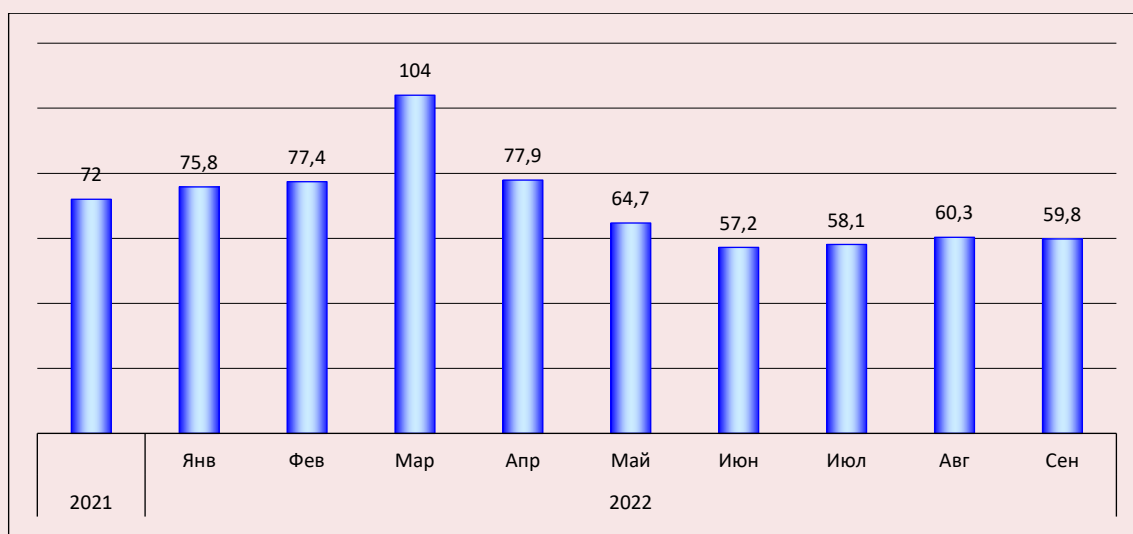
Несмотря на крайнюю остроту возникших проблем, можно утверждать, что с угрозами краткосрочного характера, которые были порождены санкциями Запада, российская экономика и российские экономические власти (в лице Правительства РФ и Банка России) в целом справились. Властям удалось довольно быстро купировать инфляционный всплеск в экономике, не допустить банковской паники, сопровождающейся резким оттоком вкладов и массовыми невыплатами по кредитам, обеспечить бесперебойную работу национальной

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы, связанные с экономическими санкциями против России, наиболее остры для Вашего предприятия?» (сумма ответов > 100%), %

	Трудности с получением импортного сырья и комплектующих, необходимость в их замене	Серьезное удорожание импорта	Сокращение возможностей для экспорта нашей продукции	Падение платежеспособного спроса внутри России	Рост цен внутри страны	Удорожание кредита	Трудности с привлечением иностранных инвесторов	Ограничения в импорте технологий и замедление темпов технологической модернизации	Повышение общей неопределенности экономики	Другое
Апрель – май 2022 г.	67,4	40,3	17,1	38,8	62,0	32,6	1,6	22,5	44,2	3,1

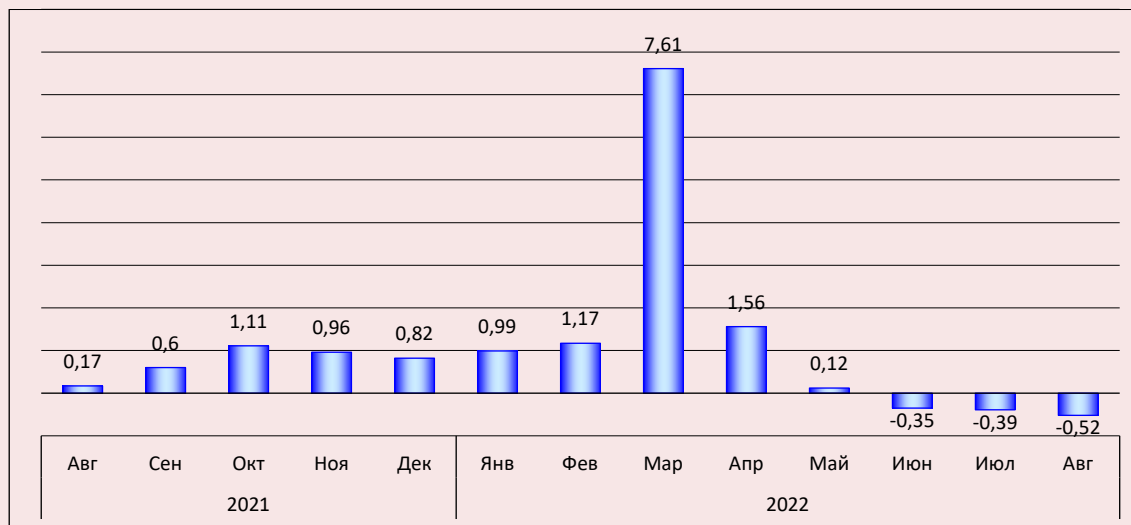
Источник: (Кувалин и др., 2022).

Рис. 1. Среднемесячный курс рубля по отношению к доллару США в 2022 г.

Источник: данные Банка России. URL: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения 01.11.2022).

Рис. 2. Уровень инфляции (индекс потребительских цен) в России по месяцам

Источник: данные ФСГС России. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения 01.11.2022).

платежной системы и с запасом вернуть обменный курс рубля к докризисному уровню (если 15 января 2022 г. официальный обменный курс Банка России был равен 75 руб./USD, то к 29 октября 2022 г. снизился до 61,5 руб./USD²).

Летом 2022 года экономическая ситуация в стране продолжала стабилизироваться. Аналитики отмечают, что, судя по прямым и косвенным данным, уже в июле – августе 2022 года в российской промышленности и инвестиционном секторе наметился восстановительный рост. В частности, по оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), в июле 2022 года промышленное производство выросло на 1,0% по отношению к предыдущему месяцу, в августе – на 0,5%, в сентябре – на 1,7% (сезонность устранена). При этом значение индекса инвестиционной активности, рассчитываемого ЦМАКП, повысилось в августе 2022 года до 99,4% по сравнению с 95,3% в июне (Белоусов и др., 2022а; Белоусов и др., 2022b). Кроме того, начала улучшаться ситуация на рынке труда и в сфере доходов населения. По данным Росстата, уровень безработицы в стране снизился с 4,2% в январе марте 2022 г. до 3,9% в мае – июле

2022 года³. Размер реальной заработной платы уменьшился в апреле 2022 года по отношению к предыдущему месяцу на 7,7%, но уже в июле 2022 года вследствие дефляционных процессов вырос по отношению к июню на 3,1% (Белоусов и др., 2022а).

На отраслевом уровне события в 2022 году развивались по-разному. Некоторые виды экономической деятельности пострадали от санкций очень сильно. Например, по данным Росстата, выпуск легковых автомобилей за 8 месяцев 2022 года снизился на две трети по отношению к аналогичному периоду 2021 года. За тот же период более чем на 40% просел выпуск стиральных машин и холодильников⁴. Эти провалы выпуска были связаны прежде всего с резким сокращением поставок узлов и комплектующих из недружественных стран.

Однако в целом провалившихся отраслей в российской экономике немного. Число отраслей, которые обошлись минимальными потерями или даже выиграли от текущего развития событий, оказалось гораздо больше. Выигравшие отрасли российской экономики можно разделить на три основных категории.

³ ФСГС России. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 01.11.2022).

⁴ ФСГС России. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения 01.11.2022).

² Банк России. URL: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения 01.10.2022).

Во-первых, это экспортоориентированные отрасли, получившие выгоду от скачка мировых цен на сырьевые ресурсы. Например, физическая добыча угля за первые 8 месяцев 2022 года сократилась на 2,5%, но это не создало никаких проблем для отрасли, поскольку с января по сентябрь 2022 года цены на международных рынках угля выросли более чем в два раза⁵. Аналогичным образом складывалась ситуация в газовой промышленности. Хотя добыча природного газа сократилась за первые 8 месяцев 2022 года на 10,4%, а экспорт газа в дальнейшем зарубежье упал примерно на треть, прибыль российских газовых компаний «Газпром» и «НоваТЭК» благодаря резкому удорожанию экспорта оказалась на десятки процентов выше, чем в 2021 году⁶. А в таких ключевых для России видах экономической деятельности как добыча сырой нефти и производство первичного алюминия, в 2022 году выросли не только мировые цены, но и физические объемы выпуска – на 3,1 и 14% соответственно⁷. Также в 2022 году увеличивались объемы производства минеральных удобрений, растительных масел и ряда других продуктов, в больших количествах экспортируемых в зарубежные страны (табл. 3). При этом, если западные страны в рамках санкций отказывались от закупок рос-

сийской продукции, отечественные экспортеры старались переключиться на рынки других стран. Так, например, в августе 2022 года экспорт российского угля в Китай⁸ и Индию⁹ вырос на 40–60% по сравнению с августом 2021 года. Несмотря на то, что новым покупателям приходится предоставлять значительные скидки, общий рост мировых цен на энергоресурсы все равно делает такой экспорт весьма и весьма выгодным.

Во-вторых, в 2022 году выиграли отрасли, которые сумели увеличить поставки на внутренний рынок благодаря уходу из России многих иностранных поставщиков. Эти процессы импортозамещения стали причиной роста выпуска в целом ряде подотраслей машиностроения, пищевой и фармацевтической промышленности, секторов сельского хозяйства, IT-сфере, туризме и т. п.

В-третьих, произошел существенный рост производства в отраслях, связанных с выпуском оборонной продукции. Но по понятным причинам он не отражается в публичной статистике.

Таким образом, в настоящий момент уже можно говорить о точках и даже целых анклавах роста, которые в среднесрочной перспективе вполне могут стать локомотивами посткризисного развития российской экономики.

Таблица 3. Анклавы роста в российской экономике

Отрасль	Выпуск за январь-август 2022 г. по сравнению с январем-августом 2021 г., %
<i>Рост за счет экспорта</i>	
Добыча угля, физический объем	97,5
Объем реализации угля в текущих ценах	187,1
Добыча нефти и природного газа, физический объем	102,2
Объем реализации нефти и газа в текущих ценах	143,1
Производство кокса и нефтепродуктов, физический объем	99,3
Объем реализации кокса и нефтепродуктов в текущих ценах	120,4
Производство пищевых продуктов, физический объем	100,2
Объем реализации пищевых продуктов в текущих ценах	120,3
Производство химических веществ и химических продуктов, физический объем	97,0
Объем реализации химических веществ и химических продуктов в текущих ценах	131,0
Производство первичного алюминия, физический объем	114,0
Масла растительные и их фракции нерафинированные, физический объем	118,0

⁵ URL: <https://www.finanz.ru/birzhevyye-tovary/ugol-cena> (дата обращения 01.11.2022).

⁶ Обухова Е. (2022). Пропустили удар, но устояли // Эксперт. № 37 (1266). 12–18.09.

⁷ ФТС России. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения 01.11.2022).

⁸ URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/09/21/6329c3709a79474445b1456f> (дата обращения 01.11.2022).

⁹ URL: <https://www.forbes.ru/biznes/476983-eksport-ugla-v-aziu-posle-embargo-es-ne-vyros-a-upal-cto-budet-dal-se> (дата обращения 01.11.2022).

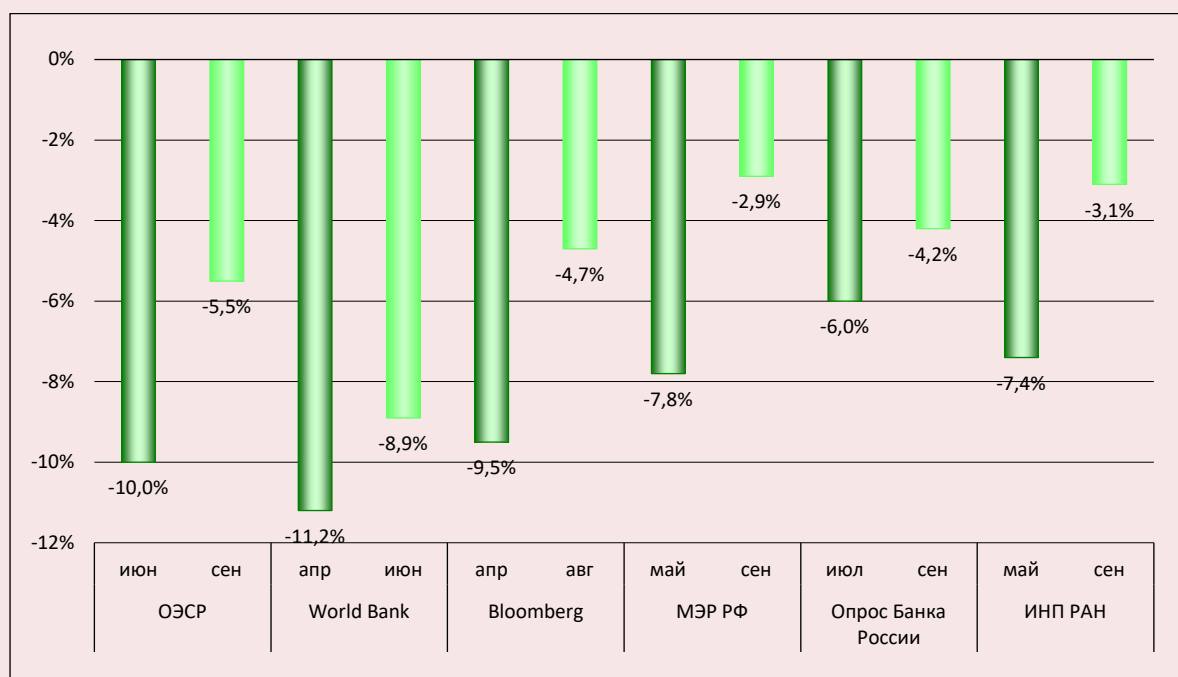
Окончание таблицы 3

Отрасль	Выпуск за январь-август 2022 г. по сравнению с январем-августом 2021 г., %
<i>Рост на внутреннем рынке, в т.ч. за счет импортозамещения</i>	
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	106,7
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	122,7
Молоко, кроме сырого	103,3
Сыры	103,1
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	104,8
Трубы, трубки, шланги пластмассовые и их фитинги	113,2
Цементы огнеупорные, строительные растворы, бетоны и аналогичные составы, не включенные в другие группировки	107,6
Трубы обсадные, насосно-компрессорные трубы и бурильные трубы, используемые для бурения нефтяных или газовых скважин, бесшовные стальные	110,5
Подшипники шариковые или роликовые	107,7
Продукция сельского хозяйства	104,6
Ввод в действие жилых домов, млн м ² общей площади жилых помещений	133,3
Объем платных туристских услуг	133,3

Источник: данные ФГС России. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения 01.11.2022).

Такое развитие событий привело к значительному улучшению прогнозных оценок для российского ВВП по итогам 2022 года, подготовленных в течение последних месяцев различными аналитическими организациями (рис. 3).

Рис. 3. Прогнозные оценки для российского ВВП по итогам 2022 года

Источник: составлено автором на основании официальной информации указанных организаций.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Какие последствия для Вашего предприятия Вы ожидаете в результате введения экономических санкций против России?» (сумма ответов = 100%), %

Период	Никаких особых последствий не ожидается	Отрицательные	И отрицательные, и положительные	Положительные	Пока трудно сказать
Апрель – май 2022 г.	5,40	38,00	32,60	2,30	21,70
Источник: (Кувалин и др., 2022).					

В свою очередь мы настроены еще более оптимистично и предполагаем, что если скорость и масштабы адаптации российской экономики к санкционному шоку сохранятся, то падение российского ВВП по итогам 2022 года не превысит 1–2%.

Особо необходимо отметить, что представители многих российских предприятий уже весной 2022 года предполагали, что кризис, порожденный санкциями, создает не только проблемы, но и возможности. В частности, только 38% респондентов, принявших участие в опросе ИМП РАН в апреле – мае 2022 года, сочли, что кризис приведет исключительно к отрицательным последствиям для их предприятий. При этом 32,6% полагали, что последствия будут как отрицательными, так и положительными; 2,3% ожидали только положительных последствий, а еще 5,4% считали, что никаких особых последствий вообще не будет (табл. 4). Как показали дальнейшие события, надежды части российских предприятий на положительные сдвиги в ходе кризиса во многом оправдались.

Риски и угрозы для российской экономики и способы борьбы с ними

В целом успешное решение текущих проблем и относительно мягкий характер кризиса в 2022 году не отменяют рисков и угроз, с которыми российская экономика столкнется в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Санкции против России, судя по всему, введены надолго. Особенно болезненными могут оказаться санкции в сфере высоких технологий, поскольку недружественные России страны в целом ряде случаев монополично контролируют доступ к наилучшим технологическим решениям, определяющим эффективность и конкурентоспособность целых отраслей экономики. Кроме того, страны евроатлантического блока осуществляют жесткий контроль

за мировой банковской системой и ее платежным контуром, что позволяет им очень серьезно затруднять финансовые отношения России с нейтральными и дружественными странами.

Кроме того, благоприятная сегодня для российских экспортеров ценовая ситуация на мировых рынках сырья может значительно измениться к худшему, если продолжится замедление китайской экономики. Пока оно связано в основном с временными карантинными мерами против очередных волн коронавируса¹⁰, но при этом не очень понятно, как долго Китай будет продолжать эти действия.

В долгосрочной перспективе России также нужно будет решать очень сложные проблемы, связанные с необходимостью преодолеть технологическое отставание от развитых стран и обеспечивать новые производства передовыми технологиями. При этом следует учитывать, что завезенные ранее высокотехнологичные машины и оборудование будут постепенно выходить из строя. В прошлые годы замену выбывающей качественной техники и внедрение новых технологий можно было обеспечить за счет импорта из стран, которые сейчас присоединились к санкциям (хотя и раньше поставки наиболее передовых технологий из них в Россию вполне осознанно ограничивались). Но в обозримом будущем такой способ технологической модернизации может рассматриваться в лучшем случае как второстепенный.

В связи с этим уже в ближайшее время России обязательно нужно будет решить целый ряд средне- и долгосрочных задач, связанных с необходимостью смягчить отрицательные последствия санкций. К числу ключевых задач такого рода относятся следующие.

¹⁰ URL: <https://ria.ru/20220927/kitay-1819680135.html> (дата обращения 01.10.2022).

- *Переориентация экспортных поставок в страны, не поддерживающие эмбарго на российскую продукцию.*

В данном случае речь идет прежде всего об экспорте природного газа, нефти нефтепродуктов, угля. Объем альтернативного спроса на эти ресурсы можно считать неограниченным. Учитывая размеры экономик Китая, Индии и других стран, согласных покупать российскую продукцию, можно утверждать, что они готовы принять не только весь наш нынешний энергетический экспорт, но и почти любые дополнительные объемы. Однако быстрому расширению экспортных поставок по альтернативным направлениям препятствуют инфраструктурные ограничения. Сегодняшняя пропускная способность российских трубопроводов, железных дорог, портов и погранпереходов недостаточна для переброски высвобождающихся экспортных ресурсов в другие страны. Решение указанной задачи требует модернизации и строительства новой сетевой инфраструктуры на Дальнем Востоке, в Каспийском и Черноморском бассейнах, на Севере России, а также на границах с Центральной Азией. Кроме того, объем и гибкость газового экспорта можно повысить за счет масштабного строительства установок по сжижению газа и танкеров-газовозов.

- *Налаживание альтернативных каналов для получения импортной продукции из недружественных стран.*

Поскольку недружественные государства грубо нарушили рыночные принципы и нормы международной торговли, Россия имеет право и должна импортировать необходимые стране виды продукции в обход существующих санкций. Не секрет, что многие компании из недружественных стран не разделяют позиции своих правительств и готовы поставлять свою продукцию в Россию даже в нынешних условиях. Однако, чтобы не создавать трудности для торговых партнеров, нужны новые каналы поставок через третьи страны, с использованием комбинированных логистических, имущественных и финансовых схем, в том числе так называемый параллельный импорт. Как показывает опыт советского периода, а также Китая, Ирана и других стран, подобные альтернативные каналы импорта позволяют закрыть по крайней мере часть потребности в ключевых видах продукции.

- *Создание новых технологий взаиморасчетов и вывод платежных цепочек из-под контроля недружественных стран.*

Цифровизация мировой финансовой системы многократно увеличила возможности по контролю за движением денежных средств между странами. При этом большинство современных технологий, обеспечивающих трансграничные взаиморасчеты через платежные системы SWIFT, VISA, Mastercard и др., монополизированы недружественными Россией государствами. Основные центры финансового контроля также находятся в этих странах. Такое положение дел позволяет им вполне эффективно применять так называемые вторичные санкции и накладывать их на страны и компании, которые ведут взаимную торговлю с Россией, проводя взаиморасчеты через указанные выше системы, поэтому в нашей стране необходимо как можно быстрее создать и ввести в действие альтернативные платежные системы, не зависящие от недружественных стран. И хотя это очень сложная задача, есть сразу несколько вариантов ее решения.

Во-первых, за основу альтернативных международных систем можно взять технологические решения, используемые российскими системой передачи финансовых сообщений (СПФС), системой быстрых платежей (СБП), системой «Мир». Учитывая высокий технологический уровень этих платежных систем, вполне можно надеяться на подключение к ним и участников из других стран.

Во-вторых, можно создавать двусторонние платежные системы в национальных валютах. Такие важные торговые партнеры России, как Иран и Турция, уже выражали заинтересованность в создании подобных систем. Однако основным недостатком таких двусторонних систем, скорее всего, будут трудности с устранением дисбалансов в торговле. Вряд ли страна, заработавшая профицит в двусторонней торговле, будет охотно принимать в качестве его покрытия не самую сильную валюту своего партнера.

Несколько проще эта проблема решается в двусторонних торговых отношениях с Китаем. С одной стороны, китайский юань используется Россией для формирования своих золотовалютных резервов, составляя 17% их объема в

начале 2022 года¹¹. С другой стороны, платежи в юанях в ряде случаев согласны принимать и третьи страны, что позволяет использовать китайскую валюту для покрытия торговых дисбалансов.

В-третьих, возможно создание новой международной платежной системы с использованием искусственных денежных единиц, функционально аналогичных переводному рублю в СЭВ или ЕСВ в Евросоюзе до 1998 года. С инициативой такого рода по отношению к Шанхайской организации сотрудничества выступал, например, Иран¹². В данном случае основная сложность будет заключаться в поиске сразу многих стран-партнеров и длительных переговорах на первоначальном этапе.

В-четвертых, возможно применение бартерных сделок в двусторонних отношениях по согласованным ценам и с использованием периодических клиринговых взаимозачетов. Но этот способ, к сожалению, сопряжен с очень значительными транзакционными издержками и пригоден только для обслуживания масштабных, стабильных и однородных торговых потоков.

Представляется, что в силу сложности нынешних обстоятельств на данном этапе следует опробовать каждый из перечисленных вариантов или их комбинации.

- *Замещение высокотехнологичных машин, оборудования, узлов, комплектующих и сырья, ранее поставляемых из стран, которые поддержали санкции против России.*

Частично эту задачу можно решить за счет переориентации на импорт из дружественных или нейтральных стран. По некоторым экспертным оценкам, к настоящему моменту уже до 60% заблокированного импорта из недружественных государств замещено поставками из стран, которые относятся к России более лояльно. Однако в последних производят далеко не все, в чем нуждаются российские производители. Технологический уровень продукции из этих стран тоже не всегда дотягивает до уровня западных производителей.

¹¹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2022/62543f679a7947e285c71eb0> (дата обращения 01.11.2022)

¹² Мануков С. (2022). Тегеран предложил России, Китаю и Индии новую валюту для взаимных расчетов // Эксперт. 03.06. URL: <https://expert.ru/2022/06/3/novaya-valyuta/> (дата обращения 01.11.2022).

Более надежный способ обеспечить долгосрочную технологическую независимость и сократить отставание от наиболее развитых стран — наладить собственное производство ключевых видов продукции (машиностроительной, электротехнической и электронной, химической, фармацевтической и др.), поставки которых в Россию заблокированы недружественными странами. Но для этих целей потребуются ускоренное развитие отечественной фундаментальной и прикладной науки, полноценное возрождение конструкторского и проектного дела (инжиниринга), инженерного образования и многих других сегментов, необходимых для формирования конкурентоспособного по отношению к ведущим странам мира сектора высоких технологий. Теоретически эта задача решаема, но опыт последних 30 лет показывает, что до сих пор российской государством занималось развитием высоких технологий мало и неэффективно, а российскому бизнесу все это было не очень интересно.

Кроме того, инвестиционные проекты в сфере высоких технологий должны иметь доступ к дешевому кредиту, а государственные закупки должны быть ориентированы на высокотехнологичные товары и услуги именно отечественного производства. Особое внимание следует уделять трансферу высоких технологий из обладающего ими оборонно-промышленного комплекса в гражданский сектор. С этой целью оборонные предприятия в рамках целенаправленной государственной политики должны (помимо выполнения своих основных задач) встраиваться в технологические цепочки по производству невоенной продукции (Яременко, Рассадин, 1993; Фролов и др., 2017).

- *Масштабное внедрение механизмов мобилизационной экономики, нацеленное на решение задач, связанных с повышением обороноспособности и экономической безопасности страны, а также на преодоление сложных структурных проблем.*

Перечисленные выше действия по глубокой реструктуризации российской экономики требуют крупномасштабного перераспределения ресурсов между отраслями и регионами страны. При этом с учетом крайне неблагоприятной геополитической ситуации этот маневр ресурсами должен быть выполнен в очень короткие сроки. Как показывает мировая и российская

экономическая история, в условиях военных действий и внешнеполитического давления рыночные механизмы целевого перераспределения ресурсов работают не слишком эффективно (Sapir, 2022; Яременко, 1997; Яременко, 2015). В подобных ситуациях они должны дополняться мощными мобилизационными (плановыми) инструментами – значительными бюджетными инвестициями в развитие ключевых отраслей и инфраструктуры; директивным планированием в оборонно-промышленном комплексе и индикативным планированием в остальной экономике; протекционизмом во внешней торговле; квотированием поставок на внутренние и внешние рынки, элементами валютного контроля и т. д.

При этом расширение сферы функционирования мобилизационных инструментов не должно приводить к угнетению рыночных механизмов. Наоборот, рыночные механизмы следует максимально широко использовать для повышения эффективности мобилизационных методов, в том числе в процессе поддержания макрофинансовой и бюджетной стабильности, при определении справедливых цен на рынках, при стимулировании инвестиций, с целью усиления трудовых мотиваций и т. д. Иными словами, Россия в будущем должна оставаться страной с рыночной экономикой, но при этом использующей мобилизационные механизмы с целью форсированного решения структурных проблем в сложных геополитических обстоятельствах.

Взгляды представителей российских предприятий на желательные меры поддержки со стороны государства во многом подтверждают высказанные выше тезисы. В частности, в апреле – мае 2022 года респонденты полагают, что выход из санкционного кризиса требует следующих мер поддержки со стороны государства: ограничение роста цен на топливо, энергию и транспортные услуги (55,8% ответов); снижение налогового бремени для производителей (52,7%); субсидии производителям, наладившим выпуск импортозамещающей продукции (42,6%); увеличение спроса в экономике за счет роста госзакупок; выплата субсидий населению и т. п. (39,5%); резкое расширение сферы льготного кредитования (38,8%; табл. 5).

Перспективы развития российской экономики в современных условиях

Несмотря на все сложности, с которыми российская экономика сталкивается в настоящее время, она, на наш взгляд, способна не просто противостоять им, но и уже в ближайшее время совершить мощный рывок вперед. Сделать такое предположение помогают аналогии из относительно недавней экономической истории России.

В определенной степени ситуация в российской экономике сейчас напоминает ситуацию, которая сложилась в конце 1998 года.

С одной стороны, к тому моменту в России уже в течение довольно длительного периода (1992–1998 гг.) проводилась не вполне адекват-

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие меры противодействия экономическим санкциям, на Ваш взгляд, должны предпринять российские власти?» (сумма ответов > 100%), %

Период	Снизить налоговое бремя производителей	Снизить налоговое бремя населения	Поддержать спрос в экономике (за счет роста госзакупок, выплаты субсидий населению и т.п.)	Ограничить рост цен на топливо, энергию, транспортные услуги	Снизить уровень бюрократической нагрузки (проверки, отчеты, справки и т. п.)	Усилить борьбу с коррупцией	Резко расширить сферу льготного кредитования	Запустить крупные инфраструктурные и промышленные проекты за счет госбюджета	Финансово поддержать предприятия, наладившие выпуск импортозамещающей продукции	Создать альтернативные платежные системы для обслуживания импортных и экспортных сделок	Другое
Апрель – май 2022 г.	52,70	18,60	39,50	55,80	45,70	23,30	38,80	35,70	42,60	25,60	4,70

Источник: (Кувалин и др., 2022).

ная и потому весьма неудачная макроэкономическая политика. В рамках этой политики первоочередной целью считалась формальная макрофинансовая стабилизация, а потребности реального сектора экономики и населения рассматривались как второстепенные и во многом игнорировались. Как следствие, Россия никак не могла выбраться из спирали экономического спада.

С другой стороны, в российской экономике того периода происходили постепенная адаптация к новым условиям, освоение новых управленческих и производственных технологий, поиск новых рынков сбыта и т. д. Предприятия, регионы и муниципалитеты, домохозяйства (население) пытались находить и во многих случаях находили варианты для разумных экономических решений, причем не столько благодаря, сколько вопреки тогдашней макроэкономической политике. Можно уверенно утверждать, что эти экономические субъекты в то время лучше, чем федеральные власти, разобрались в механизмах, ограничениях и возможностях рыночной экономики.

Поэтому, когда новый состав федерального правительства под руководством Е.М. Примакова отказался от наиболее неадекватных мер макроэкономической политики, очень быстро выяснилось, что российская экономика уже готова к росту (Самохвалов, 2018; Пискулов, Хасбулатов, 2019). Быстрый рост производства в стране начался буквально через два месяца после прекращения таких сомнительных действий, как поддержка завышенного обменного

курса рубля, поддержание финансовой пирамиды государственных ценных бумаг, невыполнение государством бюджетных обязательств перед предприятиями и населением ради сокращения денежного предложения и т. п.

Если под этим углом зрения посмотреть на период с 2009 по 2022 год, то события в нем развиваются во многом аналогично. Все это время в стране проводилась жесткая макрофинансовая политика, ориентированная на снижение инфляции монетарными средствами и сдерживающая развитие реального сектора. Одновременно эта подавляющая экономическую активность политика сопровождалась весьма активной модернизационной деятельностью на уровне предприятий, регионов и домохозяйств.

В частности, даже при резком усложнении ситуации, вызванном санкциями, многие российские предприятия не просто пытаются выжить, но и активно ищут возможности для дальнейшего развития. Это обстоятельство в очередной раз подтвердило высокие адаптивные способности российских предприятий, которые неизменно проявляются во время экономических кризисов. Например, как показал опрос ИВП РАН, даже в условиях крайне высокой неопределенности апреля – мая 2022 года 69,7% отечественных предприятий уже начали поиск новых поставщиков в России, а еще 36,1% вели такой поиск за рубежом. В то же время 31,1% респондентов искали новые рынки сбыта, 21,3% начали выпуск новых видов продукции, а 14,8% запустили перестройку и модернизацию производства (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Какие меры по противодействию „санкционному” кризису предпринимает Ваше предприятие?» (сумма ответов > 100%), %

Период	Был начат поиск новых поставщиков за границей	Был начат поиск новых поставщиков в России	Были сокращены инвестиционные затраты	Были сокращены затраты на персонал (увольнение, урезание зарплат, соцпакета и др.)	Был прекращен выпуск некоторых видов продукции	Был начат выпуск новых видов продукции	Был начат поиск новых рынков сбыта	Были начаты действия по перестройке производства на будущее (ремонт, модернизация и т. п.)	Другое
Апрель – май 2022 г.	36,1	69,7	36,9	11,5	14,8	21,3	31,1	14,8	3,3
Источник: (Кувалин и др., 2022).									

Кроме того, следует принять во внимание, что масштабные военные действия, подобные тем, в которых сейчас участвует Россия, всегда сопровождаются ускоренным развитием высокотехнологичных отраслей. И это обстоятельство также способно помочь России и быстрее справиться с санкциями, и удлинить цепочки добавленной стоимости, и обеспечить новый экономический рывок.

Обследования предприятий, а также изучение ситуации в различных отраслях экономики и регионах подтверждают, что в настоящий момент в стране имеются значительные по масштабам экономические анклавы, которые либо уже быстро растут, либо явно способны к быстрому росту в ближайшее время. Как отмечалось выше, такие анклавы можно увидеть во многих экспортоориентированных отраслях, в части подотраслей машиностроения и химической промышленности, аграрном секторе, цветной металлургии, лесопромышленном комплексе, сельском хозяйстве, пищевой и фармацевтической промышленности, IT-сфере, туризме и т. д.

Таким образом, можно предположить, что раскрепощение отечественных производителей за счет прекращения монетарной «засухи» и повышения доступности кредита, некоторого снижения налогового бремени, уменьшения бюрократической нагрузки и увеличения госзаказа вновь способно обеспечить серьезный рывок российской экономики, которая, скорее всего, и сейчас готова к быстрому росту.

На наш взгляд, общий потенциал роста в российской экономике таков, что темпы прироста ВВП и промышленного производства в стране могут достигать 4–5% в год и даже выше, причем на протяжении как минимум нескольких лет.

Заключение

Основные выводы из анализа современной экономической ситуации в России таковы:

1. Масштабные санкции со стороны недружественных стран создали большие сложности для российской экономики и стали причиной серьезного кризиса в ней.

2. Нынешний экономический кризис в России носит нестандартный характер и потому меры реагирования на него во многом тоже должны быть нестандартными.

3. В целом российские власти справились с кризисными явлениями краткосрочного характера, не допустив серьезных сбоев в работе национальной финансово-банковской системы и удержав под надежным контролем обменный курс рубля.

4. Российская экономика в лице предприятий, домохозяйств и регионов также подтвердила свои высокие адаптивные способности, очень быстро начав активный поиск антикризисных решений.

5. Однако относительно мягкое прохождение кризиса в 2022 году не избавляет российскую экономику от очень серьезных угроз средне- и долгосрочного характера, связанных с санкциями. Борьба с этими угрозами требует продолжения активной экономической политики.

6. С одной стороны, в рамках борьбы с санкциями Россия должна приложить значительные усилия по выстраиванию новой архитектуры своих международных торговых-экономических связей, включая создание новых транспортных коридоров, новых платежных систем и т. д.

С другой стороны, обязательным элементом антикризисной государственной политики должно стать применение мобилизационных (плановых) механизмов, включающее значительное увеличение государственных инвестиций в развитие ключевых отраслей и инфраструктуры, расширение объемов и направлений поддержки домохозяйств, предприятий и регионов, усиление протекционизма во внешней торговле, элементы валютного контроля и т. д.

7. В настоящий момент у России есть хороший шанс на то, чтобы не просто выдержать санкционное давление недружественных стран, но и уже в ближайшие годы совершить экономический рывок вперед, подняв темпы прироста ВВП до 4–5% в год и выше.

Литература

- Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Солнцев О.Г. и др. (2022а). Анализ макроэкономических тенденций. ЦМАКП. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_MK/2022/macro30.pdf (дата обращения 01.11.2022).
- Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Солнцев О.Г. и др. (2022б). О динамике промышленного производства в сентябре 2022 г. URL: http://www2.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/PROM/2022/PR-OTR_2022-10-27.pdf (дата обращения 01.11.2022).
- Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А., Ибрагимов Ш.Ш. (2022). Российские предприятия весной 2022 г.: адаптация к новой волне санкций и взгляды на ESG-повестку // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 174–187. DOI: 10.47711/0868-6351-195-171-184
- Львова Н.А., Семенович Н.С. (2015). Феномен кризиса в представлениях экономической науки: ожидаемая закономерность или непредсказуемый шок? // Финансы и кредит. № 21 (645). С. 27–36.
- Миркин Я.М. (2020). Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020 // Экономическое возрождение России. № 2 (64). С. 86–92.
- Михеева Н.Н. (2021). Устойчивость регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 106–118.
- Мэнкью Г. (1994). Макроэкономика. М.: Издательство МГУ. 736 с.
- Пискулов Ю.В., Хасбулатов Р.И. (2019). Нам не хватает Примакова (тезисы к 90-летию со дня рождения) // Международная экономика. № 5. С. 17–33.
- Самохвалов А.Ф. (2018). Пророк в своем отечестве. О результатах развития экономики России в 1998–2017 годах // Свободная мысль. № 6 (1672). С. 5–12.
- Самуэльсон П.Е., Нордхаус В.Д. (1993). Экономика. 5-е изд. М.: Алгон. 740 с.
- Фролов И.Э., Бендииков М.А., Ганичев Н.А. (2017). Основные факторы детерминации современного состояния и перспектив развития предприятий ОПК // Стратегическое планирование и развитие предприятий: матер. XVIII Всероссийского симпозиума / под ред. Г.Б. Клейнера. С. 1010–1014.
- Яременко Ю.В. (2015). Современная экономика России: анализ и стратегия развития // Проблемы прогнозирования. № 5 (152). С. 3–10.
- Яременко Ю.В. (1999). Экономические беседы. М.: ЦИСН. 343 с.
- Яременко Ю.В. (1997). О структурной перестройке экономики // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 3–7.
- Яременко Ю.В., Рассадин В.Н. (1993). Бюрократическая конверсия // ЭКО. № 12 (234). С. 3–13.
- Cass D. (1965). Optimum growth in an aggregative model of capital accumulation. *The Review of Economic Studies*, 32(3), 233–240.
- Koopmans T.C. (1963). *On the Concept of Optimal Economic Growth. Discussion Paper 163*. Yale University. Cowles Foundation for Research in Economics.
- Sapir J. Is economic planning our future? *Studies on Russian Economic Development*, 33(6), 583–597. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700722060120>
- Solow R.M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 70(1), 65–94.
- Swan T.W. (1956). Economic growth and capital accumulation. *The Economic Record*, 32(2), 334–361.
- Taleb N.N. (2007). *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House.

Сведения об авторе

Дмитрий Борисович Кувалин – доктор экономических наук, заместитель директора, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: dbkuvalin@ecfor.ru)

Kuvalin D.B.

Russian Economy under Tough External Sanctions: Problems, Risks and Opportunities

Abstract. The article examines key issues related to the current economic crisis in Russia caused by large-scale sanctions imposed by Western countries. We analyze main trends that have developed in the Russian economy after the introduction of the sanctions. We provide findings of a questionnaire survey of representatives of Russian enterprises, showing the reaction of domestic producers to the crisis phenomena of 2022. Having analyzed official statistics, sectoral and corporate information, we identify growth points that have emerged in the Russian economy under new conditions and describe main reasons for these “success stories”. We assess major risks and threats related to the development of the Russian economy in the medium and long term and propose methods to deal with them. We show that under dramatic foreign policy pressure on Russia, it is necessary to significantly expand the scope of mobilization (planning) tools. These mechanisms should provide a prompt solution to such structural problems as the full-fledged revival of key economic sectors, infrastructure development, elimination of regional imbalances, etc. Increasing the role of mobilization tools should be ensured by expanding public investment, strengthening protectionism in foreign trade policy, introducing elements of indicative planning and currency control; at the same time, the key function of market mechanisms should be preserved. We argue that Russia’s economy could make a powerful breakthrough in the modern context. This point is justified, on the one hand, by analogy with the situation in the late 1990s (a powerful breakthrough of the Russian economy immediately after the abandonment of inadequate macrofinancial policy), on the other hand, by the survey data of RAS Institute of Economic Forecasting on a sufficiently high modernization activity of Russian enterprises at the present time.

Key words: anti-Russian sanctions, risks and threats, adaptation to the crisis, anti-crisis policy, questionnaire business survey, economic growth potential.

Information about the Author

Dmitri B. Kuvalin – Doctor of Sciences (Economics), deputy director, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: dbkuvalin@ecfor.ru)

Статья поступила 04.11.2022.

Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций

**Никита Михайлович
РУМЯНЦЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: rumyanik.95@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

**Екатерина Георгиевна
ЛЕОНИДОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: eg_leonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

**Елена Сергеевна
ГУБАНОВА**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация
e-mail: gubanova_elena@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8498-5630; ResearcherID: S-4888-2019

Для цитирования: Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. (2022). Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5

For citation: Rumyantsev N.M., Leonidova E.G., Gubanov E.S. (2022). Defining sectoral priorities of the region's structural transformation by searching for promising economic specializations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5

Аннотация. Мировые кризисы и внешнеторговые ограничения, накладываемые на российскую экономику, замедляют темпы ее роста, что особенно сказывается на экспортоориентированных регионах. Ответные экономические меры, в т. ч. в части стимулирования структурной трансформации экономики, требуют определения ее ключевых направлений. Авторами предпринята попытка определить приоритеты структурной трансформации экономики Вологодской области на основе поиска перспективных видов экономической деятельности. Для этого были решены такие задачи, как исследование теоретических основ поиска приоритетов отраслевого развития, разработка и апробация методического подхода к поиску перспективных отраслей специализации экономики региона, а также определение направлений развития потенциальных точек роста. На материалах Вологодской области сформулирован перечень видов деятельности, развитие которых является перспективным с точки зрения долгосрочного экономического роста, определены потенциальные возможности по внедрению их в существующую структуру народного хозяйства региона. Научная новизна проведенной работы состоит в разработке и апробации авторского инструментария для поиска приоритетов структурной трансформации региональной экономики на основе выявления перспективных экономических специализаций. Информационной базой послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в области отраслевого и пространственного развития, а также данные государственной статистики, Федерального института промышленной собственности, научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru и региональных таблиц «затраты-выпуск» по Вологодской области. Результаты работы могут применяться как в управленческой практике отраслевого и пространственного развития региона, так и в исследовательской деятельности по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: регион, специализация, структурная трансформация, перспективные виды экономической деятельности, цепочки создания стоимости.

Благодарность

Авторы выражают благодарность М.А. Сидорову и И.Р. Чеплинските за помощь в осуществлении расчетов, Е.В. Лукину и А.В. Котову за ценные советы и дискуссии при проведении исследования, а также анонимным рецензентам за замечания, которые позволили улучшить и доработать данную рукопись.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 20-010-00643 А «Анализ и прогнозирование социально-экономического развития региона с использованием динамической межотраслевой модели»).

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции, а также геополитический кризис 2022 года и вызванное им санкционное давление на российскую экономику значительно замедлили темпы развития народного хозяйства. Согласно прогнозу Всемирного банка, по итогам 2022 года ожидается сокращение валового внутреннего продукта (ВВП) России на 4,5%¹.

Ввиду широких внешнеторговых ограничений со стороны недружественных стран замедление экономической динамики в экспортоориентированных регионах будет особенно сильным. К числу регионов, ощутивших на себе

влияние санкций, относится и Вологодская область. Помимо персональных запретов в отношении владельца ключевого предприятия Вологодчины ПАО «Северсталь» А. Мордашова, страны Евросоюза ограничили импорт вологодской стали, поставки которой в Европу обеспечивали около трети всей выручки. Компания ищет альтернативные каналы сбыта иным потребителям, однако это может затянуться из-за логистических ограничений². Второй по величине производственный комбинат в Вологодской области АО «Апатит (основной вид деятельности — производство удобрений) также подвергся ряду ограничений, но уже со

¹ Всемирный банк улучшил прогноз падения ВВП РФ в 2022 году с 8,9% до 4,5%. URL: <https://www.interfax.ru/business/866281>

² Санкции ударили по металлу. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238819>

стороны российского государства, в частности квотированию на экспорт минеральных удобрений. На фоне роста цен на сырьевые товары, используемые для производства стали и удобрений (в частности, на уголь и газ), и укрепления рубля вологодские предприятия-экспортеры недополучают прибыль, что негативно сказывается на их деятельности как в кратко-, так и долгосрочной перспективе.

Все это обосновывает актуальность проведения структурных преобразований в экономике региона. О необходимости структурной перестройки российской экономики неоднократно заявляли Э. Набиуллина³, А. Кудрин⁴, М. Мишустин⁵. Ресурсы, выделяемые на адаптацию к новым условиям, колоссальны: по заявлениям А. Силуанова, на поддержку экономики российское правительство выделило около 8 трлн рублей⁶. Средства направлены на стимулирование внутреннего потребительского спроса, компенсацию ущерба попавшим под ограничения отраслям экономики, развитие импортозамещения, а также поддержку малого и среднего бизнеса. О необходимости поддержки структурных преобразований региональной экономики исследователи уже заявляли ранее. Так, в качестве основных направлений структурной трансформации региональной экономики называются стимулирование модернизации производства (Лукин, Ускова, 2018), внутреннего потребительского спроса (Земскова, Колосков, 2017), повышение нормы накопления основного капитала (Ивантер, 2017).

³ «Пересмотреть подходы к регулированию так, чтобы, не давая накапливать чрезмерные риски, банки могли продолжать кредитование, поддерживать структурную трансформацию экономики». Набиуллина предсказала сложные времена для россиян и компаний. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/26/hard/>

⁴ «Российская экономика будет перестраиваться полтора-два года: в это время ВВП будет снижаться, а затем перейдет к росту...» Кудрин оценил период перестройки экономики России в 1,5-2 года. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/05/23/923180-kudrin-perestroiki>

⁵ «...принятые решения дают бизнесу мощнейшие инструменты для адаптации к новым условиям, к структурной трансформации экономики...» Кабмин формирует позицию по мерам при нарастающем давлении колллективного Запада. URL: <https://tass.ru/politika/14748983>

⁶ Силуанов сообщил о выделении 8 трлн руб. на поддержку экономики. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6290c78c9a79473a2a20018f>

Рассматриваются пространственные аспекты структурной трансформации (Колесников, Толстогузов, 2016), изменения на рынке труда и их взаимосвязь с экономическим ростом (Edinak, Shirov, 2021), исследуются трансформационные механизмы народнохозяйственных систем (Широв, 2018).

Наличие управленческих инструментов и финансово-ресурсного обеспечения заставляет задавать вопрос – в каком направлении необходимо осуществлять структурные преобразования? В Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года определен перечень перспективных видов экономической деятельности для каждого из регионов. Как отмечает Н.Н. Михеева, решение вопросов регионального развития и размещения производительных сил в рамках указанного документа стратегического планирования станет одним из важнейших вопросов государственной политики, при этом существуют проблемы научно-методологического обеспечения реализации данной стратегии, в том числе в области определения перспективных экономических специализаций (Михеева, 2018). Исследователями ИЭОПП СО РАН отмечается, что обоснование перспективных экономических специализаций в первую очередь должно опираться на конкурентные преимущества региона, которые никак не отражены в существующей редакции стратегии (Коломак и др., 2018). В других работах также присутствует некоторая критика положений данной стратегии. Так, существующий список отраслей (именно отраслей, а не конкретных видов экономической деятельности), во-первых, очень многочислен, во-вторых, не имеет конкретики (Иванов, Бухвальд, 2019). В связи с этим важно определить емкий перечень узких рыночных ниш для отраслевой диверсификации региональных экономик на основе их конкурентных преимуществ.

С учетом всего вышесказанного нами была сформулирована цель исследования, которая заключается в определении приоритетов структурной трансформации экономики Вологодской области в условиях внешней турбулентности на основе поиска перспективных видов экономической деятельности. Это потребовало решения таких задач, как исследование теоретических основ концепций поиска приоритетов отраслевого развития, формирование

и апробация методического подхода к поиску перспективных отраслей специализации экономики региона, а также разработка направлений развития потенциальных точек роста. Информационной базой послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в области отраслевого и пространственного развития, а также данные государственной статистики, Федерального института промышленной собственности, научной электронной библиотеки «eLIBRARY.ru» и региональных таблиц «затраты-выпуск» по Вологодской области.

Обзор теоретико-методологических подходов к определению текущей и перспективной специализации экономики региона

В международной и российской практике для определения текущей специализации регионов используются различные показатели и методы их расчета. В числе наиболее популярных — коэффициент локализации, известный также как коэффициент Гувера — Баласса или индекс специализации Гувера. Среди смежных методов выявления отраслевого разнообразия и географического распределения отраслей в регионах применяются многочисленные индексы — концентрации Джини, Хачмана, Кругмана, Халлета, Лилиена, Эллисона и Глезера и др. К числу основных методов идентификации существующих региональных специализаций, встречающихся в отечественной литературе, относятся коэффициенты глубины развития сектора, межрайонной товарности, душевого производства, индекс Херфиндаля — Хиршмана, а также коэффициент локализации (Kutsenko, Eferin, 2019).

Определение перспективной экономической специализации — более сложная процедура, которую трудно осуществить с использованием лишь математических методов. В ходе обзора современных исследований по данной тематике выделен ряд теоретико-методологических подходов, реализация которых позволяет найти виды деятельности и рыночные ниши, способствующие активизации роста экономики, трансформации технологических цепочек, а также формированию нового народнохозяйственного уклада.

Одним из первых таких подходов стал поиск комплементарных отраслей экономики на основе близости. Точкой отсчета можно считать концепцию пространственной близости,

которая зародилась в трудах фон Тюнена (Тюнен, 1926) как исследования роли расстояния от центрального города в размещениях различных видов экономической деятельности и развивалась в работах классика кластерной экономики М. Портера (Porter, 2000). Дальнейшие исследования привели к выявлению иных видов близости (социальная, институциональная, организационная и когнитивная). Перечисленные виды близости были органично объединены в один подход с применением математического аппарата, автором которого стал Р. Бошма (Boschma, 2005).

С помощью модели Бошмы легко сопоставляются веса различных факторов в формировании пространственных взаимодействий в различных областях. Так, например, в одной из работ, выполненных в рамках голландской школы (Boschma et al., 2014), математически доказано, что для формирования совместных проектов разных фирм в индустрии производства компьютерных игр наибольшее значение имеет принадлежность их к одному концерну, а также специализация на играх одного типа, что важнее размещения фирм в одном городе. По сути, сетевые эффекты здесь заменяют агломерационный, а организационные факторы — географический. Привлекает и сама легкость параметризации форм близости: так, в приведенной работе институциональная близость в каждой паре фирм определялась как принадлежность их к одному государству (следовательно, к одному правовому полю), когнитивная — как принадлежность к одной подотрасли (производство игр одного вида), организационная — как принадлежность к одному холдингу, социальная — как наличие/отсутствие в прошлом совместных проектов, и, наконец, пространственная близость измерялась через расстояние между штаб-квартирами фирм в километрах.

Дальнейшая эволюция концепций близости и развитие экономики инноваций привели к возникновению технологической близости. Под технологической близостью понимается взаимосвязь между отраслями, основанная на сложившихся производственных особенностях и позволяющая количественно определить, развитие каких новых отраслей будет более оптимальным исходя из существующего технологического портфеля региона (Hidalgo et al., 2007). Одним из математических методов,

используемых для определения перспективных видов деятельности в рамках концепции технологической близости, является расчет индекса сравнительных преимуществ. Данный коэффициент представляет собой отношение удельного веса экспорта продукции по определенному виду в общем объеме экспорта страны к удельному весу того же вида продукции в мировом объеме экспорта (Hausmann, Hidalgo, 2011; Растворцева, Аманалиева, 2020).

Еще одной концепцией, имеющей потенциал для развития «экономики будущего», выступает подход к определению «умной» специализации, разработанный экспертной группой «Знания для роста» (Knowledge for Growth) Департамента по технологиям и инновациям Еврокомиссии в 2005 году⁷. «Умная» специализация как средство развития экономики предполагает достижение следующих целей:

- появление и развитие новых видов деятельности, которые при этом будут обладать инновационным потенциалом;
- диверсификация региональных экономик, а следовательно, и расширение возможностей для производства;
- формирование диверсифицированной системы, состоящей из научно-производственных сетей и кластеров⁸.

Алгоритм поиска «умной» специализации на региональном уровне раскрывается в последовательных шагах:

- анализ инновационного потенциала региона;
- определение процесса и управления трансформации экономики на основе умной специализации;
- развитие общего видения образа «экономики будущего»;
- определение приоритетов экономического развития;
- определение плана действий с последовательным набором политик;
- мониторинг и оценка⁹.

⁷ Knowledge for Growth Prospects for science, technology and innovation. Selected papers from Research Commissioner Janez Potočnik's Expert Group, 2009

⁸ What is smart specialization. Smart Specialisation Platform. 2018.

⁹ Smart Specialization, Regional Growth and Applications to European Union Cohesion Policy. Philip McCann & Raquel Ortega-Argilés. 2013.

Главное отличие «умной» специализации от уже существующих состоит в том, что в ее рамках не происходит выбор отдельных отраслей (видов экономической деятельности, ВЭД) как неких «точек», а определяется набор ВЭД во взаимосвязи с региональными компетенциями как «пространство выбора». Можно говорить о том, что «умная» специализация региона представляет собой нечеткое, с размытыми границами ядро региональных знаний и навыков, вокруг которого группируются другие отрасли региональной экономики. Именно на этом «поле» идет процесс стимулирования регионального экономического развития и синхронизации действий разных игроков.

Однако интегрированного метода, обеспечивающего решение вопроса по определению «умной» специализации любого из регионов, не существует. Это всегда сочетание массива данных, который, скорее всего, создаст подходящую основу для процесса идентификации «умных» специализаций, поэтому широкая мультипликация данного подхода достаточно затруднительна (Котов, 2020).

При использовании любого метода важны точное позиционирование региональной экономики в международных и межрегиональных цепочках создания стоимости и идентификация определенных ключевых региональных активов. Анализ существующих теоретико-методологических подходов к определению перспективных видов экономической деятельности позволяет назвать ряд ключевых положений, на которых должна строиться методика поиска направлений структурной трансформации.

Для того чтобы перестройка экономики вела к активизации ее динамики, требуется учитывать существующую экономическую специализацию региона, обнаруживать и устранять «бутылочные горлышки» цепочек создания стоимости (ЦСС), действовать через формирование высокопроизводительных секторов с экспортной ориентацией, однако стоит сбалансировать соотношение внутреннего и внешних рынков. Еще одним краеугольным камнем должна стать инновационная активность видов экономической деятельности в разрезе существующих производств и потенциальных технологических ниш.

В качестве отдельных примеров реализации методик поиска перспективной специализации с обоснованным математико-статистическим аппаратом можно привести такие работы, как авторские модели российских и белорусских исследователей, разработанные по заказу Министерств экономического развития РФ и Беларуси соответственно, а также работы Центра «Российская кластерная обсерватория» под руководством Е.С. Куценко.

Методика А.В. Котова и соавторов (Котов и др., 2019) основывается на построении матрицы компетенций региона. Для этого авторы рассчитывают ряд индикаторов, оценивающих эффективность текущей отраслевой специализации, инновационный потенциал, а также патентную и публикационную обеспеченность в разрезе широкого перечня видов экономической деятельности. К достоинствам этого методического подхода можно отнести подробную отраслевую номенклатуру исследования, доступность и простоту трактования используемых статистических данных, комплексность анализа региональных компетенций.

Методика белорусских исследователей имеет некоторые сходства с предыдущей (Берченко, Мишин, 2018). Так, на первоначальном этапе формируется перечень отраслей, которые являются текущими специализациями территорий, методом многокритериального анализа решений с использованием расчетов коэффициентов концентрации. Затем экспертным путем по ряду критериев (перспективность направлений специализации; инвестиционная привлекательность; потенциал кластеризации; наличие кадрового потенциала; уровень инновационности) формировались балльные оценки рейтинга видов экономической деятельности. Среди положительных сторон методики стоит отметить оценки возможности кластеризации видов экономической деятельности с учетом их мультипликативности, а также анализ инвестиционного и кадрового потенциала. Основным недостатком, на наш взгляд, является необходимость привлечения экспертов для проведения второго этапа анализа, что в силу его объема значительно снижает объективность.

Методика, рассмотренная в работах Е.С. Куценко и соавторов (Kutsenko, Eferin, 2019), опирается на подходы Европейской кластерной обсерватории, которые в свою очередь используют модель Портера. Данный инструментарий применяется для определения отраслей специализации и перспектив их развития методом распределения баллов по 4 показателям (уровень специализации, размер, продуктивность и динамика). Для отнесения отрасли к региональной специализации требуется одновременное вхождение территории в верхние 80% регионов по размеру (S) и наличие «звезды» по уровню специализации (LQ). На наш взгляд, методика направлена скорее на определение существующих специализаций, однако введение ограничения, отсекающего незначимые специализации, является одним из достоинств названного методического подхода.

Исследования, посвященные вопросам структурной трансформации, в т. ч. региональных экономик, неоднократно указывают на необходимость развития цепочек создания стоимости (Крюков и др., 2021; Ильин и др., 2021), в связи с чем наша позиция состоит в том, что требуется учет мультипликативности развития перспективных специализаций. К тому же современные условия осуществления хозяйственной деятельности в России указывают на необходимость развития импортозамещающих видов деятельности¹⁰. Описанные положения, малое количество научных работ, посвященных разработке методического инструментария для выявления перспективных специализаций, а также заинтересованность государства в этом научном направлении¹¹ предоставляют возможность расширить данное исследовательское поле с учетом мировых тенденций экономической науки и практики, а также уже существующего авторского инструментария.

¹⁰ Путин поручил отечественным компаниям занять ниши ушедших иностранных. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2022/632b10a69a7947aaaff35edb>

¹¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р).

Методика исследования

Анализ теоретических основ, изучение доступной информационной базы по широкому списку видов экономической деятельности (ВЭД), разработка региональных межотраслевых балансов и изменившиеся под влиянием геополитического кризиса условия ведения хозяйственной деятельности позволили сформировать авторский подход к определению перспективных видов экономической деятельности.

С опорой на подход А.В. Котова и соавторов в составе значимых компонентов оценки в рамках предлагаемого методического подхода были проанализированы:

- эффективность отраслевой специализации;
- рыночный потенциал;
- инновационная активность;
- наличие патентов и публикаций, соответствующих ВЭД.

Выбор указанных компонентов в методике А.В. Котова и др. обусловлен, с одной стороны, их непосредственной связанностью с процессами современного научно-технологического развития России, с другой стороны, с возможностями информационного обеспечения анализа и оценки перспективной специализации на основе использования системы репрезентативных индикаторов. Авторский подход, в дополнение к этому, учитывает потребности в технологическом суверенитете экономики и необходимость трансформации существующих ЦСС. Для этого применяются индикаторы фрагментации цепочек создания стоимости¹², и возможностей региона по импортозамещению. Новизна подхода заключается также в использовании в качестве одного из источников данных региональных таблиц «затраты-выпуск».

Список индикаторов для оценки перспективности ВЭД представлен в *таблице 1*.

Таблица 1. Индикаторы, используемые в расчетах при определении перспективной экономической специализации региона

Индикатор	Расчет
Эффективность отраслевой специализации	
Производительность труда ВЭД в регионе	$K_1 = \left(\frac{V_{it}^{per}}{L_{it}^{per}} : \frac{\sum_{i=n} V_{it}^{per}}{\sum_{i=n} L_{it}^{per}} \right) * \left(\frac{GRD_{nt}^{per}}{L_{nt}^{per}} : \frac{GRD_t^{per}}{L_{nt}^{per}} \right)$
Производительность труда ВЭД в макрорегионе	$K_2 = \left(\frac{V_{it}^{per}}{L_{it}^{per}} : \frac{V_{it}^{mper}}{L_{it}^{mper}} \right)$
Производительность труда ВЭД в стране	$K_3 = \left(\frac{V_{it}^{per}}{L_{it}^{per}} : \frac{V_{it}^{pф}}{L_{it}^{pф}} \right)$
Эффективность производительности труда отрасли в целом по стране	$K_4 = K_1 * \left(\frac{GRD_t^{per}}{L_t^{per}} : \frac{GRD_t^{pф}}{L_t^{pф}} \right)$

¹² Для анализа функционирования ЦСС используются два индикатора, характеризующие степень фрагментированности производства и позволяющие комплексно оценить уровень взаимодействия предприятий в цепочках снабжения и сбыта продукции. Первый из них – длина производственной цепочки (D) – отражает средневзвешенное число производственных стадий, последовательно участвующих в производстве того или иного товара или услуги. Чем выше величина D, тем больше доля промежуточной продукции в потребляемых ресурсах, тем сложнее промежуточные связи при снабжении ресурсами с технологически связанными отраслями. Минимальное значение D принимает тогда, когда производству не требуется каких-либо промежуточных товаров, что может свидетельствовать о низком уровне развития производственной кооперации в цепочке снабжения. Второй индикатор – длина сбытовой цепочки (U) – фиксирует средневзвешенное число производственных стадий, которое продукция проходит после своего производства до достижения конечного потребителя. Чем выше величина U, тем больше доля промежуточной продукции в валовом выпуске, тем сложнее промежуточные связи с технологически связанными отраслями при сбыте продукции. Индикатор U принимает значение 1, когда вся выпускаемая продукция направляется на конечное потребление. Такая ситуация характеризует низкий уровень развития производственной кооперации в цепочке сбыта (Fally, 2012).

Окончание таблицы 1

Индикатор	Расчет
Рыночный потенциал	
Значимость ВЭД в масштабах страны	$K_5 = \frac{V_{it}^{per}}{V_{it}^{PФ}} * 100\%$
Значимость ВЭД в масштабах региона	$K_6 = \frac{V_{it}^{per}}{GRP_{it}^{per}} * 100\%$
Темпы роста ВЭД в регионе	$K_7 = \sqrt[3]{\frac{V_{i(t-2)}^{per}}{V_{i(t-3)}^{per}} * \frac{V_{i(t-1)}^{per}}{V_{i(t-2)}^{per}} * \frac{V_{it}^{per}}{V_{i(t-1)}^{per}}} * 100\%$
Мультипликативность развития отрасли	$K_8 = D_i, K_9 = U_i$
Потребность региона в импортозамещении продукции ВЭД	$K_{10} = \frac{I_{it}^{per}}{V_{it}^{per}} * 100\%$
Инновационная активность	
Доля затрат на НИР ВЭД региона в объеме странового ВЭД	$K_{11} = (\frac{R_{i(t-2)}^{per}}{R_{i(t-2)}^{PФ}} : \frac{R_{t-2}^{per}}{R_{t-2}^{PФ}} + \frac{R_{i(t-1)}^{per}}{R_{i(t-1)}^{PФ}} : \frac{R_{t-1}^{per}}{R_{t-1}^{PФ}} + \frac{R_{it}^{per}}{R_{it}^{PФ}} : \frac{R_t^{per}}{R_t^{PФ}}) / 3$
Доля отгруженных товаров, работ, услуг инновационного характера ВЭД региона в объеме странового ВЭД	$K_{12} = (\frac{N_{i(t-2)}^{per}}{N_{i(t-2)}^{PФ}} + \frac{N_{i(t-1)}^{per}}{N_{i(t-1)}^{PФ}} + \frac{N_{it}^{per}}{N_{it}^{PФ}}) / 3$
Доля затрат на технологические инновации (ТИ) ВЭД региона в объеме странового ВЭД	$K_{13} = (\frac{CTI_{i(t-2)}^{per}}{CTI_{i(t-2)}^{PФ}} + \frac{CTI_{i(t-1)}^{per}}{CTI_{i(t-1)}^{PФ}} + \frac{CTI_{it}^{per}}{CTI_{it}^{PФ}}) / 3$
Соотношение удельных весов инновационных товаров, работ и услуг в регионе и в стране	$K_{14} = (\frac{\varepsilon_{i(t-2)}^{per}}{\varepsilon_{i(t-2)}^{PФ}} + \frac{\varepsilon_{i(t-1)}^{per}}{\varepsilon_{i(t-1)}^{PФ}} + \frac{\varepsilon_{it}^{per}}{\varepsilon_{it}^{PФ}}) / 3$
Доля финансирования НИОКР за счет средств предпринимательского сектора в общем объеме финансовых средств	$K_{15} = \frac{S_{i(t-2)}^{per} + S_{i(t-1)}^{per} + S_{it}^{per}}{3}$
Патентно-публикационная обеспеченность	
Патентная активность	$K_{16} = \frac{Pat_i}{\sum_{k=1}^6 Pat_i}$
Публикационная активность	$K_{17} = \frac{Pub_i}{\sum_{k=1}^6 Pub_i}$
<p>Условные обозначения:</p> <p>V_{it}^{per} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по i-ому ВЭД в регионе за t год; L_{it}^{per} – среднесписочная численность занятых по i-ому ВЭД в регионе за t год;</p> <p>GRP_{it}^{per} – валовая добавленная стоимость в агрегированной отрасли n за t год; V_{it}^{Mper} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по i-ому ВЭД в макрорегионе за t год; L_{it}^{Mper} – среднесписочная численность занятых по i-ому ВЭД в макрорегионе за t год; $V_{it}^{PФ}$ – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по i-ому ВЭД в РФ за t год; $L_{it}^{PФ}$ – среднесписочная численность занятых по i-ому ВЭД в РФ за t год; L_{it}^{per} – среднесписочная численность занятых в регионе за t год; $GRP_{it}^{PФ}$ – суммарный валовой региональный продукт регионов РФ за t год;</p> <p>$L_{it}^{PФ}$ – среднесписочная численность занятых в РФ за t год; $V_{it}^{PФ}$ – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по i-ому ВЭД в стране за t год; GRP_{it}^{per} – валовой региональный продукт региона; D_i – длина производственной цепочки; U_i – длина сбытовой цепочки (подробнее см. Лукин, 2022); I_{it}^{per} – объем импорта товаров, работ, услуг по i-ому ВЭД; R_{it}^{per} – объем внутренних затрат на НИР по i-ому ВЭД региона в году t; $R_{it}^{PФ}$ – объем внутренних затрат на НИР по i-ому ВЭД страны в году t; N_{it}^{per} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг инновационного характера по i-ому ВЭД региона в году t; $N_{it}^{PФ}$ – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг инновационного характера по i-ому ВЭД страны в году t; CTI_{it}^{per} – удельный вес затрат на ТИ в общем объеме товаров, работ, услуг по i-ому ВЭД региона в году t; $CTI_{it}^{PФ}$ – удельный вес затрат на ТИ в общем объеме товаров, работ, услуг по i-ому ВЭД страны в году t; ε_{it}^{per} – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в по i-ому ВЭД региона в году t; $\varepsilon_{it}^{PФ}$ – удельный вес инновационных товаров в общем объеме товаров, работ, услуг в по i-ому ВЭД страны в году t; S_{it}^{per} – доля финансирования НИР за счет средств предпринимательского сектора в году t; Pat_k – количество патентов по i-ому ВЭД страны; Pub_k – количество публикаций по i-ому ВЭД страны.</p> <p>Источник: составлено авторами.</p>	

После расчета соответствующих индикаторов им присваивается балльная оценка в соответствии с интервалами, представленными в *таблице 2*. Баллы определены на основе мнения экспертов.

Результующим показателем для выделения перспективных видов экономической деятельности региона является интегральная оценка на основе баллов, присваиваемых критериально ко всем используемым индикаторам для оценки вышеназванных четырех направлений:

$$PC_i^{per} = (ЭОС_i^{per} + РП_i^{per} + ИА_i^{per}) + ППО_i^{per},$$

где PC_i^{per} – значение интегральной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД в регионе;

$ЭОС_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Эффективность отраслевой специализации»;

$РП_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Рыночный потенциал»;

$ИА_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Инновационная активность»;

$ППО_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Патентно-публикационная обеспеченность».

Апробация методического подхода осуществлялась на материалах Вологодской области по 235 видам экономической деятельности. Основные источники информации – данные Росстата (ЕМИСС, витрина статистических данных, статистика региональных органов), Роспатента, библиотеки eLIBRARY.ru, а также авторские таблицы «затраты-выпуск» по Вологодской области.

Таблица 2. Балльные оценки индикаторов определения перспективных специализаций

Критерий	Порядок присвоения баллов	Критерий	Порядок присвоения баллов
K1	K1 ≥ 1,2 – 1 балл 1,2 > K1 ≥ 0,8 – 0,5 балла K1 < 0,8 – 0 баллов	K9	K9 ≥ 2,5 – 2 балла 2,5 > K9 ≥ 2 – 1 балл 2 > K9 ≥ 1,5 – 0,5 балла K9 < 1,5 – 0 баллов
K2	K2 ≥ 1,2 – 1 балл 1,2 > K2 ≥ 0,8 – 0,5 балла K2 < 0,8 – 0 баллов	K10	K10 < 0,5 – 2 балла 0,5 < K10 < 1 – 1 балл K10 ≥ 1 – 0 баллов
K3	K3 ≥ 1,2 – 1 балл 1,2 > K3 ≥ 0,8 – 0,5 балла K3 < 0,8 – 0 баллов	K11	K11 ≥ 5 – 1 балл K11 < 5 – 0 баллов
K4	K4 ≥ 2 – 2 балла 2 > K4 ≥ 1,2 – 1 балл 1,2 ≤ K4 < 0,8 – 0,5 балла K4 < 0,8 – 0 баллов	K12	K12 ≥ 1 – 1 балл K12 < 1 – 0 баллов
K5	K5 ≥ 5 – 1 балл 5 > K5 ≥ 1 – 0,5 балла K5 < 1 – 0 баллов	K13	K13 ≥ 2 – 2 балла 2 > K13 > 1 – 1 балл K13 < 1 – 0 баллов
K6	K6 ≥ 10 – 1 балл 10 > K6 ≥ 5 – 0,5 балла K6 < 5 – 0 баллов	K14	K14 ≥ 1 – 1 балл K14 < 1 – 0 баллов
K7	K7 ≥ 120 – 1 балл 120 > K7 ≥ 110 – 0,5 балла K7 < 110 – 0 баллов	K15	K15 ≥ 1 – 1 балл K15 < 1 – 0 баллов
K8	K8 ≥ 2,5 – 2 балла 2,5 > K8 ≥ 2 – 1 балл 2 > K8 ≥ 1,5 – 0,5 балла K8 < 1,5 – 0 баллов	K16	K16 ≥ 0,1 – K16 * 10 баллов K16 < 0,1 – 0 баллов
		K17	K17 ≥ 0,1 – K17 * 10 баллов K17 < 0,1 – 0 баллов

Источник: составлено авторами на основе (Котов и др., 2019) и экспертных оценок.

Результаты исследования

Согласно Атласу экономической специализации регионов России (Атлас..., 2021), Вологодская область специализируется на металлах и металлообрабатывающей промышленности, сельскохозяйственных услугах и производстве удобрений, лесной промышленности и производстве изделий из дерева. Данные выводы

подтверждаются и дополняются другими исследователями. Так, к уже названным ВЭД стоит добавить пищевую промышленность, машиностроение и туризм (Леонидова, Сидоров, 2019; Румянцев, Леонидова, 2020). Результаты расчетов балльных оценок согласно описанной методике по материалам Вологодской области за 2020 год представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Балльные оценки перспективных экономических специализаций Вологодской области

Отрасль	K1	K2	K3	K4	K5	K6	K7	K8	K9	K10	K11	K12	K13	K14	K15	K16	K17	Итог
Производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах	1	1	1	2	1	1	2	2	2	0	0	0	0	0	0	2,1	2,8	17,9
Производство машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства	1	1	1	2	0,5	0	2	2	1	2	0	0	0	0	1	3	1,3	17,8
Производство прочих пищевых продуктов	1	1	1	2	0	0	2	2	0	0	0	0	0	0	1	2,2	2,6	14,8
Производство прочих стальных изделий первичной обработкой	1	0,5	1	1	1	0	2	2	2	0	0	0	0	0	1	0,6	1,9	14
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона	1	0,5	1	1	0,5	0	2	2	2	0	0	0	0	1	1	1,0	0,9	13,9
Производство абразивных и неметаллических минеральных изделий	1	1	1	1	0,5	0	2	2	2	0	0	0	0	0	1	0	0	11,5
Монтаж промышленных машин и оборудования	1	1	1	2	0,5	0	2	1	2	0	0	0	0	0	1	0	0	11,5
Производство основных драгоценных металлов и прочих цветных металлов	1	0	0	2	0	0	2	2	2	1	0	0	0	0	1	0	0	11
Распиловка и строгание древесины	0	0,5	1	0	1	0	2	2	2	0	0	0	0	1	1	0	0	10,5
Производство изделий из бетона, цемента и гипса	0	0	0,5	0	0	0	2	2	2	0	0	0	2	1	1	0	0	10,5
Источник: расчеты авторов.																		

Потенциальными базовыми точками для формирования перспективной специализации региона по результатам апробации авторской методики были признаны следующие виды экономической деятельности (рис. 1):

- распиловка и строгание древесины;
- производство изделий из бетона, цемента и гипса;
- производство абразивных и неметаллических минеральных изделий, не включенных в другие группировки;
- монтаж промышленных машин и оборудования;
- производство основных драгоценных металлов и прочих цветных металлов, производство ядерного топлива;
- производство прочих стальных изделий первичной обработкой;
- производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона;

- производство прочих пищевых продуктов;
- производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах;
- производство машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства.

Формирование профиля перспективной специализации Вологодской области позволяет скомпоновать виды экономической деятельности для достижения синергетического эффекта их взаимодействия и осуществить поиск потенциальных рыночных ниш производства.

Существующая отраслевая специализация Вологодской области на сельском хозяйстве, производстве продукции лесопромышленного комплекса и туризме позволяет объединить в условные цепочки следующие виды экономической деятельности (рис. 2–4).

Рис. 1. Результаты интегральных оценок перспективности ВЭД Вологодской области

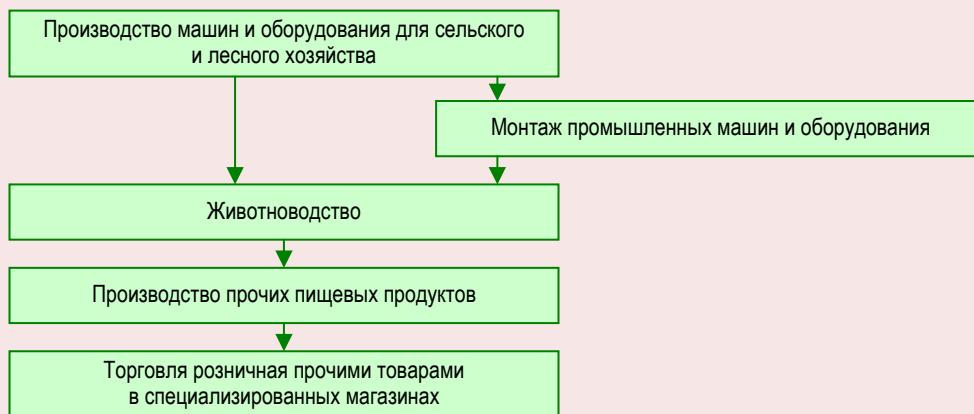

Источник: расчеты авторов.

Существующие виды отраслевой специализации нуждаются в обновлении материально-технической базы ввиду ее значительного износа. На фоне прекращения импортных поставок продукции машиностроения развитие собственных производств машин и оборудования для сельского хозяйства, помимо всего прочего, решает задачи обеспечения технологического суверенитета региональной экономики.

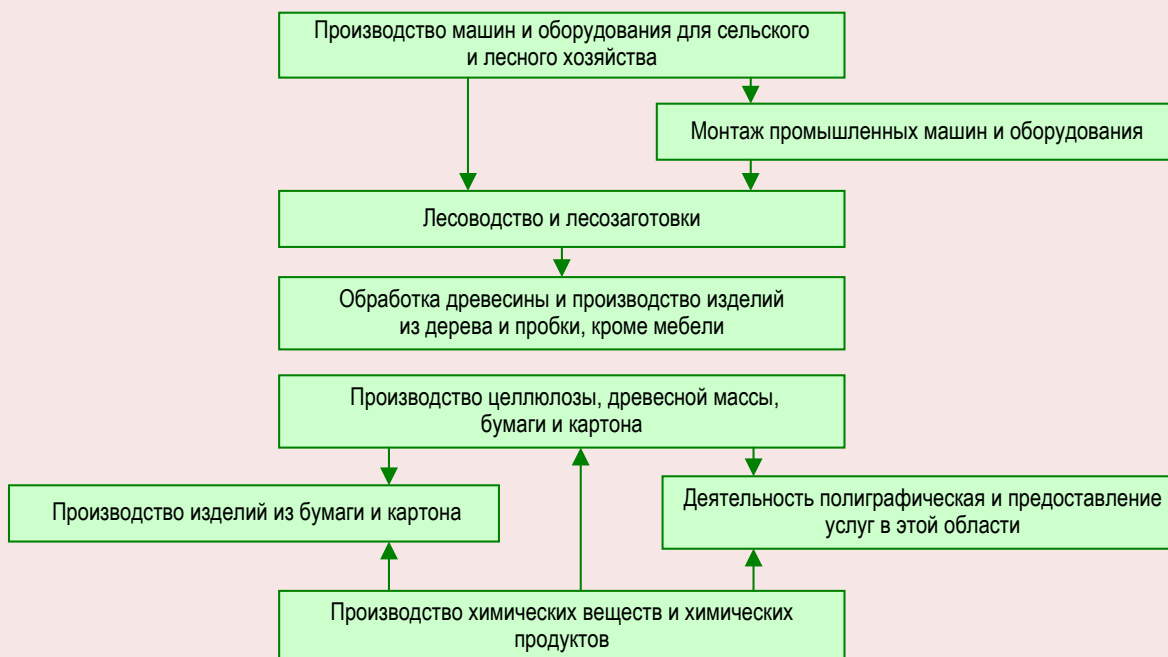
Анализ патентной активности позволяет отметить возможности по расширению ассортимента производимой прочей пищевой продукции. Так, к примеру, специалистами Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина разработаны технологии производства различных видов спортивного питания из продукции, выпускаемой животноводством. Как в Вологодской

Рис. 2. Встраивание региональных приоритетов перспективной специализации в существующие виды экономической деятельности (на примере животноводства)

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3. Встраивание региональных приоритетов перспективной специализации в существующие виды экономической деятельности (на примере лесопромышленного комплекса)

Источник: расчеты авторов.

области, так и в СЗФО в целом выпуск такой продукции не налажен, однако спрос на нее в России и в регионе имеется.

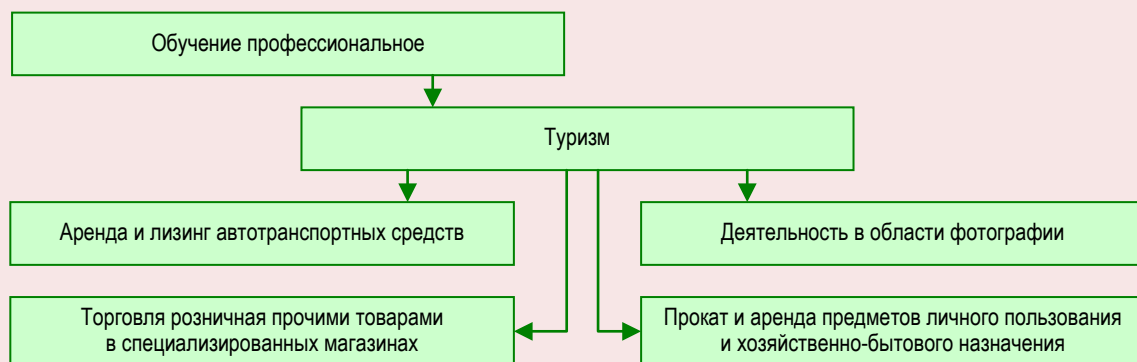
В лесопромышленном комплексе наблюдается аналогичная ситуация с состоянием материально-технической базы. Производство же продуктов, более приближенных к конечному потребителю, ограничено нехваткой импортных компонентов. Так, молочная отрасль в Вологодской области столкнулась с нехваткой упаковки для собственной продукции (производство молочной продукции снизилось на 18,9%, основная причина – нехватка упаковки для пастеризованного молока) (Сидоров, 2022). В полиграфической деятельности наблюдается значительный спрос на основное сырье (бумагу), а также недостаток красящих пигментов – пятый пакет санкций, принятый Евросоюзом в начале апреля, помимо некоторых видов оборудования и угля запрещает ввоз в Россию барьерных пленок, красящих веществ, пигментов, лаков, красок, веществ и препаратов, применяемых в процессе обработки бумаги и картона, оборудования для офсетной, глубокой печати¹³. Репозиционирование региона в цепочках создания данных видов продукции с включением недо-

стающих фрагментов видится нам возможным с учетом уже развитых видов экономической деятельности.

Экономика Вологодской области базируется не только на отраслях материального производства. Так, среди отраслей выделяется туризм ввиду высокой производительности труда этого вида экономической деятельности в регионе и значительного мультипликативного эффекта. Туристическая отрасль требует подготовки специалистов различных профилей, а также развития сопутствующих видов экономической деятельности.

Перспективу в развитии туризма видят и органы государственной власти, что отражается в активной финансовой и организационной поддержке этого ВЭД в рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», в стимулировании внутреннего туристического спроса со стороны населения. Также аргументом в пользу стимулирования развития туризма как перспективной экономической специализации региона является тот факт, что туристская индустрия выступает активным участником инновационного процесса. Так, к примеру, пра-

Рис. 4. Встраивание региональных приоритетов перспективной специализации в существующие виды экономической деятельности (на примере туризма)

Источник: расчеты авторов.

¹³ «Производители практически всей продукции столкнутся с дефицитом красок и картона как в потребительской, так и в складской таре. Пока мы не можем говорить о принципиальном изменении ассортимента или объемов выпускаемой продукции в силу того, что у предприятий существуют остатки, которых достаточно до середины лета 2022 года». Без ярких цветов: пищепром столкнулся с дефицитом упаковки и краски. URL: https://www.dp.ru/a/2022/06/01/Bez_jarkih_cvetov

вительство широко стимулирует строительство быстровозводимых экоотелей и развитие инклюзивного туризма на базе информационных технологий (Леонидова, 2021).

Заключение

Определение будущей траектории трансформации отраслевой структуры региональной экономики на базе предлагаемой методики выявления перспективных ВЭД продемонстрировало необходимость корректировки стратегических ориентиров развития народного хозяйства Вологодской области. Обозначенные в Стратегии пространственного развития приоритеты могут быть использованы как базовые отрасли для диверсификации экономики и углубления переработки продукции. Однако построение высокопроизводительной, конкурентоспособной и инновационной экономики возможно только при переходе к частным ВЭД, заполняющим рыночные ниши в целях обеспечения активной экономической динамики и технологического суверенитета. На материалах Вологодской области был сформулирован перечень ВЭД, развитие которых перспективно с точки зрения долгосрочного экономического роста, а также определены потенциальные возможности по их внедрению в существующую структуру народного хозяйства региона.

Определенные нами приоритеты отраслевого развития не являются бессменным эталоном: по мере эволюции народного хозяйства и научно-

технического прогресса необходимо проводить бенчмаркинг перспективной региональной специализации с целью адаптации экономики к изменяющимся условиям.

Еще одним важным аспектом дальнейших исследований и их внедрения в управленческую практику является учет интересов и компетенций соседних субъектов. Необходимы перетоки знаний, а также диверсификация страновой экономики на основе согласования территориальных специализаций.

Научная новизна проведенного исследования состоит в разработке и апробации авторского инструментария, предназначенного для поиска приоритетов структурной трансформации региональной экономики, на основе выявления перспективных экономических специализаций. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов органами власти в практике управления отраслевым и пространственным развитием территорий.

Дальнейшие исследования будут посвящены разработке и совершенствованию механизмов развития перспективной экономической специализации на региональном и федеральном уровнях, а также совершенствованию авторской методики определения перспективных специализаций региона для формирования отраслевых приоритетов структурной политики.

Литература

- Атлас экономической специализации регионов России (2021) / под ред. Л.М. Гохберга, Е.В. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 264 с.
- Берченко Н.Г., Мишин А.В. (2018). Практические аспекты определения перспективной специализации региональных хозяйственных комплексов // Экономика, моделирование, прогнозирование. № 12. С. 19–30.
- Земскова Е.С., Колосков Д.А. (2017). Деформация структуры конечного потребления как препятствие экономического роста (на примере Республики Мордовия) // Наукоедение. № 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/77EVN617.pdf>
- Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. (2019). «Перспективная экономическая специализация» как новация политики регионального развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 6. С. 49–65. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10122
- Ивантер В.В. (2017). Перспективы восстановления экономического роста в России // Вестник РАН. № 1. С. 15–28. DOI: 10.7868/S0869587317010042
- Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. (2016). Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект. Балтийский регион. Т. 8. № 2. С. 30–47. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-2-2>

- Котов А.В., Гришина И.В., Польшев А.О. (2019). Умная специализация региона – вариант решения для России: научный очерк. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. 60 с.
- Котов А.В. (2020). Методический подход к определению умной специализации регионов России // Регион: Экономика и Социология. № 2 (106). С. 22–45. DOI 10.15372/REG20200202
- Крюков В.А., Сулов Н.И., Ягольницер М.А. (2021). Экономика России – в основе успеха синергия взаимодействия и межрегиональной кооперации // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 230. № 4. С. 90–102. DOI 10.38197/2072-2060-2021-230-4-90-102
- Леонидова Е.Г. (2021). Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2019). Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
- Лукин Е.В. (2022). Регулирование межрегиональные цепочек добавленной стоимости: проблемы анализа и моделирования // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 19–33. DOI 10.47711/0868-6351-190-19-33
- Лукин Е.В., Ускова Т.В. (2018). Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2.
- Михеева Н. Н. (2018) Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. № 5 (527). С. 158–178.
- Растворцева С.Н., Аманалиева А.Б. (2020). Анализ национальных инновационных систем на основе метода технологической близости // Журнал экономической теории. Т. 17. № 4. С. 781–788. DOI 10.31063/2073-6517/2020.17-4.3
- Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г. (2020). Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 169–183. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.10
- Сидоров М.А. (2022). Мониторинг экономики: май 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 26. № 3. С. 88–98. DOI: 10.15838/ptd.2022.3.119.7
- Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В. [и др.] (2018). Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: Экономика и Социология. № 2 (98). С. 264–287. DOI 10.15372/REG20180212
- Ильин В.А., Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.] (2021). Трансформация межрегиональных цепочек создания стоимости: проблемы и перспективы / под науч. рук. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 256 с.
- Тюнел И. (1926). Изолированное государство: перевод с нем. М.: Экономическая жизнь.
- Широв А.А. (2018). Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография. М.: МАКС Пресс. 264 с.
- Boschma R., Balland P.-A., de Vaan M. (2014). The formation of economic networks: A proximity approach. *Regional Development and Proximity Relations*, 7, 243–266.
- Boschma R.A. (2005). Proximity and innovation: A critical assessment. *Reg. Stud.*, 39, 61–74.
- Edinak E.A., Shirov A.A. (2021). Assessment of the relationship between the qualification structure of employment and household consumption using the input-output tables. *Studies on Russian Economic Development*, 32(6), 593–602. DOI:10.1134/S1075700721060046
- Fally T. (2012). *Production Staging: Measurement and Facts*. Boulder: University of Colorado-Boulder.
- Hausmann R., Hidalgo C.A. (2011). The network structure of economic output. *Journal of Economic Growth*. 16(4), 309–342.
- Hidalgo C.A. et al. (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317(5837), 482–487.
- Kutsenko E., Eferin Y. (2019). “Whirlpools” and “Safe Harbors” in the dynamics of industrial specialization in Russian regions. *Foresight and STI Governance*, 13(3), 24–40.
- Porter M. (2000). Locations, clusters, and company strategy (chapter 13). In: *The Oxford Handbook of Economic Geography*. Oxford University Press.

Сведения об авторах

Никита Михайлович Румянцев – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Екатерина Георгиевна Леонидова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Елена Сергеевна Губанова – доктор экономических наук, профессор, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: gubanova_elena@mail.ru)

Rumyantsev N.M., Leonidova E.G., Gubanova E.S.

Defining Sectoral Priorities of the Region's Structural Transformation by Searching for Promising Economic Specializations

Abstract. Global crises and foreign trade restrictions imposed on the Russian economy slow down its growth, affecting export-oriented regions to a great extent. Retaliatory economic measures, including those aimed to promote structural transformation of the economy, require its key directions to be defined. We attempt to determine priorities of the structural transformation of the Vologda Oblast economy by searching for promising types of economic activity. For this purpose, we study theoretical foundations of the search for priorities of sectoral development, elaborate and test a methodological approach to the search for promising branches of regional economic specialization, and identify areas of development for potential growth points. Using the materials of the Vologda Oblast, we make a list of activities whose development is promising from the point of view of long-term economic growth and identify potential opportunities for their introduction into the region's economy. Scientific novelty of our work consists in the development and testing of our own tools for finding priorities for the structural transformation of the regional economy based on identifying promising economic specializations. The information base includes works of Russian and foreign researchers in the field of industrial and spatial development, data from state statistics, the Federal Institute of Industrial Property, scientific electronic library eLIBRARY.ru and regional input-output tables for the Vologda Oblast. The findings of the work can be used in the management of the region's sectoral and spatial development and in research on the issues under consideration.

Key words: region, specialization, structural transformation, promising economic activities, value chains.

Information about the Authors

Nikita M. Rumyantsev – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Ekaterina G. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Elena S. Gubanova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: gubanova_elena@mail.ru)

Статья поступила 25.07.2022.

Детерминанты инновационной активности российских фармацевтических производителей

Маргарита Израйлевна

БЕРКОВИЧ

Костромской государственный университет

Кострома, Российская Федерация

e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru

ORCID: 0000-0003-3330-6009

Андрей Юрьевич

ВОЛИН

Костромской государственный университет

Кострома, Российская Федерация

e-mail: volin.andrei2011@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8610-3152

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования основных детерминантов инновационной активности российских фармацевтических производителей. Обосновано применение двух показателей, которые характеризуют инновационную активность производителей фармацевтической продукции: соотношение числа собственных и используемых организацией по лицензии объектов интеллектуальной собственности, а также количества исследований, проводимых фармацевтическим производителем для оригинальных и воспроизведенных лекарственных препаратов. Отнесение конкретного предприятия к инновационно активным осуществлено с помощью двумерного кластерного анализа (метод k-средних, исключая повторения, с использованием евклидовых расстояний). Выделены основные факторы, оказывающие влияние на инновационную активность непосредственно фармацевтических

Для цитирования: Беркович М.И., Волин А.Ю. (2022). Детерминанты инновационной активности российских фармацевтических производителей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 110–123. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.6

For citation: Berkovich M.I., Volin A.Yu. (2022). Determinants of innovation activity of Russian pharmaceutical manufacturers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 110–123. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.6

производителей на основе контент-анализа опубликованных по данной теме отечественных и зарубежных научных трудов. Проведен анализ отобранных детерминантов с использованием статистического и эконометрического инструментария. Применялись статистические критерии: χ^2 Пирсона и точный критерий Фишера для качественных (дихотомических) показателей, а также t-критерий Стьюдента и критерий Манна – Уитни для анализа количественных показателей. Дискриминантный анализ основных детерминантов инновационной активности предприятий российского фармацевтического бизнеса позволил выявить наиболее существенные детерминанты, прежде всего те, которые напрямую характеризуют размеры промышленных предприятий. Дополнительно в статье аргументирована целесообразность широко распространенных в мировой практике процессов слияний и поглощений фармацевтических производителей для возможности аккумуляции ресурсов, необходимых для инновационного развития фармацевтических производителей, что имеет и определенные негативные эффекты, связанные с увеличением олигополизации рынков фармацевтической продукции.

Ключевые слова: фармацевтическая промышленность, инновации, детерминанты инновационной активности, кластерный анализ.

Введение

Инновационное развитие фармацевтического производства определено в качестве одного из основных направлений экономической политики страны¹, что становится особенно актуальным при сворачивании социально-экономических и научно-технических связей с недружественными странами. Данная сфера материального производства может стать одной из основных отправных точек планируемой структурной трансформации российской экономики² и ее выхода на качественно новый уровень развития, особенно в условиях новой реальности. Стратегическую значимость имеют и внешние социально-экономические эффекты, поскольку развитие фундаментальных исследований в медицинской и фармацевтической промышленности напрямую способствует повышению качества и продолжительности жизни населения³. Кроме того, фармацевтическая промышленность в России представлена

чуть менее чем 1400 производителями, создающими более 80 тысяч рабочих мест⁴.

В связи с этим представляет научный и практический интерес оценка сложившегося уровня инновационной активности ведущих российских фармацевтических производителей, а также основных факторов (детерминантов), определяющих такую активность в текущем периоде и оценивающих более долгосрочные тенденции. Для целей исследования под детерминантами инновационной активности понимались определяющие факторы, которые являются движущей силой развития инновационных процессов на предприятиях либо создают условия для таковых. Данные показатели отражены в опубликованных научных трудах, описывающих инновационную активность предприятий в обрабатывающей промышленности и материальном производстве в целом, однако они нуждаются в адаптации к значительной специфике фармацевтической отрасли как инновационного вида деятельности. К таким особенностям относятся, в первую очередь, сегментация отрасли на производство оригинальных препаратов и дженериков (воспроизведенных лекарственных препаратов)⁵,

¹ См., например: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 596: по состоянию на 31.03.2021.

² Романова Л. (2022). ЦБ ждет старта трансформации экономики в ближайшие месяцы. Какой будет эта перестройка // Ведомости. 19 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/04/18/918674-tsb-zhdet-starta> (дата обращения 29.04.2022).

³ См., например: The pharmaceutical industry and global health (2017). IFPMA. P. 7. URL: <https://www.ifpma.org/wp-content/uploads/2017/02/IFPMA-Facts-And-Figures-2017.pdf> (дата обращения 21.04.2022).

⁴ INDSTAT 4 2022, ISIC Revision 4. United Nations Industrial Development Organization (UNIDO). URL: <https://stat.unido.org/> (дата обращения 25.08.2022).

⁵ Причем разработка и вывод на рынок последних не предполагает каких-либо крупных открытий или прорывного развития науки и технологий, соответственно, не содержит инновационной составляющей.

требующий больших финансовых и временных ресурсов цикл разработки новых препаратов⁶ (Типанов, 2014), фактически разрешительный характер функционирования отрасли и ее жесткое государственное регулирование на всех этапах, широкое использование патентной защиты изобретений, с которыми связан отложенный во времени переход к фазе роста в рамках жизненного цикла фармацевтических продуктов, а также преимущества крупных транснациональных корпораций (ТНК) в фармацевтических инновациях.

Цель проведенного исследования заключается в выделении основных характеристик и детерминантов инновационной активности фармацевтических производителей путем адаптации существующих теоретических и методических разработок и концепций к специфике фармацевтического производства, а также в количественной оценке влияния выделенных

детерминантов на инновационную активность российских предприятий, функционирующих в сфере фармацевтического производства.

Материалы и методы

Ниже представлены результаты многоступенчатого исследования основных детерминантов инновационной активности российских фармацевтических производителей. Алгоритм исследования отражен на *рисунке 1*.

К настоящему времени проведено достаточное количество эмпирических исследований, выявивших основные факторы, влияющие на инновационную активность промышленных предприятий. Так, в работе Т.А. Дубровой и А.А. Ермолиной (Дуброва, Ермолина, 2019) построена модель инновационной активности предприятий обрабатывающей отрасли. В результате тестирования различных предполагаемых детерминантов в качестве наиболее значимых и вошедших в построенную авторами

Рис. 1. Алгоритм исследования

1 этап: постановочный

- Определение цели исследования, постановка проблемы

2 этап: информационный

- Анализ, оценка и систематизация результатов предыдущих исследований детерминантов инновационной активности
- Сбор статистической информации, отражающей инновационную активность российских фармацевтических производителей, а также основные детерминанты такой активности

3 этап: аналитический

- Сегментация фармацевтических производителей по степени их инновационной активности (кластерный анализ)
- Агрегирование сформированных кластеров в укрупненные группы предприятий с высокой и низкой инновационной активностью
- Статистический анализ влияния потенциальных детерминантов на инновационную активность фармацевтических производителей

4 этап: заключительный

- Верификация полученных результатов (в т. ч. с использованием дискриминантного анализа)
- Формулирование основных выводов проведенного исследования

Источник: составлено авторами.

⁶ Также см.: The pharmaceutical industry and global health (2017). IFPMA. URL: <https://www.ifpma.org/wp-content/uploads/2017/02/IFPMA-Facts-And-Figures-2017.pdf> (дата обращения 21.04.2022); World Preview 2021, Outlook to 2026 (2021). EvaluatePharma. URL: <https://www.evaluate.com/thought-leadership/pharma/evaluate-pharma-world-preview-2021-outlook-2026> (дата обращения 17.07.2022); Фармацевтическая промышленность и глобальное здравоохранение: факты и цифры (2012). М.: Ассоциация междунар. фарм. производителей. URL: https://www.ifpma.org/wp-content/uploads/2016/01/2011_The-Pharmaceutical-Industry-and-Global-Health_RUS.pdf (дата обращения 17.07.2022).

итоговую модель указаны такие, как размер предприятия, размер населенного пункта расположения предприятия, наличие промышленных кластеров в регионе, наличие у предприятия доступа к высокоскоростному интернету, ведение предприятием экспортной деятельности, а также относительное преобладание в коллективе предприятия сотрудников с высшим образованием.

В исследовании И.А. Кузнецова и др. (Kuznetsov et al., 2017) использован метод экспертных оценок. В результате выявлено, что наибольший вклад в инновационную активность предприятий вносят такие факторы, как трудовые ресурсы в сфере инноваций, финансовая поддержка инновационной активности, рентабельность производства, объемы капитальных инвестиций, эффективность использования ресурсов, введение в ассортимент новых продуктов, технологий, улучшений или управленческих приемов, а также технологический потенциал и финансовое положение того или иного предприятия. Аналогично в другом исследовании (Панявина, Ванятинский, 2012)

отражен анализ детерминантов инновационной активности предприятий с использованием метода экспертных оценок, и наиболее значимым среди изученных факторов стал показатель состояния рынка и положения предприятия на данном рынке. В исследованиях С. Малик (Malik, 2020) и С. Краммера (Krammer, 2009) приведены макроэкономические детерминанты инновационной активности на примере, соответственно, азиатских и восточно-европейских стран.

Широкий спектр факторов, оказывающих влияние на инновационную активность фармацевтических производителей, обусловил возможность их систематизации (табл. 1). В основу классификации положен многоуровневый подход, в соответствии с которым все детерминанты разделены на страновые и глобальные (макроэкономические); внешние детерминанты, которые, в свою очередь, разделены на отраслевые и региональные (мезоэкономические); а также внутрифирменные (микроэкономические) детерминанты.

Таблица 1. Основные детерминанты инновационной активности промышленных производителей

Детерминанты инновационной активности промышленных производителей		
Внешние		Внутрифирменные (микроэкономические детерминанты)
Страновой и глобальный уровень (макроэкономические детерминанты)	Отраслевой и региональный уровень (мезоэкономические детерминанты)	
<p>Общие:</p> <ul style="list-style-type: none"> Динамика экономических и финансовых циклов Уровень социально-экономического развития страны/региона Стабильность и предсказуемость экономической ситуации в стране Государственная поддержка предприятий, в т.ч. доступность госзаказов* Уровень развития институтов в стране (в т.ч. финансовых, государственных и др.) Приток прямых иностранных инвестиций и общая включенность страны в процессы глобализации <p>Специфические (инновационные):</p> <ul style="list-style-type: none"> Уровень научно-технического развития страны Степень защиты интеллектуальной собственности Государственная инновационная политика 	<ul style="list-style-type: none"> Вид экономической деятельности Географическое размещение Уровень концентрации рынка и его конъюнктура Уровень развития инновационной инфраструктуры региона Стабильность и предсказуемость экономической ситуации в регионе 	<ul style="list-style-type: none"> Возраст организации Размер предприятия и его принадлежность к крупной корпоративной структуре Доступ организации к высокоскоростному интернету и его использование Экспортная деятельность предприятия Уровень квалификации сотрудников Финансовое положение организации, в т.ч. его финансовая устойчивость Общий технический уровень и темпы обновления оборудования и нематериальных активов организации Темпы обновления продукции Другие внутренние особенности организации (форма собственности, организационная структура и т. д.)
<p>* Имеется в виду государственная поддержка в целом, а не только целевые направления, касающиеся инновационной деятельности предприятий (соответственно, данный показатель отнесен к общим макроэкономическим детерминантам). Составлено по: (Авдонина, 2011; Гернего и др., 2019; Давидсон и др., 2018; Дуброва, Ермолина, 2019; Ибатуллова, 2008; Каракулина, 2020; Панявина, Ванятинский, 2012; Разумова и др., 2017; Alam et al., 2019; Cohen, 2010; Krammer, 2009; Kuznetsov et al., 2017; Malik, 2020; Zakic et al., 2008).</p>		

Влияние некоторых детерминантов, приведенных в таблице 1, представляется весьма неоднозначным. Так, с одной стороны, размер предприятия за счет положительного эффекта масштаба, возможности аккумуляции более значительных финансовых ресурсов и диверсификации рисков должен положительно сказываться на инновационной активности, однако эффективность инноваций за счет роста управленческих расходов на крупных предприятиях может снижаться (Cohen, 2010). Точно так же логично предположить, что высококонцентрированный рынок позволяет монополисту/олигополисту аккумулировать более значительные финансовые ресурсы, чем множеству мелких производителей, но при этом угасание или полное отсутствие конкуренции, очевидно, снижает стимулы к инновационной активности у фармацевтических производителей (Lambertini, Orsini, 2000; Ornaghi, 2009).

Неоднозначна и причинно-следственная связь между экспортной и инновационной активностью промышленных предприятий. На теоретическом уровне отмечается, что зависимость здесь должна быть двусторонней: инновационная активность обеспечивает благоприятные условия для выхода компании на внешние рынки, но и для уже включенных в международную торговлю предприятий мировой рынок, в свою очередь, диктует необходимость постоянного совершенствования экспортируемых продуктов. Однако результаты статистического анализа данных британских малых и средних предприятий показывают, что с большой долей вероятности именно инновационная активность (причем только в направлении продуктовых инноваций, для процессных указанная зависимость не подтверждается) является детерминантом экспортной активности, а не наоборот (Higon, Driffield, 2010). Специфической чертой мировой фармацевтической отрасли выступает доминирование крупных транснациональных корпораций (ТНК), зачастую объединяемых в так называемую группу «Big Pharma», и закономерности их функционирования и развития отличаются от наблюдаемых при рассмотрении малых и средних предприятий. Крупные ТНК во многом определяют параметры конкуренции в мировом фармацевтическом производстве, а также имеют значительные преимуще-

ства в ходе исследования и вывода на рынок инновационных лекарственных препаратов и другой фармацевтической продукции (Szmelter, 2018).

На основе представленного выше анализа предыдущих эмпирических исследований (см. табл. 1) и информационной доступности показателей авторами рассмотрены следующие потенциальные детерминанты инновационной активности российских предприятий, являющихся производителями медицинской и фармацевтической продукции:

- возраст организации, лет;
- численность сотрудников, чел.;
- наличие государственной поддержки предприятия;
- наличие размещения на предприятии государственных заказов;
- балансовая стоимость нематериальных активов организации, тыс. руб.;
- доля нематериальных активов в общей стоимости активов организации, %;
- коэффициент ввода в действие новых внеоборотных активов в организации, %⁷;
- общая стоимость активов организации, тыс. руб.;
- пребывание предприятия в фазе роста производства⁸;
- финансовая устойчивость предприятия⁹;
- объем выручки организации, тыс. руб.;
- объем валовой прибыли организации, тыс. руб.¹⁰;
- рентабельность основной деятельности организации, %.

⁷ Рассчитывается как отношение стоимости новых внеоборотных активов к общей стоимости внеоборотных активов предприятия в отчетном периоде. Источник: Бланк И.А. (2007). Финансовый менеджмент. Киев: Ника-Центр Эльга. С. 191–192.

⁸ Оценивается как наличие одновременного прироста основных средств, запасов и выручки организации. Источник: Кострова А.А. (2018). Анализ финансовой отчетности по российским и международным стандартам. Ярославль: ЯрГУ. С. 56.

⁹ Ее наличие характеризуется выполнением условия превышения отношения оборотных средств организации к внеоборотным над отношением заемных средств организации к собственным. Источник: Кострова А.А. (2018). Анализ финансовой отчетности по российским и международным стандартам. Ярославль: ЯрГУ. С. 57.

¹⁰ Прочие виды прибыли включают, в том числе, результаты неосновной деятельности организации.

Подробное исследование в целях более расширенного анализа¹¹ проведено для 85 российских фармацевтических производителей (в выборку включены предприятия, у которых в качестве основного вида деятельности указан код 21 согласно ОКВЭД-2¹²). Выборка формировалась по принципу качества, полноты и доступности статистических данных¹³. Это объясняет ее некоторое смещение относительно генеральной совокупности в пользу более крупных по масштабам производства и объемам продаж фармацевтических производителей. Однако далее показана оправданность такого смещения, так как именно для более крупных фармацевтических производителей вопросы инновационной активности являются наиболее актуальными (Заболотский, Марков, 2010). Важно отметить, что поскольку импортозамещение как таковое характеризуется разработкой и выводом на рынок дженериков, по сути, не предполагает каких-либо крупных открытий и изобретений, то деятельность по разработке дженериков объективно не может относиться к инновационной (Заболотский, Марков, 2010). В качестве основных характеристик инновационной активности фармацевтических производителей выбраны два показателя:

– соотношение количества (ед.) клинических исследований, проводимых производителями для оригинальных препаратов и дженериков (воспроизведенных лекарственных препаратов);

¹¹ Авторами ранее проведено пилотное исследование, основной целью которого стало выявление основных показателей, характеризующих инновационную активность российских фармацевтических производителей, а также проведение аналитической оценки состояния инновационной активности предприятий, относящихся к фармацевтической отрасли (Беркович, Волин, 2021). Данное исследование, базирующееся на данных 50 российских фармацевтических производителей, показало, что большинство из них имеет недостаточную инновационную активность.

¹² Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях. Источник: ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта № 14-ст от 31.01.2014; по состоянию на 26.07.2022).

¹³ Государственный реестр лекарственных средств. URL: <https://grls.rosminzdrav.ru/GRLS.aspx> (дата обращения 23.01.2022); Система СПАРК международной информационной группы Интерфакс. URL: <https://spark-interfax.ru/> (дата обращения 23.01.2022).

– соотношение в рамках портфеля организаций количества (ед.) собственных объектов интеллектуальной собственности, представляющих собой результаты инновационной деятельности, и количества (ед.) объектов, используемых производителями по лицензии.

Первый показатель представляет особый интерес, поскольку политика импортозамещения признана одним из наиболее актуальных направлений государственного регулирования фармацевтической отрасли¹⁴. Таким образом, предлагаемый подход к оценке инновационной активности фармацевтических производителей по двум критериям позволяет провести оценку инновационной активности как с точки зрения непосредственно самого инновационного процесса (проведение исследований), так и в отношении его конечных результатов (обладание объектами интеллектуальной собственности как результатами инновационной деятельности).

Для распределения предприятий по степени их инновационной активности применялся двумерный кластерный анализ по методу k-средних, исключая повторения (при расчетах использованы евклидовы расстояния), в отношении двух обозначенных выше характеристик инновационной активности российских фармацевтических производителей. Выбор методов статистического анализа осуществлен исходя из характера распределения анализируемых показателей (нормального, в случае которого использованы параметрические методы, или отличающегося от нормального, в случае обнаружения которого применялись непараметрические методы). Гипотеза о характере распределения показателей проверялась с использованием специальных статистических критериев (Колмогорова – Смирнова, Лиллиефорса и Шапиро – Уилка). Для статистического анализа количественных детерминантов использован t-критерий Стьюдента, а также его непараметрический аналог U-критерий Манна – Уитни. Сравнение категориальных данных проводилось с помощью критерия χ^2 Пирсона и точного критерия Фишера. Выбор

¹⁴ См., например: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 596; по состоянию на 31.03.2021.

наиболее значимых основных детерминантов инновационной активности российских фармацевтических производителей осуществлен с применением метода дискриминантного анализа.

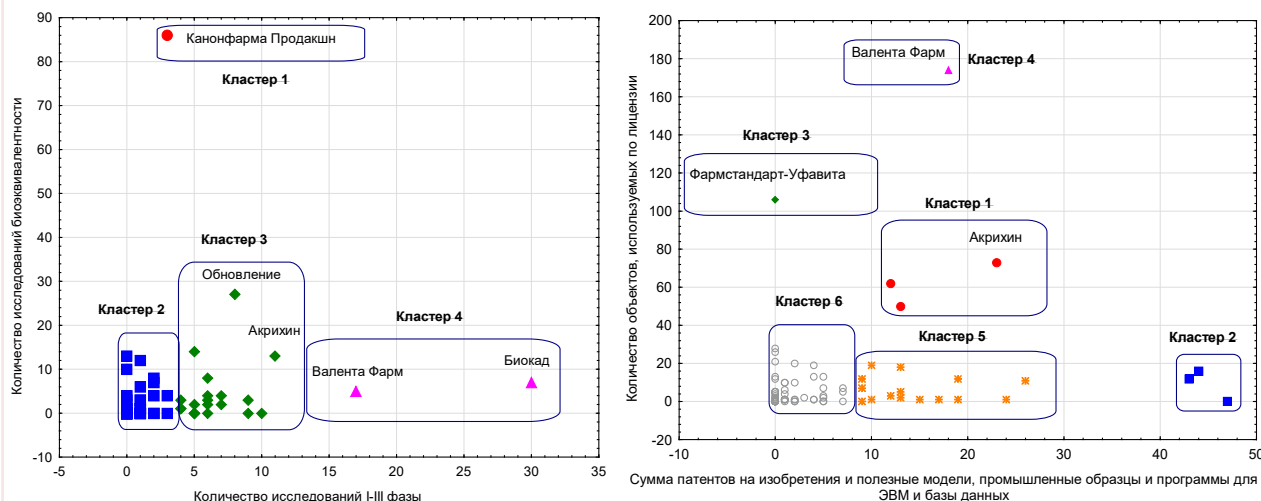
Результаты

На *рисунке 2* представлено два графика разброса. На первом отражено количество клинических исследований биоэквивалентности, проводимых для подтверждения фармацевтической эквивалентности дженерика оригинальному препарату, не включающих в себя инновационную составляющую, а также клинических исследований I–IV фаз, необходимых для вывода на рынок нового препарата (I–III фазы) или оптимизации применения уже зарегистрированного препарата (IV фаза)¹⁵. Информационной базой исследования послужили собранные данные о количестве разрешенных исследований со статусом «Проводится» в Реестре разрешений на проведение клиниче-

ских исследований (РКИ)¹⁶ по состоянию на январь 2022 года. На втором графике представлен разброс количества патентов на собственные изобретения и использование лицензий на сторонние разработки для включенных в исследование фармацевтических производителей.

В целом концентрация фармацевтических производителей в левом нижнем углу графиков разброса подтверждает низкую инновационную активность большинства из них. По результатам анализа соотношения проводимых предприятиями исследований все фармацевтические производители объединены в четыре группы в зависимости от степени их инновационной активности, определяемой соотношением количества исследований оригинальных и воспроизведенных препаратов (дженериков). В связи с малочисленностью первой и четвертой групп для дальнейшего анализа они объединены, соответственно, со второй (агрегированная группа предприятий с низкой

Рис. 2. Сегментация российских фармацевтических производителей по степени их инновационной активности с использованием метода кластерного анализа

Составлено по: Государственный реестр лекарственных средств. URL: <https://grls.rosminzdrav.ru/GRLS.aspx> (дата обращения 23.01.2022).

¹⁵ General considerations for clinical studies: руководство Международной конференции по гармонизации технических требований к регистрации лекарственных препаратов для человека (ICH) от 08 мая 2019 г. № E8 (R1).

¹⁶ Государственный реестр лекарственных средств. URL: <https://grls.rosminzdrav.ru/GRLS.aspx> (дата обращения 23.01.2022).

инновационной активностью) и третьей (агрегированная группа предприятий с высокой инновационной активностью). По результатам анализа соотношения в портфеле организаций собственных и используемых по лицензии объектов интеллектуальной собственности все исследуемые фармацевтические производители объединены в шесть кластеров. Низкой и очень низкой инновационной активностью обладают предприятия, включенные в кластеры 3 и 6. В целях дальнейшего анализа они будут объединены как агрегированная группа предприятий с низкой степенью инновационной активности. Предприятия, сгруппированные в кластеры 1, 2, 4 и 5, обладают в среднем большим количеством собственных инновационных разработок и, как следствие, характеризуются более высокой степенью инновационной активности. В целях дальнейшего анализа они будут объединены в агрегированную группу предприятий с высокой степенью инновационной активности.

Далее проведен анализ влияния предложенных детерминантов инновационной активности на включение организации в одну из выделенных ранее агрегированных групп. В *таблице 2* представлены результаты статистического анализа отобранных ранее категориальных детерминантов, предположительно оказывающих влияние на инновационную активность организаций (наличие государственной поддержки, размещение на предприятии госзаказов, нахождение предприятия в фазе роста и наличие финансовой устойчивости).

Видим, что ни один из категориальных факторов не является статистически значимым детерминантом инновационной активности отечественных фармацевтических производителей. Следует особо отметить, что не было выявлено статистически значимой связи между двумя направлениями государственного регулирования (в форме как предоставления субсидий, так и размещения госзаказов) и увеличением инновационной активности производителей фармацевтической продукции в России. Это может свидетельствовать, в частности, о недостаточной эффективности государственной поддержки инновационного развития российской фармацевтической промышленности либо о недостаточной ориентированности государственного регулирования на поддержку непосредственно инновационной деятельности российских фармацевтических производителей.

Следующим этапом исследования стал статистический анализ количественных детерминантов инновационной активности российских фармацевтических производителей (а именно возраст организации, численность ее сотрудников, сумма активов, выручки, валовой прибыли организации и ее нематериальных активов, а также доля последних в общей стоимости активов организации и коэффициент ввода в действие новых внеоборотных активов в ней; *табл. 3*). Здесь же представлены результаты анализа среднегеометрических темпов прироста основных показателей, характеризующих размер предприятия (стоимости активов, объема

Таблица 2. Статистический анализ детерминантов инновационной активности российских фармацевтических предприятий (категориальные показатели)

Наименование детерминанта*	Инновационная активность предприятий	
	По клиническим исследованиям	По объектам интеллектуальной собственности
Наличие государственной поддержки предприятий (Да/Нет)	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы
Размещение госзаказов (Да/Нет)	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы
Предприятие находится в фазе роста (Да/Нет)	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы
Предприятие финансово устойчивое (Да/Нет)	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы
* Детерминанты приведены по состоянию на конец 2020 отчетного года. Источник: составлено авторами.		

Таблица 3. Статистический анализ детерминантов инновационной активности российских фармацевтических производителей (количественные показатели)

Наименование детерминанта	Инновационная активность предприятий	
	По клиническим исследованиям	По объектам интеллектуальной собственности
Возраст организации, лет	Различия статистически незначимы	Различия статистически значимы*
Численность сотрудников, чел.	Различия статистически значимы**	Различия статистически значимы**
Нематериальные активы, тыс. руб.	Различия статистически значимы**	Различия статистически значимы**
Доля нематериальных активов в общей стоимости активов организации, %	Различия статистически значимы**	Различия статистически значимы**
Приобретение внеоборотных активов, тыс. руб.	Различия статистически значимы*	Различия статистически значимы**
Актив баланса, тыс. руб.	Различия статистически значимы**	Различия статистически значимы*
Средний геометрический темп прироста активов (2018–2020), %	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы
Выручка, тыс. руб.	Различия статистически значимы**	Различия статистически значимы**
Валовая прибыль, тыс. руб.	Различия статистически значимы**	Различия статистически значимы**
Рентабельность, %	Различия статистически значимы*	Различия статистически значимы*
Коэффициент ввода в действие новых внеоборотных активов, %	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы
Средний геометрический темп прироста выручки (2018–2020), %	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы
Средний геометрический темп прироста валовой прибыли (2018–2020), %	Различия статистически незначимы	Различия статистически незначимы

* – статистически значимые различия при 95% уровне.
 ** – статистически значимые различия при 99% уровне.
 Источник: составлено авторами.

выручки и валовой прибыли), с целью проследить возможное влияние скорости и направления их динамики на инновационную активность организации¹⁷.

Показатели описательной статистики дают количественное отражение разницы исследованных факторов в разбивке по сформированным ранее группам фармацевтических производителей согласно уровням инновационной активности.

¹⁷ Период для расчета среднегеометрических цепных темпов прироста с 2018 по 2020 год выбран в связи с общими принципами формирования бухгалтерской отчетности предприятий, обеспечивающими сопоставимость показателей. Источник: О формах бухгалтерской отчетности организаций: приказ Минфина России от 02 июля 2010 г. № 66н, с изм. и доп., вступ. в силу с отчетности за 2020 год.

Результаты статистического анализа подтверждают статистическую зависимость между инновационной активностью предприятия и размером компании, выраженным четырьмя показателями: численность сотрудников, стоимость всех активов, объем выручки и валовой прибыли. Очевидно, что чем значительнее размер компании, тем большее количество ресурсов для инновационного развития она может аккумулировать, а возрастающий объем ее валовой прибыли расширяет возможности для инновационной деятельности. При этом следует подчеркнуть, что данные выводы оказались неприменимы к показателям прироста выручки, валовой прибыли и размера активов. Таким образом, подтверждается наличие фактора длительной отдачи от финансовых вложений в инновации в рамках фар-

мацевтического производства (Типанов, 2014; DiMasi et al., 2016).

Статистически значимой также является зависимость между абсолютным и относительным количеством нематериальных активов на балансе организации и ее инновационной активностью. Это означает, что, с одной стороны, наличие таких активов может быть использовано в инновационной деятельности организации, а, с другой, результаты такой деятельности ведут к возникновению соответствующих авторских прав, стоимостная оценка которых отражается на балансе инновационной организации.

Еще один важный детерминант инновационной активности фармацевтических предприятий, статистически подтвердивший свое влияние, – количество внеоборотных активов и годовые затраты организации на их приобретение. В состав внеоборотных активов входит, в частности, специфическое экспериментальное оборудование, используемое в процессе разработки новых или улучшенных лекарственных препаратов, а своевременное их обновление может способствовать появлению инноваций в производственных процессах организации.

Несколько менее значимым оказалось влияние рентабельности на инновационную активность предприятий, а влияние таких детерминантов, как возраст организации и количество основных средств на ее балансе, с учетом проведенного статистического анализа представляется достаточно сомнительным, хотя исключать его полностью нецелесообразно.

Обсуждение

Результаты проведенного анализа наиболее значимых детерминантов инновационной активности российских фармацевтических производителей свидетельствуют об определяющем значении тех из них, которые так или иначе характеризуют размер конкретного предприятия и масштабы его деятельности. Этот вывод подтверждают и итоги дискриминантного анализа, согласно которым в соответствии с результатами пошагового метода с включением наибольший вклад в различия между совокупностями вошедших в анализ организаций по признаку наличия или отсутствия инновационной активности вносят такие факторы, как объем выручки и сумма нематериальных активов организации для оценки инновационной активности по количеству проводимых организацией клинических исследований лекарств; численность сотрудников организации для оценки инновационной активности по характеру объектов интеллектуальной собственности, находящихся в портфеле конкретной проанализированной организации (табл. 4). Очевидно, что перечисленные факторы так или иначе характеризуют размер организации, а также наличие финансовых, интеллектуальных и иных ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности.

При этом устойчивая средняя тенденция к росту включенных в анализ российских фармацевтических производителей, независимо от уровня их инновационной активности, может быть связана с тем, что мировая фармацевти-

Таблица 4. Результаты дискриминантного анализа основных детерминантов инновационной активности российских фармацевтических производителей***

Результаты моделирования	Инновационная активность предприятий			
	По клиническим исследованиям		По объектам интеллектуальной собственности	
Метод	Пошаговый анализ с включением			
Число шагов	3		2	
Факторы	Наименование	Ф-критерий для включения (р-значение)	Наименование	Ф-критерий для включения (р-значение)
	Выручка, тыс. руб	<0,001**	Численность сотрудников, чел.	<0,001**
	Нематериальные активы, тыс. руб.	0,014*		
* – статистически значимые различия при 95% уровне. ** – статистически значимые различия при 99% уровне. *** Анализ проведен для детерминантов, в отношении которых ранее было выявлено статистически значимое влияние на инновационную активность предприятий (таблицы 2 и 3). Источник: составлено авторами.				

ческая отрасль в целом характеризуется высокой степенью интенсивности процессов слияний и поглощений (Евстратов, 2018), однако российских фармацевтических производителей до настоящего времени процессы консолидации касались недостаточно, хотя отдельные примеры подобного объединения предприятий имеются¹⁸. Очевидно, что с учетом высоких рисков и длительной отдачи от инвестиций в фармацевтические инновации только мощные корпорации способны аккумулировать достаточное количество финансовых, интеллектуальных и других ресурсов для поддержания высокого уровня инновационной активности. Таким образом, слияния и поглощения производителей в рамках российской фармацевтической промышленности на современном этапе представляются скорее благоприятной тенденцией, если в конечном итоге не приводят к высокой олигополизации или даже монополизации рынка. В противном случае чрезмерная концентрация рыночной власти отдельных производителей может способствовать снижению стимулов к инновационному развитию (Ornaghi, 2009; Deangelis, 2016).

Можно констатировать существование некоторой нерешенной к настоящему моменту и представляющей интерес для будущих исследований фармацевтического производства дилеммы, связанной с издержками неизбежно следующей за процессами слияний и поглощений олигополизации рынков фармацевтической продукции и необходимостью укрупнения фармацевтических производителей для увеличения способности к аккумуляции финансовых, материально-технических, трудовых и других ресурсов, нужных для их инновационного развития. Альтернативой процессам слияний и поглощений в данной ситуации может быть стимулирование научно-технической кооперации между независимыми российскими и зарубежными фармацевтическими производителями, прежде всего представляющими дружественные страны (Индия, Китай и др.), в том числе использование преимуществ создания промышленных кластеров (Ornaghi, 2009).

Заключение

В ходе исследования проведены обобщение и систематизация основных детерминантов инновационной активности промышленных предприятий, сформирован перечень основных детерминантов, оказывающих влияние на инновационную активность непосредственно фармацевтических производителей с учетом специфики данного вида деятельности, а также осуществлен количественный анализ с последующим выделением наиболее значимых факторов на основе методов кластерного и дискриминантного анализа, а также расчета U-критерия Манна – Уитни или t-критерия Стьюдента для количественных показателей и критерия χ^2 Пирсона или точного критерия Фишера для категориальных показателей. В результате выделены наиболее значимые детерминанты инновационной активности российских фармацевтических производителей.

На информационном этапе исследования проведена многоуровневая структуризация, обосновано, что ключевые детерминанты инновационной активности фармацевтических производителей подразделяются на внутрифирменные (на микроуровне), отраслевые и региональные (на мезоуровне), а также страновые и глобальные (на макроуровне), которые также можно разделить на общие и специфические или инновационные.

Исходя из проведенного эконометрического и статистического анализа, можно сделать вывод о том, что наиболее значимыми детерминантами инновационной активности российских фармацевтических производителей являются показатели, характеризующие размер организации (численность сотрудников организации, балансовая стоимость ее нематериальных активов и их доля, балансовая стоимость внеоборотных активов, сумма всех активов организации, а также объем выручки и валовой прибыли). Указанный вывод в отношении влияния размера организации на ее инновационную активность подтверждается результатами дискриминационного анализа. Также установлено, что значимым фактором инновационной активности российских фармацевтических производителей выступает степень обновления основных фондов организации (проанализировано по данным годовых трат фармацевтических производителей на приоб-

¹⁸ См., например, об объединении компаний «Биннофарм» и «Оболенское» под руководством компании АФК «Система» в 2019 году: Лябыкин А. (2019). «Система» собирает фармацевтов // Эксперт. № 8. С. 32–35.

ретенение внеоборотных активов), которые, с одной стороны, могут включать особое экспериментальное оборудование, используемое для разработки новых лекарственных препаратов; с другой стороны, постоянное обновление оборудования увеличивает возможности для производственных инноваций. Несколько менее сильным оказалось влияние рентабельности основной деятельности на инновационную активность организаций. Кроме того, произведенные расчеты показывают недостаточную эффективность государственной поддержки в отношении инновационного развития фармацевтических производителей либо недостаточную ее ориентированность на этот аспект деятельности предприятий, функционирующих в рамках фармацевтической отрасли. Динамическая оценка основных детерминантов свидетельствует об отсутствии краткосрочных эффектов инновационной активности организаций в отношении их роста, но не исключает наличие более долгосрочных эффектов, что подтверждает длительную отдачу от инвестиций в фармацевтические инновации.

В целом можно сделать аналитически обоснованный вывод о том, что инновационная активность российских фармацевтических производителей в настоящее время представляется недостаточной. Это может быть связано с некоторым дефицитом внутренних ресурсов для осуществления долгосрочных инвестиций в развитие инноваций. Наиболее инновационно активными в России являются более крупные фармацевтические производители, т. е. вопросы инновационного развития более актуальны для организаций, способных аккумулировать достаточные финансовые, научно-технические, кадровые и другие ресурсы, необходимые для решения таких задач. Потенциально данную проблему способны помочь решить ставшие к настоящему времени

общемировой тенденцией, но за некоторыми исключениями недостаточно коснувшиеся российской фармацевтической промышленности процессы слияний и поглощений производителей лекарств. Однако при создании предпосылок для таких процессов, очевидно, необходимо учитывать баланс интересов не только производителей, но и потребителей, которые могут испытать негативные эффекты, связанные с усилением олигополизации и даже монополизации рынков лекарственных препаратов. Возможной альтернативой таким процессам представляется расширение уже рекомендовавшего себя кластерного подхода, позволяющего за счет более гибких форм научно-технической кооперации создавать полные цепочки инновационных процессов, а также стимулирование создания производственных цепочек (включая различные этапы НИОКР) с зарубежными фармацевтическими производителями (прежде всего из дружественных стран).

Научно-практическая значимость проведенного исследования выражается в использовании предложенного авторами многоступенчатого алгоритма, который расширяет представления о сочетании общего и особенного при разработке прогнозов и программ инновационного развития страны и отдельных отраслей экономики, обосновывает целесообразность применения комплексного взаимодополняющего математического инструментария при выделении отраслевых детерминант, расширяет арсенал оценки эффективности государственной политики в сфере инноваций. Результаты анализа могут применяться при принятии решений, в том числе стратегического характера, в отношении вопросов инновационного развития отдельных предприятий фармацевтической промышленности и отрасли в целом.

Литература

- Авдониная С.Г. (2011). Факторы инновационной активности предприятий // Экономические науки. № 12 (85). С. 33–36.
- Беркович М.И., Волин А.Ю. (2021). К вопросу об инновационной активности в фармацевтическом производстве // Вестник НГУЭУ. № 2. С. 168–174. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-168-174
- Гернего Ю.А., Дыба А.М., Петренко Л.А. (2019). Детерминанты инновационной активности в контексте социально-экономического роста // Financial and Credit Activity Problems of Theory and Practice. С. 445–453.

- Давидсон Н., Мариев О., Пушкарев А. (2018). Региональные факторы инновационной активности российских предприятий // Форсайт. Т. 12. № 3. С. 62–72. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.3.62.72
- Дуброва Т.А., Ермолина А.А. (2019). Детерминанты инновационной активности предприятий обрабатывающей промышленности России // Друкеровский вестник. № 5. С. 79–89. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-5-79-89
- Евстратов А.В. (2018). Основные тенденции и перспективы развития фармацевтического рынка в Российской Федерации: монография. Волгоград: ВолгГТУ. 192 с.
- Заболотский С.А., Марков Л.С. (2010). Инновационная активность предприятий отечественной химической промышленности // ЭКО. № 3 (429). С. 64–75.
- Ибатуллова Ю.Т. (2008). Факторы инновационной активности хозяйствующих субъектов, их типология и взаимодействие // Вестник экономики, права и социологии. № 2. С. 10–14.
- Каракулина К.Н. (2020). Факторы, определяющие инновационную активизацию промышленных предприятий // Вестник Академии знаний. № 46 (6). С. 151–159. DOI: 10.24412/2304-6139-2020-10780
- Панявина Е.А., Ванятинский, Ф.В. (2012). Факторы развития инновационной деятельности предпринимательских структур // Социально-экономические явления и процессы. № 12 (046). С. 252–255.
- Разумова И.А., Покровская Н.Н., Ахмерова Л.В. (2017). Формирование характеристик инновационной активности для разработки системы анализа и принятия решений в сфере инноваций // Управленческое консультирование. № 10. С. 59–72. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-10-59-72
- Типанов В.В. (2014). Тренды инновационной активности на мировом фармацевтическом рынке // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 1 (16). С. 85–89.
- Alam A., Uddin M., Yazdifar H. (2019). Citation: Institutional determinants of R&D investment: Evidence from emerging markets. *Technological Forecasting and Social Change*, 138, 34–44. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.08.007
- Cohen W.M. (2010). Citation: Fifty years of empirical studies of innovative activity and performance. *Handbook of The Economics of Innovation*, 01, 131–213. DOI: 10.1016/S0169-7218(10)01004-X
- Deangelis C. (2016). Big Pharma profits and the public loses. *The Milbank Quarterly*, 94(1), 30–33. DOI: 10.1111/1468-0009.12171
- Ding J., Xue Y., Liang H., Shao R., Chen Y. (2011). Citation: From imitation to innovation: A study of China's drug R&D and relevant national policies. *Journal of Technology Management & Innovation*, 6(2). Available at: https://scielo.conicyt.cl/scielo.php?pid=S0718-27242011000200001&script=sci_arttext. DOI: 10.4067/S0718-27242011000200001
- DiMasi J.A., Grabowski H.G., Hansen R.W. (2016). Citation: Innovation in the pharmaceutical industry: New estimates of R&D costs. *Journal of Health Economics*, 47, 20–33. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2016.01.012
- Higon D.A., Driffield N. (2010). Citation: Exporting and innovation performance: Analysis of the annual Small Business Survey in the UK. *International Small Business Journal*, 29(1), 4–24. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2016.01.012
- Kuznetsov I.A., Malitskaya V.B., Sukhova V.E., Ivanova A.V., Proskurina I.Yu. (2017). Citation: Innovation activity of Russian business entities and its determinants. *European Research Studies Journal*, XX(Issue 3B), 395–402. DOI: 10.35808/ersj/795
- Krammer S. (2009). Drivers of national innovation in transition: Evidence from a panel of Eastern European countries. *Research Policy*, 38(5), 845–860. DOI: 10.1016/j.respol.2009.01.022
- Lambertini L., Orsini R. (2000). Citation: Process and product innovation in a vertically differentiated monopoly. *Economic Letters*, 68(3), 333–337.
- Malik S. (2020). Citation: Macroeconomic determinants of innovation: Evidence from Asian countries. *Global Business Review*. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0972150919885494>. DOI: 10.1177/0972150919885494
- Ornaghi C. (2009). Mergers and innovation in big pharma. *International Journal of Industrial Organization*, 27(1), 70–79.
- Szmelter A. (2018). *Citation: Global Supply Chains in the Pharmaceutical Industry*. Gdańsk: University of Gdańsk.
- Zakic N., Jovanovic A., Stamatovic M. (2008). Citation: External and internal factors affecting the product and business process innovation. *Economics and Organization*, 1(5), 17–29.

Сведения об авторах

Маргарита Израйлевна Беркович — доктор экономических наук, профессор, директор, Институт управления, экономики и финансов, Костромской государственной университет (156005, Российская Федерация, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17; e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru)

Андрей Юрьевич Волин — аспирант, Костромской государственной университет (156005, Российская Федерация, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17; e-mail: volin.andrei2011@yandex.ru)

Berkovich M.I., Volin A.Yu.

Determinants of Innovation Activity of Russian Pharmaceutical Manufacturers

Abstract. The article presents the findings of an empirical study on the main determinants of innovation activity of Russian pharmaceutical manufacturers. We substantiate the application of two indicators that characterize innovation activity of pharmaceutical manufacturers: the first is the ratio of the number of the organization's proprietary intellectual property objects to those used under license; the second is the number of studies conducted by pharmaceutical manufacturers for original and reproduced medicines. Two-dimensional cluster analysis (the k-means clustering, excluding repetitions, using Euclidean distances) is used to classify enterprises as innovation-active. We highlight major factors influencing innovation activity of pharmaceutical manufacturers directly on the basis of the content analysis of Russian and foreign scientific works published on this topic. We analyze the selected determinants using statistical and econometric tools. The following statistical criteria are applied: Pearson's chi-squared test and Fisher's exact test for qualitative (dichotomous) indicators, as well as Student's t-test and the Mann – Whitney test to analyze quantitative indicators. Using discriminant analysis of the main determinants of innovation activity of Russian pharmaceutical enterprises we reveal the most significant determinants, primarily those that directly characterize the size of industrial enterprises. Additionally, we prove that widespread processes such as mergers and acquisitions of pharmaceutical manufacturers contribute to the possibility of accumulating resources necessary for innovation development of pharmaceutical manufacturers; however, these processes have certain negative effects associated with an increase in the oligopolization of pharmaceutical markets.

Key words: pharmaceutical industry, innovations, innovation activity determinants, cluster analysis.

Information about the Authors

Margarita I. Berkovich — Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Institute of Management, Economics and Finance, Kostroma State University (17, Dzerzhinskiy Street, Kostroma, 156005, Russian Federation; e-mail: m_berkovich@ksu.edu.ru)

Andrei Yu. Volin — postgraduate student, Kostroma State University (17, Dzerzhinskiy Street, Kostroma, 156005, Russian Federation; e-mail: volin.andrei2011@yandex.ru)

Статья поступила 29.08.2022.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.7

УДК 332.1(470.12), ББК 65.050(2Рос–4Вол)

© Секушина И.А.

Цифровизация малых и средних городов Европейского Севера России: тенденции и перспективы

Ирина Анатольевна

СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: i_sekushina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

Аннотация. Активное внедрение и стремительное распространение цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности человека приводит к изменениям в экономике и обществе. Цифровизация представляется одним из перспективных направлений в части решения экономических, экологических и социальных проблем развития территорий, в том числе малых и средних городов. Однако в научной литературе вопросы цифровой трансформации данных населенных пунктов остаются недостаточно изученными, слабое внимание уделяется и их территориальной специфике. Целью работы является исследование тенденций и перспектив цифровизации малых и средних городов Европейского Севера России. Представлен ряд показателей, характеризующих базовые условия для развития цифровых технологий в регионе. Проведен анализ глубины проникновения цифровых сервисов в малых и средних городах Европейского Севера России, позволивший выявить наличие развитой инфраструктуры онлайн-торговли, но относительно низкий уровень распространения сервисных услуг. В качестве главных барьеров, препятствующих цифровизации малых и средних городов, обозначены высокая стоимость разработки и внедрения цифровых технологий и сервисов, недостаток финансирования, низкий уровень цифровых компетенций у населения. Предложены варианты решения обозначенных проблем, а также ряд концептуальных положений, определяющих выбор приоритетных направлений цифровизации для достижения целей устойчивого развития северных малых и средних городов. Акцентировано внимание на важности учета не только возможностей, но и рисков

Для цитирования: Секушина И.А. (2022). Цифровизация малых и средних городов Европейского Севера России: тенденции и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 124–138. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.7

For citation: Sekushina I.A. (2022). Digitalization of small and medium sized cities in the European North of Russia: Trends and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 124–138. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.7

цифровизации; целесообразности выбора приоритетных направлений цифровизации экономики для различных типов городов; необходимости внедрения цифровых технологий для решения социальных и экологических проблем. Результаты исследования могут быть полезны органам государственной власти субъектов РФ при доработке региональных стратегий в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления.

Ключевые слова: малые и средние города, цифровизация, Европейский Север России, информационно-коммуникационные и цифровые технологии, «умный» город.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды» (FMGZ-2022-0012).

Введение

В условиях развертывания четвертой промышленной революции цифровизация практически всех сфер жизни человека становится мировым трендом, а внедрение информационно-коммуникационных и компьютерных технологий — ключевым фактором социально-экономического развития любого государства. «Черный лебедь» пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для всех без исключения стран мира. Однако, несмотря на множество негативных социально-экономических последствий, в силу форсированного перехода большинства организаций на дистанционный формат работы она же послужила мощнейшим стимулом для проведения ускоренной цифровизации абсолютно всех сфер жизни человека.

В последние годы в России вопросам цифровизации отраслей экономики и использованию новых цифровых решений и технологий в общественном секторе уделяется много внимания. В значительной степени этому способствовало принятие в 2018 году национальной программы «Цифровая экономика»¹. Проведение цифровой трансформации, в свою очередь, было заявлено как одна из национальных целей развития страны на период до 2030 года².

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7).

² Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

По данным исследователей НИУ «Высшая школа экономики», в России в 2015–2021 гг. темпы роста информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) превышали темпы роста ВВП на 28 п. п. (35 и 7% соответственно). Однако 70% этого показателя обеспечивалось за счет импорта цифровых и информационно-коммуникационных товаров и услуг³. В условиях обострения геополитической обстановки в феврале 2022 года и последующего введения со стороны западных стран целого ряда антироссийских экономических санкций, в числе которых ограничения на поставки высокотехнологичной продукции, вопросы технологического развития РФ и импортозамещения в информационно-коммуникационной сфере выходят на первый план и становятся одной из важнейших задач, стоящих перед российской фундаментальной и прикладной наукой.

Президент РФ В.В. Путин в ходе XXV Петербургского международного экономического форума в июне 2022 года отметил, что ключевым принципом развития страны является «достижение настоящего технологического суверенитета, создание целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов»⁴. Без преувеличения можно сказать, что от того, как быстро страна

³ Эксперты оценили угрозу санкций для цифровой трансформации России // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/04/2022/62681d139a7947266b64cd9e

⁴ Пленарное заседание XXV Петербургского международного экономического форума. 17.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68669>

сможет адаптироваться к новым условиям и каким будет ее ответ на новые технологические вызовы, зависит будущее положение России в мировой экономике.

С нарастанием внешних угроз на второй план отодвинулась проблематика цифрового неравенства внутри самого государства. Однако, на наш взгляд, в это непростое время как никогда актуален вопрос сохранения целостности социально-экономического пространства страны, для чего необходимо не только сокращать разрыв в технологической гонке с другими развитыми государствами, но и развивать те направления цифровой экономики, которые будут способствовать устойчивому развитию абсолютно всех российских населенных пунктов.

Подход, основанный на внедрении цифровых сервисов и использовании передовых технологий во всех сферах жизни общества, представляется одним из самых перспективных в части решения проблем устойчивого развития территорий (Семячков, 2021). В научной литературе данные идеи чаще применяются к агломерациям и крупным городам, поскольку, как правило, именно агломерации и крупные города являются местом зарождения инноваций и новых цифровых технологий. Вместе с тем в России 945 из 1117 городов имеют людность менее 100 тысяч человек, т. е. относятся к категории «малых и средних»⁵. На локальном уровне данные населенные пункты выступают в роли центров социально-экономического развития прилегающих территорий и узлов опорного каркаса расселения. С учетом этого можно сказать, что в значительной степени устойчивое развитие страны обеспечивается сбалансированностью развития экономики, экологии и социальной сферы малых и средних городов.

Для территорий Европейского Севера России (ЕСР), в состав которого входят республики Коми и Карелия, Вологодская, Мурманская и Архангельская области, включая Ненецкий

автономный округ, вопросы, связанные с повышением устойчивости городов данной категории, особенно актуальны. К «малым и средним» в регионе относится подавляющее большинство городов (61 из 68), в них проживает почти 36% городского населения ЕСР. Именно они на протяжении всей истории хозяйственного освоения северных территорий наряду с крупными городами выступали центрами социально-экономического развития регионального масштаба.

Малые и средние города крайне тяжело адаптировались к условиям рынка, что негативным образом сказалось на их социально-экономическом развитии. Однако с начала рыночных реформ в России прошло более 30 лет, за это время изменилась и научно-технологическая сфера страны. Эпоха цифровых технологий открывает широкие возможности для развития даже небольших населенных пунктов, решения их социально-экономических и экологических проблем. Вместе с тем изучению вопросов цифровизации малых и средних городов Севера уделяется крайне мало внимания.

В связи с этим целью нашей работы стало исследование тенденций и перспектив цифровизации малых и средних городов Европейского Севера России. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: проведен обзор современных исследований в области цифровизации; определены возможности распространения цифровых технологий для устойчивого развития малых и средних городов; дана оценка первичных условий для цифровизации малых и средних городов ЕСР; выделены основные барьеры распространения цифровых технологий и возможные пути их преодоления; представлен ряд концептуальных положений, определяющих выбор приоритетных направлений цифровизации малых и средних городов с учетом их северной специфики.

Элементы научной новизны исследования заключаются в проведении оценки существующих условий для распространения цифровых технологий в малых и средних городах Европейского Севера России, а также в разработке концептуальных положений проведения цифровизации данных населенных пунктов для достижения целей устойчивого развития.

⁵ Согласно своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СП 42.13330.2016) от Минстроя России города подразделяются на: 1) крупнейшие (с населением свыше 1 млн чел.); 2) крупные (от 250 тыс. до 1 млн чел.); 3) большие (от 100 до 250 тыс. чел.); 4) средние (от 50 до 100 тыс. чел.); 5) малые (до 50 тыс. чел.).

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов в области изучения вопросов цифровизации экономики и общества, а также внедрения и распространения информационно-коммуникационных и компьютерных технологий в городских населенных пунктах.

Одним из ключевых показателей и главным условием цифровизации любой территории является наличие возможности выхода в сеть Интернет. В силу отсутствия муниципальной статистики по отдельным городам для понимания общих тенденций в рамках настоящей работы представлены данные Росстата (ЕМИСС) в разрезе субъектов Европейского Севера России. В качестве основных показателей использовались сведения о доле организаций и населения, имеющих широкополосный доступ к интернету; доле жителей, являющихся его активными пользователями, в том числе в целях покупки товаров; доле продаж через интернет в общем объеме оборота розничной торговли; доле граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Для анализа процессов цифровизации непосредственно в самих малых и средних городах ЕСП применялись данные карт операторов сотовой связи о покрытии территорий связью 4G; информация об имеющейся в малых и средних городах инфраструктуре онлайн-торговли (пунктах выдачи товаров компаний Wildberries и Ozon); сведения о наличии возможности вызова такси через онлайн-приложения (Яндекс. Такси, Uber).

Поскольку отношение к цифровизации и уровень цифровых компетенций населения во многом определяют скорость и глубину распространения цифровых сервисов и услуг, нами также использовались результаты социологических опросов жителей малых городов Вологодской области, представленные в ряде работ российских ученых.

Помимо этого, был проведен контент-анализ стратегий в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления субъектов ЕСП на предмет оценки роли, которая отводится малым и средним городам региона в данных процессах.

Теоретические аспекты исследования

В настоящее время устойчивое развитие является стратегической целью социально-экономической политики практически всех развитых стран мира, причем как на национальном, так и на региональном и местном уровнях. В 2015 году государствами – членами ООН были утверждены 17 глобальных целей в области устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 года, а также составлен план по их достижению. В качестве 11-й цели обозначено «обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов»⁶, что не случайно, поскольку в силу активного и ускоряющегося процесса урбанизации города становятся новыми флагманами продвижения устойчивого развития как новой парадигмы общественной и экономической жизни (Дорофеева, Леонтьева, 2021).

Концепция устойчивого развития предполагает обеспечение удовлетворения потребностей настоящего поколения без ущерба для будущих поколений путем достижения экологической, экономической и социальной устойчивости. Безусловно, данная тематика не нова, в мировой научной литературе представлено достаточно большое количество работ, посвященных вопросам устойчивого развития городов. В фокусе внимания ученых по-прежнему находятся как проблемы негативного влияния урбанизационных процессов на окружающую среду (Bhargava, 2018; Keith et al., 2022), так и вопросы оценки уровня устойчивости городов и достижения ими целей устойчивого развития (D'Adamo et al., 2022; Xiao et al., 2022). Вместе с тем в последние годы одной из актуальных тем научных работ выступает анализ влияния стремительного распространения информационно-коммуникационных и цифровых технологий на социально-экономическое развитие городов и состояние экологии в них⁷ (Siliang, Heng, 2022).

Само понятие «цифровизация» (digitalization) не имеет общепризнанного определения. В научной среде отсутствует консенсус в данном вопросе, а трактовка термина напрямую

⁶ Цели в области устойчивого развития // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/#>

⁷ Noella V., Fahad A. Digitalization to fight everyone has to move to the big cities. DOI: 10.13140/RG.2.2.15151.05288

зависит от области исследования и изучаемого объекта. В узком смысле «цифровизация» — это деятельность, связанная непосредственно с цифровыми технологиями; в более широком — влияние информационно-коммуникационных и цифровых технологий на различные сферы жизни общества: экономику, политику, культуру, образование и т. д. (Рязанцев и др., 2021). С точки зрения российского законодательства под цифровизацией или цифровым развитием понимается «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов»⁸.

Одной из актуальных тем современных исследований, связанных непосредственно с цифровизацией, является формирование «умных» городов. Многие авторы рассматривают решение социально-экономических и экологических проблем через реализацию модели «smart city» (Meijer, Bolívar, 2016; Семячков, 2021). Вместе с тем некоторые зарубежные исследователи достаточно критично относятся к данной концепции как инструменту перехода населенного пункта к устойчивому развитию (Colding, Barthel, 2017; Trindade et al., 2017; Martin et al., 2018). В научной литературе последних лет все больше внимания уделяется концепции «умных устойчивых городов» (Vukovic et al., 2021; Yigitcanlar et al., 2019; Карагулян, 2020), являющейся неким симбиозом других современных концепций городского развития (цифровой город, экогород, устойчивый город, умный город).

Технологический прогресс и переход к цифровой экономике открывают массу новых возможностей для решения социально-экономических и экологических проблем городов, способствуя их выходу на траекторию устойчивого развития. Вместе с тем воздействие цифровизации неодинаково для населенных пунктов, имеющих разный уровень социально-экономического развития. В частности, в работе (Abid et

al., 2022) путем построения эконометрических моделей обосновано, что в краткосрочном периоде развитие технологий и цифровых сервисов влияет на устойчивость городов лишь с высоким и средним уровнем экономического развития, а в менее развитых населенных пунктах данные эффекты можно наблюдать лишь в долгосрочной перспективе.

Важно отметить, что преимущественно именно экономически развитые крупные города рассматриваются как места зарождения и распространения инноваций. Вместе с тем современные исследования показывают, что для достижения устойчивого и сбалансированного развития целесообразно не только внедрять новые цифровые технологии в мегаполисы, но и стимулировать их проникновение в малые и средние города (Raimbault, Pumain, 2022).

Обзор научных трудов российских авторов (Папенков, Никоноров, 2018; Секушина, 2019; Растворцева, Манаева, 2022) позволяет заключить, что в настоящее время устойчивому развитию малых и средних городов препятствует целый комплекс проблем, многие из которых возникли еще при переходе к рынку в 1990-х годах и имеют хронический характер. Если в крупных городах либеральные реформы дали импульс для развития экономики, то в подавляющем большинстве малых и средних, особенно моноотраслевых, привели к разрушению существующей производственной базы (Фаузер и др., 2021).

На наш взгляд, к числу наиболее значимых положительных эффектов цифровизации для малых и средних городов можно отнести следующие. Во-первых, для населенных пунктов с традиционным укладом хозяйствования разработка и реализация инновационных проектов цифровой экономики может выступить основой для зарождения новых видов экономической деятельности, что может стать драйвером их экономического развития (Rabari, Storper, 2014).

Во-вторых, массовое распространение цифровых технологий открывает возможности для использования удаленного труда во многих сферах. Если раньше одним из главных стимулов переезда из малых и средних в крупные города была высокая оплата труда, то в настоящее время при наличии технической возможности работать можно из любой точки мира.

⁸ Разъяснения (методические рекомендации) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждены приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.08.2019 № 428).

В-третьих, для небольших населенных пунктов достаточно остро стоит проблема получения услуг социальной сферы. Распространение сервисов онлайн-образования, телемедицины, создание цифровых платформ трансляции культурных мероприятий делают доступными данные услуги для любого жителя страны. То же касается покупки товаров: если раньше жители малых и средних городов иногда были вынуждены ехать за их приобретением в более крупный город или региональный центр, то теперь услуги интернет-торговли закрывают эту потребность. Развитие цифрового предпринимательства стимулирует формирование и укрепление межтерриториальных связей и может рассматриваться как инструмент сдерживания депопуляции в сельской местности и малых городах (Rodrigues, Franco, 2021).

В-четвертых, с точки зрения обеспечения устойчивости экологической системы большое значение имеет внедрение инновационных цифровых технологий в жилищно-коммунальную и производственную сферы. К примеру, установка систем интеллектуального освещения территории города помогает экономить электроэнергию и, соответственно, средства городского бюджета.

В-пятых, цифровые технологии приводят к изменениям в системе государственного и муниципального управления, все больше способствуя его переходу в электронный формат. Их внедрение позволяет снизить трудоемкость процессов управления городом и перераспределять время специалистов органов власти на интеллектуальную составляющую их деятельности (Милехина, Адова, 2019). Несмотря на то, что в настоящее время для России по-прежнему актуальна проблема низких темпов распространения цифровых технологий в государственном секторе (Безуглая, Костюкевич, 2019), уже сейчас большинство государственных и муниципальных услуг предоставляются населению через портал «Госуслуги». Наличие подобных цифровых платформ снижает уровень дифференциации между жителями крупных и небольших городов, обеспечивает равное качество предоставления услуг всем гражданам вне зависимости от места их проживания.

Таким образом, цифровые технологии на уровне потенциальных эффектов способны дать ответ на множество вызовов, стоящих пе-

ред малыми и средними городами. Интеграция новых технологий в повседневную жизнь, к примеру создание платформ для онлайн-покупок и сервисов по совместному пользованию жилыми помещениями и транспортными средствами, оказывает непосредственное влияние на работу, сферу досуга или потребительские привычки населения (Lyons et al., 2018; Костина, Костин, 2021).

В целом результаты обзора научной литературы позволяют заключить, что объектом исследований по выявлению тенденций процессов цифровизации в большинстве случаев выступают агломерации, мегаполисы и крупные города. Аналогичные работы, посвященные малым и средним городам, встречаются крайне редко. Вместе с тем следует отметить два масштабных российских исследования, которые во многом послужили основой для нашей работы, проведенных НИУ «Высшая школа экономики»⁹ и Московской школой управления «Сколково» (Коровкин, 2020). Однако объектом исследования в них выступают все российские малые и средние города, авторы не ставят перед собой задачу выявить специфику цифровизации городов различных регионов. Вместе с тем распространение цифровых технологий в малых и средних городах, входящих в состав крупных агломераций центральной части России, очевидно будет идти более быстрыми темпами, чем в таких же по размеру населенных пунктах, расположенных на севере страны и удаленных от ближайшего крупного города на тысячи километров. В настоящей работе предпринята попытка сфокусировать внимание на малых и средних городах Европейского Севера России как одного из российских регионов, обладающих своими природно-географическими и социально-экономическими особенностями.

Основные результаты исследования

В настоящее время внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере является одной из ключевых задач реализуемой государственной политики. При этом одним из важных показателей и главным условием цифровизации любой территории выступает нали-

⁹ Цифровизация в малых и средних городах России. URL: https://www.hse.ru/data/2018/06/06/1149766040/2018-06-GSU-HSE_pres_v6.pdf

чие возможности выхода в сеть Интернет. По данным за 2021 год, в среднем по России 82% домохозяйств имели к ней доступ, что ниже плановых значений (89%), утвержденных в национальной программе «Цифровая экономика». В документе также отмечается, что к концу 2024 года доступом к сети Интернет должны быть обеспечены 97% домохозяйств. Вместе с тем нельзя не отметить, что другой показатель — «доля социально значимых объектов, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет» — был достигнут досрочно уже в декабре 2021 года (100%). Такие успехи обусловлены в первую очередь форсированным переходом учреждений социальной инфраструктуры на дистанционный формат работы в период пандемии COVID-19.

В регионах Европейского Севера России за период 2010–2020 гг. доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, выросла на 44,2 п. п. (с 50,3 до 94,5%), что выше среднероссийских значений (табл. 1). Уровень доступности интернета для населения также выше средних значений по стране, за исключением Ненецкого автономного округа. По данным на 2020 год самые высокие показатели зафиксированы в Мурманской области — доступом в сеть обеспечены свыше 86% жителей.

Анализ уровня использования сети Интернет в субъектах ЕСР позволил выявить некоторые положительные сдвиги. К примеру, доля активных пользователей в регионе с 2015 по 2021 год увеличилась на 14,1 п. п. (с 71,2 до 85,3%), что, тем не менее, ниже среднероссийских значений (87,3%; табл. 2). За 6 лет в 1,5 раза увеличилась доля населения, использующего интернет для заказа товаров и услуг. Наибольшую активность проявляют жители Мурманской области (2/3 из них совершают покупки через интернет). Однако в среднем по региону почти половина жителей (46,7%) не пользуется данными сервисами.

Доля интернет-торговли в общем объеме розничного товарооборота в субъектах ЕСР крайне мала, лишь в Архангельской области значение данного показателя выше средних значений по стране. Для сравнения, в 2021 году в Китайской Народной Республике (лидере в сфере интернет-торговли) около 24,5% общего объема розничных продаж приходилось на онлайн-сектор, в США — 14,2%¹⁰.

В числе ключевых показателей уровня цифровизации общества находится доля граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронном виде. Отметим, что важность развития этого направления как одного из стратегически значимых отмечается в национальной программе «Цифровая экономика».

Таблица 1. Уровень доступности сети Интернет для населения и организаций субъектов Европейского Севера России, %

Регион	Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе организаций				Доля лиц (домохозяйств), имеющих доступ к сети Интернет			
	2010 г.	2015 г.	2020 г.	Темп прироста, 2020/2010 гг., п. п.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	Темп прироста, 2020/2010 гг., п. п.
Республика Карелия	66,7	91,4	94,5	27,8	37,4	71,8	83,1	45,7
Республика Коми	43,8	84,2	97,6	53,8	41,8	68,5	81,5	39,7
Архангельская область	48,2	77,5	92,3	44,1	37,5	67,6	81,8	44,3
в т. ч. Ненецкий автономный округ	31,7	83,1	94,4	62,7	33,0	58,3	79,2	46,2
Вологодская область	46,8	81,9	91,6	44,8	28,9	66,9	82,4	53,5
Мурманская область	64,8	88,6	96,7	31,9	47,0	77,8	86,5	39,5
В среднем по ЕСР	50,3	84,5	94,5	44,2	37,6	68,5	82,4	44,8
Российская Федерация	56,7	79,5	93,0	36,3	28,0	64,5	79,5	51,5

Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/>

¹⁰ Мировой рынок e-commerce: развитие не остановить // Открытый журнал. URL: <https://journal.open-broker.ru/investments/mirovoj-rynok-e-commerce/>

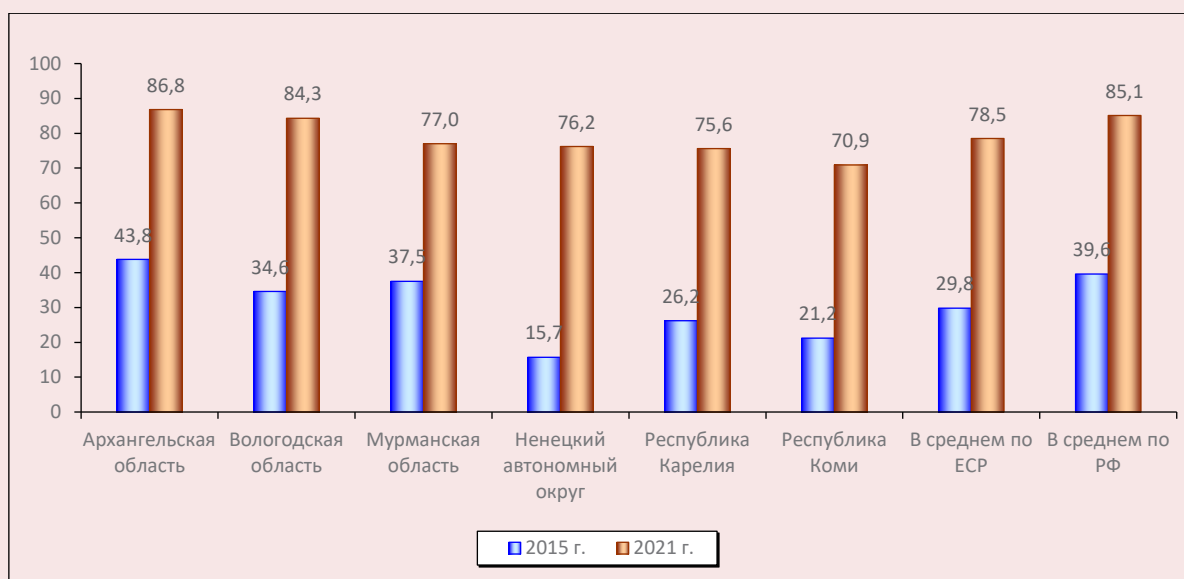
Таблица 2. Уровень использования сети Интернет населением субъектов Европейского Севера России, %

Регион	Доля населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, в общей численности населения			Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения			Доля продаж через сеть Интернет в общем объеме оборота розничной торговли		
	2015 г.	2021 г.	Темп прироста, 2021/2015 гг., п. п.	2015 г.	2021 г.	Темп прироста, 2021/2015 гг., п. п.	2015 г.	2021 г.	Темп прироста, 2021/2015 гг., п. п.
Республика Карелия	71,2	85,2	14,0	27,0	54,0	27,0	0,8	1,5	0,7
Республика Коми	73,8	84,3	10,5	31,3	52,2	20,9	0	4,3	4,3
Архангельская область	72,4	84,1	11,7	27,7	44,2	16,5	0,3	4,9	4,6
в т.ч. Ненецкий автономный округ	64,0	80,6	16,6	36,3	51,2	14,9	0	3,2	3,2
Вологодская область	62,5	85,0	22,5	18,0	49,4	31,4	0,6	3,3	2,7
Мурманская область	83,5	92,7	9,2	39,7	68,8	29,1	0,3	1,5	1,2
В среднем по регионам ЕСР	71,2	85,3	14,1	30,0	53,3	23,3	0,3	3,1	2,8
Российская Федерация	68,3	87,3	19,0	19,6	46,6	27,0	0,9	4,8	3,9

Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/>

Исходя из представленных на *рисунке 1* данных, можно заключить, что в среднем по регионам ЕСР в 2021 году по сравнению с 2015 годом показатели увеличились более чем в 2 раза (с 29,8 до 78,5%), что, однако, ниже среднероссийских значений на конец периода (85,1%).

Рис. 1. Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, %

Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/>

В рамках исследования нами был рассмотрен ряд показателей, характеризующих уровень цифровизации непосредственно в малых и средних городах ЕСР. Так, на основе информации операторов связи¹¹, представленной в картах покрытия, выявлено, что все малые и средние города региона, за исключением г. Мезень и г. Островной, имеют связь 4G.

Также был проведен анализ наличия в малых и средних городах ЕСР пунктов выдачи интернет-магазинов Ozon и Wildberries. Ситуация складывается достаточно благоприятная: компания Wildberries присутствует в 57 городах из 61, а Ozon – в 60¹². Таким образом, можно заключить, что инфраструктура для развития онлайн-торговли создана в подавляющем большинстве рассмотренных населенных пунктов.

Основываясь на открытых данных транспортных компаний, выявлено наличие в малых и средних городах ЕСР сервисов онлайн-заказа такси. В частности, в настоящее время возможность воспользоваться услугами приложения Яндекс.Такси имеется лишь в 21 городе из 61¹³, а Uber и вовсе работает только в крупных и больших городах ЕСР (Мурманск, Петрозаводск, Сыктывкар, Северодвинск, Архангельск, Вологда, Череповец)¹⁴.

Одним из ключевых факторов, определяющих скорость и глубину распространения цифровых технологий, является цифровая компетентность населения. Следует отметить, что в научной литературе социологические исследования уровня цифровой грамотности жителей малых и средних городов встречаются редко. Выделим две работы российских ученых (Guzhavina, 2021; Рязанцев и др., 2021), в которых представлены результаты социологических

опросов, позволяющие сделать определенные выводы об уровне использования существующей цифровой инфраструктуры и сервисов в малых городах Вологодской области.

В частности, отмечается некоторое отставание малых городов от крупных в части использования населением информационно-коммуникационных средств и цифровых сервисов. Так, лишь 80% жителей малых городов Вологодской области пользуются смартфонами, тогда как в крупных городах (Вологда и Череповец) – 88%. Заметный разрыв наблюдается и в вопросах применения интернета для получения информации или покупок: в крупных городах более половины (53%) респондентов использует его в данных целях, тогда как в малых городах – лишь треть жителей (Guzhavina, 2021).

В малых городах интернет используется в основном в коммуникационных целях для общения в социальных сетях и посредством электронной почты и несколько реже для получения таких услуг, как покупка товаров в интернет-магазинах, онлайн-банкинг и т. п. В крупных городах в большей степени востребованы сервисы заказа и доставки еды, заказ такси онлайн, использование платных интернет-сервисов и т. д. (Рязанцев и др., 2021).

Таким образом, в настоящее время можно говорить о завершении перехода большей части малых и средних городов ЕСР от «первичной» к «вторичной» цифровизации. Если задачей первого этапа являлось создание необходимой инфраструктуры для доступа в интернет, то на втором этапе ключевой задачей стала разработка отдельных цифровых решений в каждой отрасли экономики и сфере жизнедеятельности человека (Коровкин, 2020).

По нашему мнению, можно выделить несколько главных барьеров, препятствующих цифровизации малых и средних городов. Главными из них являются высокая стоимость разработки и внедрения цифровых технологий и сервисов, недостаток финансирования, низкий уровень цифровых компетенций у жителей малых и средних городов. Нельзя не отметить, что все они в той или иной степени характерны для подавляющего большинства российских малых и средних городов, а возможные варианты преодоления обозначенных барьеров отличаются своей универсальностью (табл. 3).

¹¹ Анализ проводился на основе данных карты покрытия сотовых операторов ПАО «Мегафон». URL: <https://vologda.megafon.ru/help/offices/#coverageMap>; ПАО «МТС». URL: <https://vologda.mts.ru/personal/podderzhka/zoni-obsluzhivaniya/nasha-set?on=g2>; ПАО «Вымпелком». URL: <https://vologodskaya-obl.beeline.ru/customers/beeline-map/?lat=67.88325753840412&lon=37.40225335693357&zoom=8>

¹² В ряде городов (г. Мезень, г. Сольвычегодск, г. Островной) пункты выдачи отсутствуют, но доставка осуществляется через отделения Почты России.

¹³ Яндекс.Такси. URL: <https://y-taxi.ru/>

¹⁴ Uber. URL: <https://taxi.uber.ru/>

Таблица 3. Барьеры цифровизации в малых и средних городах и пути их преодоления

Барьер	Вариант решения
Высокая стоимость разработки и внедрения цифровых технологий и сервисов	Активное использование государственно-частного и муниципально-частного партнерства в рамках реализации проектов по внедрению цифровых технологий в городскую экосистему
Дефицит муниципальных и региональных бюджетов	Использование механизма концессионных соглашений для реализации проектов по модернизации и цифровизации городской инфраструктуры
Дефицит финансовых ресурсов у разработчиков цифровых технологий	Использование механизмов прямого (субсидии, гранты) или косвенного (налоговые преференции) стимулирования отечественных разработчиков цифровых сервисов и платформ для малых и средних городов
Низкий уровень цифровых компетенций у жителей малых и средних городов	Разработка и реализация мероприятий по повышению цифровой грамотности жителей малых и средних городов
Отсутствие системной политики по цифровизации малых и средних городов	Акцентирование внимания на внедрении технологий умного города и осуществлении муниципалитетами цифрового перехода в документах стратегического планирования социально-экономического развития малых и средних городов
Источник: составлено автором.	

Вместе с тем крайне важно учитывать региональную специфику, что, на наш взгляд, в настоящее время отсутствует и не планируется на перспективу. К примеру, в августе 2021 года на уровне субъектов РФ были разработаны и приняты стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления. Контент-анализ данных документов в регионах ЕСР позволяет заключить, что их содержательная часть практически идентична, отличается лишь перечень сфер и отраслей, которые подвергнутся цифровой трансформации. При этом существенной недоработкой представленных стратегий является недостаточное внимание к вопросам цифровой трансформации производственной сферы, а также отсутствия отражения пространственных аспектов их реализации. Очевидно, что степень готовности к внедрению цифровых технологий в крупном городе будет заметно выше, чем в малых городах и сельских населенных пунктах, хотя бы в силу более высокого уровня цифровой грамотности населения. Без территориальной привязки, т. е. четкого понимания, какие именно технологии и где именно необходимы, есть риск еще большего увеличения «цифрового разрыва» между населенными пунктами различной величины.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, можно выделить несколько концептуальных положений использования и развития цифровых технологий и сервисов в малых и средних городах ЕСР в целях повышения их социально-экономической и экологической устойчивости.

Во-первых, необходимо принимать во внимание не только возможности информационно-коммуникационных и цифровых технологий, но и угрозы, которые несет их активное внедрение. Цифровизация производственной сферы малых и средних городов, расположенных в суровых климатических условиях, с одной стороны, позволяет заметно облегчить условия труда населения, но, с другой стороны, является риском, поскольку приводит к высвобождению рабочей силы. Соответственно, неизбежно возникает вопрос создания новых рабочих мест. К примеру, за счет роботизации предприятий можно обеспечить увеличение объемов выпуска продукции при одновременном сокращении трудовых ресурсов (Кузьмицкая, 2021). На первый взгляд, это является положительным результатом, поскольку в малых и средних городах вопрос наличия квалифицированных кадров стоит достаточно остро. Однако решение проблемы лишь за счет повсеместного внедрения инноваций на производстве может привести к сокращению рабочих мест и, как следствие, к снижению уровня жизни горожан и усилению миграционного оттока населения. Данная проблема особенно актуальна для моногородов, к категории которых на ЕСР относится треть малых и средних городов (21 из 61).

Во-вторых, в рамках не теряющей актуальности проблемы дефицита бюджетов малых и средних городов особенно важен вопрос выбора приоритетных направлений цифровизации отраслей их экономики. Города Европейского Севера России не являются однородной

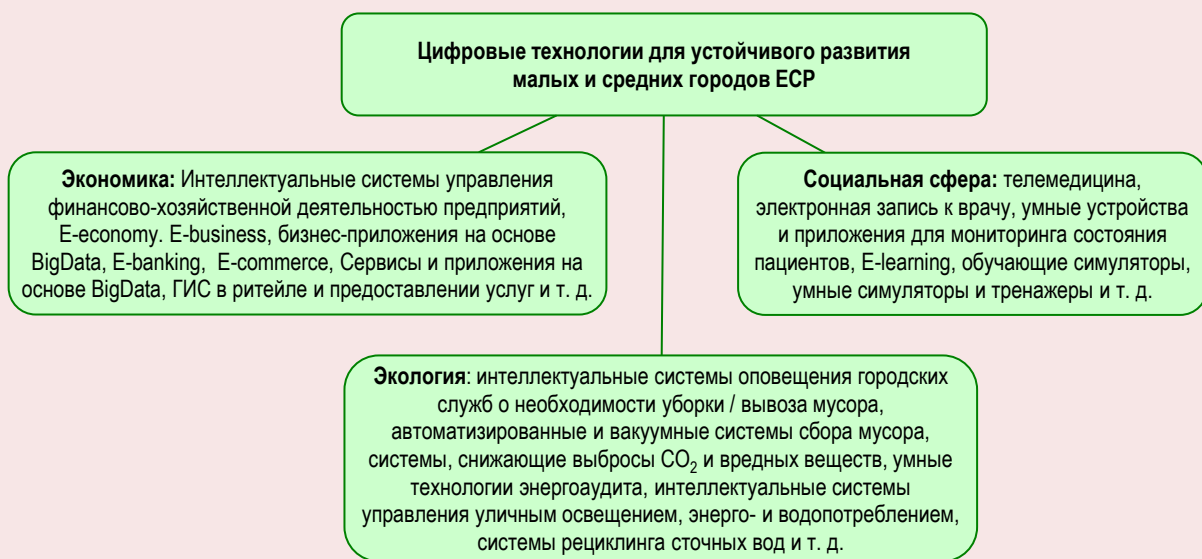
группой, отличаясь не только по людности или географическому положению, но и по своему экономическому профилю и выполняемым функциям в региональной системе расселения. В частности, на территории региона можно выделить несколько различных типов малых и средних городов: аграрные и лесопромышленные, добывающие, индустриальные, транспортные, туристические и т. д. (Секушина, Ускова, 2020). Соответственно, представляется целесообразным внедрять цифровые технологии в те отрасли городской экономики, на которых специализируется город и которые наиболее важны в стратегическом плане. К примеру, для индустриальных малых и средних городов ЕСР (г. Новодвинск, Сокол, Кондопога и др.) перспективными направлениями будут использование технологий интернета вещей в производстве (IoT); интеллектуальных технологий для планирования ресурсов производственных предприятий (ERP решения); роботизация производства. Для транспортных центров (г. Бабаево, Котлас, Няндомы и др.) – системы спутникового мониторинга и навигации транспортных средств; BigData (большие данные) в управлении трафиком; IoT в логистике. Для туристических городов (г. Великий Устюг, Кириллов,

Тотьма, Каргополь и др.) представляется целесообразным внедрение умных систем городской навигации; Q-кодов для объектов культурно-исторического наследия; использование роботов для предоставления информационно-консультационных услуг; видеомэппинг и т. д.

В-третьих, если мы говорим об устойчивом развитии малых и средних городов, важно не только проводить цифровизацию производственной сферы, но и активно применять инновации в решении социальных и экологических проблем. Возможные варианты использования цифровых технологий для всех сфер устойчивого развития города представлены на *рисунке 2*.

В-четвертых, одним из факторов, определяющих интенсивность цифровизации в малых и средних городах ЕСР, является уровень цифровой грамотности населения. Для того чтобы город стал «умным», в нем должны жить «умные» люди, соответственно, актуальным становится вопрос, как их привлечь либо как удержать в городе подрастающее поколение. В настоящее время в России в рамках реализации национального проекта «Образование» уже создано 123 центра образования детей по программам развития компетенций в сфере информационных технологий «IT-куб», однако лишь два из

Рис. 2. Цифровые технологии для устойчивого развития малых и средних городов Европейского Севера России

Источник: составлено автором.

них расположены в малых и средних городах ЕСР (г. Грязовец и г. Сокол). Данная практика, безусловно, является положительной, но в большей степени направлена на детей, которые, получив хорошее базовое школьное образование, все равно уедут в более крупный город продолжать обучение. Одним из вариантов решения этой проблемы может быть создание (или открытие филиалов) учреждений среднего профессионального и/или высшего образования, основой деятельности которых должна являться триада «образование – исследования – внедрение» (Деттер, Туккель, 2018). Тесное сотрудничество таких образовательных учреждений с производственными предприятиями будет способствовать не только удержанию молодежи и ее привлечению в малые и средние города, но и инновационно-технологическому развитию экономики как муниципалитета, так и региона.

Дискуссия по полученным результатам и выводы

В России с началом реализации национальных проектов вопросам цифровизации населенных пунктов уделяется особо пристальное внимание. При этом нельзя не отметить, что в проводимой государством политике достаточно четко прослеживается идея создания «умных городов». В частности, в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика» и национального проекта «Жилье и городская среда» в российских регионах реализуется проект «Умный город»¹⁵.

С начала реализации проекта прошло относительно немного времени, однако уже сейчас можно наблюдать некоторые положительные тенденции. Постепенно увеличивается количество городов – участников проекта (со 186 до 203 ед.), а также наблюдается рост средних значений IQ-городов. Вместе с тем лишь небольшое количество малых и средних городов принимает участие в проекте: в 2021 году только 31 из 945 населенных пунктов, причем все они имеют достаточно развитую экономику, выступающую базисом и в определенной степени ключевым фактором для активного внедрения цифровых технологий в городскую экосистему. Так, на Европейском Севере России в реализа-

ции проекта участвовал лишь г. Нарьян-Мар – самый быстрорастущий город региона, основой экономики которого является нефтедобыча.

В настоящее время приходится констатировать, что как в субъектах ЕСР, так и в стране в целом реализуемые мероприятия по цифровизации городов характеризуются главным образом техноцентричностью, а внимание органов государственной власти и местного самоуправления в основном сфокусировано на внедрении отдельных технологических решений, необходимых для поддержки функционирования систем городской инфраструктуры. Вместе с тем без решения копившихся десятилетиями проблем устойчивого развития в экономической, социальной и экологической сферах переход на новый уровень невозможен.

Результаты проведенного нами исследования показали, что в малых и средних городах ЕСР в целом созданы базовые условия для развития процессов цифровизации. К примеру, сервисы интернет-торговли сегодня присутствуют практически во всех малых и средних городах, что в значительной степени способствует удовлетворению потребностей жителей в товарах и услугах. Вместе с тем распространение онлайн-торговли несет риски для представителей местного бизнеса, которые могут не выдержать конкурентной борьбы с крупными цифровыми площадками национального и мирового уровня. Не менее актуален в данном случае вопрос налоговых поступлений в региональные бюджеты, поскольку отчисления от деятельности интернет-магазинов идут по месту регистрации последних.

Технологии искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности открывают широкие возможности для развития сервисов электронного здравоохранения и образования, что особенно актуально для территориально удаленных малых и средних городов Севера. Но, несмотря на то, что согласно принятым стратегиям цифровой трансформации регионов ЕСР предполагается использование данных цифровых решений, в настоящее время конкретных планов по их внедрению в том или ином городе региона не представлено.

Открытым остается и вопрос, насколько в целом экономика малых и средних городов готова к внедрению существующих технологий и инноваций, т. к. уровень ее развития в пода-

¹⁵ Ведомственный проект Минстроя России «Умный город». URL: <https://russiasmartcity.ru/about>

вляющем большинстве случаев соответствует лишь пятому, а то и вовсе четвертому технологическому укладу. Академик РАН С.Ю. Глазьев отмечает, что в процессе смены технологических укладов изменяется структура спроса на научные изобретения или открытия, при этом многие из них остаются длительное время невостребованными, поскольку «не вписываются» в производственно-технологические системы доминирующего технологического уклада (Глазьев, 2022). На наш взгляд, именно это достаточно хорошо характеризует ситуацию в северных малых и средних городах России.

Реструктуризация экономики по-прежнему остается одним из наиболее важных аспектов развития малых и средних городов ЕСР, и как раз цифровизация может рассматриваться в качестве способа интеграции смежных и формирования новых отраслей специализации (Siliang, Heng, 2022). В рамках стоящих перед Россией вызовов по достижению технологического суверенитета одной из важнейших задач

государственной политики выступает не только поиск перспективных сфер народного хозяйства для внедрения цифровых решений и инноваций, но и грамотное территориальное размещение новых высокотехнологичных производств.

Научная значимость проведенного исследования заключается в анализе проблемного поля цифровизации малых и средних городов Европейского Севера России, выявлении основных проблем, препятствующих повышению ее уровня. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов органами государственной власти при разработке инструментов по решению задач цифровой трансформации экономики и социальной сферы малых и средних городов. Задачей следующего этапа работ по данной тематике будет являться анализ уровня внедрения цифровых технологий на производственных предприятиях и организациях социального блока в малых и средних городах.

Литература

- Безуглая Н.С., Костюкевич В.Г. (2019). Анализ и оценка инновационной активности Краснодарского края // Регионология. Т. 27. № 1. С. 58–81. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.058-081>
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. Т. 19. № 1. С. 93–115. DOI: [10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6](https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6)
- Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. (2018). «Умная» цифровизация локальных инновационных экосистем Арктической зоны РФ // Инновации. № 11 (241). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umnaya-tsifrovizatsiya-lokalnyh-innovatsionnyh-ekosistem-arkticheskoy-zony-rf>
- Дорофеева Л.В., Леонтьева А.Н. (2021). Реализация принципов устойчивого развития в стратегическом планировании развития городов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 3 (66). С. 70–75. DOI: [10.52897/2411-4588-2021-3-70-75](https://doi.org/10.52897/2411-4588-2021-3-70-75)
- Карагулян Е.А. (2020). Умные устойчивые города в Арктическом регионе // Вестник Евразийской науки. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/93ECVN220.pdf>
- Коровкин В. (2020). Цифровая жизнь российских регионов. Что определяет цифровой разрыв? М.: Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы Сколково. 55 с. DOI: [10.13140/RG.2.2.17835.26400](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17835.26400)
- Костина Е.А., Костин А.В. (2021). Как технологии умного города помогают справляться с пандемией // Регион: Экономика и Социология. № 4 (112). С. 160–182. DOI: [10.15372/REG20210406](https://doi.org/10.15372/REG20210406)
- Кузьмицкая Т.В. (2021). Устойчивое развитие малых и средних городов в условиях агломерационного эффекта // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. № 6. С. 30–34.
- Милехина О.В., Адова И.Б. (2019). Информационная поддержка проектного управления региональным развитием в условиях цифровизации // Регион: Экономика и Социология. № 4 (104). С. 168–203. DOI: [10.15372/REG20190408](https://doi.org/10.15372/REG20190408)
- Папенков К.В., Никоноров С.М. (2018). Малые города России в системе «историческое наследие – социо-эколого-экономическое состояние – концепции устойчивого развития» // Oeconomia et Jus. № 3. С. 12–29.

- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2022). Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6
- Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Писаревский В.Г., Рязанцев В.И. (2021). Цифровизация в малом городе: религиозность как фактор влияния? // *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*. № 4. С. 73–92.
- Секушина И.А. (2019). Тенденции социально-экономического развития малых и средних городов регионов Европейского Севера России // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. № 5. С. 73–90.
- Секушина И.А., Ускова Т.В. (2020). Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. № 1 (67). С. 4–18. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.001
- Семячков К.А. (2021). Моделирование устойчивого развития территории на основе концепции умного города // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 11. № 3. С. 1015–1034. DOI: 10.18334/vines.11.3.113448
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. (2021). Устойчивое развитие малых и средних городов российского Севера: обзор работ – подходы – практики // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. Т. 1. № 1. С. 41–57. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-1-41
- Abid N., Marchesani F. et al. (2022) Cities trajectories in the digital era: Exploring the impact of technological advancement and institutional quality on environmental and social sustainability. *Journal of Cleaner Production*, 377, 134378. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134378>
- Bhargava A. (2018). *Sustainable Urban Development*. Lambert Academic Publishing, Europe.
- Colding J., Barthel S. (2017). An urban ecology critique on the “Smart City” model. *Journal of Cleaner Production*, 164, 95–101.
- D’Adamo I., Gastaldi M., Ioppolo G., Morone P. (2022) An analysis of Sustainable Development Goals in Italian cities: Performance measurements and policy implications. *Land Use Policy*, 120, 106278 Available at: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106278>
- Guzhavina T.A. (2021) Digitalization for sustainable development of small towns in Russia. *European Journal of Sustainable Development*, 10(1), 401. Available at: <https://doi.org/10.14207/ejsd.2021.v10n1p401>
- Keith M., Birch E., Buchoud N.J.A. et al. (2022) A new urban narrative for sustainable development. *Nat Sustain*. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41893-022-00979-5>
- Lyons G., Mokhtarian P., Dijst M., Böcker L. (2018). The dynamics of urban metabolism in the face of digitalization and changing lifestyles: Understanding and influencing our cities. *Resources, Conservation and Recycling*, 132, 246–257.
- Martin C., Evans J., Karvonen A. (2018). Smart and sustainable? Five tensions in the visions and practices of the smart-sustainable city in Europe and North America. *Technological Forecasting & Social Change*, 133, 269–278. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.01.005>
- Meijer A., Bolivar M. P. R. (2016). Governing the smart city: A review of the literature on smart urban governance. *International Review of Administrative Sciences*, 82(2), 392–408. Available at: <https://doi.org/10.1177/0020852314564308>
- Rabari C., Storper M. (2014). The digital skin of cities: Urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and big data. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 8(1), 27–42. DOI: 10.1093/cjres/rsu021
- Raimbault J., Pumain D. (2022). Trade-offs between sustainable development goals in systems of cities. *Journal of Urban Management*, 11, 237–245. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jum.2022.05.008>
- Rodrigues M., Franco M. (2021). Digital entrepreneurship in local government: Case study in Municipality of Fundão. *Portugal Sustainable Cities and Society*, 73. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2021.103115>
- Siliang G., Heng M. (2022) Can urban digitalization significantly improve carbon emission efficiency? Evidence from 282 cities in China. Preprint (Version 1). DOI: 10.21203/rs.3.rs-2035590/v1
- Trindade E.P., Hinnig M.P.F., da Costa E.M. et al. (2017). Sustainable development of smart cities: A systematic review of the literature. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 3(1), 11–35. DOI: 10.1186/s40852-017-0063-2

- Vukovic N.A., Larionova V.A., Morganti P. (2021). Smart sustainable cities: Smart approaches and analysis. *Economy of Regions*, 17, 3, 1004–1013. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-20
- Xiao H., Xu Z., Ren J., et al., (2022). Navigating Chinese cities to achieve sustainable development goals by 2030. *The Innovation*, 3(5), 100288.
- Yigitcanlar T., Kamruzzaman M., Foth M. et al. (2019). Can cities become smart without being sustainable? A systematic review of the literature. *Sustainable Cities and Society*, 45, 348–365. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2018.11.033>

Сведения об авторе

Ирина Анатольевна Секушина – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: i_sekushina@mail.ru)

Sekushina I.A.

Digitalization of Small and Medium-Sized Cities in the European North of Russia: Trends and Prospects

Abstract. Rapid introduction and spread of digital technology in all spheres of life have lead to changes in the economy and society. Digitalization seems to be one of the promising directions in terms of addressing economic, environmental and social issues related to the development of territories, including small and medium-sized cities. However, scientific literature has not paid sufficient attention to the digital transformation of such settlements and their territorial specifics. The aim of our work is to study trends and prospects related to the digitalization of small and medium-sized cities in the European North of Russia. We present a number of indicators characterizing the basic conditions for the development of digital technology in the region. We analyze the extent of penetration of digital services in small and medium-sized cities of the European North of Russia and identify the presence of a developed online trading infrastructure alongside a relatively low level of distribution of services. Main barriers to the digitalization of small and medium-sized cities are high cost of developing and implementing digital technologies and services, lack of funding, and a low level of digital competencies in the population. We propose solutions to the above problems and put forward some conceptual provisions determining the choice of priority areas of digitalization to achieve the sustainable development goals in northern small and medium-sized cities. We focus our attention on the importance of taking into account not only the opportunities, but also the risks of digitalization; the expediency of choosing priority areas of digitalization of the economy for various types of cities; the need to introduce digital technology to address social and environmental issues. The findings of our study may be useful to the public authorities of RF constituent entities in finalizing regional strategies on digital transformation of economic sectors, social sphere and public administration.

Key words: small and medium-sized cities, digitalization, European North of Russia, information and communication and digital technology, “smart” city.

Information about the Author

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: i_sekushina@mail.ru)

Статья поступила 14.09.2022.

Знания как медиатор во взаимосвязи между цифровым и экономическим развитием

Ольга Николаевна

БУЧИНСКАЯ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-5421-2522; ResearcherID: B-4208-2019

Аннотация. Современное развитие цифровой экономики ставит перед обществом не только проблему социально-экономического неравенства между странами мира, но и проблему цифрового неравенства, поскольку уровень развития цифровых технологий во многом влияет на производительность труда и, соответственно, на ВВП страны. В этой дихотомии неравенства важную роль играет сфера знаний, поскольку именно знания позволяют раскрыть полный потенциал цифровых технологий для экономической системы. Цель работы – выявление роли знаний как медиатора во взаимосвязи между уровнем развития цифровых технологий и ВВП стран мира. Использовались данные глобального индекса знания, индекса сетевой готовности и индекса цифровой конкурентоспособности в их взаимосвязи с ВВП на душу населения. По результатам анализа двух моделей, содержащих наборы данных по 64 странам мира за 5 лет и по 134 странам за 3 года, было выявлено влияние индексов цифровой конкурентоспособности и сетевой готовности, а также составляющих их субиндексов, характеризующих отдельные стороны развития цифровой экономики, на ВВП. Научная новизна исследования заключается в выявленном отсутствии влияния знаний на взаимосвязь между ВВП на душу населения и проникновением цифровых технологий в экономику страны. Доказано, что индексы, основанные на распространении и проникновении технологий в экономику, не могут объективно отражать возможности экономического развития стран в процессе цифровизации. Необходимо делать упор на показатели развития и распространения национальных технологий, что требует роста уровня знаний.

Для цитирования: Бучинская О.Н. (2022). Знания как медиатор во взаимосвязи между цифровым и экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 139–152. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.8

For citation: Buchinskaia O.N. (2022). Knowledge as a mediator in the relationship between digital and economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 139–152. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.8

Выяснено, что уровень развития знаний оказывает значительное влияние на возможность использования цифровых технологий для достижения целей устойчивого развития, организации эффективного управления цифровизацией. В противном случае воздействие цифровых технологий на экономическое развитие будет гораздо меньше потенциально возможного уровня. Результаты исследования могут применяться национальными правительствами для разработки стратегии преодоления цифрового и социально-экономического отставания стран мира.

Ключевые слова: экономическое неравенство, цифровой разрыв, разрыв в знаниях, цифровая экономика, цифровизация, социально-экономическое развитие, устойчивое развитие, эффект медиации.

Введение

Распространение цифровых технологий дает новый толчок к экономическому росту стран и территорий. Однако уровень развития технологий неравномерен, и хотя их влияние на социально-экономическую ситуацию в стране положительно, но его степень различна. Это может привести к усилению социально-экономического неравенства как между отдельными странами и территориями, так и внутри них. Во многом это связано и с изначально неравным экономическим положением стран мира, поскольку для разработки, внедрения собственных технологий, приобретения зарубежных цифровых решений необходимы существенные инвестиции. Но проблема заключается не только в инвестициях: при приобретении и внедрении исключительно зарубежных технологий подобная стратегия способствует, помимо утечек средств за границу, ослаблению собственных технологических отраслей в соответствии с эффектом Ванека – Райнерта, что в будущем приведет не только к усилению отставания страны от мировых лидеров, но и к усугублению цифрового и социально-экономического неравенства. Для развития национальных цифровых технологий необходимо улучшать качество в сфере знаний. Именно знания позволяют раскрыть потенциал развития цифровых технологий на национальном уровне и степень использования заимствованных цифровых решений. В настоящее время в российской научной среде существует множество работ, в которых рассматриваются вопросы внедрения цифровых технологий в систему образования, однако практически отсутствуют исследования, анализирующие эффекты взаимосвязи цифровизации и знаний, их совместного влияния на экономическую ситуацию. Целью нашей работы является анализ влияния сферы знаний как

медиатора между цифровым и экономическим развитием стран мирового сообщества. В результате исследования показано, какие стороны цифровой экономики в наибольшей степени зависят от развития знаний.

Литературный обзор

Проблематика цифрового неравенства возникла одновременно с вхождением цифровых технологий в жизнь общества. Первые статьи о цифровом разрыве появились в конце XX – начале XXI века. Так, С.П. Фостер (Foster, 2000) говорит, что людям необходима не информация как таковая, а доступ к информации и инструменты доступа к ней. Он определяет цифровой разрыв как более легкий доступ к информации членов определенных групп по сравнению с членами других групп. Р. Каллен (Cullen, 2001) выделяет 4 типа проблем доступа, формирующих цифровой разрыв: физический доступ к подключению к информационно-компьютерным технологиям (ИКТ), уровень навыков и поддержки использования ИКТ, отношение к ИКТ, а также контент, находящийся в сетях. Сегодня физический доступ к интернету постоянно увеличивается, и, хотя отношение к цифровым технологиям до сих пор остается неоднозначным, все большее количество людей используют цифровые технологии в различных областях жизни. Таким образом, мы видим некоторое (но далеко не быстрое и не полное) сокращение этих типов цифрового разрыва.

Как показывают А. Дж. ван Деурсен и Дж. А. ван Дик (van Deursen, van Dijk, 2014), все более актуальными остаются еще два вида цифрового неравенства, относящиеся к контенту цифрового мира и навыкам, необходимым для получения отдачи от цифровых технологий. Р. Каллен рассматривала отсутствие навыков в ИКТ как следствие отсутствия грамотности и

навыков в использовании компьютеров и технологий. Проблема неравенства в отношении контента воспринималась ей как отсутствие в интернете информации, интересующей пользователей (Cullen, 2001). На сегодняшний день эти две причины цифрового разрыва хотя и остаются актуальными, но несколько изменили свое содержание: если мы все еще можем говорить об отсутствии специфических навыков пользования цифровыми технологиями и определенным программным обеспечением как сохраняющейся тенденции цифрового разрыва, то относительно контента во многом изменились причины этого разрыва. Если изначально причиной цифрового разрыва являлось малое количество контента, интересующего пользователей или доступного на известном пользователям языке, ввиду преобладающей доли англоязычного интернета, то сейчас, как отмечают Дж. Адейеми и С. Они (Adeyemi, Oni, 2021), возникает разрыв в контенте из-за неподходящих знаний, ограниченных или появляющихся с помощью цифровых технологий, которые конкретная группа населения не может принять, потому что они созданы без учета ее потребностей. Мы можем видеть, что фокус смещается в сторону ограничения и монополизации доступа к знаниям, информации и данным со стороны отдельных стран и корпораций, что дает им преимущество на рынке за счет асимметрии информации.

М. Гиебель (Giebel, 2013) еще при зарождении рынка больших данных показывал, что асимметрия информации, возникающая при неравном доступе к ИКТ, технологиям и знаниям, снижает доступность производства и внедрения инноваций, приводит к замедлению экономического роста. А. ван Деурсен и К. Моссбергер (van Deursen, Mossberger, 2018) говорят о возникновении нового типа цифрового разрыва, связанного с интернетом вещей (IoT) и Big Data: с одной стороны, интернет вещей и искусственный интеллект упрощают взаимодействие человека с технологиями, и в этом случае уменьшается значение навыков и уровня образования для их использования, кроме того, человек ставится перед достаточно ограниченным выбором рекомендуемых ему действий; с другой стороны, разработка данных технологий требует все возрастающего объема знаний и навыков, а также количества собираемой и

обрабатываемой информации. Таким образом, увеличивается разрыв между пользователями, которые не имеют доступа к информации и не могут ее использовать, и владельцами технологий, обладающими знаниями и информацией. В результате знания и информация играют все более возрастающую роль в современном цифровом мире. Так, В. Чан (Chan, 2021) говорит о роли цифрового разрыва в создании экономического неравенства и усилении разрыва в знаниях.

Не менее чем информация для цифровой экономики важен доступ к знаниям. А. Сидоренко и К. Финдли (Sidorenko, Findlay, 2001) отмечают, что при переходе от «экономики знаний» к «цифровой экономике» роль знаний не снизилась: правительства, исследовательские и образовательные центры являются активными пользователями ИКТ и их выбор во многом предопределяет развитие остальной экономики. Л. Огунсола и Т. Окусага (Ogunsola, Okusaga, 2006), напротив, говорят об экономке знаний, развивающейся на базе цифровых технологий. С. Брукс, П. Донован и К. Рамбл (Brooks et al., 2005) выделяют сферу образования как источник преодоления цифрового разрыва между развитыми и развивающимися странами. В то же время С. Рай (Rye, 2008) на примере Индонезии показывает, что при недостатке навыков и инфраструктуры дистанционное образование не уменьшает, а увеличивает цифровой разрыв и впоследствии социально-экономическое положение экономических субъектов как на индивидуальном, так и на региональном уровне.

Дж. ван Дик (van Dijk, 2008) приводит кумулятивную лестничную модель развития инноваций в цифровых технологиях, где после материального доступа определяющую роль играют стратегические, информационные, инструментальные и цифровые навыки, которые формируют базу для пользовательского доступа к достижениям цифровых инноваций. Исключение этой ступени приведет к неэффективности цифровых технологий даже при наличии формального доступа к новейшему оборудованию. Т. Эйххорн и др. (Eichhorn et al., 2020) добавляют к модели ван Дика термин «знаниевый доступ», который заключается в осведомленности о наличии новых технологий и развитии у пользователей интереса к их применению. Б. Ю и др. (Yu et al., 2018) говорят об образо-

вании, тренингах, развитии сферы знаний как о катализаторе использования ИКТ. Ч. Неоги (Neogi, 2020) показывает, что ИКТ участвуют в формировании человеческого капитала и, таким образом, оказывают влияние на повышение качества жизни.

В свою очередь Дж. Джеймс (James, 2008) связывает цифровой разрыв с уровнем дохода интернет-пользователей развитых и развивающихся стран. Ч. Парсонс и С. Хик (Parsons, Nick, 2008) также отмечают, что индивиды с низкими доходами не могут позволить себе доступ в интернет, приобретать программное обеспечение для эффективного использования ИКТ. Соответственно, они не обладают навыками, востребованными в обществе, и проигрывают на рынке рабочих мест, что усиливает уже не только цифровое, но и социально-экономическое расслоение. М. Рагнедда и др. (Ragnedda et al., 2022) приводят следующие результаты: пользователи с доходом менее 10000 имеют на 81% меньше возможностей получить углубленные навыки использования цифровых технологий по сравнению с обладателями более высоких доходов. О. Бучинская (Бучинская, 2022) выводит взаимосвязь, в которой рост богатства делает доступным приобретение новых знаний, которые, в свою очередь, дают толчок к развитию новых, более продвинутых технологий. Эмпирически доказано, что цифровые аспекты жизни населения регионов России значимо влияют на рост регионального ВРП (Литвинцева, Карелин, 2020).

Руководствуясь вышеизложенными достижениями отечественной и зарубежной науки, мы можем предположить, что знания играют существенную роль во взаимосвязи между социально-экономическим развитием страны и развитием в ней цифровых технологий. В данной работе мы сделали попытку измерить степень влияния знаний в системе «Цифровизация – экономический рост», полагая знания медиатором в ней. Несмотря на то, что метод измерения отношений медиации достаточно широко применяется в современной научной литературе, нам не удалось выявить аналогичных исследований взаимосвязи между цифровыми технологиями, знаниями и уровнем экономического развития, поэтому мы предполагаем, что наша работа внесет вклад в изучение развития экономики в период ее цифровой трансформации.

Методология исследования

Для исследования роли влияния знаний на взаимосвязь экономического развития и цифровой экономики необходимо было выбрать показатели, комплексно отражающие уровень развития знаний и цифровых технологий.

В качестве показателя, характеризующего уровень знаний, нами был использован глобальный индекс знаний (Global Knowledge Index), публикуемый под эгидой программы развития ООН с 2017 года, поскольку это единственный глобальный индекс знаний с открытой методологией, рассчитываемый на данный момент. В состав индекса входит широкий спектр показателей качества образования, включая показатели начального, среднего и высшего образования, повышения квалификации и переподготовки, уровня развития исследовательской деятельности и инноваций, состояния экономики, а также институциональной и экологической среды. Основу исследования составили отчеты по индексу знаний за 2017–2021 гг. Поскольку 5 лет представляют собой достаточно короткий временной тренд, мы провели изучение двух наборов моделей, основанных на влиянии двух различных индексов, оценивающих степень цифровизации экономики.

В качестве показателя уровня развития цифровизации нами был первоначально выбран индекс цифровой конкурентоспособности (Digital Competitiveness Ranking, DCR), рассчитываемый Институтом развития менеджмента с 2017 года. Индекс рассчитывается агрегированными показателями по трем субиндексам:

- знаний, включающий оценку развития науки, образования и таланта (DCRK);
- технологий, оценивающий развитие цифровой инфраструктуры, доступа к финансированию и уровень правового регулирования (DCRT);
- готовности к будущему, содержащий показатели проникновения цифровых технологий в управление, бизнес и повседневную жизнь экономических агентов (DCRFr).

Необходимо отметить, что между индексом знаний и индексом цифровой конкурентоспособности была обнаружена довольно высокая корреляция (-0,8890). Поскольку в индексе цифровой конкурентоспособности также имеется составляющая знаний (DCRK), это

вызвало необходимость использования альтернативного индекса. Им стал индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index, NRI), рассчитываемый с 2019 года Институтом Портулана (США). Корреляция NRI с индексом знаний составила 0,0321, а с DCI -0,0384, что показывает незначительную связь между показателями. NRI объединяет субиндексы:

- доступности и использования сетевых технологий (NRITech);
- уровня использования сетевых технологий индивидами, бизнесом и правительствами (NRIpe);
- управления цифровыми технологиями, включающий оценку доверия, регулирования, а также уровень проникновения цифровых технологий в обыденную жизнь населения (NRIGov);
- влияния цифровых технологий на качество жизни населения и достижения целей устойчивого развития ООН (NRImp).

В качестве зависимой переменной использовался логарифм ВВП на душу населения, рассчитанный в текущих долларах США с учетом паритета покупательной способности (LGDPPCCURP).

В ходе исследования были проанализированы две группы моделей: первая группа оценивала роль медиации индекса знаний при влиянии DCR и его компонентов на прирост ВВП на душу населения, вторая группа в аналогичной модели вместо DCR использовала NRI и составляющие его субиндексы.

Для проведения анализа нами применен метод моделирования структурных уравнений (SEM). Выбор метода обоснован природой отношений медиации: в этом случае наблюдается не односторонняя зависимость определяемой переменной от регрессора, но причинно-след-

ственная связь и временная упорядоченность между тремя переменными, включая переменную-медиатора. При этом переменные в причинно-следственной связи могут быть как причинами, так и следствиями, в связи с чем, как утверждают Гунцлер и др. (Gunzler et al., 2013), стандартная парадигма регрессии плохо подходит для моделирования такой взаимосвязи из-за ее априорного присвоения каждой переменной либо причины, либо следствия.

Базовая модель медиации, предложенная Р. Бароном и Д. Кенни (Baron, Kenny, 1986) показана на рисунке. Она состоит из системы трех уравнений, как следует из формулы 1, приведенной Л. Чен и Х. Хунг (Chen, Hung, 2016):

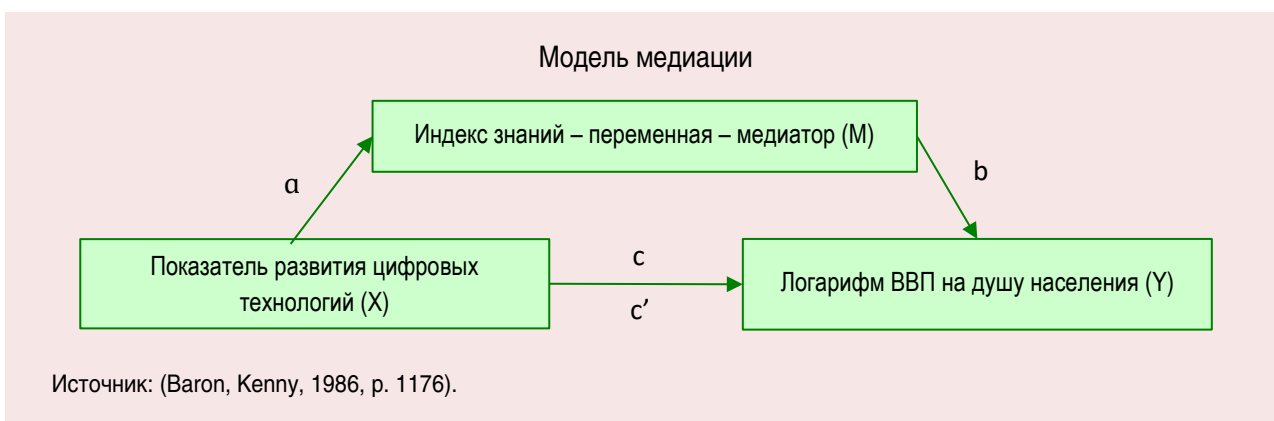
$$\begin{cases} Y = c_0 + c'X + e_1 \\ M = a_0 + aX + e_2 \\ Y = b_0 + cX + bM + e_3 \end{cases} \quad (1)$$

где a_0, b_0, c_0 – константы;

a, b, c – коэффициенты, показывающие связи между объясняющей переменной и медиатором, медиатором и объясняемой переменной, объясняющей и объясняемой переменными соответственно; при этом c подразумевает прямой эффект взаимодействия между объясняемой и объясняющей переменными, без учета влияния медиатора; косвенный эффект является результатом взаимодействия траекторий a и b и рассчитывается как произведение соответствующих коэффициентов ($a \times b$);

c' – коэффициент, объясняющий отношения между объясняющей и объясняемой переменными с учетом влияния медиатора (полный эффект), являющийся суммой прямого и косвенного эффектов ($c + a \times b$);

e_1, e_2, e_3 – случайные ошибки.

Если коэффициент c не является значимым, можно утверждать о наличии полной медиации, когда объясняющая переменная воздействует на объясняемую исключительно через эффект медиации, как показывают Барон и Кенни. Если коэффициент c является статистически значимым, можно говорить об эффекте частичной медиации (Danner et al., 2015), когда имеется прямая взаимосвязь между объясняющей и объясняемой переменными, но на эту взаимосвязь оказывает влияние переменная-медиатор.

Для оценки степени подбора данных использовались критерии RMSEA. Величина критерия 0,00 свидетельствует, что модель соответствует данным (Weston, Gore, 2006). Индекс сравнительного согласия (CFI) показывает относительное улучшение подгонки при переходе от базовой модели к постулируемой и оценивается в промежутке от 0 до 1, где значение $CFI \geq 0.95$ демонстрирует качество модели. Индекс Такера – Льюиса свидетельствует об относительном уменьшении несоответствия на степень свободы и также оценивается в промежутке от 0 до 1, где $TLI \geq 0.95$ говорит о качестве модели (Shi et al., 2019). Коэффициент детерминации R^2 иллюстрирует, насколько изменения в зависимой переменной объясняются переменными модели. Информационный критерий Акаике (AIC) и Байесовский информационный критерий (BIC) отражают сравнительное качество модели по правилу «чем меньше – тем лучше». При этом большее предпочтение для анализа SEM отдается критерию BIC (Wu et al., 2020).

Тестирование наличия и вида эффекта медиации происходило с помощью методики medsem (Mehmetoglu, 2018), включающей оценку медиации Барона и Кенни с применением теста Собея (BK) (Sobel, 1982), а также методику Жао, Линча и Чена (ZLC) (Zhao et al., 2010) в сочетании с тестом Монте-Карло (Jose, 2013). В случае значимости всех трех уравнений

Барона и Кенни в сочетании со значимым тестом Собея, равно как значимость бутстреп-теста косвенного эффекта при значимости прямого эффекта по методике ZLC, имеет место частичный эффект медиации. В случае незначимости прямого эффекта и значимости тестов Собея и Монте-Карло имеет место полная медиация. В случае отсутствия значимости тестов Собея и Монте-Карло в сочетании со значимостью прямого эффекта в методике ZLC и отсутствием значимости первых трех уравнений в методике BK признается отсутствие эффекта медиации.

Величина влияния переменной-медиатора определяется отношением косвенного эффекта к общему эффекту (RIT), показывающим, какой процент влияния независимой переменной на зависимую обусловлен эффектом медиации (формула 2) и отношением косвенного эффекта к прямому эффекту (RID), демонстрирующим, во сколько раз воздействие косвенного эффекта превышает влияние прямого эффекта (формула 3).

$$RIT = \frac{(a \times b)}{c'}. \quad (2)$$

$$RID = \frac{(a \times b)}{c}. \quad (3)$$

Результаты исследования

Взаимосвязь ВВП с индексом цифровой конкурентоспособности и эффект медиации индекса знаний

В группе моделей 1 оценивалось влияние индекса знаний как медиатора, влияющего на взаимосвязь между индексом цифровой конкурентоспособности, а также составляющими его субиндексами, и логарифмом ВВП на душу населения в текущих долларах по паритету покупательной способности. В набор данных вошли показатели 64 стран мира с 2017 по 2021 год. Описательная статистика набора данных представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Описательная статистика набора данных группы моделей 1

Переменная	Наблюдения	Средняя	Станд. откл.	Min	Max
KnowledgeIndex	305	56,68393	8,97784	34	73.6
DCR	310	32,32581	18,18247	1	64
LGDPCCURP	310	9,935859	0,9960447	7,39471	11,78525

Источник: рассчитано автором.

Перед построением группы моделей 1 необходимо отметить специфику расчета индекса DCR: в отличие от прочих переменных модели он рассчитывается в виде ранговой оценки стран, где первые места заняты государствами с наилучшими показателями и возрастание ранга означает ухудшение параметра. В связи с этим положительное влияние DCR на индекс знаний и логарифм ВВП на душу населения в модели

будет сопровождаться коэффициентами с отрицательными знаками. Результаты, полученные при оценке данной модели относительно воздействия прямых и косвенных эффектов, представлены в *таблице 2*. Анализ качества данных, используемых для модели, показан в *таблице 3*. В *таблице 4* отражены результаты тестов Собе-ля и Монте-Карло, а также показатели влияния косвенного эффекта RID и RIT.

Таблица 2. Прямые, косвенные и общие эффекты группы моделей 1

	Прямой эффект	Косвенный эффект	Общий эффект
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,0828413***	-	0,0828413***
DCR	-0,0092171***	-0,0363996***	-0,0456167***
KnowledgeIndex <-DCR	-0,4393899***	-	-0,4393899***
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,107037***	-	0,107037***
DCRK	0,0043726	-0,0446323***	0,107037***
KnowledgeIndex <- IDCRK	-0,4169802***	-	-0,4169802***
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,0849766***	-	0,0849766***
DCRT	-0,0084571***	-0,036056***	-0,044513***
KnowledgeIndex <- IDCRT	-0,4243044***	-	-0,4243044***
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,0741109***	-	0,0741109***
DCRFR	-0,0151047***	-0,0312953***	-0,0464***
KnowledgeIndex <- DCRFR	-0,4222767***	-	-0,4222767***

Примечание: *** – статистическая значимость на уровне 1%.
Источник: рассчитано автором.

Таблица 3. Тестирование группы моделей 1 на степень подбора данных

	AIC	BIC	CFI	TLI	R ²
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCR	4781,138	4807,294	1,000	1,000	0,797
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCRK	4881,508	4907,664	1,000	1,000	0,722
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCRT	4854,706	4880,862	1,000	1,000	0,739
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCRFR	4838,752	4864,908	1,000	1,000	0,747

Источник: рассчитано автором.

Таблица 4. Тестирование группы моделей 1 на эффект медиации

	Тест Собе-ля	Доверительный интервал теста Собе-ля	Тест Монте-Карло	Доверительный интервал теста Монте-Карло	RIT	RID
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCR	-0,664 (0,000)	-0,754; -0,574	-0,663 (0,000)	-0,752; -0,578	0,798	3,949
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCRK	-0,818 (0,000)	-0,889; -0,747	-0,817 (0,000)	-0,888; -0,751	1,109	10,207
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCRT	-0,654 (0,000)	-0,730; -0,578	-0,653 (0,000)	-0,727; -0,582	0,810	4,263
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex DCRFR	-0,564 (0,000)	-0,636; -0,492	-0,563 (0,000)	-0,634; -0,495	0,674	2,072

Источник: рассчитано автором.

Тестирование всех вышеназванных моделей подтверждает их значимость: значение квадратичной усредненной ошибки аппроксимации RMSEA 0,000 в сочетании с индексом сравнительной пригодности (CFI), равным 1,000, и индексом Такера – Льюиса (TLI), также равным 1,000, показывает хороший подбор данных в модели. Необходимо отметить, что такие результаты ожидаемы, поскольку модель медиации является по условию насыщенной ввиду отсутствия степеней свободы.

При использовании методики medsem тестирование свидетельствует о значимости модели: при значимости теста Собея на 1% уровне методика ВК показывает наличие частичного эффекта медиации. Аналогичный результат дает методика ZLC ($B = -0,168$ при $p = 0,002$) в сочетании со значимостью теста Монте-Карло ($-0,664$ в интервале $-0,754; -0,574$). При этом отношение косвенного эффекта к прямому эффекту показывает, что 79,8% эффекта DCR на ВВП на душу населения объясняется индексом знаний. Отношение косвенного эффекта к прямому свидетельствует, что эффект медиации в 3,949 раза больше, чем прямое воздействие DCR на ВВП на душу населения. Как видно из таблицы 2, все связи между показателями модели являются статистически значимыми на уровне 1%. При этом поднятие DCR на одну позицию при прочих равных условиях приведет к приросту ВВП на душу населения на 0,0092%, в то время как с учетом повышение места страны в индексе знаний – на 0,0456167%.

Анализ влияния индекса знаний как медиатора взаимосвязи субиндексов цифровой конкурентоспособности и ВВП на душу населения показал, что в одном случае (субиндекс знаний) имеет место полный эффект медиации: прямое воздействие субиндекса знаний на ВВП не значимо. Это также подтверждается незначимостью теста ВК в сочетании со значимым тестом Собея и незначимостью теста ZLC в сочетании со значимостью теста Монте-Карло.

Данный результат логически ожидаем, поскольку и медиатор, и независимая переменная, по сути, отражают влияние уровня знаний. Остальные две модели с субиндексами цифровой конкурентоспособности говорят о наличии частичного эффекта медиации: развитие показателей, отраженных в субиндексе, оказывает прямое стимулирующее влияние на ВВП, однако в сочетании с увеличением показателя знаний данное влияние значительно возрастает. При этом наибольший косвенный эффект индекс знаний демонстрирует при медиации переменной технологического субиндекса.

Взаимосвязь ВВП с индексом сетевой готовности и эффект медиации индекса знаний

Группа моделей 2 оценивает влияние индекса знаний как медиатора, влияющего на взаимосвязь между индексом сетевой готовности (NRI), а также составляющих его субиндексов, и логарифмом ВВП на душу населения в текущих долларах по паритету покупательной способности. Набор данных представлен данными 134 стран с 2019 по 2021 год. Описательная статистика набора данных группы моделей 2 представлена в *таблице 5*. В *таблице 6* даны результаты прямых, косвенных и полных эффектов воздействия исследуемых показателей на прирост ВВП на душу населения. В *таблице 7* тестируется надежность модели, в *таблице 8* отражены результаты тестирования эффекта медиации.

Первоначальная модель, как и в случае с моделью индекса цифровой конкурентоспособности, показывает частичный эффект медиации индексом знаний взаимодействия между индексом сетевой готовности и логарифмом ВВП на душу населения ($B = 0,715$ при $p = 0,000$ говорит о незначимости тестов ВК и ZLC). Однако в данной модели эффект медиации значительно меньше: только 24% общего воздействия индекса сетевой готовности на прирост ВВП объясняется влиянием индекса знаний.

Таблица 5. Описательная статистика набора данных группы моделей 2

Переменная	Наблюдения	Средняя	Станд. откл.	Min	Max
KnowledgeIndex	388	48,25928	12,049	19,1	73,6
LGDPCCURP	400	8,871439	1,43553	5,545115	11,78525
NRI	382	51,00377	16,55572	12,33	82,75
Источник: рассчитано автором.					

Таблица 6. Прямые, косвенные и общие эффекты группы моделей 2

	Прямой эффект	Косвенный эффект	Общий эффект
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,0280285 ***	-	0,0280285***
NRI	0,0608491***	0,0193397***	0,0801888***
KnowledgeIndex <- NRI	0,6900016***	-	0,6900016***
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,0487121***	-	0,0487121***
NRItech	0,0406866***	0,0291166***	0,0698031***
KnowledgeIndex <- NRItech	0,5977278***	-	0,5977278***
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,1104642***	-	0,1104642***
NRIpe	-0,0006653	0,0014836	0,0008183
KnowledgeIndex <- NRIpe	0,0134306	-	0,0134306*
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,0703143***	-	0,0703143***
NRIgov	0,0287304***	0,0425139***	0,0712443***
KnowledgeIndex <- NRIgov	0,6046269***	-	0,6046269***
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex	0,0750205***	-	0,0750205***
NRIimp	0,0294288***	0,0537271***	0,0831559***
KnowledgeIndex <- NRIimp	0,7161661***	-	0,7161661***

Примечание: *** – статистическая значимость на уровне 1%.
Источник: рассчитано автором.

Таблица 7. Тестирование группы моделей 2 на степень подбора данных

	AIC	BIC	CFI	TLI	R ²
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRI	5882,444	5918,412	1,0000	1,0000	0,944
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRItech	6127,883	6163,851	1,0000	1,0000	0,917
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRIpe	8239,096	8275,064	1,0000	1,0000	0,021
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRIgov	6296,733	6332,701	1,0000	1,0000	0,856
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRIimp	6157,316	6193,284	1,0000	1,0000	0,862

Источник: рассчитано автором.

Таблица 8. Тестирование группы моделей 2 на эффект медиации

	Тест Собея	Доверительный интервал теста Собея	Тест Монте-Карло	Доверительный интервал теста Монте-Карло	RIT	RID
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRI	0,227 (0,000)	0,113; 0,341	0,225 (0,000)	0,116; 0,334	0,241	0,318
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRItech	0,388 (0,000)	0,289; 0,488	0,387 (0,000)	0,291; 0,480	0,417	0,716
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRIpe	0,092 (0,055)	-0,002; 0,186	0,093 (0,054)	0,000; 0,185	1,813	2,230
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRIgov	0,539 (0,000)	0,461; 0,617	0,538 (0,000)	0,462; 0,609	0,597	1,480
LGDPCCURP <- KnowledgeIndex NRIimp	0,580 (0,000)	0,496; 0,664	0,579 (0,000)	0,497; 0,657	0,646	1,826

Источник: рассчитано автором.

Увеличение позиции страны по индексу знаний дает только 0,019% дополнительного прироста ВВП на душу населения, что примерно в 3,18 раза ниже прямого воздействия NRI на ВВП на душу населения.

Анализ остальных субиндексов показал отсутствие эффекта медиации и индекса знаний при воздействии показателя NRIре на ВВП на душу населения. Это подтверждается статистически незначимым косвенным воздействием данного показателя, а также незначимым тестом BK ($B = 0,927$ и $p = 0,000$) в сочетании с незначимым тестом Собеля и незначимым тестом ZLC ($B = -0,041$ и $p = 0,038$) в сочетании с незначимым тестом Монте-Карло. Также отсутствует статистически значимая взаимосвязь между индексом знаний и NRIре. Остальные субиндексы демонстрируют наличие частичного эффекта медиации, причем максимальный косвенный эффект индекс знаний оказывает на субиндекс NRImp: он добавляет 0,053% прироста ВВП на душу населения по сравнению с 0,029% прироста ВВП от прямого воздействия данного показателя. Существенный косвенный эффект оказывает индекс знаний и при влиянии на ВВП субиндекса NRIGov: уровень знаний объясняет 59,7% воздействия общего эффекта показателя на прирост ВВП, который составляет 0,071% и обеспечивает дополнительный прирост ВВП на душу населения в 0,043%. В то же время субиндекс NRItech показывает наименьшее значение косвенного влияния (0,029%), и наибольшее – прямого влияния 0,04% на прирост ВВП на душу населения. Подобное противоречие контрастирует с выводами по первой группе моделей. Причины данного явления будут рассмотрены ниже.

Обсуждение результатов

Достаточно противоречивые, на первый взгляд, результаты, полученные в результате исследования влияния уровня знаний на техническое развитие с помощью анализа индексов цифровой конкурентоспособности и сетевой готовности, объясняются набором показателей, составляющих оба анализируемых индекса. Первое противоречие заключается в том, что субиндекс уровня знаний (DCRK) говорит об эффекте полной медиации с индексом знаний, в то время как показатель использования сетевых технологий индивидами, биз-

несом и правительствами (NRIре) продемонстрировал отсутствие эффекта медиации. Это различие объясняется составом показателей: если в DCRK они непосредственно относятся к знаниям (публикационная активность, количество выпускников по научным дисциплинам, освоение математических дисциплин, наличие зарубежного опыта, затраты на обучение, количество исследователей и т. д.), то NRIре связан с комплексом более разнообразных показателей, включая количество абонентов широкополосной связи, уровень грамотности, использование соцсетей, наличие инвестиций в высшее образование, телекоммуникации и новые технологии, наличие веб-сайтов у фирм и т. д. Многие эти показатели могут не относиться к знаниям населения самой страны – инвестиции могут идти на закупку и использование зарубежных технологий, веб-сайты – создаваться иностранными специалистами, наличие абонентского доступа и использование соцсетей не требуют высокого уровня знаний. Ввиду этого субиндекс NRIре при прочих равных условиях может быть не связан с наличием высокого уровня знаний в стране, но это также означает, что наличие высоких показателей субиндекса NRIре может необъективно отражать уровень технического развития в стране, особенно в части ее информационной независимости: в международном сообществе в последнее время усиливается давление на оппонентов именно посредством сетевых технологий, соответственно, лишение страны доступа к данным технологиям при условии невозможности самостоятельно разработать их национальные аналоги может серьезно ударить по экономике любого государства. Это не противоречит выводам (Solomon, van Klyton, 2020), где оценивается позитивный прямой эффект от использования ИКТ индивидами, бизнесом и правительством в странах Африки без учета влияния знаний.

Субиндекс «готовность к будущему», также отражающий степень проникновения технологий в жизнь общества (DCRFR), имеет минимальный косвенный эффект влияния на ВВП и максимальный прямой эффект: для проникновения технологий и пользования ими высокий уровень знаний не является необходимым компонентом. Это подтверждает Ибе (Ibe,

2018), говорящий о прямой зависимости между ВВП и проникновением интернет-технологий в экономику африканских стран. Без сомнения, такое влияние цифровых технологий улучшает экономические показатели стран, но не сокращает отставание от мировых лидеров. Об этом говорится в работе (Visco, 2020), в которой недостатком знаний обосновывается цифровое и экономическое отставание Италии от ведущих мировых держав. И наоборот, высокое косвенное влияние на ВВП через знания показывает субиндекс технологий (DCRT). Поскольку в состав показателя помимо количества интернет-абонентов, скорости интернета входят такие переменные, как возможность запуска бизнеса, законодательное регулирование научных исследований и защита прав собственности, доступность кредита, банковских и финансовых услуг, развитие и внедрение технологий и т. п., то наличие развитой сферы знаний и их практическое использование на территории страны становится существенным для повышения влияния данных показателей на экономическое развитие. Возможна также и обратная зависимость: технологическая турбулентность оказывает значительное сдерживающее влияние на взаимосвязь между возможностями цифровых знаний и инновационными возможностями в предпринимательских экосистемах (Chaudhuri et al., 2022).

В случае же NRI субиндекс технологий ориентирован больше на наличие технологий и их доступность, поскольку включает такие показатели, как цены на тарифы, количество посланных СМС, доступ к интернету в школах, количество случаев редактирования Википедии, затраты на компьютерный софт, количество применяемых роботов и т. п. Речь здесь идет о физической и финансовой доступности технологий, кроме того, в индексе не делается различие между национальными и импортными технологиями, а наличие зарубежных технологий может сопровождаться наличием иностранных операторов.

Среди всех компонентов NRI наибольшее косвенное влияние через индекс знаний оказывает субиндекс NRImp. Этот субиндекс объединяет показатели влияния цифровых технологий на экономику, включая экспорт

высоких технологий и ИКТ-услуг, развитие гиг-экономики, внедрение патентов. И данные показатели не могут развиваться без высокого уровня знаний в государстве. Развитие отрасли высоких технологий в целом и цифровых технологий в частности невозможно без развития знаний, что соответствует результатам (Ordieres-Meré et al., 2020). Иллюстрацией нашим выводам служит и исследование (Csóto, 2019), где на примере Венгрии показано влияние разрыва в знаниях на эффективность предоставления государственных услуг в электронном виде. В свою очередь знания позволяют увеличить социально-экономическое развитие страны за счет повышения благосостояния и здоровья населения: как качества и безопасности услуг, в том числе медицины, так и доходов путем роста оплаты квалифицированного труда. Таким образом, развитие цифровизации — не за счет приобретенных технологий, а за счет раскрытия собственного потенциала страны через развитие сферы знаний — способно обеспечить достижение устойчивого экономического роста.

Заключение

Результаты проведенного исследования показывают важнейшую роль знаний для роста современной цифровой экономики. Наличие технологий как таковых, безусловно, увеличивает благосостояние региона, но не раскрывает его полного потенциала, более того, делает страну зависимой от внешних источников технологий. В связи с этим в цифровой экономике особо высока роль знаний, поскольку именно от них зависит не только развитие национальных высокотехнологических продуктов, но и качество управления, развития сферы услуг, повышение уровня жизни населения на качественном уровне. Крайне важно обратить внимание на комплексное развитие национальной системы образования, позволяющей раскрыть потенциал применения цифровых технологий в экономике. Образование не должно быть ориентированным на сугубо освоение цифровых технологий, но давать комплексное представление о сферах жизнедеятельности человеческого общества, позволяя не только активно осуществлять трудовую деятельность, но и адаптироваться к ее изменению.

Второй важный вывод исследования касается учета развития цифровых технологий и их влияния на национальную экономику. Следует учитывать и анализировать не только количественные, но и качественные показатели использования цифровых технологий, проводить оценку динамики импортных и национальных технологий как по количеству, так и по затратам на их приобретение и обслуживание. Это связано с необходимостью мониторинга и развития национальной системы знаниеемкой продукции, позволяющей достичь устойчивого развития. Именно развитие сферы знаний и национального производства высоких технологий является ключом к преодолению цифрового и впоследствии социально-экономического неравенства между странами мира.

Литература

- Бучинская О.Н. (2022). Тройственность дивергенции социально-экономического развития в цифровую эпоху // Идеи и идеалы. Т. 14. № 2. Ч. 2. С. 239–260. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-239-260
- Литвинцева Г.П., Карелин И.Н. (2020). Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России // Terra Economicus. Т. 18 № 3. С. 53–71. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-53-71
- Adeyemi J.O., Oni S. (2021). Realising Sustainable Development Goal 4 in Nigeria: The challenge of digital divide. *Covenant University Journal of Politics & International Affairs (Special Edition)*, 9(1), 121–132.
- Baron R.M., Kenny D.A. (1986). The moderator–mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51(6), 1173–1182.
- Brooks S., Donovan P., Rumble C. (2005). Developing nations, the digital divide and research databases. *Serials Review*, 31(4), 270–278. DOI: 10.1080/00987913.2005.10765002
- Chan V.W. (2021). Initiative on reducing the “digital divide”. *IEEE Communications Magazine*, 59(5), 4–5. DOI: /10.1109/MCOM.2021.9446683
- Chaudhuri R., Chatterjee S., Vrontis D., Vicentini F. (2022). Effects of human capital on entrepreneurial ecosystems in the emerging economy: The mediating role of digital knowledge and innovative capability from India perspective. *Journal of Intellectual Capital*, (ahead-of-print). DOI: 10.1108/JIC-07-2021-0177
- Chen L.J., Hung H.C. (2016). The indirect effect in multiple mediators model by structural equation modeling. *European Journal of Business, Economics and Accountancy*, 4(3), 36–43.
- Csótó M. (2019). Examining the role of the knowledge gap as a driver towards e-Government service adoption. In: *Central and Eastern European eDem and eGov Days*. DOI: 10.24989/ocg.v335.3
- Cullen R. (2001). Addressing the digital divide. *Online Information Review*, 25(5), 311–320. DOI: /10.1108/14684520110410517
- Danner D., Hagemann D., Fiedle K. (2015). Mediation analysis with structural equation models: Combining theory, design, and statistics. *European Journal of Social Psychology*, 45(4), 460–481. DOI:10.1002/ejsp.2106
- Eichhorn T., Jürss S., Hoffmann C.P. (2022). Dimensions of digital inequality in the sharing economy. *Information, Communication & Society*, 25(3), 395–412. DOI: /10.1080/1369118X.2020.1791218
- Foster, S. P. (2000). The digital divide: some reflections. *The International Information & Library Review*, 32(3-4), 437–451. DOI: 10.1080/10572317.2000.10762529
- Giebel M. (2013). Digital divide, knowledge and innovations. *Journal of Information, Information Technology, and Organizations*, 8, 1–24.
- Gunzler D., Chen T., Wu P., Zhang H. (2013). Introduction to mediation analysis with structural equation modeling. *Shanghai Archives of Psychiatry*, 25(6), 390–394. DOI: 10.3969%2Fj.issn.1002-0829.2013.06.009
- Ibe G. (2018). Effects of GDP per capita on mobile telecommunication penetration in Sub-Saharan Africa. *Asia and Africa Today*, (4), 68–72. DOI: 10.7868/S0321507518040116
- James J. (2008). The digital divide across all citizens of the world: A new concept. *Social Indicators Research*, 89(2), 275–282. DOI: 10.1007/s11205-007-9156-9
- Jose P.E. (2013). *Doing Statistical Mediation and Moderation*. Guilford Press.

- Mehmetoglu M. (2018). Medsem: A Stata package for statistical mediation analysis. *International Journal of Computational Economics and Econometrics*, 8(1), 63–78.
- Neogi C. (2020). Effect of ICT on the performance of Indian states in terms of human development indices. In: Maiti D., Castellacci F., Melchior A. (Eds.). *Digitalisation and Development*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-13-9996-1_11
- Ogunsola L.A., Okusaga T.O. (2006). Digital divide between developed and less-developed countries: The way forward. *Journal of Social Sciences*, 13(2), 137–146. DOI: 10.1080/09718923.2006.11892542
- Ordieres-Meré J., Prieto Remon T., Rubio J. (2020). Digitalization: An opportunity for contributing to sustainability from knowledge creation. *Sustainability*, 12(4), 1460. DOI: 10.3390/su12041460
- Parsons C., Hick S.F. (2008). Moving from the digital divide to digital inclusion. *Currents: Scholarship in the Human Services*, 7(2), 15892.
- Ragnedda M., Ruiu M.L., Addeo F. (2022). The self-reinforcing effect of digital and social exclusion: The inequality loop. *Telematics and Informatics*, 101852. DOI: 10.1016/j.tele.2022.101852
- Rye S.A. (2008). Exploring the gap of the digital divide. *GeoJournal*, 71(2), 171–184. DOI: 10.1007/s10708-008-9154-8
- Shi D., Lee T., Maydeu-Olivares A. (2019). Understanding the model size effect on SEM fit indices. *Educational and Psychological Measurement*, 79(2), 310–334. DOI: 10.1177/0013164418783530
- Sidorenko A., Findlay C. (2001). The digital divide in East Asia. *Asian-Pacific Economic Literature*, 15(2), 18–30. DOI: 10.1111/1467-8411.00103
- Sobel M.E. (1982). Asymptotic confidence intervals for indirect effects in structural equation models. *Sociological Methodology*, 13, 290–312.
- Solomon E.M., van Klyton A. (2020). The impact of digital technology usage on economic growth in Africa. *Utilities Policy*, 67, 101104. DOI: 10.1016/j.jup.2020.101104
- Van Deursen A.J., Mossberger K. (2018). Any thing for anyone? A new digital divide in internet-of-things skills. *Policy & Internet*, 10(2), 122–140. DOI: 10.1002/poi3.171
- Van Deursen A.J., Van Dijk J.A. (2014). The digital divide shifts to differences in usage. *New Media & Society*, 16(3), 507–526.
- Van Dijk J.A.G.M. (2008). The digital divide in Europe. In: *The Handbook of Internet Politics*. London and New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203962541.ch21
- Visco I. (2020). Economic growth and productivity: Italy and the role of knowledge. *PSL Quarterly Review*, 73(294), 205–224.
- Weston R., Gore Jr P.A. (2006). A brief guide to structural equation modeling. *The Counseling Psychologist*, 34(5), 719–751. DOI: 10.1177/0011000006286345
- Wu H., Fai Cheung S., On Leung S. (2020). Simple use of BIC to assess model selection uncertainty: An illustration using mediation and moderation models. *Multivariate Behavioral Research*, 55(1), 1–16. DOI: 10.1080/00273171.2019.1574546
- Yu B., Ndumu A., Mon L.M., Fan Z. (2018). E-inclusion or digital divide: An integrated model of digital inequality. *Journal of Documentation*, 74(3), 552–574. DOI: 10.1108/JD-10-2017-0148
- Zhao X., Lynch Jr J.G., Che Q. (2010). Reconsidering Baron and Kenny: Myths and truths about mediation analysis. *Journal of Consumer Research*, 37(2), 197–206. DOI: 10.1086/651257

Сведения об авторе

Ольга Николаевна Бучинская — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики, УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru)

Buchinskaya O.N.

Knowledge as a Mediator in the Relationship between Digital and Economic Development

Abstract. Modern development of the digital economy urges society to address not only the global issue of socio-economic inequality, but also the problem of digital inequality, since the level of development of digital technology largely affects labor productivity and, accordingly, national GDP. In this dichotomy of inequality, the sphere of knowledge plays an important role, since it is knowledge that allows us to unlock the full potential of digital technology for the economic system. The aim of the work is to identify the role of knowledge as a mediator in the relationship between the level of development of digital technology and GDP in different countries. The study used data from the Global Knowledge Index, Network Readiness Index and Digital Competitiveness Ranking in their relationship with GDP per capita. We analyzed the results of two models containing data sets for 64 countries for five years and 134 countries for three years; thus, we revealed the influence of the digital competitiveness and network readiness indices, as well as their constituent sub-indices characterizing certain aspects of development of the digital economy, on GDP. Scientific novelty of the study consists in the fact that it reveals the absence of the influence of knowledge on the relationship between GDP per capita and the penetration of digital technology into the national economy. We prove that indicators based on the spread and penetration of technology into the economy cannot objectively reflect the possibilities of economic development in the process of digitalization. It is necessary to focus on indicators reflecting the development and dissemination of national technologies; this requires an increase in the level of knowledge. We find that the level of knowledge development has a significant impact on the possibility of using digital technology to achieve the goals of sustainable development and organize effective management of digitalization. Otherwise, the impact of digital technology on economic development will be much less than the potentially possible level. The results of our study can be used by national governments to develop a strategy to overcome the digital divide and bridge a socio-economic gap between countries.

Key words: economic inequality, digital divide, knowledge gap, digital economy, digitalization, socio-economic development, sustainable development, mediation effect.

Information about the Author

Olga N. Buchinskaia – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru)

Статья поступила 11.04.2022.

Оценка влияния пандемии коронавируса на состояние региональных бюджетов: дальневосточный аспект

**Сергей Николаевич
ЛЕОНОВ**

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: Leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; ResearcherID: V-3471-2019

Аннотация. Цель работы – определить основные особенности и последствия демпфирования внеэкономического шока, вызванного пандемией коронавируса 2020–2021 гг., в процессе реализации региональной бюджетной политики субъектов Федерации крупного макрорегиона, каковым является российский Дальний Восток. Выполнен анализ воздействия пандемии на доходы бюджетов дальневосточных регионов, оценена динамика зависимости региональных бюджетов от федеральных трансфертов, показано изменение уровня транспарентности межбюджетных отношений в макрорегионе и степени самостоятельности властей дальневосточных субъектов Российской Федерации в принятии решений в кризисный период в части формирования региональных бюджетов. Для выявления статистических закономерностей использованы общенаучные методы на основе официальных данных Федерального казначейства РФ, Министерства финансов, региональных органов власти дальневосточных субъектов. Показано, что на Дальнем Востоке наиболее значимое влияние на состояние региональных бюджетов оказали первая и вторая волны эпидемии, а регионы выходят из кризиса с разной скоростью. Быстрее восстанавливаются территории, специализирующиеся на обрабатывающей промышленности, у добывающих регионов данный процесс идет медленнее. Главным условием преодоления бюджетного кризиса стал масштабный рост федеральной помощи, позволивший большинству субъектов компенсировать потери собственных бюджетных доходов. Влияние третьей и четвертой волн коронавирусного кризиса на экономику Дальнего Востока и региональную бюджетную сферу в целом оценивается как слабое. Продолжилась стагнация добывающих отраслей, в результате в анализируемом периоде 2020–2021 гг. проблемы формирования налоговой базы отмечались у

Для цитирования: Леонов С.Н. (2022). Оценка влияния пандемии коронавируса на состояние региональных бюджетов: дальневосточный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 153–166. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.9

For citation: Leonov S.N. Assessing the impact of the coronavirus pandemic on the condition of regional budgets: The Far Eastern aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 153–166. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.9

большинства добывающих регионов. Как следствие, можно прогнозировать, что состояние региональных бюджетов будет в большей мере зависеть от трансфертной поддержки федерального центра. Выявлено отсутствие четких критериев в оказании «трансфертной помощи» регионам. Транспарентность (прозрачность) оказания помощи субъектам Федерации за время пандемийного кризиса ухудшилась, что может привести к формированию антистимулов к региональному развитию ввиду стремления региональных правительств к лоббированию особых финансовых предпочтений со стороны федерального центра. Новизна исследовательской задачи актуализируется рассмотрением означенного круга вопросов в сравнении федеральных тенденций и ситуации на Дальнем Востоке в условиях возрастающего давления внешних внеэкономических шоков, вызываемых незавершенной пандемией коронавируса. Материалы статьи могут быть использованы в образовательной сфере и деятельности органов государственной власти федерального и регионального уровней в части совершенствования бюджетной политики.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, региональная бюджетная политика, Дальний Восток.

Введение

Охватившая мир в двадцатые годы текущего столетия пандемия коронавируса стала важным фактором многих структурных, институциональных и финансовых изменений. При этом нужно понимать, что фактически речь идет не об экономическом кризисе, вызванном внутренними или внешними экономическими причинами, а о последствиях внеэкономического внешнего шока для экономики. Пандемия коронавируса явилась внеэкономическим шоком с разрушительными последствиями, масштабы которых оказались различными для разных стран и регионов (Voickaert et al., 2020; Maggetti, Trein, 2022; Аганбегян и др., 2021; Уральский федеральный округ..., 2021; Дальний Восток России..., 2021).

В случае РФ внеэкономический шок пандемии повлиял практически на все секторы российской экономики (Кузнецова, 2020; Лола, 2020; Мильчаков, 2020) и, как следствие, на доходы региональных бюджетов (Дерюгин, 2020; Чернявский, 2020; Зубаревич, 2021a). Не мог он не сказаться и на состоянии бюджетов дальневосточных субъектов Федерации (Гулидов, 2021; Леонов, 2020).

Необходимость проанализировать особенности протекания и оценки вариантов демпфирования последствий внеэкономического шока от пандемии коронавируса для бюджетной системы крупного макрорегиона, каковым является Дальний Восток России, определяет актуальность исследования.

Главный удар кризиса 2020–2021 гг. на Дальнем Востоке (ДВ) был порожден первой волной пандемии и объяснялся повсеместным локдау-

ном второго квартала 2020 года¹. Последовавшее за этим частичное восстановление экономики продолжалось до октября 2020 года и было прервано второй волной пандемии, растянувшейся на зиму 2020–2021 гг. (Минакир, 2020). Вторая волна пандемии в целом не характеризовалась столь широкомасштабным закрытием предприятий или жесткими ограничениями для работников, как первая², но осложнила восстановительный рост экономики

¹ Первая волна пандемии обрушилась на Россию в апреле – мае 2020 года и сопровождалась значительными ограничениями мобильности населения (карантины, локдауны), приостановкой работы части промышленных предприятий, что привело к экономическому спаду и сокращению наполняемости региональных бюджетов. При этом жесткость и длительность вводимых ограничений в регионах была отдана на откуп региональным органам власти и отличалась от региона к региону (Зубаревич, 2020).

² В ходе второй волны коронавируса Бурятия стала первым регионом России, власти которого возобновили локдаун. Была приостановлена работа кафе, ресторанов и других мест общественного питания (учреждения работали навынос). Торговые центры, сауны, салоны красоты, кинотеатры, фитнес-клубы были закрыты. Ограничения не касались продуктовых магазинов, аптек, салонов связи, а также организаций, занимавшихся доставкой товаров. Многие регионы продлевали каникулы для школьников (в частности, Нижегородская, Курганская и Сахалинская области, Хабаровский край). В конце октября 2020 года Роспотребнадзор выпустил постановление об ограничениях на всей территории России: граждане были обязаны носить маски в местах, где присутствовало более 50 человек; общепит не должен был работать с 23:00 до 6:00. См.: Минько Д., Антипова А. Какие шесть главных ограничений ввели в российских регионах. Главное. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/11/2020/5f8ec2d39a79471d9e2b26ce>

(Дальний Восток России..., 2021) и, как следствие, состояние региональных бюджетов. Для динамики пандемии на Дальнем Востоке были характерны третья (июль 2021 года) и четвертая (декабрь 2021 года) волны заболеваемости ковидом, когда пиковое число заболевших составляло в месяц 48,8 тыс. и 67,7 тыс. человек соответственно³.

Как известно, общероссийские тенденции не всегда отражают территориальные особенности развития и реакцию отклика региональных систем на шоковые воздействия (Мильчаков, 2021; Пухов, 2020). Это позволяет высказать предположение о возможных отличиях от общероссийских тенденций влияния четырех выделенных волн коронавируса 2020–2021 гг. на изменение состояния бюджетов дальневосточных субъектов РФ.

В данном исследовании рассмотрено воздействие пандемии на доходы бюджетов дальневосточных регионов и оценена степень изменения зависимости региональных бюджетов от федеральных трансфертов, показано, стали ли более прозрачными межбюджетные отношения в период кризиса и получили ли дальневосточные субъекты Федерации большую самостоятельность в принятии решений в части региональной финансовой политики.

Отметим, что состояние российских региональных бюджетов в 2020 году рассматривалось в аналитических бюллетенях НИУ ВШЭ⁴, а также в мониторингах ситуации, выполненных в трудах ряда исследователей (Дерюгин, 2020; Зубаревич, Сафронов, 2020; Чернявский, 2021). Во всех работах в качестве основных тенденций отмечались сильный спад доходов бюджетов в период локдауна и очень сильный рост трансфертов из федерального в региональные бюджеты. Однако в публикациях не проводилось сравнение результатов влияния первой и последующих волн коронавируса на региональные бюджеты на основе квартальной динамики региональных индикаторов бюджетов за 2020–2021 гг.

³ Распространение коронавируса в регионах России // Коронавирус в России: оперативные данные. URL: <https://ncov.blog/countries/ru>

⁴ Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире (2020). Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. № 10. 100 с. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321798.pdf>

Источники данных и методы исследования

Анализ проводился по данным Федерального казначейства об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Федерации поквартально нарастающим итогом за 2020–2021 и предыдущие годы для расчета динамики и оценки темпов выхода из возникшего кризиса. Рассматривались все доходы бюджетов дальневосточных субъектов – собственные (налоговые и неналоговые), а также объем и динамика трансфертов, как в целом, так и по отдельным их видам (дотации, субсидии, субвенции и иные трансферты)⁵.

Поскольку в российском бюджетном анализе не осуществляется корректировка отчетной динамики доходов и расходов бюджетов на инфляцию, то расчеты бюджетной динамики выполнены в номинальных рублях.

Использовались простые статистические методы анализа динамики и структуры бюджетных индикаторов, позволившие получить репрезентативные ответы на поставленные исследовательские вопросы в отношении бюджетной политики дальневосточных субъектов Федерации в условиях пандемии коронавируса.

Результаты исследования

1. В отличие от среднероссийских данных фактические годовые данные о формировании доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации говорят не о падении, а лишь о замедлении темпов роста основных источников собственных доходов сводного регионального бюджета дальневосточных субъектов Федерации на этапе 2019–2021 гг.

Сравнительный анализ показателей дальневосточных субъектов РФ со среднероссийскими данными в части объемов и структуры доходов консолидированных бюджетов не выявил катастрофичности ситуации в макрорегионе. Так, если по итогам 2020 года в целом по РФ абсолютная величина и структура налоговых доходов региональных бюджетов серьезно

⁵ Субсидии выделяются регионам на конкретные цели и предусматривают софинансирование со стороны региона; субвенции направляются на выполнение федеральных полномочий, делегированных субъекту Федерации (например, выплата пособия по безработице и т. п.); иные межбюджетные трансферты также имеют целевой характер, и только дотации могут свободно использоваться регионами без оглядки на федеральный уровень власти.

менялись, то на Дальнем Востоке снизились только поступления налога на совокупный доход и неналоговых доходов при значительном (125%), хотя и меньшем среднероссийского (159%), росте величины федеральных трансфертов (табл. 1).

В целом по России консолидированные бюджеты субъектов за 2020 год показали рост доходов на 1328 млрд рублей. Источниками роста выступили, главным образом, федеральные трансферты, беспрецедентно возросшие в 2020 году – на 1523,4 млрд рублей, или в 1,6 раза по сравнению с 2019 годом. Федеральные трансферты смогли «перекрыть» спад налоговых и неналоговых доходов бюджетов в российских регионах. Особенно сильно по итогам 2020 года в субъектах Федерации «просели» объемы налога на прибыль (на 12,8% к 2019 году) и неналоговые доходы (на 11,7%). Несмотря на декларировавшиеся меры широкомасштабной поддержки малого и среднего предпринимательства, по итогам 2020 года на 0,7% сократился налог на совокупный доход, который уплачивает российский малый бизнес. На этом фоне рост по совокупности бюджетов российских регионов на 7,5% поступления налога на доходы физических лиц объясняется большой долей занятых в бюд-

жетной сфере и на государственных предприятиях, где заработная плата работников индексировалась. В целом собственные (налоговые и неналоговые) доходы региональных бюджетов России за 2020 год снизились с 10992,9 до 10798,4 млрд рублей (на 1,77%).

Формирование доходной части совокупного (сводного) дальневосточного регионального бюджета в 2020 году характеризовалось более позитивной, чем среднероссийская, динамикой. Хотя рост собственных доходов совокупного бюджета в первый год пандемии резко замедлился, составив всего 0,2%, но в совокупности с возросшими в 1,25 раза объемами федеральных трансфертов в регион это позволило обеспечить прирост доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации на 8,5%. Наиболее жестко и заметно по сравнению с национальным уровнем на пандемию отреагировал дальневосточный малый бизнес, традиционно функционирующий в регионе в сложных социально-экономических условиях (Леонов, 2018). Несмотря на меры прямой финансовой поддержки бизнеса, поступления по налогам на совокупный доход, обеспечиваемые главным образом малым и средним предпринимательством, сократились на Дальнем Востоке за 2020 год на 7% (Рязанцева и др., 2020; Леонов, 2021).

Таблица 1. Объем и структура доходов консолидированных бюджетов субъектов Дальнего Востока и Российской Федерации в целом, 2019–2021 гг.

Доход	Объем доходов (в номинальном выражении), млрд рублей / %					
	2019		2020		2021	
	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ
Доходы – всего	13572,3/100	1211,1/100	14901,2/100	1314,6/100	17546,3/100	1499,9/100
В том числе:						
Налоговые и неналоговые доходы	10992,9/81,0	806,8/66,6	10798,4/72,5	808,6/61,5	13651,8/77,8	967,8/64,5
<i>Налоговые доходы</i>	<i>10152,3/74,8</i>	<i>706,6/58,3</i>	<i>10055,9/67,3</i>	<i>741,2/56,4</i>	<i>12675,8/72,3</i>	<i>822,5/54,8</i>
Налог на прибыль	3358,2/24,7	220,0/18,2	2927,0/19,6	228,9/17,4	4529,3/25,8	249,4/16,6
НДФЛ	3956,4/29,2	271,4/22,4	4253,1/28,5	287,0/21,8	4793,2/27,3	311,6/20,8
Акцизы	755,3/5,6	41,9/3,5	797,9/5,4	43,9/3,3	950,1/5,4	54,0/3,6
Налоги на совокупный доход	596,4/4,4	39,8/3,3	592,1/4,0	37,0/2,8	808,9/4,6	46,0/3,1
Налоги на имущество	1350,9/10,0	91,5/7,6	1358,0/9,1	105,1/8,0	1444,5/8,2	109,1/7,3
<i>Неналоговые доходы</i>	<i>840,6/6,2</i>	<i>100,2/8,3</i>	<i>742,5/5,0</i>	<i>67,4/5,1</i>	<i>976,0/5,6</i>	<i>145,3/9,7</i>
Трансферты из других бюджетов	2579,4/19,0	404,3/33,4	4102,8/27,5	506,0/38,5	3894,5/22,2	532,2/35,5
Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov/						

Даже по итогам 2021 года, хотя налоговые поступления на совокупный доход и возросли, но все еще были ниже объемных показателей доковидного 2019 года.

Тем не менее итоги формирования доходов консолидированных бюджетов свидетельствуют, что за 2021 год как на Дальнем Востоке, так и в Российской Федерации в целом формально произошло демпфирование признаков кризиса доходной базы региональных бюджетов.

В РФ по итогам 2021 года на фоне прироста собственных (налоговых и неналоговых) доходов российских региональных бюджетов на 26,4% и снижения на 5,1% величины трансфертов (с 4102,8 до 3894,5 млрд рублей) прирост доходов бюджетов субъектов Федерации составил 17,8% к 2020 году.

На Дальнем Востоке за 2021 год собственные доходы региональных бюджетов возросли на 19,7% и обеспечивались приростом всей региональной налоговой базы, а прирост федеральных трансфертов на 3,1% обеспечил возрастание доходов бюджетов на 14,1% к уровню 2020 года.

Однако поквартальный анализ формирования доходов бюджетов дальневосточных реги-

онов (табл. 2) и учет особенностей формирования прироста их доходной базы позволяют менее оптимистично оценить картину преодоления бюджетного кризиса, вызванного пандемией коронавируса 2020–2021 гг., и отметить ряд уточняющих моментов.

2. Анализ поквартальных данных формирования доходов дальневосточных бюджетов показал, что глубина спада и скорость «восстановления» бюджетных доходов после эпидемии различались по субъектам Федерации. Наиболее сильно пострадали регионы добывающей специализации, а Сахалинская область и Чукотский автономный округ даже по итогам 2021 года все еще не смогли восстановить «доквидную» структуру доходов региональных бюджетов.

Во 2 квартале 2020 года собственные (налоговые и неналоговые) доходы консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации сократились на 18,5%, в т. ч. поступление налогов на прибыль упало на 29%, НДФЛ – на 3,5%, а налоги на совокупный доход, косвенно характеризующие состояние малого и среднего предпринимательства в регионе, – на 28,7% по сравнению с тем же периодом 2019 года. (см. табл. 2).

Таблица 2. Динамика прироста доходов консолидированных бюджетов регионов в 2020 и 2021 гг., % к аналогичному периоду предыдущего года

Доход	2 кв. 2020 к 2 кв. 2019		3 кв. 2020 к 3 кв. 2019		4 кв. 2020 к 4 кв. 2019		2020 к 2019		1 кв. 2021 к 1 кв. 2020		2 кв. 2021 к 2 кв. 2020		3 кв. 2021 к 3 кв. 2020		4 кв. 2021 к 4 кв. 2020		2021 к 2020	
	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ
Все доходы консолидированных бюджетов	-5	-0,1	11	8	21	5	10	9	11	-5	25	13	21	29	14	18	18	14
В том числе:																		
собственные (налоговые и неналоговые)	-20	-19	-1	-6	7	3	-2	0,2	8	-13	40	27	31	43	27	28	27	20
налог на прибыль	-27	-29	-17	-17	-7	15	-13	4	15	-33	53	25	85	71	77	28	55	9
НДФЛ	-10	-4	11	7	16	11	8	6	4	1	33	19	9	4	9	10	13	9
налог на совокупный доход	-28	-29	5	-11	16	1	-0,7	-7	18	-6	80	60	29	18	21	27	37	25
Общая сумма трансфертов из других бюджетов	73	47	58	34	65	8	60	25	26	17	-11	-7	-2	9	-13	6	-5	5

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Сильнее всего пострадали добывающие регионы, где падение производства на крупных компаниях привело к резкому сокращению объемов полученной прибыли и, как следствие, сокращению поступления налога на прибыль в бюджеты территорий.

Максимальный объем выпадающих доходов за апрель – июнь 2020 года имела Сахалинская область, недополучившая в региональный бюджет 27,3 млрд рублей, главным образом, как можно предположить, из-за жесткого карантина⁶. Ниже, чем в среднем по Дальнему Востоку (-29%), «просели» отчисления по налогу на прибыль в Камчатском крае (-65%), Республике Бурятия (-50%), Сахалинской области (-46%), Забайкальском крае (-42%).

Столь критическая ситуация с собственными доходами региональных бюджетов привела к резкому росту объемов федеральных трансфертов в регионы, возросших во 2 квартале 2020 года по отношению ко 2 кварталу 2019 года в целом по РФ на 73%, а на Дальнем Востоке в частности почти на половину (47%). Трансфертные вливания продолжились и в 3 квартале 2020 года (по России рост составил 58%, на Дальнем Востоке – 34% к 3 кварталу 2019 года), что позволило смягчить негативное воздействие снижения поступлений по основным налоговым статьям на наполняемость региональных бюджетов. Поступления по НДФЛ в это время выросли благодаря большой доле занятых в бюджетной сфере, где проводилась индексация заработной платы.

Динамика бюджетных параметров по итогам 2020 года в целом по Дальнему Востоку оказалась даже лучше среднероссийской ситуации. Если в среднем по РФ собственные доходы, несмотря на весенний провал, снизились лишь на 2%, то в отношении региональных бюджетов Дальнего Востока даже фиксировался рост этого показателя на 0,2% к уровню 2019 года. Хуже среднероссийской ситуация на Дальнем

Востоке оказалась с налогом на совокупный доход, который платит малый бизнес. Поступления по этому налогу на Дальнем Востоке за 2020 год сократились на 7% при падении 0,7% по России в целом.

В результате можно говорить о затухании в РФ влияния второй волны пандемии коронавируса на региональную бюджетную сферу к началу 2021 года, чему, в частности, способствовала мощная трансфертная накачка региональных бюджетов, возросшая за 2020 год почти на 60%. Столь резкого роста федеральной помощи региональным бюджетам не происходило даже в кризис 2009 года, когда объем трансфертной поддержки возрос на треть, до 34% доходов региональных бюджетов.

В отличие от среднероссийской ситуации на Дальнем Востоке вторая волна коронавируса спровоцировала падение доходов консолидированных региональных бюджетов на 5,1% в 1 квартале 2021 года в сравнении с 1 кварталом 2020 года, что было обусловлено сокращением на 33,4% поступлений по налогу на прибыль, главным образом в регионах добывающей специализации, а также торможением политики трансфертной накачки дальневосточных территорий. Так, в Республике Саха (Якутия) отмечалось сокращение поступления налога на прибыль в республиканский бюджет на 31% (-4,8 млрд руб.), на Сахалине оно составило 70,3% (-35,6 млрд руб.) в сравнении с 1 кварталом 2020 года. При этом региональные трансферты в Республике Саха (Якутия) возросли лишь на 6,8% (1,6 млрд руб.), не компенсировав региону проблемы с поступлением налога на прибыль, а в случае Сахалинской области в 1 квартале 2021 года вообще было отмечено сокращение трансфертов на 14,2%.

Оценивая влияние третьей и четвертой волн коронавируса, следует отметить, что ситуация в целом улучшается. Собственные доходы бюджетов и по Дальнему Востоку, и в целом по Российской Федерации росли как в третьем и четвертом кварталах, так и в целом за 2021 год. На Дальнем Востоке собственные доходы регионов увеличились на 20%, поступление налога на прибыль – на 9%, НДФЛ – на 9%, налога на совокупный доход – на 25% (см. табл. 2). При этом следует отметить достаточно медленное и неравномерное по территориям восстанов-

⁶ Отметим, что недополученные доходы Москвы, имевшей самые большие в Российской Федерации выпадающие доходы по итогам 2 квартала 2020 года (-141 млрд рублей), превышали потери бюджета Сахалинской области в 5 раз. Можно предположить, что столь сильный спад доходов бюджетов явился реальной причиной отказа от локдауна в период второй волны ковида осенью – зимой 2020–2021 гг.

ление налога на прибыль, наиболее значимо для развитых и ресурсно-ориентированных регионов. Например, по итогам 2021 года поступление налога на прибыль в региональный бюджет Сахалинской области оказалось на 27%, а в ЧАО – на 29,2% ниже уровня 2020 года соответственно.

3. В предпандемийные годы зависимость бюджетов дальневосточных субъектов РФ от трансфертов, отражаемая долей трансфертов в доходах консолидированных бюджетов, была выше среднероссийских параметров у всех дальневосточных регионов, кроме Сахалинской области. За пандемийные годы (2020–2021 гг.) зависимость региональных бюджетов от трансфертов у большинства дальневосточных регионов сильно возросла.

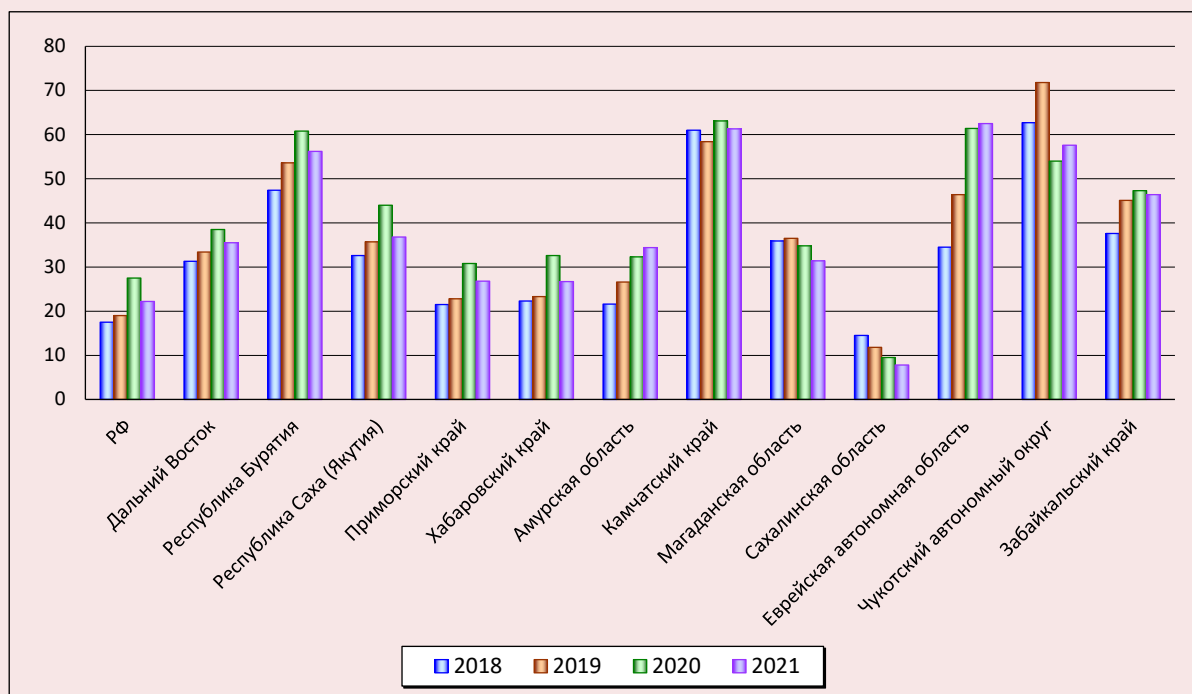
Отметим, что в 2018–2019 гг. дотационность бюджетов российских регионов росла как результат притока в регионы дополнительного финансирования по национальным проектам. Однако темпы роста трансфертов федерального бюджета в 2020 году (пик ковидной эпидемии) оказались заметно выше. Причем, как видно

на рисунке, в среднем по Российской Федерации доля трансфертов в региональных бюджетах увеличилась даже сильнее, чем у традиционно дотационных дальневосточных регионов.

Это можно объяснить ростом дотационности в 2020 году в относительно развитых регионах Поволжья, Сибири и Урала, ранее не получавших дотационных вливаний из федерального центра. Менее заметные приращения доли дотаций в доходах бюджетов исходно высокодотационных регионов объясняются арифметически, поскольку рост трансфертов приводит к практически аналогичному росту величины доходов бюджета, как следствие, пропорция между величиной трансферта и сумой доходов бюджета меняется незначительно.

На этапе 2021 года, когда миновали первая и вторая волны коронавируса, доля трансфертов в доходах российских и большинства дальневосточных субъектов снизилась. Однако в традиционно дотационных регионах Дальнего Востока она или практически не изменилась (Забайкальский край) или даже возросла (Амурская область и ЕАО).

Доля трансфертов в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ, %

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/>

Отметим, что в 2020 году зависимость субъектов Федерации от трансфертов не увеличилась в Москве, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах, Сахалинской и Магаданской областях, что можно объяснить особенностями федеральной политики в работе с «богатыми» регионами с высокой бюджетной обеспеченностью и концентрацией на финансовой помощи дотационным регионам. Более того, удельный вес трансфертов в доходах Чукотского автономного округа, Магаданской и Сахалинской областей в 2018–2021 гг. даже снижался.

4. Децентрализация в региональной финансовой сфере за годы пандемии мутировала в усеченную вариативность выбора региональными властями приоритетов расходования бюджетных средств. Как показывает анализ, за годы пандемии доля дотаций, реально позволяющих региональным властям распоряжаться средствами и направлять их на развитие территории, в структуре «трансфертной помощи» резко сократилась.

В 2020 году величина трансфертов возросла беспрецедентно – на 54% по России и на 25% по дальневосточным регионам. При этом в структуре трансфертов наиболее быстро росли целевые виды помощи (субсидии, субвенции, иные межбюджетные трансферты), что автоматически снижало столь необходимую регионам самостоятельность в маневре бюджетными ресурсами (табл. 3).

Фактически получалось, что дополнительно передаваемую в регионы финансовую помощь можно было тратить только на заранее оговоренные направления.

Динамика разных видов трансфертов диктовалась различными причинами.

Опережающий рост субсидий в значительной мере объясняется увеличением помощи регионам в части выплат социальных пособий на детей (рождение третьего ребенка в семье, пособия на детей от 3 до 7 лет). Суммарно на эти две субсидии приходилось около четверти всех субсидий, полученных регионами в 2020 году (Зубаревич, 2021b). Остальные субсидии имели целью софинансирование национальных проектов.

Иные межбюджетные трансферты схожи с субсидиями, но могут быть предоставлены в целях софинансирования расходных обязательств соответствующего бюджета в полном объеме (субсидии же, напомним, предоставляются на условиях долевого финансирования). Перечень оснований предоставления данного вида трансфертов шире, чем у субсидий. По сути, это наименее прозрачный трансфертный инструмент федеральной бюджетной поддержки регионов.

Если на Дальнем Востоке в предпандемийном 2019 году темп роста иных межбюджетных трансфертов обгонял среднероссийские показатели (198 и 172,4% соответственно), то в пандемийные годы тенденции изменения

Таблица 3. Динамика изменения величины трансфертов

Вид трансфертов	Динамика роста, %					
	2019/2018		2020/2019		2021/2020	
	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ
Безвозмездные поступления (трансферты)	117,6	125,4	153,9	125,0	97,4	103,1
Дотации, всего	89,2	97,3	141,1	118,1	78,4	92,7
В том числе:						
- дотации на выравнивание*	104,8	102,3	106,3	108,6	100,1	100,2
- дотации на сбалансированность**	63,6	76,9	235,5	169,2	51,8	129,9
Субсидии	145,0	189,4	181,6	198,4	117,9	141,0
Субвенции	119,6	123,3	152,8	143,5	85,7	95,4
Иные межбюджетные трансферты	172,4	198	149	94,2	110,2	90

* Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности предоставляются субъектам РФ, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых не превышает уровня, установленного в качестве критерия выравнивания расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

** В отличие от дотаций на выравнивание, рассчитывающихся жестко по формуле, дотации на сбалансированность – менее формализованный механизм поддержки субъектов РФ. Главная его цель – решение финансовых проблем регионов, которые не могут быть решены в рамках общей методики распределения дотаций на выравнивание.

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov/>

дальневосточных и общероссийских иных межбюджетных трансфертов стали разнонаправленными. В РФ в 2020–2021 гг. продолжался рост данного вида трансфертов, который привел к увеличению доли иных межбюджетных трансфертов в структуре трансфертов, получаемых региональными бюджетами, с 23,4% в 2019 году до 25,6% в 2021 году. На Дальнем Востоке резкий рост иных межбюджетных трансфертов в предпандемийный период сменился абсолютным сокращением их величины и падением удельного веса данного вида трансфертов в структуре трансфертных доходов дальневосточных региональных бюджетов с 27,2% в 2019 году до 17,8% в 2021 году (табл. 4).

На этом фоне рост субвенций объяснялся необходимостью решения проблем занятости в условиях кризиса (речь идет о средствах на выплаты пособий по безработице), поскольку выплата пособий по безработице относится к федеральным полномочиям.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности (самый прозрачный тип трансфертов) рассчитываются по формуле и в целом относительно стабильны по годам. Их рост в 2020 году находился на уровне 6–8%, что сопостави-

мо с инфляционными параметрами. Но это — именно та помощь, которая позволяет регионам самостоятельно распределять ее в соответствии с собственным видением региональных проблем. Как видно из данных таблицы 4, доля дотаций на выравнивание в сумме трансфертов дальневосточных регионов сокращалась с 52% в 2018 году до 42% в 2019 и 36,9% в 2020 году. В 2022 году она составила 35,8%. Дотации на сбалансированность относятся к форс-мажорным инструментам бюджетной политики (увеличиваются в период кризисов).

Таким образом, в пандемийный период доля дотаций на выравнивание, которые дальневосточные регионы могли бы тратить самостоятельно на собственные нужды, в общей величине трансфертов сократилась с 42,4 до 35,8%.

5. Кризис выявил отсутствие четких критериев в оказании «трансфертной помощи» регионам. Транспарентность (прозрачность) оказания помощи субъектам Федерации за время пандемийного кризиса ухудшилась, что фактически формирует антистимулы к региональному развитию, порождая стремление региональных правительств к лоббированию особых финансовых преференций со стороны федерального центра.

Таблица 4. Динамика объема и структуры трансфертов от других бюджетов бюджетной системы

Вид трансфертов	Объем, млрд рублей					
	2019		2020		2021	
	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ
Безвозмездные поступления (трансферты)	2453,1	360	3776	450,1	3676,4	464,1
Дотации, всего	924	180,5	1303,7	213,1	1021,9	197,6
В том числе:						
- дотации на выравнивание	675,3	152,7	717,9	165,9	718,3	166,3
- дотации на сбалансированность	248,7	27,9	585,8	47,2	303,6	61,3
Субсидии	557,5	50,2	1012,3	99,6	1194	140,4
Субвенции	396,6	31,7	606,2	45,5	519,6	43,4
Иные межбюджетные трансферты	575	97,6	853,8	91,9	940,9	82,7
Вид трансфертов	Доля, %					
	2019		2020		2021	
	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ
Безвозмездные поступления (трансферты)	100	100	100	100	100	100
Дотации, всего	37,7	50,1	34,5	47,3	27,8	42,6
В том числе:						
- дотации на выравнивание	27,5	42,4	19,0	36,9	19,5	35,8
- дотации на сбалансированность	10,1	7,8	15,5	10,5	8,3	13,2
Субсидии	22,7	13,9	26,8	22,1	32,5	30,3
Субвенции	16,2	8,8	16,1	10,1	14,1	9,4
Иные межбюджетные трансферты	23,4	27,2	22,6	20,5	25,6	17,8

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Причиной ситуации следует назвать ухудшение координации работ по оказанию помощи регионам федеральными структурами, поскольку региональные трансферты предоставляются территориям не только Министерством финансов, но и другими федеральными органами. Ухудшение транспарентности следует из анализа соотношения потерь бюджетов⁷ дальневосточных субъектов Федерации и объемов дополнительных трансфертов текущего года по сравнению с предшествующим.

Как свидетельствуют данные *таблицы 5*, за 2020 год собственные доходы бюджетов дальневосточных субъектов РФ увеличились лишь на 1,7 млрд рублей, а в регион были дополнительно «влиты» 101,7 млрд рублей федеральных трансфертов. При этом слабее всего на пике пандемии в 2020 году «помогли» Сахалинской области. Ей не только не компенсировали снижение на 14,5 млрд руб. собственных доходов в 2020 году по сравнению с 2019 годом, но и на 6,8 млрд руб. сократили величину трансфертов. Видимо, федеральные власти посчитали, что «богатая» нефтегазодобывающая область, как и горнодобывающий Чукотский автоном-

ный округ, которому уменьшили трансферт на 11,3 млрд рублей, сумеют самостоятельно решить возникшие финансовые проблемы, при том что, например, Якутия, Приморский и Хабаровский края по итогам 2020 года получили весьма значимые трансфертные компенсации за гораздо меньшие сокращения собственных доходов, чем Сахалинская область.

Улучшение экономической ситуации в 2021 году и, как следствие, увеличение собственных доходов регионов на 159,2 млрд рублей повлекли сокращение величины трансфертов на 26,1 млрд рублей в сравнении с 2020 годом, но свыше 38% от этой суммы помощи направлено в Республику Саха (Якутия), что трудно объяснить, поскольку Республика Якутия в 2021 году продемонстрировала самый значимый прирост собственных доходов бюджета среди дальневосточных регионов (72,4 млрд рублей). Вновь были «обойдены вниманием» Сахалинская область и Чукотский автономный округ. Подобная ситуация подтверждает тезис о нетранспарентности в условиях пандемии межбюджетных отношений, как и системы принятия решений о бюджетной помощи регионам в целом.

Таблица 5. Разница выпадающих собственных (налоговых и неналоговых) доходов консолидированных бюджетов субъектов Федерации и величины дополнительных трансфертов, млрд рублей

Регион	2020 в сравнении с 2019 (пик пандемии)		2021 в сравнении с 2020 (спад пандемии)	
	изменение собственных доходов	изменение величины трансфертов	изменение собственных доходов	изменение величины трансфертов
Дальневосточный федеральный округ	1,7	101,7	159,2	26,1
Республика Бурятия	0,0	14,6	9,2	1,9
Республика Саха (Якутия)	-6,1	32,3	72,4	10,7
Приморский край	-5,4	16,5	25,5	-0,3
Хабаровский край	-0,2	18,2	19,7	-4,9
Амурская область	9,8	11,8	6,6	6,8
Камчатский край	0,4	12,5	5,6	4,0
Магаданская область	7,0	2,6	5,0	-0,4
Сахалинская область	-14,5	-6,8	6,2	-2,7
Еврейская автономная область	0,1	5,9	1,0	2,3
Чукотский автономный округ	9,0	-11,3	-2,1	1,7
Забайкальский край	1,6	5,3	10,1	7,2

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

⁷ Потери бюджета («выпадающие доходы») – разница собственных доходов бюджета (налоговых и неналоговых) текущего года в сравнении с предыдущим годом.

Влияние пандемии на расходы региональных бюджетов отразилось в первую очередь в значительном увеличении расходов на здравоохранение. За время пандемии обнаружились серьезные различия в уровне оказания медицинской помощи, сложившиеся в регионах, что в реальности проявилось в дефиците ковидных коек во многих субъектах, особенно во вторую волну кризиса. Следующим приоритетом региональных бюджетов выступили проблемы социальной политики, социальной защиты населения (рост пособий по безработице, содержание детей и т. п.). Что касается другой значимой социальной статьи расходов региональных бюджетов – расходов на образование, то их рост во всех регионах сильно отставал от расходов на здравоохранение и находился в пределах инфляционных параметров.

Еще одним следствием ковидного кризиса явился рост несоциальных расходов. Речь идет об увеличении субсидирования коммунального хозяйства из региональных бюджетов, чтобы избежать повышения тарифов за ЖКХ в условиях снижения доходов населения. Кроме того, поскольку, несмотря на пандемию, регионы продолжали реализовывать национальные проекты, получая под эти жестко определенные цели субсидии, то суммарный объем субсидий (целевых трансфертов) увеличился в дальневосточных регионах за 2019–2021 гг. на 90,2 млрд рублей, или в 2,8 раза в сравнении с 2019 годом. При этом дотации на выравнивание (нецелевые, наиболее «желанные» региональными органами власти трансферты) возросли менее чем в 1,09 раза, увеличившись за 2019–2021 гг. лишь на 13,6 млрд рублей.

Заключение

Эпидемия коронавируса еще не завершилась. Для Дальнего Востока наиболее значимое влияние на состояние региональных бюджетов оказали первая и вторая волны эпидемии. Данные за 2021 год выявили определенное демпфирование воздействия третьей и четвертой волн эпидемии на региональную бюджетную систему через систему межбюджетных трансфертов. Итоги 2022 года могут уточнить влияние ковидных ограничений, однако можно ожидать, что основные тенденции и потенциальные риски уже определены. Максимально значимым для Дальнего Востока и его региональной бюджетной системы оказался удар

первой волны. Из-за локдауна в наибольшей мере пострадали регионы нефте- и газодобычи (Сахалинская область), а также добывающей специализации (Камчатский и Забайкальский края, Республика Бурятия). Вторая волна коронавируса спровоцировала падение на 5,1% доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов в 1 квартале 2021 года, что было обусловлено снижением на 31% поступления налога на прибыль в республиканский бюджет Якутии и сокращением на 70% поступления данного налога в бюджет Сахалинской области при одновременном торможении политики трансфертной накачки регионов Дальнего Востока.

В целом на Дальнем Востоке регионы выходят из коронавирусного кризиса с разной скоростью. Быстрее восстанавливаются регионы, специализирующиеся на обрабатывающей промышленности, у добывающих регионов процесс идет медленнее. Главным условием преодоления бюджетного кризиса стал масштабный рост федеральной помощи, позволивший большинству субъектов компенсировать потери собственных бюджетных доходов.

Влияние третьей и четвертой волн коронавирусного кризиса на экономику Дальнего Востока и региональную бюджетную сферу можно оценить в целом как слабое. Продолжилась стагнация добывающих отраслей, в результате в анализируемом периоде (2020–2021 гг.) проблемы формирования налоговой базы отмечались у большинства добывающих регионов. Как следствие, можно прогнозировать, что состояние региональных бюджетов будет в большей мере зависеть от трансфертной поддержки федерального центра.

В то же время проявилось отсутствие четких критериев в оказании «трансфертной помощи» регионам. Транспарентность (прозрачность) оказания помощи субъектам Федерации за время пандемийного кризиса ухудшилась, что может привести к формированию антистимулов к региональному развитию, порождая стремление региональных правительств к лоббированию особых финансовых преференций со стороны федерального центра.

Регионы, несмотря на пандемию, продолжают выполнять национальные проекты и получают под эти цели субсидии. Суммарный объем субсидий увеличился в дальневосточ-

ных регионах за 2020–2021 гг. на 90,2 млрд рублей, или в 2,8 раза в сравнении с 2019 годом. При этом дотации на выравнивание возросли лишь в 1,09 раза. Это означает, что фактически предпринимаемые меры по стимулированию бюджетной политики в одиннадцати дальневосточных субъектах Федерации слабо способствуют созданию условий для перспективной посткризисной модернизации экономик, нацеливаясь главным образом на решение текущих проблем формирования доходной части региональных бюджетов.

Результаты выполненного исследования вносят вклад в выявление практико-ориенти-

рованных аспектов преодоления внеэкономических шоков пандемии коронавируса для региональных бюджетов дальневосточного макрорегиона, позволяют аргументировать необходимость совершенствования подходов к оказанию трансфертной помощи проблемным субъектам, сделав ее более «прозрачной» для региональных правительств. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения означенных позиций в деятельности органов государственной власти при решении проблем в реализации межбюджетной политики в дальневосточном макрорегионе России.

Литература

- Аганбегян А.Г., Порфирьев Б.Н., Широков А.А. (2021). О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 227. № 1. С. 193–213.
- Гулидов Р.В. (2021). К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России // Пространственная экономика. Т. 17. № 4. С. 143–167. DOI: 10.14530/se.2021.4.143-167
- Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии) (2021) / отв. ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 200 с.
- Дерюгин А.Н. (2020). Региональные бюджеты в условиях кризиса // Экономическое развитие России. № 12. С. 74–77.
- Зубаревич Н.В. (2021a). Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. № 1 (10). С. 48–60. DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10104
- Зубаревич Н.В. (2021b). Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // Региональные исследования. № 1 (71). С. 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4
- Зубаревич Н.В. (2020). Региональные риски нового кризиса для занятости и бюджетов регионов // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. Москва: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара». С. 3–13.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2020). Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. № 2(68). С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1
- Кузнецова О.В. (2020). Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. № 2. С. 20–38.
- Леонов С.Н. (2021). Стимулирование предпринимательской активности: инвестиционные полюса // Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики: монография / отв. редакторы П.А. Минакир, С.Н. Найден. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. С. 23–44.
- Леонов С.Н. (2018). Состояние и особенности размещения малого предпринимательства по регионам России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 103–119. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.7
- Леонов С.Н. (2020). Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территории. № 1(105). С. 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7
- Лола И.С. (2020). Рискоустойчивость организаций реального сектора экономики и сферы услуг в условиях пандемии COVID-19 // Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. № 8. С. 15–24. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321841.pdf>

- Милячаков М.В. (2020). Реализация национальных проектов в регионах в условиях противодействия коронавирусной инфекции // *Финансовый журнал*. Т. 12. № 3. С. 28–47. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-28-47
- Милячаков М.В. (2021). Реализация приоритетов регионального развития в условиях пандемии // *Финансовый журнал*. Т. 13. № 2. С. 93–113. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-93-113
- Минакир П.А. (2020). Экономика пандемии: дальневосточный аспект // *Пространственная экономика*. Т. 16. № 4. С. 7–22.
- Пухов С.Г. (2020). Опережающие индикаторы на пути к восстановлению экономического роста // *Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ*. № 9. С. 4–14. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321808.pdf>
- Рязанцева Н.В., Пашенко Ф.С., Борель А.Э. (2020) Направления взаимодействия с регионами // *Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ*. № 2. С. 90–103. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/366627594.pdf>
- Уральский федеральный округ: кризис и устойчивость в 2020 году (2021) / под общ. ред. д-ра экон. наук Ю.Г. Лавриковой; Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 154 с.
- Чернявский А. (2021). Бюджет. COVID в регионах // *Комментарии о государстве и бизнесе*. № 345. Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/392007105.pdf>
- Чернявский А.В. (2020). Кризис сократил бюджетные доходы и увеличил расходы // *Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ*. № 10. С. 4–9. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321798.pdf>
- Bouckaert G., Galli D., Reiter R., Kulhmann S., Van Hecke S. (2020). European coronationalism? A hot spot governing a pandemic crisis. *Public Administration Review*, 80(5), 765–773. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/puar.13242>
- Maggetti M., Trein P. (2022) Policy integration, problem-solving, and the coronavirus disease crisis: Lessons for policy design. *Policy and Society*, 41(1), 53–67. Available at: <https://academic.oup.com/policyandsociety/article/41/1/53/6503310>

Сведения об авторе

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

Assessing the Impact of the Coronavirus Pandemic on the Condition of Regional Budgets: The Far Eastern Aspect

Abstract. The purpose of the work is to determine major features and consequences of mitigating the adverse effects of a noneconomic shock caused by the 2020–2021 coronavirus pandemic in the process of implementing the regional budget policy of RF constituent entities within a large macroregion, the Far East of Russia. We analyze the impact of the pandemic on the budget revenues of Far Eastern regions, estimate changes in the dependence of regional budgets on federal transfers. We show changes in the level of transparency in intergovernmental fiscal relations in the macroregion and the extent of autonomy of the authorities of Far Eastern constituent entities of the Russian Federation in decision-making during the crisis period in terms of the formation of regional budgets. To identify statistical patterns, we use general scientific methods based on official data from the RF Federal Treasury, the RF Ministry of Finance, and regional authorities of Russia's Far Eastern constituent entities. We show that in the Far East, the first and second waves of the epidemic had the most significant impact on regional budgets, and the pace of overcoming the coronavirus crisis was different in various regions. Regions specializing in the manufacturing industry are recovering faster; the process is slower in mining regions. The main condition

for overcoming the budget crisis was a large-scale increase in federal aid, which allowed most regions to compensate for the loss of their own budget revenues. The impact of the third and fourth waves of the coronavirus crisis on the economy of the Far East and the regional budget sphere as a whole is assessed as weak. Mining industries continued to stagnate; as a result, in the analyzed period of 2020–2021, problems related to forming the tax base were noted in the majority of mining regions. Thus, we may predict that the state of regional budgets will depend more on the transfer support from the federal center. We reveal the absence of clear criteria in the provision of transfer support to the regions. Transparency of the aid provided to RF constituent entities has deteriorated during the pandemic crisis, which may lead to the emergence of adverse factors in regional development due to the desire of regional governments to lobby for special financial preferences from the federal center. The novelty of the research is due to the fact that we consider the aforementioned range of issues while comparing federal trends and the situation in the Far East under the increasing pressure of external noneconomic shocks caused by the lingering coronavirus pandemic. The materials of the article can be used in the educational sphere and in the work of state authorities at the federal and regional levels to improve budget policy.

Key words: coronavirus pandemic, regional budget policy, Far East.

Information about the Author

Sergey N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Статья поступила 20.09.2022.

Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты

Андрей Васильевич

ПОПОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-4803-1354; ResearcherID: I-8785-2016

Аннотация. Последствия прекаризации занятости являются предметом активного обсуждения в научной литературе. Несмотря на новизну тематики, буквально за последнее десятилетие было опубликовано большое количество работ, в которых обосновывалось негативное влияние данного процесса на трудовую и повседневную жизнь работников. При этом возрастная специфика не нашла широкого отражения в исследованиях: как правило, авторы делают акцент на населении в целом или его отдельных категориях, например молодежи. В связи с этим в статье поставлена цель провести анализ и обобщение существующего опыта изучения влияния прекаризации занятости на поколенные группы экономически активного населения. Для этого мы рассмотрели положение работников молодого, среднего и старших возрастов, вовлеченных в неустойчивые трудовые отношения. Информационную базу составили отечественные и зарубежные источники эмпирической направленности, работа с которыми проводилась посредством общенаучных методов. Полученные результаты показали, что влияние прекаризации занятости на поколенные группы населения имеет серьезную специфику. Для молодых людей нестабильность работы главным образом сказывается на планировании собственного будущего, вынуждая откладывать на потом вопросы создания семьи и рождения детей, ухода из родительского дома и т. д. Затянувшийся транзит к стабильной занятости наносит вред психическому здоровью, что сильнее всего проявляется в зрелом возрасте, когда неустойчивость становится частью повседневной жизни. Выбраться из «ловушки нестабильности» бывает сложно, поскольку низкие заработки и социальная незащищенность ограничивают возможность изменить текущее положение

Для цитирования: Попов А.В. (2022). Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.10

For citation: Popov A.V. (2022). Implications of precarization in the context of generational groups: Direct and indirect effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 167–181. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.10

вещей. Последствия прекаризации занятости для пожилых людей носят неоднозначный характер. Однако даже с учетом всех недостатков неустойчивых трудовых отношений наличие хоть какой-нибудь работы зачастую является необходимостью для поддержания привычного образа жизни. Основное ограничение проведенного исследования заключается в обобщении информации, полученной с использованием различных понятийных конструкций и методического инструментария.

Ключевые слова: прекаризация, неустойчивая занятость, поколенные группы, рынок труда, нестандартная занятость, уровень жизни, молодежь, среднее поколение, пожилые.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01043 (<https://rscf.ru/project/22-28-01043/>) в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова.

Введение

Переход человечества к информационному обществу оказывает существенное воздействие на занятость населения. Наиболее заметно это проявляется в индустриально развитых странах, где еще столетие назад были сформированы общие принципы, определяющие характер взаимоотношений между субъектами рынка труда. Речь идет о стандартной модели занятости, под которой понимается «*занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров*» (Гимпельсон, Капелюшников, 2005, с. 3). Такие условия наилучшим образом подходили для массового выпуска продукции и удовлетворения потребностей промышленности в квалифицированных кадрах. При этом наемные работники, объединенные профсоюзным движением, отличались социальной защищенностью и возможностью отстаивать свои трудовые права. Как бы то ни было, дальнейшее развитие технологий и ряд других факторов привели к тому, что на первый план вышел третичный сектор экономики, занятость в котором превысила 70% в странах с высоким уровнем дохода (50% в мире)¹. Лейтмотивом современности становится гибкость, которая находит отражение в распространении срочных трудовых договоров и неформальных трудовых отношений, сокращении продолжительности рабочего

времени и т. д. В свою очередь нестандартные формы занятости (временная, неполная, удаленная, самозанятость и др.), зачастую используемые работодателями для быстрой адаптации к последствиям финансово-экономических кризисов², приобретают все большую популярность как перспективный способ организации трудовой жизни, в т. ч. благодаря раскрытию потенциала цифровых платформ. Согласно оценкам, в странах ОЭСР свыше половины рабочих мест, созданных в 1995–2013 гг., были нестандартными. На конец рассматриваемого периода их совокупная доля достигла порядка 33%³. Таким образом, происходит становление новой парадигмы занятости, свойственной очередному этапу общественного развития (Кастельс, 2000, с. 200).

Вместе с тем многообразие практик участия населения в оплачиваемой трудовой деятельности, часть из которых не имеет социальных гарантий или плохо поддается правому регулированию (например, самозанятость), способствует усилению различий в качестве занятости. На фоне флексибилизации рынка труда и глобальной неопределенности качество занятости все чаще зависит от устойчивости положения работника. Подобный дискурс получил

¹ Employment in services (% of total employment) (modeled ILO estimate). World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS> (accessed 10.08.2022).

² Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (accessed 10.08.2022).

³ In It Together: Why Less Inequality Benefits All. OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/in-it-together-why-less-inequality-benefits-all_9789264235120-en (accessed 10.08.2022).

развитие в теории прекаризации, акцентирующей внимание на вопросах дестабилизации общества, где ключевая роль отводится *эрозии ранее гарантированных условий стандартной занятости*⁴ (Неустойчивая занятость..., 2018, с. 32). Негативные последствия данного процесса многогранны и проявляются как на индивидуальном, так и на организационном (несмотря на возможность извлечения ситуативной выгоды) и общественном уровнях (Попов, Соловьева, 2019). При этом в отчетах Международной организации труда подчеркивается, что *признаки прекарности могут наблюдаться и в рамках стандартной модели занятости, в то время как далеко не все гибкие ее формы приводят к социальной уязвимости*⁵. В этом плане устойчивость положения работников обуславливается не только *типом контрактных соглашений* (по сроку и природе трудовых отношений), но и *конкретными условиями труда* (размер заработной платы, доступ к механизмам социальной защиты и т. д.)⁶.

Как показывают исследования, для населения развитых стран нестандартная занятость является весьма распространенным способом выхода на рынок труда (Kapsalis, Tourigny, 2005), а также рассматривается как промежуточный этап на пути к более благоприятным условиям труда (Gash, 2008). Однако осуществить такой переход получается далеко не всегда, в результате чего можно оказаться в «ловушке нестабильности», ограничивающей возможности улучшения позиции на рынке труда и в обществе. Нахождение в такой ситуации по-разному сказывается на работниках в зависимости от продолжительности трудовой карьеры. Для одних это может быть началом профессионального пути, когда основную ценность представляет

сам факт начала трудовой деятельности, а для других – удобным случаем, чтобы подзаработать на пенсии. В связи с этим *фактор возраста имеет едва ли не важнейшее значение при анализе последствий прекаризации занятости*, если оставить за рамками повествования наименее конкурентоспособные группы на рынке труда (женщины с маленькими детьми, люди с ОВЗ, иностранные мигранты и др.). В частности, неустойчивость трудовых отношений может стать серьезным препятствием для молодых людей на пути к взрослой жизни: обретению финансовой независимости, уходу из родительского дома, созданию семьи, рождению детей (Miguel Carmo et al., 2014) и т. д. Даже цифровые платформы, столь популярные среди молодежи, не сильно сглаживают проблему, поскольку значительное число их сотрудников лишены социального обеспечения, а также подвергались или были свидетелями дискриминации или домогательств⁷. Опыт России свидетельствует о том, что переход от учебы к стабильной или удовлетворительной занятости может достигать порядка 4 лет в случае, когда это не получилось сделать с первого раза (Российская молодежь..., 2016, с. 63–64).

Цель нашего исследования заключается в анализе и обобщении отечественного и зарубежного опыта изучения влияния прекаризации занятости на поколенные группы экономически активного населения. Для этого мы рассмотрим положение работников молодого, среднего и старшего возрастов, которые имеют неустойчивые трудовые отношения.

Степень проработанности проблемы

Тематика прекаризации занятости стала предметом активного обсуждения в научной литературе с начала 2000-х годов, когда распространение «нестандартных» рабочих мест в индустриально развитых странах привело к обострению вопросов социальной защищенности работников. Этому также способствовали кризисы последующих лет и замедление темпов экономического роста, вынуждающие хозяйствующие субъекты сокращать издержки,

⁴ Barbier J.-C. «Employment precariousness» in a European cross-national perspective. A sociological review of thirty years of research. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00654370/document> (accessed 10.08.2022).

⁵ Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (accessed 10.08.2022).

⁶ From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (accessed 10.08.2022).

⁷ World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. ILO. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749/lang--en/index.htm (accessed 10.08.2022).

в т. ч. на рабочую силу. Несомненный прорыв в исследовании и популяризации феномена прекаризации связан с именем Г. Стэндинга, опубликовавшего в 2011 году книгу «The Precariat. The New Dangerous Class» (Standing, 2011), в которой ученый изложил свои взгляды на классовую структуру нового общества. Одной из особенностей этого времени является возникновение *прекариата* — многочисленной социально-экономической группы (затрагивает около четверти взрослого населения), лишенной большинства прав и гарантий. В таких случаях принято говорить об имманентной нестабильности, препятствующей реализации трудовых и жизненных планов. Подобные идеи нашли широкий отклик в отечественной социологии, углубившей представления о теории и методологии изучения прекариата, масштабах и специфике его формирования в России (Голенкова, Голиусова, 2013; Шкаратан и др., 2015; Прекариат..., 2020). Как правило, в предложенных авторами подходах и оценках наблюдаются существенные различия, что связано с отсутствием четких критериев классообразования.

Наряду с этим для анализа процесса прекаризации занятости используется категория «*неустойчивая занятость*»⁸, прочно вошедшая в научный обиход благодаря работам Дж. Берджесса, Л. Воско, А.Л. Каллеберга, И. Кэмпбелла, Г. Роджерса, Дж. Фадж и др. В отличие от устоявшейся терминологии она характеризует не какие-то конкретные формы трудовых отношений или их сочетание (впрочем, некоторые из них используются при выявлении общих тенденций и закономерностей (Cranford et al., 2003; Kim et al., 2008)), а скорее описывает состояние (Бобков, Черных, 2014, с. 30), при котором работник подвергается уязвимости и социальной незащищенности, связанными с особенностями организации трудового процесса⁹. Обычно здесь имеются в виду как *объективные предпосылки* (отсутствие или ограниченность социальных гарантий, низкий уро-

вень оплаты труда, неформальность занятости и т. д.), так и *субъективные оценки* (невозможность отстаивать свои трудовые права, обеспокоенность угрозой потерять работу, неудовлетворенность условиями труда и др.). Кроме того, все большее внимание уделяется *фактору вынужденности* (Неустойчивая занятость..., 2018, с. 6; Одегов, Бабынина, 2018, с. 393), который позволяет отделить неустойчиво занятых от тех, кто добровольно выбрал такой путь для достижения собственных целей. Хотя на практике провести раздел бывает достаточно сложно.

С определенной долей условности можно сказать, что неустойчивая занятость является основанием отнесения работников к числу прекариев, однако такие параллели следует проводить весьма осторожно, поскольку последние могут включать в себя и другие категории населения. Как бы то ни было, каждый из обозначенных концептов является самостоятельным в контексте изучения последствий феномена прекаризации. И если в англоязычной научной литературе чаще упоминается неустойчивая занятость, то в русскоязычной — прекариат¹⁰. При этом понятийный аппарат регулярно смешивается, в результате чего имеющиеся различия в исследовательских направлениях становятся не столь заметны с содержательной точки зрения.

В рамках тематики прекаризации особое место занимают работы, посвященные изучению ее эффектов в контексте перспектив занятости населения, обеспечения достойного уровня и качества жизни. В силу ограниченности официальной статистики чаще всего приходится иметь дело с данными, получение которых требует проведения конкретных эмпирических исследований (массовые опросы, углубленные интервью и т. д.), что является весьма трудоемкой задачей. Именно таким образом были выявлены закономерности, касающиеся негативного влияния рассматриваемого процесса на материальное благополучие, состояние здоровья, репродуктивные планы, возможность повышения квалификации, социальную инклюзию¹¹ и т. д.

⁸ Мы используем термин «неустойчивая занятость», поскольку именно он получил наибольшее распространение в русскоязычной литературе (согласно данным о ключевых словах в системе РИНЦ).

⁹ Kalleberg A.L. Measuring Precarious Work. URL: https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/voices.uchicago.edu/dist/5/1068/files/2018/05/einet_papers_kalleberg-lowgfyfz.pdf (accessed 10.08.2022).

¹⁰ Согласно данным Google Scholar (<https://scholar.google.com/>).

¹¹ The Precarity Penalty. The impact of employment precarity on individuals, households and communities — and what to do about it. PEPSO. URL: https://pepsouwtf.files.wordpress.com/2012/12/precarity-penalty-report_final-hires_trimmed.pdf (accessed 10.08.2022).

В этом отношении вопросам здоровья отводится едва ли не приоритетное значение в узкоспециализированных публикациях, где обосновывается взаимосвязь неустойчивости положения работников с усталостью, нарушением сна и диеты, стрессом, мышечной болью (Benavides et al., 2000; Bohle et al., 2004) и другими аспектами. Данные проблемы также находят отражение в разрезе отдельных социально-демографических групп населения, хотя, если они не входят в предметную область исследования, то упоминаются лишь вскользь.

Как было сказано ранее, фактор возраста представляет большой интерес при анализе последствий прекаризации занятости, поскольку позволяет не только выявить особенности положения поколенных групп, но и определить их перспективы как на рынке труда, так и за его пределами. В научной литературе встречаются отдельные исследования, в которых затрагиваются вопросы субъективного благополучия работников различного возраста (Jetha et al., 2020; Кученкова, 2022), однако в основном делается акцент на какой-то одной категории населения. Мы бы хотели проанализировать и обобщить существующий опыт в этой области, что может способствовать лучшему пониманию многогранности последствий прекаризации занятости и возможных направлений по их преодолению.

Материалы и методы

При проведении исследования мы обратились к отечественной и зарубежной научной литературе, посвященной влиянию прекаризации занятости на поколенные группы работников, а именно молодое, среднее и старшее поколение. Такое разделение отражает важнейшие этапы жизненного пути человека, связанные с выходом на рынок труда, профессиональной зрелостью и завершением трудовой карьеры, что в конечном итоге определяет динамику материального благополучия населения (Бобков, Одинцова, 2021, с. 18). Несмотря на гетерогенность информационной базы (в т. ч. по территориальному признаку), мы намеренно говорим о поколенных группах, формирование которых произошло в один хронологический период времени. Предложенный подход идет вразрез с некоторыми положениями теории поколений, однако, по нашему мнению, может быть реализован в рамках настоящего исследования, поскольку сам феномен прекаризации

не только является относительно новым для науки и практики, но и присущ, прежде всего, наиболее развитым странам, имеющим много общего в плане обеспечения условий для занятости населения. В свою очередь термин «возрастные группы» употребляется нами в качестве синонима.

Различия в понятийном аппарате и методических подходах (в т. ч. в части обоснования возрастных границ) не учитывались нами в анализе, что может накладывать ограничения на полученные выводы. Так, в одних публикациях выделяют признаки прекарности, характеризующие условия труда с объективной и субъективной точек зрения, а в других — наименее устойчивые формы трудовых отношений (прежде всего временная и неполная занятость). И в том, и в другом случае зачастую используется эталон, представляющий собой некий набор черт, свойственный стандартной модели занятости. Как правило, такое происходит, когда в качестве информационной базы выступают анкетные опросы, данные которых позволяют проводить сравнительный анализ и количественно оценивать параметры выявленных закономерностей. В этом плане качественные методы (в основном фокус-группы и глубинные интервью), также активно применяемые для изучения последствий прекаризации, дают возможность более детально подойти к вопросу раскрытия причинно-следственных связей. Все это накладывает серьезный отпечаток на характер полученных результатов, которые весьма сложно подвести под общий знаменатель. Схожим образом обстоят дела с межстрановыми особенностями, вносящими свои коррективы в понимание всей полноты и глубины возникающих эффектов.

Отбор источников осуществлялся в период с 15 июля по 2 августа 2022 года сплошным методом (в т. ч. без учета отраслевой принадлежности и года публикации работ) при помощи баз данных Google Scholar, Scopus, Web of Science и РИНЦ, а также поисковой системы Google. Поисковые запросы состояли из слов «прекаризация», «неустойчивая занятость» и «прекариат» (на английском языке — «precarization», «precarious work», «precarious employment» и «precariat»). Выборочная совокупность составила 112 работ, большинство из которых было опубликовано в последнее десятилетие (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика начальной выборки

	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Отобрано работ, ед.	61	16	35
Годы публикаций, гг.	1999–2022	2000–2022	2005–2022
Доля работ, опубликованных после 2010 года, %	94,4	76,9	93,5
Доля источников на русском языке, %	53,7	61,5	32,3
Примечание: работы, в которых затрагивалось несколько поколенных групп, учитывались по отдельности (двойной счет). Источник: составлено автором.			

В дальнейшем литература «вручную» просматривалась на предмет наличия информации о последствиях прекаризации занятости для работников различных возрастных групп. При этом основной акцент был сделан на *косвенных эффектах*, выходящих за рамки существенных признаков рассматриваемого феномена (низкая зарплата, отсутствие социальных гарантий, призрачные профессиональные перспективы и т. д.), который сам по себе имеет негативную коннотацию¹². Для этого мы провели контент-анализ текста работ, в результате чего в итоговую выборку были включены те из них, где выявленные взаимосвязи *подтверждены эмпирически*. При подготовке текста статьи применялись общенаучные методы исследования.

Результаты исследования

Молодое поколение. В вопросах влияния прекаризации занятости на положение работников центральное место отводится молодежи. Ее изучению посвящено большое количество научных трудов, в которых заостряется внимание на процессе перехода от учебы к оплачиваемой работе. Данный этап в жизни молодых людей сопряжен со множеством сложностей (недостаток опыта работы и квалификации, высокие материальные притязания и т. д.), препятствующих успешному трудоустройству. Неслучайно уровень молодежной безработицы в разы выше,

¹² В соответствии с принятым подходом процесс прекаризации занятости рассматривается нами сугубо в негативном контексте, поскольку неустойчивость положения работника зачастую носит не добровольный характер (как это бывает, например, с гибкими формами занятости), а является следствием вынужденных обстоятельств. Как правило, возможные выгоды, которые в основном извлекает работодатель (Попов, Соловьева, 2019, с. 188), ситуативны и на длинной дистанции не играют большой роли.

чем среди взрослого населения¹³. В результате многие вынуждены соглашаться на неблагоприятные условия труда, лишь бы иметь хоть какую-нибудь работу, что особенно важно в периоды социально-экономической нестабильности. Нестандартные формы занятости, не говоря уже о неформальном секторе (Вольчик, Маслюкова, 2020), приобретают роль «оплота» при выходе на рынок труда (Paradakis et al., 2021). Отсутствие альтернативы приводит к тому, что чувство неопределенности воспринимается молодым поколением как часть взросления, очередная ступень на пути к устойчивому будущему (Burrows, 2013, p. 14; Eckelt, Schmidt, 2014, p. 145–146). Однако далеко не всегда этот транзит бывает легким.

Согласно данным лонгитюдного исследования, проведенного в Германии, лишь около четверти молодых людей осуществляют быстрый переход к постоянной и гарантированной работе, который в среднем составляет один год (Stuth, Jahn, 2020). Все остальные могут быть объединены в 5 кластеров («dropout / прекращение обучения», «express / экспресс», «return / возвращение», «slow transition / медленный переход» и «family / семья»), в зависимости от чего продолжительность неустойчивых трудовых отношений будет меняться. Например, для молодых мужчин, выбравших траекторию ранней занятости, она будет составлять почти 8 лет, а для девушек, которые досрочно прекратили обучение или вернулись к учебе, чтобы повысить квалификацию и избежать таким образом социальной незащищенности, порядка 3 лет.

¹³ Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_737648.pdf (accessed 10.08.2022).

Как правило, с неустойчивой занятостью молодежь сталкивается еще в студенчестве, совмещая учебу с подработками, которые могут принимать самые разные формы (от случайных заработков до работы неполный день). Такая практика широко распространена во всем мире и позитивно воспринимается молодыми людьми, поскольку позволяет им не только получить необходимый опыт работы, но и приблизиться к обретению финансовой независимости. Обратная сторона ранней занятости заключается в ухудшении академической успеваемости и снижении количества времени, затрачиваемого на учебу, что может подталкивать к попаданию в «ловушку нестабильности» (Sršen, Dizdarević, 2014, p. 165–166). Впоследствии возможно формирование *прекарного габитуса*, характеризующего стиль жизни индивида, где неопределенность является ее неотъемлемой частью (Тартаковская, Ваньке, 2019, с. 110–111). Последствия таких преобразований сложно переоценить.

Прекаризация занятости несет в себе множество негативных эффектов, затрагивающих как трудовую, так и повседневную жизнь молодежи. И если в первом случае влияние не столь заметно (Кученкова, 2022, с. 115–116), поскольку первый выход на рынок труда сам по себе имеет множество преимуществ, о которых говорилось выше, то во втором — носит исключительно деструктивный характер. В частности, словенскими учеными установлено, что вовлеченность в неустойчивые трудовые отношения оборачивается для молодого поколения более высокими показателями неудовлетворенности жизнью, частоты симптомов тревоги и депрессии, а также эмоционального истощения, которое в свою очередь приводит к внутреннему выгоранию (Umicević et al., p. 239). Такие состояния связывают с экстремальными требованиями, предъявляемыми к психическому здоровью молодых работников, что оборачивается избыточными нагрузками и стрессом.

Необходимость постоянно думать о «настоящем» из-за навязчивого чувства незащищенности отрицательно сказывается на способности принимать взрослые решения, планировать собственное будущее и принимать на себя обязательства, в т. ч. в вопросах создания семьи. Подобные заявления были сделаны молоды-

ми учеными, занимающими позиции в крупном австралийском университете на условиях временного или срочного контрактов, в ходе углубленных интервью (Bone, 2019). Это позволило авторам исследования заключить, что неустойчивая занятость существенно ограничивает переход к взрослой жизни вне зависимости от образовательных достижений или престижа профессий. Схожие выводы наглядно представлены и в других публикациях (Chan, Tweedie, 2015; Lewchuk, 2017;), где с помощью количественных и качественных методов также было обосновано желание молодежи отложить рождение детей в силу невозможности обеспечения их должным уходом (как в материальном плане, так и в плане доступа к базовым социальным гарантиям, свободного времени и т. д.).

Обозначенные аспекты вызывают наибольший интерес в исследовательской среде, что обусловлено долгосрочным характером последствий прекаризации занятости и сложностью найти стабильную работу для молодых людей. Иные стороны их жизни затрагиваются гораздо реже. В отдельных работах можно увидеть, например, попытки оценить влияние неустойчивой занятости на участие в выборах, однако эмпирические данные свидетельствуют об отсутствии взаимосвязи (наиболее сильная корреляция наблюдается с показателем автономности работы) (Robert et al., 2017, p. 133).

Среднее поколение. В отличие от молодежи когорте среднего возраста практически не уделяется внимания в научных источниках. Это обусловлено тем, что она считается наименее уязвимой с точки зрения возможностей удовлетворения своих потребностей и необходимости социальной поддержки. Как и в случае с населением в целом, к представителям среднего поколения применим достаточно широкий спектр негативных проявлений прекаризации занятости, среди которых снижение материальной обеспеченности, социальной защищенности, ухудшение состояния здоровья, рост неопределенности в отношении личностных/семейных и профессиональных перспектив (Попов, Соловьева, 2019, с. 185–187).

В немногочисленных исследованиях по данной тематике показано, что зрелые работники характеризуются наиболее стабильной занятостью (Кученкова, 2022, с. 111–113).

Однако именно они испытывают самую сильную неудовлетворенность работой и жизнью, когда трудовые отношения становятся менее устойчивыми, что также приводит к росту обеспокоенности относительно неясности в оплате труда и к жалобам на плохие условия труда. По всей видимости, причины этого кроются в обязательствах (бытовых, семейных, финансовых, имущественных и т. д.), от которых попросту нельзя отказаться. Впрочем, наличие определенного бремени как раз может побуждать к быстрому поиску работы, обеспечивающей необходимый уровень заработка. На практике это может обернуться лишением всех социальных гарантий и полным бесправием работника, вынужденного мириться со сложившейся ситуацией.

Как уже было сказано ранее, прекаризация занятости оказывает серьезное воздействие на процессы перехода к взрослой жизни. Отсутствие социальных гарантий и возможностей для карьерного роста, нестабильность в оплате труда приводят к трудностям в создании семьи (Piotrowski et al., 2015). Исследования показывают, что нестабильность трудовых отношений заметно снижает вероятность реализации репродуктивных намерений, особенно для женщин с высоким уровнем образования (Pailhe, Solaz, 2012). Длительное нахождение в статусе случайно занятых для женщин к 35 годам сокращает шансы на рождение первенца (Steele et al., 2014, p. 158).

Негативное влияние прекаризации занятости проявляется и в снижении здоровья среднего поколения. Данные проспективного когортного исследования Whitehall II, начатого в Лондоне среди офисного персонала в возрасте 35–55 лет в 1985 году, свидетельствуют о том, что работники, длительно находившиеся в состоянии нестабильности, имели самые высокие уровни заболеваемости, в частности сердечно-сосудистыми патологиями (Ferrie et al., 2002, p. 451–452). С другой стороны, даже если в период трудоспособности люди не испытывали видимых проблем, будучи вовлеченными в неустойчивую занятость, то по достижении ими старших возрастов это может сказаться на состоянии здоровья, снижении доступа к медицинской помощи, размере пенсии. Так, длительная неформальность трудовых отно-

шений имеет негативные последствия в виде «серых» пенсий, когда страховой стаж и объем официальных отчислений недостаточны для пенсионных накоплений¹⁴. Кроме того, в силу отсутствия уверенности в завтрашнем дне может развиваться склад ума, препятствующий долгосрочному планированию¹⁵ (Vulnerable workers..., 2010, p. 45), что не может не сказаться на материальном и духовном благополучии человека.

Особенно уязвимой является категория предпенсионеров. Для того чтобы сохранить работу и, как минимум, доработать до пенсии, им приходится мириться с переходом на частичную занятость или менее квалифицированную работу, снижением оплаты труда, ограничением служебного продвижения (Черных и др., 2020, с. 1183–1184) и т. д. Работники старше 50 лет в большей степени подвергаются опасности долгосрочной безработицы¹⁶. В связи с этим выход на заслуженный отдых может отягощаться целым рядом проблем, вызванных неустойчивостью трудовых отношений.

Старшее поколение. Пожилые люди традиционно относятся к социально уязвимым категориям населения¹⁷, что по сравнению с другими возрастными группами проявляется в более низких показателях здоровья, уровня дохода, доступа к получению различных благ и т. д. По причине снижения ресурса здоровья старшее поколение обладает относительно невысокой производительностью и значительными экономическими потребностями (Aisa et al., 2012). Однако на практике это может компенсироваться наличием профессиональных навыков и опыта.

¹⁴ Малышева Е., Копалкина Е. После серой зарплаты пришла серая пенсия // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/03/31/10605221.shtml> (дата обращения 10.08.2022).

¹⁵ Vulnerable Workers and Precarious Work. Toronto: Law Commission of Ontario, 2010. 82 p. P. 45.

¹⁶ Unemployment and employment support. The Centre for Ageing Better. URL: <https://ageing-better.org.uk/unemployment-employment-support> (accessed 10.08.2022).

¹⁷ Integrating Social Services for Vulnerable Groups. Bridging Sectors for Better Service Delivery // OECD. URL: <https://www.oecd.org/els/integrating-the-delivery-of-social-services-for-vulnerable-groups-9789264233775-en.htm> (accessed 10.08.2022).

Решение о продолжении трудовой деятельности в пенсионном возрасте принимается под влиянием не только состояния здоровья, но и ряда иных факторов, таких как уровень материального благосостояния, удовлетворенность условиями труда, желание работать дальше и др. Если за рубежом, в частности в Европе, пожилые люди, как правило, не настроены продолжать работать после выхода на пенсию¹⁸, то в условиях российской действительности в большинстве своем работа на пенсии носит вынужденный характер. В основном это обусловлено неудовлетворительным пенсионным обеспечением и стремлением сохранить приемлемый уровень жизни¹⁹.

С точки зрения уязвимости пожилые люди зачастую сталкиваются с явной и скрытой дискриминацией на рынке труда (Иванова, 2019), характеризующейся ограничениями при приеме на работу, установлении оплаты труда, карьерном росте. Поэтому для того чтобы трудоустроиться или остаться на рабочем месте, им приходится соглашаться на менее привлекательные условия. Все это создает предпосылки для прекаризации занятости пенсионеров. Согласно исследованиям, значительная их часть имеют низкооплачиваемую работу в неформальном секторе, случайную занятость или являются самозанятыми низкой квалификации либо вообще неквалифицированными (Reddy, 2016). При этом выбор той или иной формы работы может быть как добровольным, так и вынужденным. Так, люди старшего поколения по ряду вышеперечисленных причин могут предпочитать гибкие формы работы. Если у человека имеется определенный финансовый резерв, то он с большей вероятностью предпочтет предпринимательство или самозанятость как варианты продолжения трудовой деятельности (Sahoo, Neog, 2015). К примеру, зарубежные исследования показывают, что самозанятость или

частичная занятость играют важную роль для населения старше 65 лет (Casey, 2005, p. 625). Однако в первом случае возможностей получить более высокую пенсию при выходе на заслуженный отдых заметно меньше (Wahrendorf et al., 2016, p. 280). Для российских пенсионеров также важна гибкость занятости: при переходе в возрастную категорию 61–67 лет растет значимость фактора удобного графика и снижается роль карьерного продвижения и получения высокого дохода (Кипервар и др., 2022). С другой стороны, причина гибкости занятости может крыться в том, что со временем пожилые сотрудники становятся слишком «дорогими» для компании, и работодатели вынуждены сокращать их рабочие часы²⁰.

В рамках исследования под руководством В.Н. Бобкова было выявлено, что в составе профилей неустойчивости работников старшее поколение преобладает в первой группе, в значительной степени характеризующейся индикаторами стандартной занятости (Бобков и др., 2018, с. 372–374). Однако представительство данной категории достаточно существенно и в других профилях, имеющих признаки неустойчивости. Так, в профиле № 4 с высоким уровнем прекаризации доля пенсионеров и предпенсионеров составляет порядка 23%, а в профиле № 5 (с доходом ниже 2/3 медианного) – 31%.

Исследование на базе РМЭЗ, проведенное в НИУ ВШЭ, показало, что большая часть пенсионеров работает полный рабочий день (Козина, Зангиева, 2018). Однако при условии смены работы по достижении пенсионного возраста в три раза чаще происходит перемещение в группу неформально занятых. Это говорит о возникновении соответствующих рисков прекаризации при повторном выходе на рынок труда, поскольку чаще всего пожилые люди устраиваются на работу, где условия труда хуже, чем на предыдущем месте. Кроме того, зачастую наблюдается нисходящая профессиональная и карьерная мобильность.

¹⁸ Research Institute. Rethinking retirement. Davos edition 2020 // Credit Suisse. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/rethinking-retirement-wef-en.pdf> (accessed 10.08.2022).

¹⁹ Синявская О., Ермолина А., Любушина Е. Зачем пенсионерам работать. После выхода на заслуженный отдых россияне готовы трудиться даже за небольшую прибавку к пенсии // НИУ ВШЭ. URL: <https://iq.hse.ru/news/204917251.html> (дата обращения 10.08.2022).

²⁰ Research Institute. Rethinking retirement. Davos edition 2020. Credit Suisse. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/rethinking-retirement-wef-en.pdf> (accessed 10.08.2022).

В целом данные Международной организации труда позволяют говорить о том, что порядка 78% работников старше 65 лет вовлечены в неформальную занятость (в большинстве своем это характерно для развивающихся стран)²¹. Пенсионеры, работающие неофициально, испытывают дефицит средств для удовлетворения своих потребностей, ограничены в доступе к качественным медицинским услугам и проведению досуга, часто подвержены негативным чувствам вплоть до депрессии (Alvarez et al., 2016, p. 421–423; Маковская, 2020, с. 53). Риски оказаться за чертой бедности для старшего поколения выше, чем для других возрастных когорт (Lancker, 2012, p. 95–97). Особенно тяжело в подобной ситуации приходится одиноким пожилым женщинам (Lain et al., 2019).

Как уже было сказано ранее, прекаризация занятости приводит к ухудшению качества трудовой жизни населения (невысокая оплата труда, ограничение прав, меньшая удовлетворенность работой и т. д.), при этом в отношении людей пенсионного возраста практически не было попыток выйти за ее пределы. Ученые подчеркивают, что при оценке всего многообразия последствий необходимо принимать во внимание следующее: работники старшего поколения могут иметь не только заработную плату, но и иные источники дохода (пенсия, социальные пособия, доходы от предпринимательской деятельности и т. д.) (D'Amours, 2009, p. 213). В этом случае может возникать ситуация, когда занятость носит неустойчивый характер, но на общем доходе это не сказывается так явно.

Результаты всероссийского опроса работающего населения показывают, что чаще всего у людей старше 50 лет встречаются следующие признаки прекаризации занятости: отсутствие бессрочного трудового договора (47%), зарплата в конвертах (31%), неоплачиваемые больничный и отпуск (по 26%) (Кученкова, 2022, с. 107). Примечательно, что при увеличении их количества удовлетворенность рабочим местом снижается в меньшей степени, чем в других

поколенных группах. В частности, пожилые люди демонстрируют меньшую чувствительность в отношении справедливости оплаты труда. По мнению автора исследования, это обусловлено необходимостью соглашаться на менее комфортные условия труда из-за рисков потери работы. В целом связь между уровнем прекаризации занятости старшего поколения и его субъективными оценками жизни статистически незначима.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что влияние прекаризации на поколенные группы населения не является одинаковым (табл. 2), впрочем, как и трудовые стратегии людей, вовлеченных в неустойчивые трудовые отношения. Чаще всего в такой ситуации оказывается молодежь, поскольку «нестандартные» рабочие места предоставляют возможность совмещать учебу с работой или попросту выйти на рынок труда после завершения профессионального обучения. Продолжительность транзита к стабильной занятости зависит от многих факторов, при этом большинство молодых людей готовы мириться с текущим положением вещей: потенциальные выгоды в виде опыта работы и финансовой независимости компенсируют недостатки, в то время как единственной альтернативой зачастую выступает только безработица. Вместе с тем эмпирические данные показывают, насколько разрушительными могут быть косвенные эффекты прекаризации занятости. Они не только наносят серьезный вред психическому здоровью молодых работников, но и препятствуют их взрослению и социализации, вынуждая постоянно находиться в «подвешенном» состоянии и думать о насущных проблемах. В конечном итоге неустойчивость может стать стилем жизни, определяющим все дальнейшее поведение вне зависимости от образовательных достижений или престижа профессии.

Средняя поколенная группа лишена внимания академического сообщества. Причины этого могут быть связаны с тем, что в зрелом возрасте неустойчивая занятость наблюдается существенно реже, а ее проявления вызывают негативную реакцию со стороны работников, обремененных бытовыми, семейными, финансовыми и иными обязательствами. Напротив,

²¹ Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture (Third Edition). ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_626831.pdf (accessed 10.08.2022).

Таблица 2. Драйверы и последствия прекарнизации занятости в разрезе поколенных групп

	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Драйверы прекарнизации занятости	<ul style="list-style-type: none"> - Сложность перехода от учебы к стабильной работе; - ранняя занятость, связанная с необходимостью заработка или получения опыта работы; - привлекательность гибких форм занятости; - отсутствие альтернативы безработице 	<ul style="list-style-type: none"> - Неудачный транзит от учебы к стабильной работе и закреплению прекарного габитуса; - наличие бытовых, семейных, финансовых и иных обязательств; - необходимость доработать до пенсии 	<ul style="list-style-type: none"> - Потеря основного места работы после выхода на пенсию; - вынужденный характер занятости из-за нехватки денежных средств; - наличие объективных факторов (например, плохое здоровье), препятствующих занятости полный рабочий день
Прямые последствия прекарнизации занятости	Неблагоприятные условия труда, которые выражаются в низком уровне оплаты труда, отсутствии социальных гарантий (оплата больничного листа, предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска, отчисления в фонды и др.), невозможности отстаивать свои трудовые права, ограничениях карьерного роста, боязни потерять работу и т. д.		
Косвенные последствия прекарнизации занятости	<ul style="list-style-type: none"> - Препятствует социализации и взрослению (уходу из родительского дома, созданию семьи, обретению финансовой независимости и т. д.); - наносит вред психическому здоровью и приводит к эмоциональному истощению; - способствует формированию прекарного габитуса, где неопределенность является неотъемлемой частью жизни 	<ul style="list-style-type: none"> - Продолжительная нестабильность приводит к ухудшению общего здоровья (в частности, развитию сердечно-сосудистых заболеваний); - препятствует созданию семьи и долгосрочному планированию жизни; - вынуждает откладывать репродуктивные планы (прежде всего, женщин); - создает угрозы выхода на пенсию 	Релевантные сведения почти отсутствуют. Принимая во внимание прямые последствия прекарнизации занятости, можно предположить, что их влияние на повседневную жизнь пожилых людей будет не столь значительным по сравнению с теми выгодами (трудовой доход, физическая активность, общение и т. д.), которые старшее поколение может получить, испытывая потребность в оплачиваемой работе на пенсии
Источник: составлено автором.			

в случае неудачного перехода от учебы к постоянной работе вопросы планирования будущего могут уйти далеко на периферию, а повседневные заботы займут центральное место и приобретут статус хронических. И если поначалу эти сложности не столь значимы, то со временем они все сильнее будут сказываться на трудовой и повседневной жизни, создавая угрозы достойной старости. Это касается даже тех моментов, когда уровень заработка соответствует относительно высоким стандартам потребления. Особенно подвержена рискам прекарнизации занятости категория предпенсионеров, которые нередко вынуждены мириться с неблагоприятными условиями труда для сохранения текущего места работы или непосредственно в процессе трудоустройства.

Несмотря на большой опыт работы и профессионализм, старшее поколение не отличается высокой конкурентоспособностью на рынке труда, а решение продолжать трудовую деятельность на пенсии принимается под влиянием внешних обстоятельств и во многом носит

вынужденный характер, что создает предпосылки для неустойчивой занятости и нисходящей трудовой мобильности. Среди пожилых людей распространена работа по срочным договорам и в неформальном секторе, а также самозанятость, которые хоть и способствуют поддержанию привычного образа жизни, имеют уже не раз упомянутые в статье негативные стороны. В отобранной нами научной литературе почти нет релевантных сведений, которые бы могли пролить свет на косвенные эффекты прекарнизации занятости для старшего поколения. Может даже сложиться впечатление, что они не сильно заметны. И мы скорее склонны с этим согласиться, пока сам факт занятости в пенсионном возрасте остается необходимостью.

В заключение важно подчеркнуть, что последствия прекарнизации занятости носят кумулятивный характер и со временем оказывают все более серьезное влияние на жизнь человека. Неслучайно проблемы перехода молодежи от учебы к стабильной работе оказываются в авангарде и вызывают наибольший интерес,

если судить по количеству литературных источников, посвященных этому вопросу. Однако и другие поколенные группы не должны пропадать из фокуса внимания, поскольку сама по себе неустойчивость трудовых отношений порождает новые поведенческие паттерны, которые находят отражение в самых разных областях жизнедеятельности. С учетом понимания всей сложности исследовательского направления применение в равной степени как количественных, так и качественных методов сбора информации позволит выявить существующие закономерности и более детально подойти к вопросу раскрытия причинно-следственных связей. Этому будет также способствовать целостное понимание сущности и способов изучения

процесса прекаризации занятости, который в настоящее время раскрывается в категориях «неустойчивая занятость», «прекариат» или попросту в наименее устойчивых формах трудовых отношений. Такое разнообразие точек зрения позитивно сказывается на формировании общего представления о последствиях рассматриваемого феномена, хотя и ограничивает возможности обобщения результатов исследования. В этом плане перспективным является использование программных продуктов для автоматизированного отбора научных источников и анализа их содержательного наполнения (по типу MAXQDA), что позволит снизить трудоемкость формирования информационной базы, а также повысить ее качество и полноту.

Литература

- Бобков В.Н., Квачев В.Г., Новикова И.В. (2018). Неустойчивая занятость в регионах Российской Федерации: результаты социологического исследования // Экономика региона. Т. 14. № 2. С. 366–379.
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2021). Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация // Мир новой экономики. № 15 (2). С. 16–28. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28
- Бобков В.Н., Черных Е.А. (2014). Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. № 3 (193). С. 23–55.
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2020). Нестабильность занятости и поведенческие предпочтения выпускников университетов // Journal of Institutional Studies. № 12 (4). С. 112–125. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.112-125
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2005). Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ. 36 с.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2013). Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. № 3 (3). С. 5–15.
- Иванова М.А. (2019). Спрос на пожилых работников и дискриминация по возрасту. Международный опыт и российские реалии // Вопросы экономики. № 6. С. 99–121. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-6-99-121
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Кипервар Е.А., Побиянская А.В., Дубровин А.М. (2022). Трудовая мобильность лиц старших возрастных групп // Экономика труда. Т. 9. № 1. С. 149–160. DOI: 10.18334/et.9.1.113982
- Козина И.М., Зангиева И.К. (2018). Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров // Журнал исследований социальной политики. № 16 (1). С. 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22
- Кученкова А.В. (2022). Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. Т. 28. № 1. С. 101–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840>
- Маковская Н.В. (2020). Гендерная прекаризация занятости в Беларуси // Социально-трудовые исследования. № 3 (40). С. 44–55. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-44-55
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения (2018): монография / под ред. В.Н. Бобкова. М.: КНОРУС. 342 с.
- Одегов Ю.Г., Бабынина Л.С. (2018). Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 386–409. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.20

- Попов А.В., Соловьева Т.С. (2019). Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 6. С. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10
- Прекариат: становление нового класса (2020) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.
- Российская молодежь на рынке труда: экономическая активность и проблемы трудоустройства в мегаполисе (2016) / под науч. ред. В.Н. Бобкова, А.А. Литвинюка. М.: РУСАЙНС. 230 с.
- Тартаковская И.Н., Ваньке А.В. (2019). Трудовые траектории прекарных работников и формирование прекарного габитуса // *Социологический журнал*. Т. 25. № 2. С. 99–115. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6388
- Черных Н.А., Тарасова А.Н., Сырчин А.Е. (2020). Предпенсионеры на рынке труда Свердловской области: проблемы занятости и меры поддержки // *Экономика региона*. Т. 16. № 4. С. 1178–1192. DOI:10.17059/ekon.reg.2020-4-12
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // *Социологические исследования*. № 12 (380). С. 99–110.
- Aisa R., Pueyo F., Sanso M. (2012). Life expectancy and labor supply of the elderly. *Journal of Population Economics*, 25(2), 545–568.
- Alvarez C.V., Potes M.P.E., Merchan M.E.P. (2016). Quality of life and informal labor among elderly persons in an intermediate Colombian city, 2012–2013. *Revista Brasileira de Geriatria e Gerontologia*, 19(3), 415–427.
- Benavides F.G., Benach J., Diez-Roux A.V., Roman C. (2000). How do types of employment relate to health indicators? Findings from the Second European Survey on Working Conditions. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 54, 494–501.
- Bohle P., Quinlan M., Kennedy D., Williamson A. (2004). Working hours, work-life conflict and health in precarious and “permanent” employment. *Revista de saude publica*, 38, 19–25. Available at: <https://doi.org/10.1590/s0034-89102004000700004>
- Bone K.D. (2019). ‘I don’t want to be a vagrant for the rest of my life’: Young peoples’ experiences of precarious work as a ‘continuous present’. *Journal of Youth Studies*, 22(9), 1218–1237. DOI: 10.1080/13676261.2019.1570097
- Burrows S. (2013). Precarious work, neoliberalism and young people’s experiences of employment in the Illawarra region. *The Economic and Labour Relations Review*, 24(3), 380–396. Available at: <https://doi.org/10.1177/1035304613498189>
- Casey B. (2005). The employment of older people: Can we learn from Japan? *The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice*, 30, 620–637. DOI: 10.1057/palgrave.gpp.2510051
- Chan S., Tweedie D. (2015). Precarious work and reproductive insecurity. *Social Alternatives*, 34(4), 8–13.
- Cranford C.J., Vosko L.F., Zukewich N. (2003). Precarious employment in the Canadian labour market: A statistical portrait. *Just Labour*, 3, 6–22. Available at: <https://doi.org/10.25071/1705-1436.164>
- D’Amours M. (2009). Non-standard employment after age 50: How precarious is it? *Relations industrielles*, 642, 209–229.
- Eckelt M., Schmidt G. (2014). Learning to be precarious – the transition of young people from school into precarious work in Germany. *Journal for Critical Education Policy Studies*, 12(3), 130–155.
- Ferrie J.E., Shipley M., Stansfeld S., Marmot M. (2002). Effects of chronic job insecurity and change in job security on self-reported health, minor psychiatric morbidity, physiological measures, and health related behaviours in British civil servants: the Whitehall II study. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 56(6), 450–454. DOI: 10.1136/jech.56.6.450
- Gash V. (2008). Bridge or trap? Temporary Workers’ transitions to unemployment and to the standard employment contract. *European Sociological Review*, 24(5), 651–668. Available at: <https://doi.org/10.1093/esr/jcn027>
- Hanappi D., Ryser V.-A., Bernardi L., Le Goff J.-M. (2012). Precarious work and the fertility intention-behavior link: An analysis based on the Swiss household panel data. *Working paper of LIVES National Center of Competence in Research*, 17, 1–27. DOI: 10.12682/lives.2296-1658.2012.17
- Jetha A., Martin Ginis K.A., Ibrahim S., Cignac M.A.M. (2020). The working disadvantaged: The role of age, job tenure and disability in precarious work. *BMC Public Health*, 20. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09938-1>

- Kapsalis C., Tourigny P. (2005). Duration of non-standard employment. *Perspectives on Labour and Income*, 17(1), 31–39.
- Kim I.-H., Khang Y.-H., Muntaner C., Chun H., Cho S.-I. (2008). Gender, precarious work, and chronic diseases in South Korea. *American Journal of Industrial Medicine*, 51, 748–757. Available at: <https://doi.org/10.1002/ajim.20626>
- Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. (2019). Understanding older worker precarity: The intersecting domains of jobs, households and the welfare state. *Ageing and Society*, 39(10), 2219–2241. DOI: 10.1017/S0144686X18001253
- Lancker W.V. (2012). The European world of temporary employment. *European Societies*, 14(1), 83–111. DOI: 10.1080/14616696.2011.638082
- Lewchuk W. (2017). Precarious jobs: Where are they, and how do they affect well-being? *The Economic and Labour Relations Review*, 28(3), 402–419. Available at: <https://doi.org/10.1177/1035304617722943>
- Miguel Carmo R., Cantante F., de Almeida Alves N. (2014). Time projections: Youth and precarious employment. *Time & Society*, 23(3), 337–357. Available at: <https://doi.org/10.1177/0961463X14549505>
- Pailhe A., Solaz A. (2012). The influence of employment uncertainty on childbearing in France: A tempo or quantum effect? *Demographic Research*, 26, 1–40. DOI: 10.4054/DemRes.2012.26.1
- Papadakis N., Drakaki M., Saridaki S., Dafermos V. (2021). Into the vicious cycle of precarity: Labour market, precarious work, social vulnerability and youth: The case of Greece within the EU context. *Advances in Social Sciences Research Journal*, 7(12), 474–496. Available at: <https://doi.org/10.14738/assrj.712.9511>
- Piotrowski M., Kalleberg A.L., Rindfuss R.R. (2015). Contingent work rising: Implications for the timing of marriage in Japan. *Journal of Marriage and the Family*, 77, 1039–1056. DOI:10.1111/jomf.12224
- Reddy A.B. (2016). Labour force participation of elderly in India: Patterns and determinants. *International Journal of Social Economics*, 43(5), 502–516. DOI: 10.1108/IJSE-11-2014-0221
- Robert P., Oross D., Szabo A. (2017). Youth, precarious employment and political participation in Hungary. *Intersections. East European Journal of Society and Politics*, 3(1), 120–146. Available at: <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v3i1.299>
- Sahoo B., Neog B.G. (2015). Heterogeneity and participation in informal employment among non-cultivator workers in India. *MPRA Paper*, 68136, 1–57.
- Sršen A., Dizdarevič S. (2014). Precariousness among young people and student population in the Czech Republic. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(21), 161–168.
- Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.
- Steele E.J., Giles L.C., Davies M.J., Moore V.M. (2014). Is precarious employment associated with women remaining childless until age 35 years? Results from an Australian birth cohort study. *Human Reproduction*, 29(1), 155–160. DOI: 10.1093/humrep/det407
- Stuth S., Jahn K. (2020) Young, successful, precarious? Precariousness at the entry stage of employment careers in Germany. *Journal of Youth Studies*, 23(6), 702–725. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636945
- Umicevic A., Arzenšek A., Franca V. (2021). Precarious work and mental health among young adults: A vicious circle? *Managing Global Transitions*, 19(3), 227–247. DOI: 10.26493/1854-6935.19.227-247
- Wahrendorf M., Akinwale B., Landy R., Matthews K., Blane D. (2016). Who in Europe works beyond the state pension age and under which conditions? Results from SHARE. *Population Aging*, 10, 269–285. DOI 10.1007/s12062-016-9160-4

Сведения об авторе

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.porov@yahoo.com); участник научного проекта РНФ № 22-28-01043, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Тверская, д. 11)

Попов А.В.

Implications of Precarization in the Context of Generational Groups: Direct and Indirect Effects

Abstract. The effects of employment precarization are the subject of active discussion in the scientific literature. Despite the novelty of the topic, the negative impact of this process on the labor and daily life has been subject of a large number of works over the previous decade. At the same time, age specifics have not been widely reflected in studies: as a rule, authors focus on the population as a whole or its individual categories, for example, youth. The purpose of the article is to analyze and generalize the existing experience of studying the impact of employment precarization on generational groups of the economically active population. For this purpose, we have examined the situation of young, middle-aged and older workers involved in unstable labor relations. The information base is the Russian and foreign sources of empirical orientation; in the work we have used general scientific methods. The results show that the impact of employment precarization on generational groups has serious specifics. For young people, job instability mainly affects the planning of their own future forcing them to postpone the issues of starting a family and having children, leaving the parental home, etc. Prolonged transition to stable employment harms mental health, which is most pronounced in adulthood, when instability becomes part of everyday life. It can be difficult to get out of the “precarity trap” because low earnings and social insecurity limit the ability to change the current situation. The effects of employment precarization for older people are ambiguous. Even taking into account all the disadvantages of unstable labor relations, having at least some work is often a necessity to maintain a habitual lifestyle. The main limitation of the research is the generalization of information obtained using various conceptual constructions and methodological tools.

Key words: precarization, precarious employment, generational groups, labor market, non-standard employment, standard of living, youth, middle generation, elderly people.

Information about the Author

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com); research project participant (RSF No. 22-28-01043), Plekhanov Russian University of Economics (11, Tverskaya Street, Moscow, 125993, Russian Federation)

Статья поступила 22.08.2022.

Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: galinaleonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

Аннотация. Исследование социально-трудовой сферы с позиций тенденций и рисков для формирования качества трудовой жизни связано с поиском детерминант, обуславливающих его низкие оценки. Актуальность обращения к вопросам качества трудовой жизни вызвана тем, что качество жизни в целом становится сегодня основным критерием социального прогресса, свидетельствующим о повороте экономики к нуждам человека и ее гуманизации. В статье проанализированы тенденции в социально-трудовой сфере (в области занятости, безработицы, условий труда). Показаны изменения, происходящие внутри социально-демографических групп занятого населения (повышение образовательного уровня, рост числа высокообразованного населения в составе безработных и т. д.). Отмечены причины экономических потерь, связанные с неудовлетворительным состоянием рабочих мест, сохранением высокой доли работающих на производствах с вредными и опасными условиями труда, травматизмом на производстве. Приведены индексные оценки качества трудовой жизни занятого населения, дана оценка низкой удовлетворенности работников условиями труда. Информационная база представлена данными социологического опроса трудоспособного населения региона, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2018 и 2020 гг. В статье использован метод субъективной оценки качества трудовой жизни по показателям, характеризующим оценку населением заработной платы, условий труда, организационно-экономических аспектов, социально-психологических условий. Научная новизна исследования состоит в обосновании влияния социально-трудовой сферы на

Для цитирования: Леонидова Г.В. (2022). Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.11

For citation: Leonidova G.V. (2022). Social and labor sphere in the Russian Federation: Trends and risks in the formation of the quality of working life. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 182–198. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.11

формирование качества трудовой жизни работающего населения. Практическая значимость заключается в разработке предложений по повышению качества трудовой жизни, позволяющих получить положительные результаты в части повышения эффективности трудовой деятельности. Таким инструментом могут выступить различные социальные инновации (организационные, экологические, эстетические и т. д.) на рабочих местах, которые влияют на эффективность труда работников (например, внедрение на предприятиях и организациях программ здоровьесбережения, что позволит снизить потери от нетрудоспособности). Также следует включать в специальную оценку условий труда опрос работников об удовлетворенности качеством трудовой жизни.

Ключевые слова: социально-трудовая сфера, качество трудовой жизни, трудовой потенциал, занятость, рабочее место.

Актуальность

В настоящее время в условиях формирования геополитических, экономических и гуманитарных угроз экономика России поставлена перед необходимостью поиска новых источников роста. Наиболее результативным и скорее всего единственным вариантом в этом случае являются технологические сдвиги¹. Для их осуществления необходим человеческий капитал, качество которого отвечает стоящим перед страной вызовам. Решить задачу, связанную с воспроизводством такого человеческого капитала, невозможно без определения всех его параметров, факторов и индикаторов, с помощью которых можно управлять процессом его формирования и использования. Таким обширным и важным параметром является качество трудовой жизни населения, формирующееся в социально-трудовой сфере.

Актуальность изучения качества трудовой жизни (КТЖ) обусловлена рядом значимых обстоятельств. Среди них в первую очередь нужно отметить необходимость существенного повышения качества жизни в современной России, в том числе качества трудовой жизни. Эти категории сегодня становятся основными критериями социального прогресса, свидетельствующими о повороте экономики к нуждам человека и ее гуманизации. Важность

обеспечения достойного труда отмечена в числе приоритетных национальных целей РФ до 2030 года² и внесена в перечень задач национальных проектов³, реализующихся в России в настоящее время. В числе задач находится и установка на повышение производительности труда – одна из самых актуальных проблем в социально-трудовой сфере России. Высокие показатели производственного травматизма, несмотря на положительную динамику показателя численности пострадавших на производстве работников, также актуализируют внимание к проблеме качества трудовой жизни и факторам, его детерминирующим.

Целью исследования является анализ тенденций и рисков социально-трудовой сферы, влияющих на формирование качества трудовой жизни занятого населения. Достичь цели предполагается путем решения следующих задач: теоретическое осмысление категории «социально-трудовая сфера» и ее взаимосвязи с формированием качества трудовой жизни; анализ тенденций социально-трудовой сферы и выделение наиболее проблемных точек, оказывающих негативное влияние на КТЖ; характеристика индексных оценок удовлетворенности КТЖ со стороны занятого населения региона.

¹ Проблемы согласования экономической политики на федеральном и региональном уровнях: публичная лекция д. э. н., чл.-корр. РАН, директора ИНП РАН А.А. Широва в рамках Международного экологического форума «Экология и общество: баланс интересов». 22.04.2022, г. Вологда. URL: <http://www.vssc.ac.ru/activity/view?id=7670>

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 15.06.2022).

³ Национальные проекты. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения 15.06.2022).

Социально-трудовая сфера как среда формирования качества трудовой жизни

Трансформация форм занятости, изменения в характере взаимодействия работника и работодателя, средствах труда (цифровизация, автоматизация), системе государственных гарантий в сфере труда, безусловная важность сглаживания противоречий, возникающих в социально-трудовой сфере, обуславливают внимание исследователей к ее анализу (Карпушкина, Балдина, 2013; Исайкина, Липатова, 2019; Соболева, Соболев, 2021).

Теоретические аспекты социально-трудовой сферы наиболее полно отражены в работах отечественных и зарубежных ученых в области экономики труда. Среди трудов отечественных авторов особый интерес в рамках нашего исследования представляют работы В.Н. Бобкова, Н.А. Волгина, В.А. Каменецкого, Ю.Г. Одегова, И.В. Соболевой. В числе зарубежных ученых-неоинституционалистов, рассматривающих нормы, правила, механизмы, регулирующие отношения работников и работодателей, можно выделить Д. Нортона (North, 1990), Т. Веблена (Veblen, 1919).

Социально-трудовая сфера является многоуровневой интегральной категорией, отражает все фазы воспроизводства рабочей силы и его социальное сопровождение (Экономика труда..., 2003; Юсов, 2009). Стержнем и каркасом трудовой сферы выступает труд, обеспечивающей эффективную трудовую деятельность, куда входят составные части трудовой сферы и производные труда как процесса (Волгин, 2017). Социально-трудовая сфера состоит из таких компонентов, как рынок труда, занятость и безработица, мотивация производительного труда (мотивы, интересы, стимулы, заработная плата); социальное партнерство; подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров; социально-культурный комплекс (здравоохранение, народное образование, наука, культура); социальная защита населения; социальное обеспечение; социальное страхование (Каменецкий, 2001). Ряд исследователей полагает, что социально-трудовая сфера — это область действия различных отношений по поводу совместного трудового (производственного) процесса; занятости; распределения и потребления произведенного национального дохода (Колмакова, 2011; Экономика труда..., 2003, с. 249), прежде всего социально-трудовых отношений.

В исследовании воспроизводственных и других процессов трудовых ресурсов активная роль принадлежит социально-трудовым отношениям как «системе взаимосвязей и взаимодействий, которые складываются по поводу включения, участия и “выключения” человека из трудовой деятельности» (Янченко, 2010). Важной составляющей социально-трудовых отношений является механизм их развития и регулирования. Он включает экономическую и социальную политику государства, предприятий, социальное партнерство, социальную ответственность бизнеса (Фаузер и др., 2010, с. 16). Содержание социально-трудовых отношений под влиянием научно-технического прогресса наполняется новыми элементами, связанными, к примеру, с дистанционными формами труда, инновационностью рабочих мест, неустойчивостью занятости и т. д. (Леонидова, 2020).

Системными элементами трудовой сферы являются организация труда, которая «непосредственно и осязаемо влияет на состояние и перспективные параметры нормирования, производительности, оплаты труда, конечные результаты работы коллективов» (Волгин, 2021, с. 5), а также другие «элементы рабочей ситуации» (Социология Ядова ..., 2019, с. 141): *социально-психологические* (удовлетворение трудом, его условиями, заработком, мотивация, климат в рабочем коллективе), *экономические* (уровень заработной платы, устойчивость занятости, качество рабочего места, безработица), *социокультурные* (профессиональное призвание, творческая активность, социальные притязания) (Леонидова, 2020). Все перечисленные элементы социально-трудовой сферы так или иначе оказывают воздействие на формирование качества трудовой жизни работника.

Качество трудовой жизни

В рамках социально-трудовой сферы формируется отношение работников к условиям и организации труда, т. е. той совокупности форм организации процесса производства, охраны и условий труда, которые обеспечивают полное удовлетворение текущих и будущих социально-трудовых потребностей, реализацию трудового и творческого потенциала наемных работников и удовлетворение интересов собственника. Всего того, что можно назвать емким понятием «качество трудовой жизни».

Необходимо отметить, что сам термин достаточно молодой, поэтому его содержательное наполнение, структура и методы оценки активно обсуждаются на страницах научных публикаций и конференциях различного уровня. Теория КТЖ динамично развивается.

Обращаясь же к истокам концепции КТЖ, отметим, что она формировалась в рамках господствовавших социально-экономических отношений. Можно условно выделить ряд подходов, в рамках которых складывались контуры концепции: политэкономический, технократический, гуманистический, мотивационный. Так, уже в теории факторов производства мы можем увидеть один из аспектов будущих теоретических оснований качества трудовой жизни.

Согласно теории стоимости А. Смита (Смит, 2009), эффективность труда зависит от ряда условий, в числе которых, например, механизация труда, необходимость постоянного обучения. То есть классики экономической мысли предвидели важную роль отдельных факторов, относящихся в соответствии с современными представлениями к качеству трудовой жизни.

Представители технократического подхода (классический этап развития теории КТЖ с 90-х гг. XIX в.) рассматривали человека как часть организации, без которой он не может функционировать. Проблемам и потребностям работника в организации не уделялось должного внимания, предполагалось, что он «только экономически заинтересован в труде» (Сафина и др., 2019).

Гуманистический подход (постклассический период – с 20–30-х гг. XX в.) характеризовался взглядами на человека как на личность, имеющую широкий диапазон потребностей и способную творчески развиваться. При этом методы управления в основном остаются экономическими («школа человеческих отношений» (Э. Мэйо), модель (теория) рабочих характеристик (Дж. Хакман; Р. Олдхам), доктрина «производственной демократии» (Дж. Коул, П. Друкер), школа научного менеджмента (Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Гантт), концепция социально-трудовой основы управления производством, научной организации труда – НОТ (Н.А. Витке) и т. д. (Бурганова, Савкина, 2007; Друкер, 2004; Коул, 2004; Лаптева, Остроумова, 2020; Hackman, Oldham, 1975).

Интерес исследователей к различным параметрам социально-трудовых отношений вызвал появление мотивационных теорий, содержательная сущность которых базировалась на исследовании и объяснении того, что стимулирует работника и каковы мотивы его трудовых действий. В *теориях мотивации* А. Маслоу, Д. Макклелланда, двухфакторной теории мотивации Ф. Герцберга, *теории справедливости* Дж. С. Адамса, *теории постановки целей* Э. Лока главенствующая роль отводилась потребностям, определяющим поведение человека, направленное на достижение целей.

В настоящее время реализуется концепция достойного труда, которая первоначально была представлена четырьмя параметрами: «гендерное равенство», «свободный труд», «социальное обеспечение» и «социальная защита», в дальнейшем расширена новыми характеристиками: «производительный труд»; «безопасный труд»; «труд, при котором уважаются права человека»; «труд, при котором наемному работнику обеспечивается возможность участвовать в принятии решений»; «адекватный заработок»; «баланс между трудовой и нетрудовой жизнью»⁴.

Категория «качество трудовой жизни» рассматривается исследователями с двух сторон: объективной (с использованием статистических показателей) и субъективной, основанной на оценках населения (социологические данные). В зарубежных исследованиях категория КТЖ в общем виде связывается с благосостоянием персонала и включает в себя удовлетворенность работника физическими и психологическими факторами в сфере работы и повседневной жизни (Almarshad, 2015). Другими словами, КТЖ определяется как субъективная категория, т. е. «качество отношений между работником и общей рабочей средой», связанное с общим климатом на работе и влиянием его как на рабочий процесс и людей, так и на эффективность организации⁵.

⁴ Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version. International Labor Office. Geneva: ILO, 2013. 257 p.

⁵ Overview of quality of work life (a cross Developed Nations and India). URL: http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/17421/9/09_chapter%203.pdf (дата обращения 15.04.2022).

Примером объективного оценивания КТЖ является концепция качества жизни (Бобков, Бобков, 2014), в рамках которой данный конструкт характеризуется показателями качества труда (характер занятости, уровень квалификации работников, производительность труда и т. д.) и качества трудовой среды (тип труда (физический или умственный), возможности проявления в процессе труда элементов творчества и самостоятельности, смены видов деятельности и продвижения по службе, соблюдение интересов работников, безопасность и охрана труда)). Как мы можем заметить, в концепции отсутствует оценочная позиция выделенных компонентов со стороны работников. Еще одним примером выделения КТЖ в рамках другой, более общей, концепции является модель циркулярного потребления, рассматриваемая в работах ученых Института экономики УрО РАН (Белкин и др., 2021).

Результаты анализа теоретических источников свидетельствуют, что КТЖ связано с условиями, характером и содержанием труда, качеством взаимоотношений между работником и его окружением на рабочем месте (Буткалюк, 2010), уровнем оплаты труда, удовлетворенностью трудом, балансом рабочего времени и личной жизни (Белехова, Ивановская, 2022) и другими факторами. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что данную категорию невозможно оценить с помощью какого-либо одного индикатора. Это многомерный конструкт, включающий большое количество формирующих его компонент. Поэтому качество трудовой жизни зависит от состояния и тенденций развития социально-трудовой сферы, значимость которой для его формирования рассмотрена выше.

Информационная база и методы анализа

В качестве информационной базы для анализа тенденций социально-трудовой сферы использованы материалы государственной статистики Российской Федерации и территориального органа (Вологдастат), открытые данные обследований Росстата по социально-демографическим проблемам и качеству жизни населения российских регионов.

В исследовании применены общенаучные методы: анализа, сравнения, обобщения, абстрагирования. В ходе обработки и анализа

накопленных данных использовались статистические и социологические методы с применением табличных и графических приемов визуализации результатов.

Оценка КТЖ по субъективным показателям осуществлялась с учетом результатов социологических опросов, проведенных Вологодским научным центром РАН в Вологодской области (мониторинг трудового потенциала). Опросы проходят в городах Вологда, Череповец и 8 районах: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Отбор респондентов ведется по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек. Величина ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%.

КТЖ оценивалось на основе анализа ответов на вопрос об удовлетворенности работающего населения различными аспектами трудовой жизни («Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни ...?») при помощи шкалы с нечетным числом ответов: «не удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не могу сказать, удовлетворен или нет», «скорее удовлетворен», «удовлетворен» (Белехова, Ивановская, 2022). При анализе крайние варианты ответов объединялись.

Таким образом, вычисление индексов удовлетворенности КТЖ основано на агрегировании показателей субъективной оценки удовлетворенности аспектами трудовой жизни (табл. 1).

В результате индексной интегральной оценки КТЖ выделяют 3 уровня. Средний уровень – нейтральный, выражается ответом «затрудняюсь ответить», т. е. респондент не может однозначно определить, удовлетворен он или нет; присваивается нулевое значение. Наибольшая удовлетворенность (ответ «удовлетворен») имеет оценку +2 балла, а наименьшая (ответ «не удовлетворен») – -2 балла. На основе вышеприведенных индикаторов определяются частные индексы (среднеарифметическая величина), которые соответствуют различным аспектам КТЖ.

Все расчеты выполнены в программном пакете SPSS.

Таблица 1. Субъективные показатели оценки КТЖ

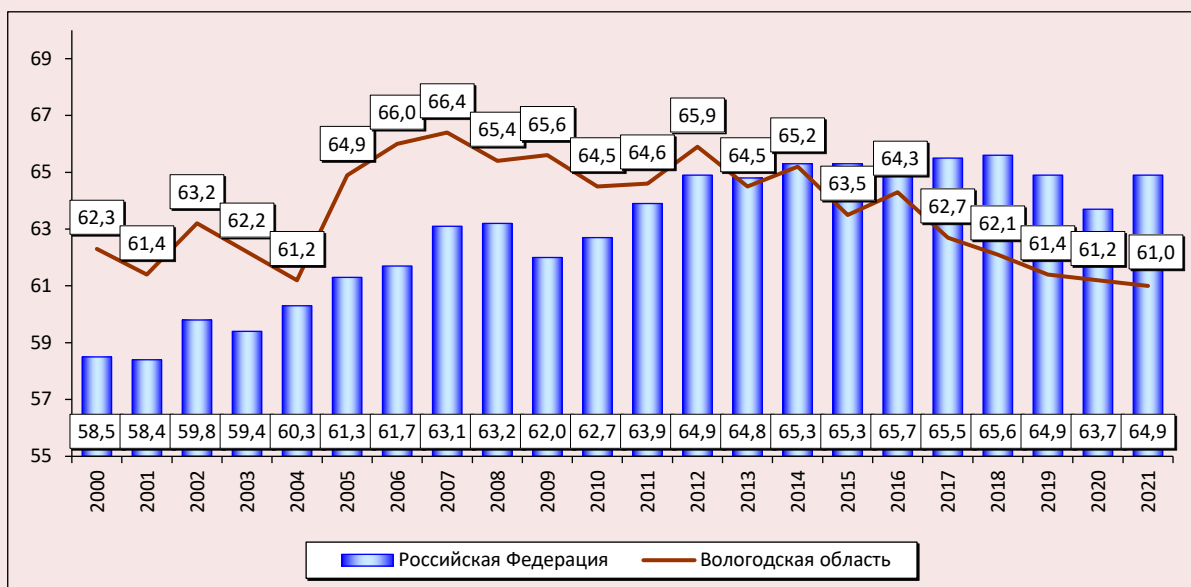
Блок показателей	Удовлетворенность ...
Материальное благополучие	Размер заработной платы
	Система материального стимулирования работников
	Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)
Экономическое самочувствие работника	Устойчивость положения организации на рынке
	Значимость организации для территории
	Надежность Вашего положения в организации
Условия и безопасность труда	Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда
	Техническая оснащенность рабочего места
	Работа профсоюзной либо иной рабочей организации
	Соблюдение трудового законодательства в организации
	Условия труда в целом
Реализация и развитие трудового потенциала	Возможность обучения, повышения квалификации
	Признание трудовых результатов, заслуг, успехов (нематериальное стимулирование)
	Соответствие квалификации, знаний и умений выполняемой работе
	Возможности для карьерного роста
Социальное самочувствие работника	Отношения с руководством организации (доверие, открытость)
	Взаимоотношения в трудовом коллективе (с коллегами по работе)
	Возможность участия в принятии управленческих решений
	Возможность сочетать трудовые и семейные/личные обязанности

Тенденции социально-трудовой сферы

Количественной и одновременно качественной характеристикой социально-трудовой сферы служат показатели *занятости* населения. В целом по России в 2000–2021 гг.

занятость населения сохранялась на достаточно высоком уровне (от 60 до 65%; *рис. 1*). В Вологодской области значения показателя за последнее десятилетие изменялись в пределах среднероссийских значений (от 62 до 66%).

Рис. 1. Уровень занятости населения в возрасте 15–72 года, %

Источник: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Таблица 2. Уровень занятости населения в территориальном разрезе* %

Регион	Год						Ранг по 2021 г.
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	
Чукотский автономный округ	68,2	75,5	77,7	78,5	76,9	77,4	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	73,6	70,8	73,0	72,6	72,9	74,5	2
Магаданская область	65,6	65,9	73,8	74,3	72,4	74,5	3
г. Санкт-Петербург	61,5	68,0	70,3	72,2	72,5	73,9	4
г. Москва	63,9	68,0	69,0	73,4	73,4	73,8	5
Вологодская область	62,3	64,9	64,5	63,5	61,2	61,0	63
Карачаево-Черкесская Республика	46,5	54,3	58,8	53,5	50,1	53,4	81
Республика Северная Осетия – Алания	47,3	56,8	64,3	58,4	47,4	53,4	82
Республика Дагестан	43,8	50,3	53,2	55,0	48,6	51,5	83
Республика Ингушетия	32,7	22,5	32,2	50,2	52,1	51,1	84
Республика Тыва	43,2	48,8	46,3	49,2	50,6	50,4	85

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 5 наихудшими значениями, а также Вологодской области.
Источники: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник. 2022.

В числе наиболее проблемных регионов по занятости населения отмечены республики Ингушетия и Тыва (табл. 2). Максимальный уровень занятости – в Чукотском автономном округе (77%)⁶.

Сегодня в составе занятых преобладает население с высшим (35%; для справки: в 1992 г. – 17,6%) и средним профессиональным (25%) образованием. Удельный вес занятых со средним общим и основным общим образованием (20%), работа которых зачастую характеризуется тяжелыми условиями труда, воздействием вредных факторов производственной среды и сопряжена с опасностями, постепенно сокращается (в 1992 году – 47,9%). Труд становится более квалифицированным, сложным и всё меньше связан с травмоопасными видами работ и оборудования.

⁶ Важнейшим направлением совершенствования пространственной структуры экономики Чукотского автономного округа стало выделение и развитие зон опережающего развития – двух «точек роста», обладающих потенциалом ускоренного развития относительно окружающей территории. Так как Чукотка обладает значительным минерально-сырьевым потенциалом, акцент был сделан на его эффективном использовании. В Чукотском АО ведущую роль играет золотодобывающая отрасль, ее доля в объеме промышленного производства региона составляет около 44%, соответственно, на предприятиях этой отрасли сосредоточено значительное количество трудовых ресурсов.

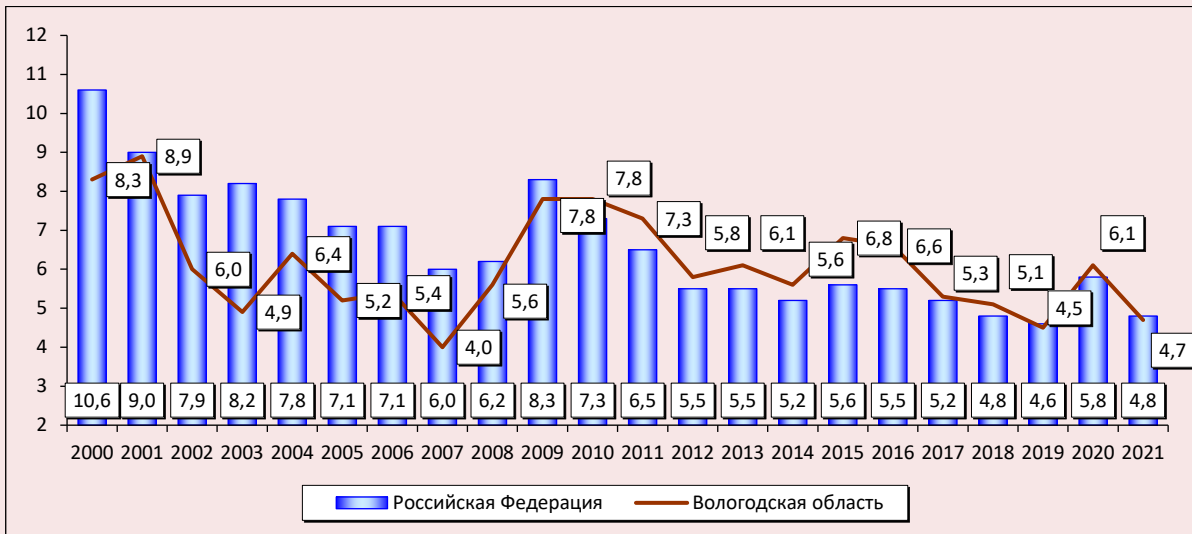
Сегодня почти каждый третий работник (около 27%) старше 50 лет (20,7% – в 1992 году). Социально-трудовая сфера сталкивается с необходимостью учитывать физиологические особенности более старшего поколения занятых. Особенно актуальной такая ситуация стала в свете повышения в 2019 году пенсионного возраста.

Статистическим измерителем благополучия в трудовой сфере является *уровень безработицы*. По данным Росстата, пики значений этого показателя приходились на кризисные годы или следующие за ними. В последнее время наибольший его подъем отмечался в 2020 году (6,1%). В Вологодской области тренды общей безработицы практически не отличались от среднероссийских (рис. 2).

Наряду с низким уровнем занятости республики Ингушетия и Тыва испытывают проблемы с высоким уровнем безработицы. А лидерами с наилучшими показателями, т. е. с минимальными значениями безработицы, являются город Санкт-Петербург и ЯНАО⁷ (табл. 3).

⁷ И низкий уровень безработицы, и высокая востребованность рабочих мест связаны со структурой экономики ЯНАО: регион является ресурсодобывающим, в перспективе развиваться он будет по двум направлениям: инфраструктурные проекты и энергетические проекты.

Рис. 2. Уровень общей безработицы населения в возрасте 15–72 года, %

Источник: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Таблица 3. Уровень общей безработицы населения в территориальном разрезе*, %

Территория	Год						Ранг по 2021 г.
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	
г. Санкт-Петербург	6,2	2,2	2,6	2,1	2,9	2,0	1
Ямало-Ненецкий автон. округ	8,6	7,2	4,3	3,6	2,4	2,1	2
г. Москва	3,9	0,8	1,8	1,8	2,6	2,6	3
Республика Татарстан	8,4	6,7	6,2	4,0	3,6	2,6	4
Чукотский автономный округ	10,3	4,2	4,5	4,0	4,4	2,6	5
...							
Вологодская область	8,3	5,2	7,8	6,8	6,1	4,7	43
...							
Респ. Северная Осетия – Алания	28,5	8,8	9,7	9,3	15,5	13,5	82
Чеченская Республика	43,3	17,1	18,5	14,5	83
Республика Дагестан	26,5	22,1	14,8	10,8	15,7	15,1	84
Республика Тыва	23,6	21,9	21,7	18,6	18,0	15,1	85
Республика Ингушетия	30,3	63,1	49,7	30,5	30,0	31,1	86

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 5 наихудшими значениями, а также Вологодской области. Источники: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник. 2022.

В течение 30 лет категорию безработных составляли в основном люди молодого возраста от 20 до 34 лет (в 2020 году – 47,4%; в 1992 году – 44,2%), однако образовательный уровень этой группы населения претерпел некоторые изменения. Среди безработного населения, как и ранее, также преобладают люди со

средним общим и основным общим образованием, но их удельный вес снизился в полтора раза (38,2%; в 1992 году – 56,7%). Существенно уменьшилось в этой категории представительство людей со средним профессиональным образованием (27,3% против 40% в 1992 году). Обладателей дипломов

о высшем образовании стало вдвое больше (20,6% против 10% в 1992 году). Это свидетельствует, с одной стороны, о росте занятого населения с высшим профессиональным образованием, с другой стороны, о дефиците высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ). Говоря о ВПРМ, необходимо учитывать три их составляющие: технико-технологическую, которую можно рассматривать как потенциал, определяющий производительность оборудования; трудовую, связанную с качеством человеческого капитала работника, и организационную, определяющую условия производства (как правило, более комфортные).

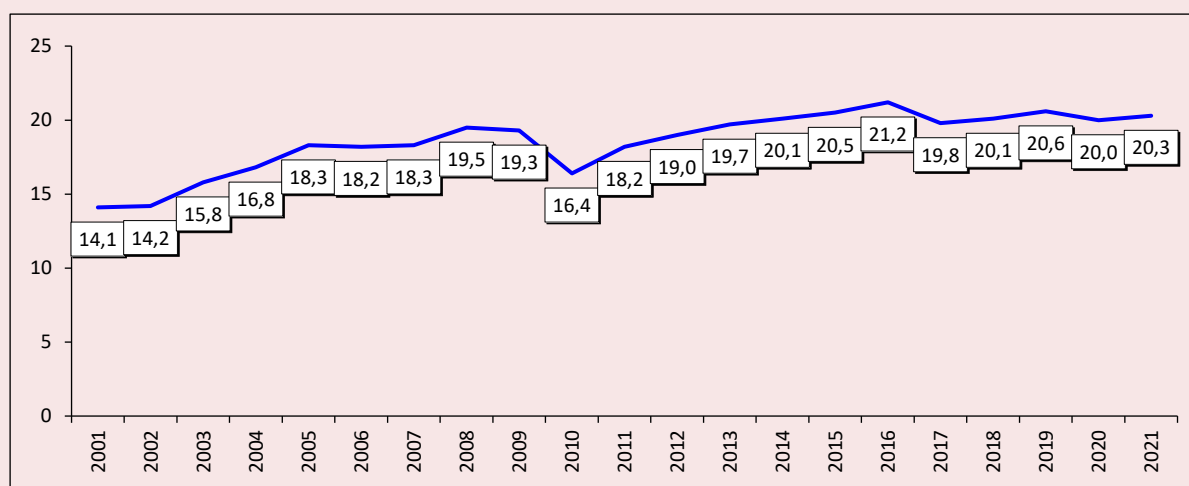
Анализ соотношения предложения труда и спроса на труд показывает, что как в целом на национальном, так и на большинстве региональных и местных рынков труда даже при наличии безработицы потребность предприятий в работниках не обеспечивается полностью. Это вызвано тем, что многих незанятых граждан по разным причинам не привлекают свободные рабочие места, а работодателей, в свою очередь, далеко не всегда устраивают профессионально-квалификационные характеристики и личностные качества ищущих работу

(Ахапкин и др., 2018). Так, в 2021 году при наличии в стране 3,6 млн безработных (4,8% от численности рабочей силы) потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих составляет 3,7% (1,02 млн чел.).

Статистическим показателем, характеризующим качество занятости в России, является «занятость в неформальном секторе»⁸. С 2001 по 2021 год ее уровень возрос с 14 до 20% (с 14 до 22% у мужчин и с 14 до 18% у женщин; рис. 3).

Условия неформального труда («серая» зарплата, отсутствие социальных гарантий, неустойчивость занятости и т. д.) могут наносить ущерб человеческому развитию, что выражается в ухудшении здоровья, социальной незащищенности, снижении материального благополучия, ограничении доступа к образованию (Бобков и др., 2019; Попов, 2019) и т. п. Результаты наших исследований подтверждают такую ситуацию: расчеты показывают, что чем больше у работника признаков неустойчивой занятости, тем ниже его производственные показатели, качество его трудовой жизни и материальное положение (Леонидова и др., 2018).

Рис. 3. Доля неформального сектора в общей занятости, %

Источник: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

⁸ Неформально занятые – это прежде всего мелкие хозяйственные единицы (без образования юридического лица).

Вопросы недоиспользования имеющихся ресурсов труда актуальны для всех стран. В 2015 году в России была утверждена новая официальная статистическая методология формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, которое понимается как «несоответствие между предложением рабочей силы и спросом на нее, приводящее к возникновению неудовлетворенной потребности в рабочих местах»⁹. К составляющим недоиспользования рабочей силы относятся неполная занятость с точки зрения продолжительности рабочего времени, безработица. Оперирование показателями безработицы и неполной занятости не позволяет оценить качественную сторону вопроса. Согласно исследованиям Вологодского научного центра РАН и разработанной методике¹⁰ оценен уровень реализации качественных характеристик трудового потенциала. Получается, что вкуче с недоиспользованием рабочего времени, неполной занятостью и т. д. происходит неполная реализация качества трудового потенциала. К примеру, в 2011 году (начало измерений данного показателя) доля нереализованных творческих способностей составляла 51%, а установки на достижение успеха были не реализованы на 49%. Этот показатель к настоящему времени повысился (табл. 4). По всем восьми рассматриваемым качественным характеристикам населения трудоспособного возраста наблюдается увеличение доли работников, использую-

щих свой потенциал в полной мере, на пределе своих возможностей, при одновременном сокращении доли тех, кто отметил, что применяет свои качества и умения «более-менее полно» или «частично». То есть фиксируется постепенная интенсификация использования трудового потенциала (Чекмарева, 2018).

Следует отметить, что рост уровня реализации потенциала физического здоровья вызывает тревожные опасения, т. к. этот ресурс исчерпаем. В то же время повышение уровня реализации в области когнитивных и творческих усилий, а также в части социальных притязаний свидетельствует о росте творческой и знаниевой составляющей в экономике России.

Одна из самых актуальных проблем социально-трудовой сферы – производительность труда. Как показывают данные статистики за 2019 год, производительность труда в России заметно уступает уровню многих развитых стран (26,7 долл. на один час отработанного времени в ценах 2015 г. по ППС против 54,4 долл. в Европейском союзе и 63,2 долл. в странах «Большой семерки»)¹¹.

Максимальное значение индекса производительности труда, согласно данным Росстата, в 2020 году зафиксировано в Забайкальском крае (110%) и Пензенской области (108,7%), минимальное – в ХМАО – Югра (93,7%) и Республике Саха (Якутия) – 92,4%¹². К числу факторов региональной дифференциации индекса производительности труда относятся

Таблица 4. Динамика уровня нереализованного качества трудового потенциала работающего населения Вологодской области, %

Год	Физическое здоровье	Психическое здоровье	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Коммуникабельность	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении
2011	28,4	30,7	31,9	51,0	26,4	31,4	29,8	49,3
2020	16,4	19,2	25,7	36,9	20,1	23,1	22,4	35,1

Источник: результаты мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, 2011–2020 гг.

⁹ Пономарева С.А. Опыт Вологодской области по легализации «теневой» экономики на региональном и местном уровнях // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/content/16438/opyt-vologodskoj-oblasti-po-legalizacii-tenevoj-ekonomiki-na-regionalnom-i-mestnom-urovnyah-pdf.pdf> (дата обращения 15.05.2022).

¹⁰ Данная методика позволяет нам оценить и тот объем качества трудового потенциала, который в данный момент не используется работником в трудовой деятельности, так называемый нереализованный потенциал.

¹¹ Level of GDP per capita and productivity. OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/>

¹² Индекс производительности труда по Российской Федерации, по субъектам Российской Федерации в 2008–2020 гг. (в % к предыдущему году). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения 07.11.2022).

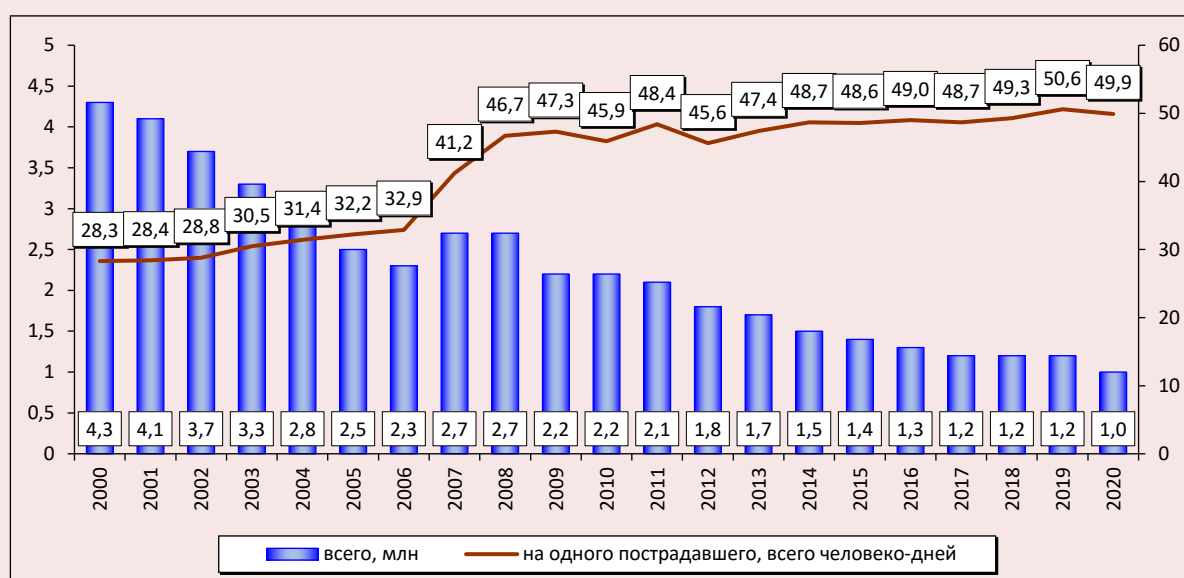
отраслевая структура экономик субъектов Российской Федерации, состояние материально-технической базы отраслей (сегодня на российских предприятиях достаточно высокий износ основных фондов, порядка 40%), наличие рабочей силы требуемой квалификации и т. д. Повышение производительности труда объявлено основной задачей обеспечения устойчивого роста реального сектора экономики¹³. При этом ставится цель «увеличить производительность труда на новой технологической, управленческой и кадровой основе»¹⁴.

Задача роста производительности труда тесно связана с таким показателем социально-трудовой сферы, как производственный травматизм, поскольку он вносит существенный вклад в потери ВРП. Треть (30,2%) работников травмируется по причинам неудовлетворительной организации производства (несоблюдение порядка допуска к проведению работ и ненад-

лежащий контроль, т. е. ненадежность процессов управления охраной труда). Порядка 7% несчастных случаев с тяжелыми последствиями происходит из-за техногенных факторов¹⁵.

Как показывают данные статистики, наибольшую травмоопасность имеют мужские виды экономической деятельности. В начале 2000-х гг. число мужчин, пострадавших на производстве, превышало соответствующий показатель среди женщин более чем в 3 раза. Необходимо заметить, что динамика показателя численности пострадавших на производстве работников имеет положительный тренд. К 2020 году число мужских травм сократилось в 10 раз (до 14,4 тыс. чел.), женских – в 6 раз (до 6 тыс. чел.). Более чем в 4 раза снизилось с 2000 года общее число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве. Однако этот показатель в расчете на 1 пострадавшего вырос почти в 1,7 раза (рис. 4).

Рис. 4. Число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве в РФ

Источник: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

¹³ Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017. № 208. URL: <http://government.ru/docs/all/111512/> (дата обращения 15.06.2022).

¹⁴ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г.

¹⁵ Доклад о результатах мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2020 году. М.: Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2021. URL: vcot.info/uploads/researches_file/...pdf (дата обращения 20.05.2022).

Воспроизводство трудовых ресурсов в России сопряжено с негативными демографическими процессами, по причине которых трансформируется возрастная структура населения в сторону снижения численности граждан трудоспособного возраста (за период 2000–2021 гг. на 7 млн человек, или на 8%). Кроме того, вкуче с общими демографическими тенденциями происходит старение рабочей силы: в 2000 году средний возраст равнялся 38,7 года, в 2020 – 41 год.

Одним из показателей качественной занятости, возможно, самым основным, является заработная плата. Для 96,6% населения работа – это прежде всего способ прокормить семью, то есть она является источником средств к существованию. Однако, как справедливо отмечают исследователи, сказанное не означает, что именно в этом и состоит смысл и ценность труда. По мнению ученых, это просто наиболее «точное описание жизненной ситуации респондентов» (Козина, 2020). Основным источником доходов работающего населения выступает заработная плата по основному месту работы, в связи с чем ресурсные возможности семей ограничены и зачастую имеют дефицитный характер. Более того, ежегодный прирост начисленной заработной платы нивелируется ростом индекса потребительских цен. Несмотря на происходящие с начала 2000-х гг. позитивные трансформации в социально-экономической жизни российского общества, для него по-прежнему характерно избыточное монетарное неравенство: с 2003 года коэффициент фондов не опускался ниже 15 раз, индекс Джини – ниже отметки 0,400, а уровень бедности относительно стабилен с 2008 года (в пределах 11–13%). Стабилизация показателей неравенства, фиксируемая официальной статистикой в последние годы, обеспечивается за счёт снижения доходов наиболее обеспеченных групп населения при одновременном обогащении «элитных и субэлитных слоёв». При этом материальное положение наименее обеспеченных групп населения значительно не улучшается (Леонидова, Басова, 2020).

Данные официальной статистики свидетельствуют, что рост заработной платы в Вологодской области значительно ограничивается инфляционными процессами в экономике.

Ежегодный прирост начисленной заработной платы в регионе с 2000 года составлял 7–12%, однако с учетом индекса потребительских цен динамика заработной платы в некоторые годы имела отрицательный характер. Недостаточный уровень заработной платы, ограничивая покупательную способность населения, приводит к самовоспроизводству бедности, снижает уровень трудовой мотивации занятых (Леонидова и др., 2021).

Согласно результатам федерального статистического наблюдения за 2018 год, в России в целом только 39% занятых в экономике вполне удовлетворены своей заработной платой. При этом в подавляющем числе регионов (51 субъект) значение данного показателя ниже среднероссийского уровня. Вологодская область по удовлетворенности заработком в рейтинге российских регионов находилась на 78 месте. Крайне малый процент опрошенных (25%) высказали удовлетворенность оплатой труда.

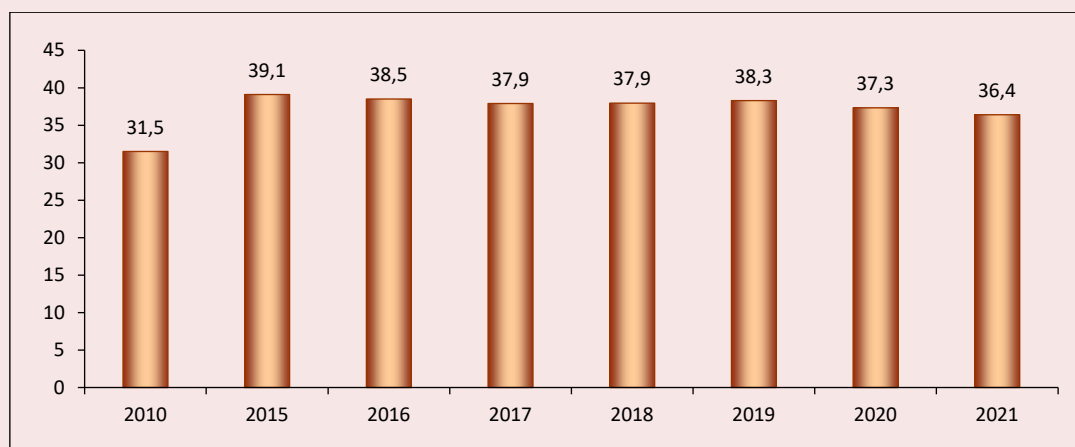
Условия работы, как показывают результаты европейских исследований, оказывают влияние на трудоспособность одной трети занятых. Согласно исследованию Европейского фонда улучшения условий жизни и труда (European Foundation for the Development of Living and Working Conditions), в 2009 году каждый четвертый работник в Европе отсутствовал на работе из-за проблем со здоровьем; каждый десятый подвергся несчастному случаю на рабочем месте¹⁶.

Согласно исследованиям Helloworkplace – Mieux-lemag – Исследование Малакофф-2019¹⁷, 70% работников жалуются на психологическое утомление на работе, 53% – на физическое утомление, стресс касается каждого второго работника, профессиональное выгорание – каждого восьмого, а скелетно-мышечные боли, составляя 80% всех профессиональных заболеваний, являются главной причиной отсутствия на работе.

¹⁶ Nasman O., Ahonen G. (2007). The DRUVAN-project: A major increase in Occupational Health Service based on the Metal Age method in a Finnish municipality improved the work ability and gave significant financial return. The Centre for Occupational Safety and The Finnish Work Environment Fund. PunaMusta, Iisalmi, 7 p.

¹⁷ URL: <https://ru.hrmaps.eu.com/category/%d1%81%d1%82%d0%b0%d1%82%d0%b8%d1%81%d1%82%d0%b8%d0%ba%d0%b0/>

Рис. 5. Удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в организациях (на конец года), %

Источник: Доклад о результатах мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2020 году. М.: Министерство труда и социальной защиты РФ, 2021. URL: vcot.info/uploads/researches_file/....pdf (дата обращения 20.05.2022).

Сохраняется высокая доля работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (рис. 5). В 2021 году 36,4% работников были заняты на работах с вредными и (или) опасными условиями труда в целом по видам экономической деятельности. Наибольшая доля таких рабочих мест характерна для видов экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» (54,4%), «добыча угля» (79,1%), «производство кокса и нефтепродуктов» (54,4%).

В контексте отмеченных обстоятельств правомерно подчеркнуть, что параметры социально-трудовой сферы (условия труда, качество рабочих мест, их соответствие требованиям здоровьесбережения, материального благополучия, возможностям развития и роста) должны находиться в фокусе постоянного внимания хозяйствующих субъектов и государства в целом.

Качество трудовой жизни в условиях существующих тенденций социально-трудовой сферы

Анализ результатов расчета частных и интегральных индексов КТЖ показал, что значения индексов положительные (табл. 5). Тем не менее, они достаточно низкие (при максимуме на шкале, равном +2 ед., значение, к примеру, интегрального (обобщающего) индекса составляет 0,390, т. е. меньше 1).

В 2020 году произошел рост интегрального показателя. Понижательный тренд наметился только в отношении устойчивости занятости (с 0,927 до 0,901 ед.), что обусловлено реалиями первого пандемийного года, связанными с ростом безработицы, увольнениями, сокращениями и т. д. Наибольшие значения имеют частные индексы удовлетворенности устойчивостью занятости (0,927 в 2018 году, 0,901 в 2020 году) и психологическим климатом в организации (0,424 в 2018 году, 0,577 в 2020 году); наименьшие — частные индексы удовлетворенности возможностями для карьерного роста (0,129 в 2018 году, 0,190 в 2020 году), оплатой труда (0,111 в 2018 году, 0,205 в 2020 году), условиями и организацией труда (0,176 в 2018 году, 0,296 в 2020 году).

Чаще положительно воспринимает качественные характеристики трудовой жизни население со следующими социально-демографическими характеристиками: средний рабочий возраст (25–49 лет), наличие официальных семейных отношений и детей.

Нужно отметить, что если при самоидентификации население относит себя к категории бедных («денег не хватает даже на приобретение продуктов питания»), то оценка удовлетворенности качеством трудовой жизни имеет

Таблица 5. Значения частных индексов и индивидуальных индикаторов КТЖ занятого населения Вологодской области (2018–2020 гг.), балл

Компоненты ИКТЖ	Вологда		Череповец		Районы		Область	
	2018 г.	2020 г.	2018 г.	2020 г.	2018 г.	2020 г.	2018 г.	2020 г.
Частные индексы удовлетворенности КТЖ								
Индекс оплаты труда	0,212	0,139	0,084	0,031	0,067	0,359	0,111	0,205
Индекс условий и организации труда	0,198	0,332	0,139	0,223	0,187	0,316	0,176	0,296
Индекс использования и развития человеческого потенциала	0,256	0,400	0,262	0,433	0,210	0,307	0,238	0,369
Индекс возможностей карьерного роста	0,135	0,166	0,144	0,173	0,115	0,218	0,129	0,190
Индекс устойчивости занятости	0,938	0,822	0,941	0,784	0,910	1,029	0,927	0,901
Индекс психологического климата в трудовом коллективе	0,541	0,716	0,482	0,694	0,314	0,405	0,424	0,577
Индекс взаимодействия с общим жизненным пространством	0,364	0,703	0,207	0,628	0,240	0,409	0,263	0,557
Индекс социальной значимости труда	0,357	0,741	0,342	0,698	0,205	0,278	0,286	0,530
Интегральный (сводный) индекс удовлетворенности КТЖ								
Индекс удовлетворенности качеством трудовой жизни	0,311	0,425	0,252	0,372	0,220	0,375	0,254	0,390

Источник: данные социологических опросов «Качество трудового потенциала», ВолНЦ РАН, 2018–2020 гг.

очень низкую границу – в 2018 году она отрицательна (-0,213 ед.), а в 2020 году – самая низкая из всех индексов (0,100 ед.).

Неудовлетворенность трудом, как правило, становится фактором, повышающим недовольство работников своим социальным положением. Напротив, удовлетворенность, согласно исследованиям российских социологов¹⁸, имеет «тесную взаимосвязь с заинтересованностью людей в продуктивной эффективной деятельности, что порождает благоприятные установки по отношению ко всей совокупности общественных ценностей». Это подтверждают экономические эффекты работы тех, кто удовлетворен качеством трудовой жизни, которые выражаются в более высоком уровне заработной платы и реализации качественных свойств трудового потенциала. Качество трудового потенциала у таких работников существенно выше.

¹⁸ Динамика социально-экономического положения населения современной России и проблемы адаптации к измененным условиям труда и занятости (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992–2008 гг.»): инф.-аналит. бюллетень (ИНАБ), № 4. М.: Институт социологии РАН, 2009. 96 с.

Именно в этом ключе, через призму качества трудовой жизни, как показывают результаты исследования, необходимо оценивать динамику параметров социально-трудовой сферы.

Заключение

Учитывая значимость качества трудовой жизни для экономики в целом, считаем, что в условиях новых экономических реалий эффективным способом его повышения будет являться создание высокопроизводительных рабочих мест. Опираясь на определение высокопроизводительных рабочих мест, можно утверждать, что их сущность тесно связана с КТЖ. Во-первых, такое рабочее место должно быть обеспечено высокой оплатой труда. Во-вторых, оно должно быть высокотехнологичным, автоматизированным, инновационным, цифровым и т. д.

Рассмотрение КТЖ как инструмента управления позволяет получить положительные результаты от внедрения различных социальных практик, отвечающих потребностям работников. Это могут быть различные социальные инновации (организационные, экологические, эстетические и т. д.), существенно влияющие на производительность труда; например, внедрение на предприятиях и организациях

программ здоровьесбережения. Такие корпоративные практики позволяют снизить потери от нетрудоспособности от ряда причин почти на 30%¹⁹.

Повышению качества трудовой жизни будет способствовать рост ответственности работодателей в данном вопросе. Этому могут

помочь внедрение и использование субъективной оценки КТЖ в качестве одного из индикаторов специальной оценки условий труда (СОУТ) и соответствующий мониторинг показателя удовлетворенности условиями труда как индикатора эффективности деятельности работодателей.

Литература

- Смит А. (2009). Антология экономической мысли. Исследование о природе и причинах богатства народов: [пер. с англ.]. Москва: Эксмо. 956 с.
- Ахапкин Н.Ю., Волкова Н.Н., Иванов А.Е. (2018). Развитие цифровой экономики и перспективы трансформации российского рынка труда // Вестник ИЭ РАН. № 5. С. 51–65.
- Белехова Г.В., Ивановская А.Л. (2022). Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 209–222. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.11
- Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. (2021). Циркулярная модель потребления и качество жизни населения // Журнал экономической теории. Т. 18. № 2. С. 239–253. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.6>
- Бобков В.Н., Бобков Н.В. (2014). Ноосферное социальное качество: от теорий к проектированию // Уровень жизни населения регионов России. № 2 (192). С. 7–21.
- Бурганова Л.А., Савкина Е.Г. (2007). «Человеческие отношения»: уроки Хоторнского эксперимента // Вестник экономики, права и социологии. Социология. № 3. С. 91–103.
- Буткалюк В.А. (2010). Качество трудовой жизни как составляющая качества жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. № 4. С. 138–151.
- Волгин Н.А. (2017). Новые трансформации и изменения в современной трудовой сфере России – стимулы или тормозы развития? // Охрана и экономика труда. № 1 (26). С. 4–7.
- Волгин Н.А. (2021). Организация труда в структуре трудовой сферы: содержание, взаимосвязь и взаимовлияние ее элементов // Социально-трудовые исследования. № 2. С. 5.
- Друкер П.Ф. (2004). Задачи менеджмента в XXI веке: пер. с англ. Москва: Вильямс. 272 с.
- Исайкина Т.Ф., Липатова Л.Н. (2019). Инновации в социально-трудовой сфере: опыт российских регионов // Научное обозрение. № 2.
- Каменецкий В.А. (2001). Социально-трудовая сфера в условиях трансформации системы производственных отношений в России. Москва. 319 с.
- Карпушкина, А.В., Балдина, Ю.А. (2013). Социально-трудовая сфера как объект институционального анализа // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 7. № 2. С. 177–179.
- Козина И.М. (2020). Человек на работе: мир труда в оценках россиян // Социодиггер: ежегодник ВЦИОМ. Т. 1. С. 82–97.
- Колмакова Е.М. (2011). Развитие социально-трудовой сферы в условиях перехода к инновационной экономике // Вестник Челябинского государственного университета. № 31. С. 40–43.
- Коул Дж. (2004). Управление персоналом в современных организациях / пер. с англ. Н. Г. Владимирова; под ред. В.И. Ярных, А.Г. Старовик. Москва: Вершина. 351 с.
- Лаптева Е.В., Остроумов В.В. (2020). Н.А. Витке и «Школа человеческих отношений». Управленческие науки // Management Sciences in Russia. № 10 (3). С. 78–85. DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-3-78-85
- Леонидова Г.В. (2020). Проблемы человеческого развития в социально-трудовой сфере российских регионов // Мир экономики и управления. Т. 20. № 3. С. 184–200. DOI 10.25205/2542-0429-2020-20-3-184-200

¹⁹ В Минздраве считают, что корпоративные программы могут сократить до 30% трудовые потери. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6778718> (дата обращения 07.11.2022).

- Леонидова Г.В., Басова Е.А. (2020). Социальная политика региона и проблемы «работающих бедных» в контексте качества трудовой жизни // Проблемы развития территории. № 3 (107). С. 7–26. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.1
- Леонидова Г.В., Басова Е.А., Белехова Г.В. (2021). Исследование качества трудовой жизни работающего населения (на примере Вологодской области) // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. № 4. С. 36–45. DOI: 10.18323/2221-5689-2021-4-36-45
- Леонидова Г.В., Попов А.В., Россошанская Е.А. (2018). Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований. Вологда: ВолНЦ РАН, 192 с.
- Бобков В.Н. [и др.] (2019). Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: научная монография / колл. авторов; гл. науч. ред. В.Н. Бобков. 2-е изд., стер. Москва: КНОРУС. 342 с.
- Попов А.В. (2019). Влияние прекаризации занятости на положение наемных работников: социологический аспект // Вопросы территориального развития. № 5 (50). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28382>. DOI: 10.15838/tidi.2019.5.50.8
- Сафина Л.М., Валева Э.Р., Карасик Е.А. (2019). Институт занятости в развитии качества трудовой жизни // Экономические науки. № 12. С. 306–309. DOI: 10.14451/1.18130
- Соболева И.В., Соболев Э.Н. (2021). Открытая и латентная безработица в условиях пандемии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.11
- Социология Ядова: методологический разговор. [Избранные труды В.А. Ядова] (2019) / ФНИСЦ РАН; ред.-сост., авторы предисл.: Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева, О.Ф. Оберемко. Москва: Новый хронограф. 944 с.
- Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер В.В. (2010). Социально-трудовые отношения: содержание, механизм управления, зарубежный опыт / под ред. В.В. Фаузера. Сыктывкар; Ухта. 102 с.
- Чекмарева Е.А. (2018). Динамика и современные особенности уровня реализации качества трудового потенциала // Социальное пространство. № 3 (15). DOI: 10.15838/sa.20
- Экономика труда (социально-трудовые отношения) (2003) / под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. Москва: Экзамен.
- Юсов А.Б. (2009). Социально-трудовая сфера: тенденции развития и методы мониторинга и прогнозирования. М.: РАГС. 160 с.
- Янченко Е.В. (2010). Социально-трудовые отношения в системе воспроизводства трудовых ресурсов на этапе становления экономики знаний // Экономика и управление. № 11 (72). С. 124–127.
- Almarshad S.O. (2015). A measurement scale for evaluating quality of work life: Conceptualization and empirical validation. *Trends in Applied Sciences Research*, 10(3), 145.
- Hackman J.R., Oldham G.R. (1975). Development and the job diagnostic survey. *Journal of Applied Psychology*, 60, 159–170.
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. St Louis: Washington University.
- Veblen T. (1919). *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays*. New York.

Сведения об авторе

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Leonidova G.V.

Social and Labor Sphere in the Russian Federation: Trends and Risks in the Formation of the Quality of Working Life

Abstract. The relevance of studying the social and labor sphere from the position of its tendencies and risks for the formation of the quality of working life is due to the search of determinants causing its low estimates. It is important to address the issues concerning the quality of working life because the quality of life in general becomes today the main criterion of social progress, indicating the turn of the economy toward human needs and its humanization. The article analyzes trends in the social and labor sphere (employment, unemployment, working conditions). It shows changes taking place inside the socio-demographic groups of the employed population (growth of educational level, growth of highly educated population in the composition of the unemployed, etc.). We highlight the causes of economic losses related to the unsatisfactory condition of workplaces, the maintenance of a high share of workers in industries with harmful and hazardous working conditions, and workplace injuries. We provide index assessments of the quality of working life of the employed population and assess workers' low satisfaction with working conditions. The information base is represented by the data of a sociological survey of employable population of the region, conducted by RAS Vologda Research Center in 2018 and 2020. The article uses the method of subjective evaluation of quality of working life by the indicators that characterize people's assessment of wages, working conditions, organizational and economic characteristics, and socio-psychological conditions. Scientific novelty of the research consists in substantiating the influence of social and labor sphere on the formation of the quality of working life of the working population. Practical significance lies in the development of proposals to improve the quality of working life, which helps to obtain positive results in terms of improving the efficiency of working activity. Various social innovations (organizational, environmental, aesthetic, etc.) in the workplace that influence employees' work efficiency (for example, the introduction of health saving programs at enterprises and organizations, which will reduce losses from disability) can be such tools. They can also include surveys of employees about their satisfaction with the quality of working life in a special assessment of working conditions.

Key words: social and labor sphere, quality of working life, working potential, employment, workplace.

Information about the Author

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Статья поступила 30.06.2022.

Оценка развития цифровой занятости на рынке труда на примере ИТ-отрасли: базовые метрики

Татьяна Александровна

КАМАРОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: Kta@usue.ru

ORCID: 0000-0003-0087-9310; ResearcherID: ABC-9312-2021

Наталья Владимировна

БАРАНОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: Baranova_usue@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам оценки развития цифровой занятости в отрасли информационных технологий. Целью исследования является определение метрик цифровой занятости в ИТ-отрасли в гендерном и территориальном разрезе, которые могут применяться для мониторинга развития и комплексной оценки рынка труда в предметной области. Представлено авторское понимание сущности термина «цифровая занятость». Исследование проводилось методом бенчмаркинга и контент-анализа информации о спросе и предложении рабочей силы в отрасли информационных технологий, представленной на российских государственных и коммерческих веб-сайтах по поиску работы и подбору персонала (порталы «Работа России» и HeadHunter). Предметом контент-анализа являлась информация о количестве и составе вакан-

Для цитирования: Камарова Т.А., Баранова Н.В. (2022). Оценка развития цифровой занятости на рынке труда на примере ИТ-отрасли: базовые метрики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 199–214. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.12

For citation: Kamarova T.A., Baranova N.V. (2022). Assessing the development of digital employment in the labor market on the example of the IT sector: Basic metrics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 199–214. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.12

сий и резюме в цифровом сегменте занятости в ИТ-отрасли, в том числе содержащих указание на удаленный график работы, как в целом по выборке, так и в гендерном и отраслевом разрезе. Контент-анализ охватил вакансии и резюме по всем федеральным округам: Центральному, Северо-Западному, Южному, Северо-Кавказскому, Приволжскому, Уральскому, Сибирскому, Дальневосточному. На основе полученных результатов рассчитана структура профессиональных квалификаций, выявлены гендерная специфика и общие тенденции развития цифровой занятости в ИТ-отрасли как в среднем по стране, так и по федеральным округам. Анализ информации о запросах участников рынка труда в исследуемой области позволил сделать вывод об асимметрии спроса и предложения. Для оценки развития рынка профессиональных квалификаций в отрасли информационных технологий были вычленены метрики цифровой занятости, позволяющие оценить ее количественные и качественные характеристики, в том числе в гендерном и территориальном разрезе. Результаты исследования в дальнейшем могут применяться при мониторинге развития и комплексной оценке цифровой занятости в отрасли информационных технологий, а также послужить основой для разработки и реализации программ государственной политики в сфере регулирования цифровой занятости на рынке труда ИТ-отрасли.

Ключевые слова: цифровая занятость, удаленная (дистанционная) занятость, отрасль информационных технологий, ИТ-отрасль, гендер, резюме, вакансия, рынок труда.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614 «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие».

Введение

Актуальность исследования обусловлена процессами глобализации, цифровизации, информатизации, широким внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и интернета в организацию труда и возрастанием их роли в экономике государства. В современных быстроменяющихся условиях цифровой экономики под влиянием множества различных факторов трансформируется занятость населения, развиваются ее цифровые формы, изменяется структура экономики страны, в том числе отрасль информационных технологий (далее – ИТ-отрасль). Для своевременного выявления масштабов, структуры, гендерных особенностей и эффективности использования цифровой занятости в ИТ-отрасли необходимы метрики социально-экономической оценки развития данного сегмента занятости. Разработка таких метрик выступает одним из ожидаемых результатов реализации Стратегии развития ИТ-отрасли до 2025 года¹, согласно которой данная отрасль в России имеет

потенциал глобальной конкурентоспособности и должна стать одной из важнейших точек роста экономики. В настоящее время доля ИТ-специалистов в общей численности занятых не превышает 1,2%, в то время как в странах с развитой цифровой экономикой этот показатель достигает 2,0–3,4%. Для достижения лидирующих позиций в области цифровизации экономики в России необходим значительный прирост квалифицированных ИТ-кадров в краткосрочной перспективе. Это требует новых подходов к систематизации информации об актуальном спросе и предложении на рынке труда, применения релевантных метрик для оценки развития цифровой занятости в ИТ-отрасли, а также корректировки государственной политики в сфере занятости.

Цель исследования – критическая оценка и отбор основных метрик цифровой занятости в ИТ-отрасли, которыми располагают цифровые платформы поиска работы и подбора персонала (работные порталы).

¹ Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4084/> (дата обращения 25.06.2022).

Задачи исследования:

1) провести контент-анализ спроса и предложения в цифровом сегменте рынка труда в ИТ-отрасли по данным порталов;

2) вычленив метрики, характеризующие развитие цифровой занятости в ИТ-отрасли по данным порталов;

3) выявить гендерные особенности и структуру цифровой занятости в ИТ-отрасли в разрезе федеральных округов.

Новизна исследования заключается в возможности применения информационной базы цифровых платформ поиска работы и подбора персонала (порталов) для оценки масштаба, гендерной и территориальной специфики цифровой занятости в сфере информационных технологий.

Обзор литературы

Результатом четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0) стала трансформация современного общества, которая, в свою очередь, привела к развитию цифровых форм коммуникаций в социально-трудовой сфере и сфере занятости. Благодаря беспрецедентному развитию ИТ-отрасли рынок труда приобрел значительную гибкость, появились цифровые формы занятости в разных отраслях, такие как дистанционная, платформенная, самозанятость на основе цифровых технологий и др.

Осмысление цифровой занятости как части цифровой экономики является новым проблемным исследовательским полем. Хотя научный интерес к вопросам цифровой трансформации занятости начал формироваться более 20 лет назад, понятийно-терминологический аппарат в данной области проработан весьма слабо. Проведенный анализ научных публикаций подтверждает, что в настоящее время не сложилось единого подхода к определению и пониманию сущности цифровой занятости, однако позволяет выделить разнообразие ее форм.

Мейнстримом цифровой занятости в настоящее время является дистанционная занятость. Этот сегмент на рынке труда достаточно широк (Колосова, Луданик, 2018; Федченко и др., 2018; Калашникова, Филиппова, 2020), в связи с чем исследователи поднимают вопросы преимуществ и недостатков применения дистанционной занятости, а также уделяют внимание факторам, обуславливающим перспектив-

ное развитие удаленной занятости (Мамонтова, 2019; Мусаев, 2019; Дашкова, Звягинцева, 2020; Разумова и др., 2020; Lapina, Stuken, 2017; Róbert et al., 2019). Среди преимуществ дистанционной занятости отмечаются возможность иметь гибкий рабочий график, сокращение расходов на дорогу; особое внимание уделяется возможностям трудоустройства, которые дистанционная занятость открывает перед лицами с ограниченными возможностями здоровья и женщинами с маленькими детьми.

Наряду с преимуществами во многих публикациях освещаются и недостатки применения дистанционной занятости (Гебриаль, 2008; Пеша, 2018; Землянухина, 2019; Тонких, 2019; Thulin, Vilhelmson, 2019), которые могут послужить препятствием для ее развития и распространения на рынке труда. Основные проблемы дистанционной работы связаны с коммуникативным взаимодействием между коллегами и руководителем.

Воздействие цифровизации стало вызовом для организации и структурирования рынка труда и способствовало появлению цифровой занятости. Одни из первых работ, посвященных именно этому виду занятости, принадлежат Н.А. Азьмук, которая сделала попытку сформулировать определение цифровой занятости, раскрыть ее сущность, обосновала сегментацию рынка труда на цифровой и традиционный, определила особенности цифрового рынка труда, преимущества и риски использования цифровой занятости (Азьмук, 2020). Е.А. Черных вычленила критерии данного феномена, определила социально-демографические характеристики платформенных работников, установила корреляцию между этими характеристиками и качеством и устойчивостью занятости (Черных, 2021).

М.В. Чудиновских (Чудиновских, 2021) обосновала преимущества использования платформенной занятости, вместе с тем выявила угрозы и риски ее применения. Основная проблема связана с отсутствием законодательного регулирования и правового статуса платформенных работников, что может снижать уровень их социальной защищенности. Аналогичную проблему «нестандартного» регулирования и необходимость ее дальнейшего решения отмечают зарубежные исследова-

тели (Dieuaide, Azaïs, 2020). Цифровизация, с одной стороны, создала бесконечные возможности для развития новых форм занятости, а с другой, способствовала значительному усилению неопределенности на рынке труда. Например, развитие цифровых форм занятости остро поставило проблему «скрытого статуса» цифровых работодателей, что требует скорейшей трансформации государственной политики в сфере занятости и нового типа цифрового управления (Chen et al., 2020).

Р.Н. Абрамов и А.В. Быков подчеркивают, что проникновение цифровых технологий в сферу труда способствовало развитию платформенной и дистанционной занятости. Пандемия COVID-19 только ускорила цифровизацию ряда отдельных сфер занятости, в первую очередь связанных с услугами доставки и перевозки. Рост сегмента платформенной занятости в крупных российских городах, по мнению авторов, связан с неквалифицированным трудом и прекарными условиями занятости. Можно согласиться с ними в том, что фундаментальные изменения в сфере занятости нуждаются в осмыслении и анализе их последствий (Абрамов, Быков, 2021).

Обзор научных источников позволяет выявить общую тенденцию: к цифровой занятости многие исследователи относят нестандартные дистанционные и платформенные формы занятости. На наш взгляд, такой подход к определению сущности цифровой занятости слишком узок. Следует согласиться с тем, что дистанционная (удаленная) и платформенная занятость — формы цифровой занятости, что особенно ярко проявилось в постпандемийный период. Однако мы понимаем цифровую занятость шире — занятость с использованием (более 70% рабочего времени) цифровых технологий и ИКТ как неотъемлемой части трудовой деятельности. При этом собственно трудовой процесс может осуществляться как на стационарном рабочем месте, так и в удаленном формате, способы применения цифровых технологий и ИКТ могут отличаться в зависимости от формы занятости.

Всё это обуславливает проблемы статистического учета самой цифровой занятости и ее форм, которые развиваются под влиянием цифровизации (дистанционной, платформен-

ной и пр.)². Крайне затруднительно оценить объем платформенной занятости в России, что связано с отсутствием ее статистического учета; количество зарегистрированных на платформах самозанятых также не позволяет делать достоверные выводы (Синявская и др., 2021). В целом учет цифровой занятости не охватывает ее во всей полноте, конкретные виды занятости не выделяются, и в связи с продолжающейся цифровизацией экономики необходимо совершенствовать инструментальный измерения рынка труда для охвата имеющихся и вновь появляющихся форм цифровой занятости.

Следует подчеркнуть, что в отечественных статистических публикациях учет цифровой занятости ведется только среди занятых в профессиях, связанных с интенсивным использованием ИКТ (Абдрахманова и др., 2022), что подтверждает наш тезис об ИКТ как неотъемлемой части цифровой занятости.

Что касается зарубежных методик учета, то, например, исследование новых форм занятости, их масштабов, распространенности проводит Европейский фонд по улучшению условий жизни и труда, выявляя новые тенденции и актуальные проблемы новых форм занятости, в том числе цифровой, для обеспечения адекватной социальной защиты и достойных условий труда (Mandl, 2020).

Вопросам методики оценки цифровых видов занятости посвящены работы отечественных и зарубежных ученых. Так, Д.В. Маляр исследовал корреляцию дистанционной занятости и развития цифровой экономики и установил, что применение дистанционного формата в разных отраслях экономики зависит от степени использования цифровых технологий в производстве, а также от возможности «оцифровывания» результатов работы. Можно согласиться с ним в том, что дистанционная занятость, основанная на использовании ИКТ, способствует разворачиванию цифровой эконо-

² Демьянова А.В. Статистическое измерение влияния цифровизации экономики на занятость: презентация к докладу на заседании секции статистики науки, инноваций, образования и информационного общества НМС Росстата (9 апреля 2021 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ryCC4yXJ/Demyanova.pdf> (дата обращения 10.10.2022).

мики, а объемы такой занятости могут служить метриками диджитализации экономики (Маяр, 2019).

Н.В. Тонких, М.В. Чудиновских и Т.Л. Марковой исследованы гендерные аспекты женской дистанционной работы в условиях цифровой экономики. Метрики удаленной занятости позволили оценить ее масштабы и перспективы развития данного сегмента занятости среди женщин, связанные с возможностью совмещать родительскую и социальную функции (Tonkikh et al., 2019).

Несмотря на охват многих аспектов цифровой занятости, можно отметить, что в научной литературе представлено недостаточно самостоятельных исследований, посвященных вопросам оценки развития цифровой занятости на рынке труда по данным открытых источников, каковыми могут выступать цифровые платформы поиска работы и подбора персонала.

Материалы и методы

Методология исследования базировалась на авторском понимании цифровой занятости. Отличительным признаком цифровой занятости является, на наш взгляд, применение ИКТ как неотъемлемой части трудовой деятельности, занимающее более 70% рабочего времени. Специалистов ИТ-отрасли можно отнести к цифровой занятости, так как их труд связан с интенсивным использованием ИКТ.

Цифровая занятость, предполагающая применение ИКТ, может осуществляться как в «стандартных» условиях на стационарном ра-

бочем месте (не более 40 часов по Трудовому кодексу РФ на территории работодателя), так и с помощью нестандартных форм (дистанционной, гибридной, платформенной, гибкого режима работы, самозанятости, фриланса).

В ходе исследования использовались методы статистического и социально-экономического анализа, бенчмаркинга. Эмпирическое исследование спроса и предложения в сегменте цифровой занятости в ИТ-отрасли проводилось путем контент-анализа информации об общем количестве и составе резюме и вакансий, опубликованных на российских государственных и коммерческих цифровых платформах поиска работы и подбора персонала (работных порталах).

Информационной базой послужили резюме и вакансии в ИТ-отрасли, представляющие сегмент цифровой занятости, опубликованные в открытом доступе на крупнейших работных порталах – коммерческом интернет-ресурсе HeadHunter и государственном веб-сервисе «Работа России».

Ключевые поисковые критерии: вакансии и резюме с указанием специализации «информационные технологии».

Сбор информации о спросе и предложении осуществлен 19 июня 2022 года во всех федеральных округах. Количество обработанных вакансий и резюме в сегменте цифровой занятости в ИТ-отрасли представлено в *таблице 1*.

Обработка вакансий и резюме проводилась с помощью Microsoft Excel.

Таблица 1. Количество вакансий и резюме в сегменте цифровой занятости в ИТ-отрасли по федеральным округам

Платформа	Федеральный округ	Количество резюме	Количество вакансий
HeadHunter	Центральный	249157	29867
	Северо-Западный	104698	8550
	Южный	40994	3461
	Северо-Кавказский	6403	390
	Приволжский	62240	8257
	Уральский	22496	3635
	Сибирский	24320	3867
	Дальневосточный	8984	1201
	<i>Итого по Российской Федерации</i>		519292
Работа России	Российская Федерация	150384	20490

Источник: рассчитано авторами по данным порталов HeadHunter и «Работа России».

Результаты и обсуждение

Для решения первой исследовательской задачи нами был проведен контент-анализ информации об общем количестве резюме и вакансий в ИТ-отрасли, опубликованных на портале HeadHunter³. Анализ охватил все федеральные округа (табл. 2).

Северо-Западный и Центральный федеральные округа занимают лидирующие позиции по количеству резюме и вакансий в ИТ-отрасли. Наличие интереса со стороны работников и работодателей может говорить о развитости отрасли информационных технологий на рассматриваемых территориях.

Уральский федеральный округ по спросу и предложению труда в ИТ-отрасли занимает среднее положение, что можно объяснить промышленной специализацией экономики округа, где более востребованы специалисты других профессий. Небольшое предложение труда в ИТ-области в Южном и Северо-Кавказском федеральном округах также можно связать с отраслевой спецификой территорий, где в приоритете сельское хозяйство.

Доля вакансий в ИТ-отрасли в среднем по федеральным округам в 1,5 раза превышает долю аналогичных резюме. Что касается количественных показателей вакансий и резюме, то наблюдается перекоп в сторону предложения труда, которое превышает спрос в 8,7 раза в среднем по всем округам (меньше всего разница между количеством резюме и вакансий в Уральском федеральном округе – 6,12, больше всего в Северо-Кавказском – 16,42). Таким образом, из количественного сравнения резюме и вакансий можно сделать вывод, что современное предложение труда не может удовлетворить спрос на специалистов в ИТ-отрасли.

Проведенный бенчмаркинг не позволил сопоставить полученные данные в территориальном разрезе с аналогичной информацией на портале «Работа России»⁴, поскольку географические области на работных порталах представлены по-разному и не в полном объеме. Уровень представленности реального рынка резюме и вакансий в целом по стране составил 2,37 и 0,85% соответственно.

Таблица 2. Доля цифровой занятости в ИТ-отрасли по федеральным округам

Федеральный округ	Резюме, %	Вакансии, %	Коэффициент соотношения вакансий и резюме
Центральный	5,65	10,63	1,9
Приволжский	3,49	5,77	1,7
Дальневосточный	3,81	5,33	1,4
Сибирский	3,61	5,13	1,4
Уральский	3,50	4,91	1,4
Северо-Западный	6,72	8,65	1,3
Южный	3,79	4,88	1,3
Северо-Кавказский	3,81	3,75	0,9
<i>Среднее значение</i>	4,29	6,47	1,5

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

³ URL: https://ekaterinburg.hh.ru/search/resume/advanced?no_default_area=&area=1118&area=1174&area=1192&area=1932&area=1941&area=1943&area=1946&area=1948&area=1960&area=1975&area=1982&clusters=true&exp_period=all_time&gender=male&items_on_page=50&label=only_with_gender&logic=normal&no_magic=false&order_by=relevance&ored_clusters=true&pos=full_text&professional_role=10&professional_role=12&professional_role=25&professional_role=34&professional_role=36&professional_role=73&professional_role=96&professional_role=104&professional_role=107&professional_role=112&professional_role=113&professional_role=114&professional_role=116&professional_role=121&professional_role=124&professional_role=125&professional_role=126&text=&htmlFrom=resume_search_result (дата обращения 25.06.2022).

⁴ Резюме соискателей по всей России // Работа России: [сайт]. URL: https://trudvsem.ru/cv/search?_regionIds=&page=0&professionalSphere=InformationTechnology (дата обращения 25.06.2022).

В Стратегии развития ИТ-отрасли отражены ключевые индикаторы развития, одной из основных метрик назван удельный вес численности занятых в ИТ-отрасли в численности занятых по экономике. Этот показатель в 2017 году равнялся 0,49%, прогноз на 2025 год составляет 0,60%.

Анализ резюме позволил выявить гендерную структуру специализаций в ИТ-отрасли, а также специфику «женских» и «мужских» профессий (рис. 1).

В среднем по округам была выявлена общая гендерная структура цифровой занятости, которая позволила выделить «типично мужские» (технический директор, директор по информационным технологиям) и «типично женские» (дизайнер, художник) профессии.

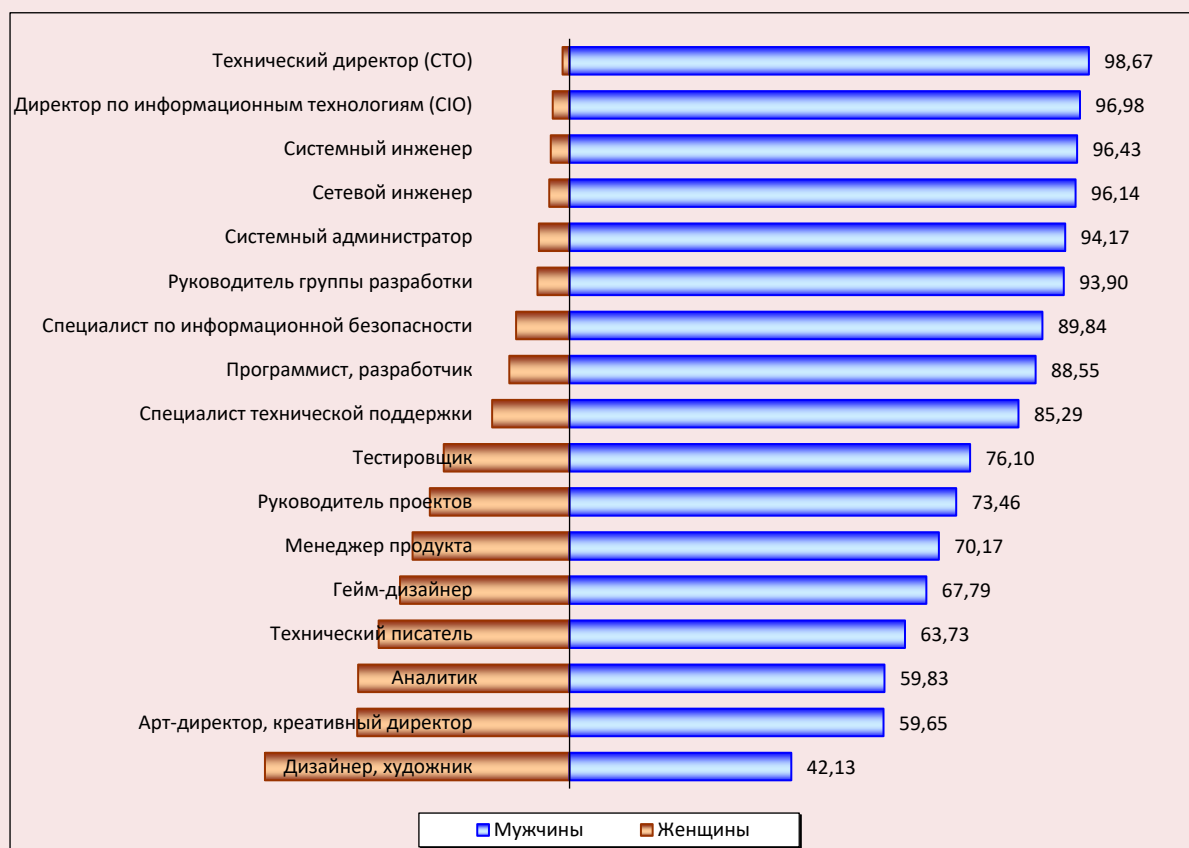
Бенчмаркинг аналогичной информации на портале «Работа России» не дал возможности

выявить структуру специальностей в ИТ-отрасли ввиду отсутствия данных метрик. Информация, представленная на указанном портале, позволяет рассмотреть резюме лишь в целом по сфере «Информационные технологии, телекоммуникация, связь». Так, доля женских резюме в этой профессиональной области в целом по стране составила 31,91%, мужских – 68,09%.

Гендерная структура ИТ-профессий в распределении по округам (табл. 3) отражает общие тенденции в выборе специальностей в отрасли.

Так, по всем федеральным округам, кроме Дальневосточного, первое место в мужских резюме занимает профессия технического директора (СТО). Также можно выделить такие преимущественно «мужские» специальности, как системный инженер, системный админи-

Рис. 1. Гендерная структура цифровой занятости по ИТ-профессиям в среднем по федеральным округам, %

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

Таблица 3. Гендерная структура цифровой занятости по ИТ-профессиям в федеральных округах, %

Специализация (профессия)	ЦФО		СЗФО		ЮФО		СКФО		ПФО		УФО		СФО		ДФФО	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Технический писатель	63,99	36,01	60,20	39,80	88,76	11,24	63,64	36,36	67,86	32,14	57,89	42,11	43,84	56,16	63,64	36,36
Технический директор (СТО)	97,69	2,31	98,08	1,92	99,93	1,07	100,00	0,00	99,23	0,77	98,31	1,69	98,76	1,24	98,33	1,67
Тестировщик	77,60	22,40	73,90	26,10	76,19	23,81	81,52	18,48	77,99	22,01	73,99	26,01	73,59	26,41	74,03	25,97
Специалист технической поддержки	88,35	11,65	84,95	15,05	86,01	13,99	86,05	13,95	84,56	15,44	81,96	18,04	85,28	14,72	85,15	14,85
Специалист по информационной безопасности	90,26	9,74	89,42	10,58	91,16	8,84	93,72	6,28	89,43	10,57	87,50	12,50	87,67	12,33	89,57	10,43
Системный инженер	96,61	3,39	95,63	4,37	96,51	3,49	96,45	3,55	97,04	2,96	95,89	4,11	95,54	4,46	97,79	2,21
Системный администратор	95,29	4,71	94,87	5,13	94,12	5,88	93,39	6,61	93,45	6,55	93,36	6,64	94,58	5,42	94,27	5,73
Сетевой инженер	96,68	3,32	95,75	4,25	98,07	1,93	96,72	3,28	92,59	7,41	93,81	6,19	96,39	3,61	99,12	0,88
Руководитель проектов	70,37	29,63	72,99	27,01	71,28	28,72	78,65	21,35	74,79	25,21	73,36	26,64	73,66	26,34	72,54	27,46
Руководитель группы разработки	91,78	8,22	92,41	7,59	94,23	5,77	95,17	4,83	93,18	6,82	93,19	6,81	95,57	4,43	95,68	4,32
Программист, разработчик	88,47	11,53	87,97	12,03	88,20	11,80	90,61	9,39	88,66	11,34	86,32	13,68	88,65	11,35	89,55	10,45
Менеджер продукта	66,56	33,44	71,80	28,20	64,80	35,20	75,68	24,32	68,86	31,14	68,78	31,22	66,33	33,67	78,57	21,43
Директор по информационным технологиям (CIO)	95,28	4,72	96,70	3,30	97,58	2,42	95,92	4,08	96,55	3,45	96,89	3,11	97,97	2,03	98,92	1,08
Дизайнер, художник	42,79	57,21	42,04	57,96	39,48	60,52	40,77	59,23	40,66	59,34	41,23	58,77	43,64	56,36	46,41	53,59
Гейм-дизайнер	73,21	26,79	68,38	31,62	64,60	35,40	68,75	31,25	66,67	33,33	68,75	31,25	71,94	28,06	60,00	40,00
Арт-директор, креативный директор	60,72	39,28	58,24	41,76	60,59	39,41	70,42	29,58	55,76	44,24	57,27	42,73	52,11	47,89	62,11	37,89
Аналитик	64,72	35,28	63,99	36,01	57,53	42,47	69,30	30,70	58,69	41,31	54,96	45,04	56,07	43,93	53,35	46,65

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

стратор, сетевой инженер, директор по информационным технологиям (CIO). Практически на всех рассматриваемых территориях в топ-5 «женских» специальностей входят дизайнер (художник), арт-директор (креативный директор), аналитик, гейм-дизайнер, менеджер продукта. В Центральном и Дальневосточном федеральных округах в пятерку «женских» профессий вошла должность руководителя проектов.

На рисунке 2 представлены пять ключевых компетенций и навыков, указанных в резюме соискателей – женщин и мужчин, в среднем по всем округам.

Указанные компетенции у женщин и мужчин имеют некоторые отличия, что связано, скорее всего, с выявленными гендерными предпочтениями профессий в ИТ-отрасли. Например, у мужчин отмечена одна из основных компетенций «управление проектами», необходимая на должностях технического директора и директора по информационным технологиям; у женщин профессиональная компетенция Adobe Photoshop – ключевая для дизайнера/художника и гейм-дизайнера. Считаем, что ука-

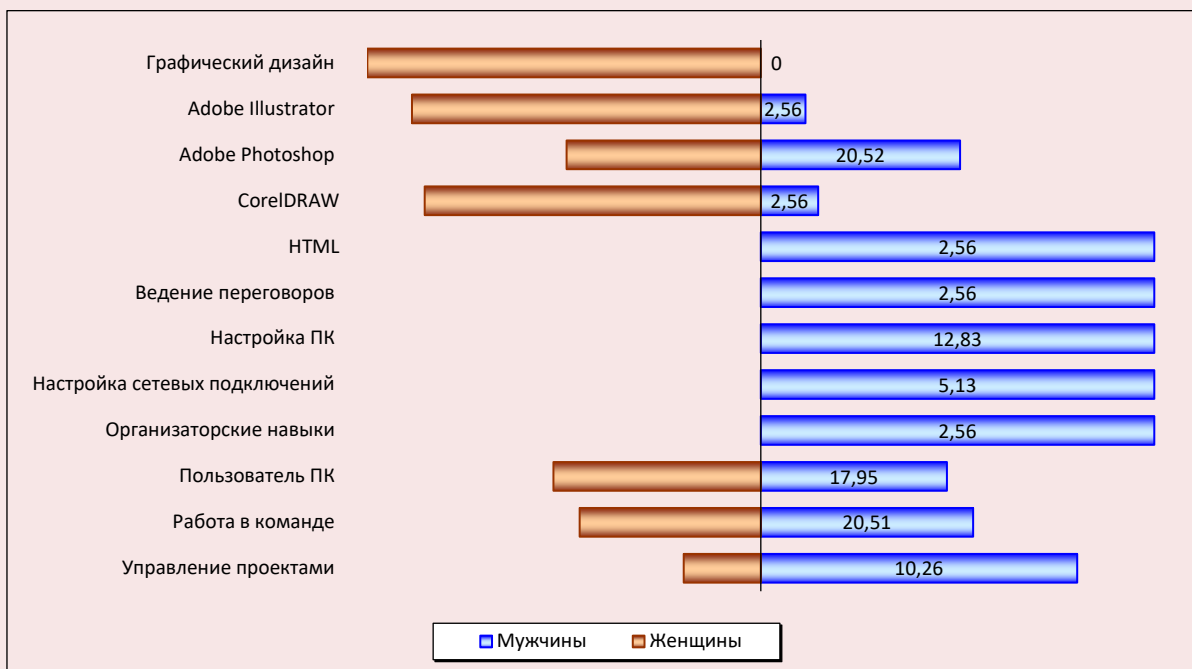
зывать компетенцию «пользователь ПК» для ИТ-отрасли неуместно, так как она является базовой.

Бенчмаркинг информации на портале «Работа России» не позволил выявить основные ключевые навыки в ИТ-отрасли ввиду отсутствия соответствующей информации. В поисковых фильтрах на данном портале присутствуют такие ключевые компетенции, как «обзвон», «сборка», «благоустройство» и пр., что трудно назвать ИТ-компетенциями. В связи с этим следует отметить, что список ключевых компетенций на портале «Работа России» требует унификации.

Возрастная структура ИТ-специалистов в разрезе федеральных округов дает возможность увидеть общую тенденцию преобладания мужчин во всех возрастных группах (рис. 3).

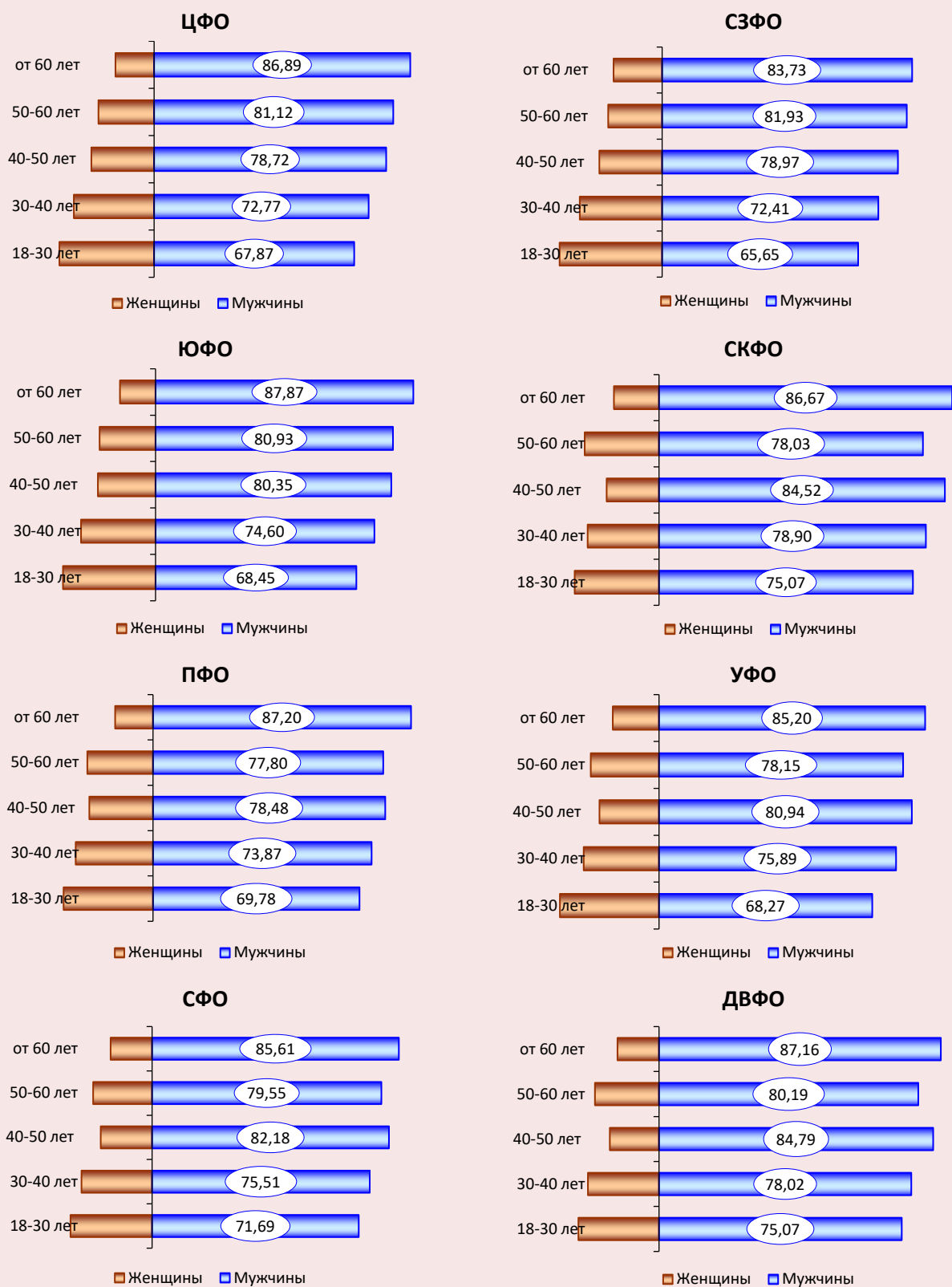
Кроме того, можно отметить, что растет интерес к данной области у женщин, доля в возрастной группе от 18–30 лет по всем округам самая многочисленная, особенно в Северо-Западном, Центральном и Уральском федеральных округах.

Рис. 2. Гендерная структура ключевых навыков соискателей в сегменте цифровой занятости в ИТ-отрасли в среднем по округам, %

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

Рис. 3. Гендерно-возрастная структура цифровой занятости в ИТ-отрасли в федеральных округах, %

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

Таблица 4. Усредненный гендерный портрет соискателей в ИТ-отрасли, %

Показатель	Группа	Мужчины	Женщины
Возраст	18–30 лет	28,52	35,86
	30–40 лет	44,47	44,06
	40–50 лет	18,60	13,70
	50–60 лет	6,21	5,11
	От 60 лет	2,20	1,27
Опыт работы	Нет опыта	14,85	18,16
	От 1 года до 3 лет	9,55	11,91
	От 3 до 6 лет	12,47	15,45
	Более 6 лет	63,13	54,48

Источник: составлено авторами.

В *таблице 4* представлен социальный портрет соискателя в ИТ-отрасли, показатели рассчитаны по среднему значению исследуемых округов.

Основные возрастные группы соискателей в ИТ-отрасли – 18–30 лет (поколение Z) и 30–40 лет (поколение Y). Эти поколения характеризуются влиянием цифровизации, активным использованием интернета, мобильных устройств, социальных сетей, что может влиять на интерес к изучаемой сфере. Интерес молодого поколения к этой области можно отметить и в структуре соискателей по опыту работы, где данная возрастная группа занимает второе место среди соискателей (как мужчин, так и женщин). При этом доля женщин без опыта работы больше, чем аналогичная доля мужчин, следовательно, интерес женщин к ИТ-отрасли растет.

В *таблице 5* представлена структура спроса и предложения в сегменте цифровой занятости в ИТ-отрасли по критерию «тип занятости».

В гендерной структуре предложения рабочей силы по критерию «тип занятости» можно

выделить общие признаки у женщин и мужчин. Так, на первом месте в поиске находится полная занятость (причем у соискателей-мужчин на 4,66 процентных пункта больше, чем у женщин). В структуре спроса полная занятость также преобладает, причем превышает предложение на 37,15 процентных пункта.

В резюме женщин чаще, чем мужчин, упоминается поиск частичной занятости и проектной работы, что может быть связано с желанием работать неполную рабочую неделю. Кроме того, частичная занятость предполагает, как правило, гибкий график работы, что позволяет женщине совмещать семейные и трудовые обязанности.

В *таблице 6* отражена гендерная структура цифровой занятости в ИТ-отрасли по критерию «тип занятости» по округам. Самая большая доля предпочитающих полную занятость мужчин зафиксирована в Центральном федеральном округе. Наибольшая доля женщин, предпочитающих частичную занятость, отмечена в Уральском федеральном округе.

Таблица 5. Спрос и предложение труда в сегменте цифровой занятости по критерию «тип занятости» в среднем по округам, %

Тип занятости	Резюме		Вакансии
	Мужчины	Женщины	
Полная занятость	58,96	54,30	93,78
Частичная занятость	20,42	23,59	4,72
Проектная работа	13,00	15,65	0,45
Стажировка	6,43	5,58	1,05
Волонтерство	1,19	0,88	0,00
<i>Итого</i>	100,00	100,00	100,00

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

Таблица 6. Гендерная структура цифровой занятости в ИТ-отрасли по критерию «тип занятости», %

Федеральный округ	Пол	Полная занятость	Частичная занятость	Проектная работа	Стажировка	Волонтерство	Итого
Центральный	Мужчины	63,29	17,78	12,36	5,65	0,92	100,00
	Женщины	56,40	21,45	15,57	5,71	0,87	100,00
Северо-Западный	Мужчины	58,14	19,55	13,77	7,29	1,25	100,00
	Женщины	51,63	23,02	17,21	7,19	0,95	100,00
Южный	Мужчины	59,03	20,57	13,08	6,18	1,14	100,00
	Женщины	53,59	24,04	16,35	5,16	0,86	100,00
Северо-Кавказский	Мужчины	57,71	21,73	12,54	6,48	1,54	100,00
	Женщины	53,11	25,01	16,10	4,72	1,06	100,00
Приволжский	Мужчины	59,89	19,93	12,57	6,57	1,04	100,00
	Женщины	57,10	22,99	13,85	5,35	0,71	100,00
Уральский	Мужчины	58,03	20,96	13,61	6,24	1,16	100,00
	Женщины	52,18	25,05	16,25	5,55	0,97	100,00
Сибирский	Мужчины	57,07	21,63	12,89	7,27	1,14	100,00
	Женщины	52,92	24,50	15,46	6,30	0,82	100,00
Дальневосточный	Мужчины	58,50	21,25	13,19	5,73	1,33	100,00
	Женщины	57,49	22,62	14,42	4,68	0,79	100,00

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

В таблице 7 представлена гендерная структура спроса и предложения по предпочитаемому графику работы, указанному в резюме и вакансиях.

Менее половины соискателей обоих полов предпочитают трудиться полный день, о чем указывают в своих резюме, тогда как в вакансиях такой график преобладает. Можно отметить интерес соискателей к удаленной работе и гибкому рабочему графику, при этом среди женщин интерес выше, чем у мужчин. Это можно объяснить тем, что удаленная работа позволяет, например, сокращать расходы на транспорт (как временные, так и материальные), работать из любого места, дополнительно зарабатывать, получать образование, участвовать в общественной жизни, продолжать работу во время декретного отпуска, а также создает воз-

можность трудоустройства для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Работа на условиях гибкого графика дает возможность самостоятельно распределять рабочее время, выбирать порядок выполнения работ и пр. (Камарова, 2018).

Второе место в вакансиях занимает удаленный график работы, что может быть связано с преимуществами такого графика для работодателей: возможность нанимать квалифицированных сотрудников из других регионов, экономия на аренде, содержании офисных площадей, организации рабочих мест и пр.

Значительную долю удаленной занятости как в структуре спроса, так и предложения можно объяснить тем, что ИТ-отрасль позволяет организовать работу в дистанционном формате с ИКТ.

Таблица 7. Спрос и предложение труда в сегменте цифровой занятости по критерию «график работы» в среднем по округам, %

График работы	Резюме		Вакансии
	Мужчины	Женщины	
Полный день	46,38	44,32	73,57
Удаленная работа	19,01	23,12	17,87
Гибкий график	17,52	19,25	4,31
Сменный график	12,97	11,98	3,73
Вахтовый метод	4,12	1,33	0,52
<i>Итого</i>	100,00	100,00	100,00

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

Таблица 8. Гендерная структура цифровой занятости в ИТ-отрасли по критерию «график работы» в среднем по округам, %

Федеральный округ	Пол	Полный день	Удаленная работа	Гибкий график	Сменный график	Вахтовый метод	Итого
Центральный	Мужчины	52,35	17,05	16,46	11,56	2,58	100,00
	Женщины	47,77	20,87	19,28	11,12	0,96	100,00
Северо-Западный	Мужчины	47,23	18,51	18,11	12,73	3,42	100,00
	Женщины	43,01	22,17	20,67	12,96	1,19	100,00
Южный	Мужчины	46,14	19,37	17,10	13,24	4,15	100,00
	Женщины	42,87	24,00	19,26	12,57	1,30	100,00
Северо-Кавказский	Мужчины	45,12	19,88	17,64	13,32	4,06	100,00
	Женщины	42,83	26,02	18,15	11,72	1,30	100,00
Приволжский	Мужчины	47,16	18,88	17,40	12,78	3,78	100,00
	Женщины	46,94	21,83	18,53	11,66	1,04	100,00
Уральский	Мужчины	44,34	19,62	17,78	13,37	4,89	100,00
	Женщины	41,67	24,14	20,52	12,31	1,36	100,00
Сибирский	Мужчины	44,00	19,52	18,50	13,73	4,25	100,00
	Женщины	42,71	23,31	20,00	12,56	1,42	100,00
Дальне-восточный	Мужчины	44,70	19,22	17,21	13,01	5,86	100,00
	Женщины	46,74	22,61	17,54	11,06	2,05	100,00

Источник: рассчитано авторами по данным портала HeadHunter.

В таблице 8 представлена гендерная структура цифровой занятости в ИТ-отрасли по критерию «график работы» по федеральным округам.

В Уральском и Северо-Кавказском федеральных округах наибольшая доля резюме как женщин, так и мужчин содержит упоминание об удаленном графике работы. Видимо, это связано с тем, что удаленная работа и гибкий график дают возможность поддерживать баланс между работой и личной жизнью, что особенно важно для женщин с маленькими детьми, а также лиц, ухаживающих за членами семьи (отметим, что за последние пять лет суммарный коэффициент рождаемости в этих округах был высоким, на уровне 1,67 и 1,81 соответственно). Реже всего в резюме указывали удаленный график работы женщины из Центрального и Приволжского федеральных округов (за последние пять лет в этих регионах наблюдался низкий средний коэффициент рождаемости – 1,42 и 1,44 соответственно). По всем федеральным округам прослеживаются общие тенденции: преобладание графика работы с полным днем (причем у мужчин – на несколько процентных пунктов больше); вторым и третьим по значимости являются удаленная работа и гибкий график соответственно (в обоих случаях преобладают соискатели-женщины).

Бенчмаркинг информации на портале «Работа России» по типу занятости и графику работы не позволяет сопоставить аналогичную информацию с данными портала HeadHunter ввиду разных критериев. Такой актуальный запрос, как «удаленная занятость», отсутствует в поисковых фильтрах.

Заключение

С целью определения основных метрик цифровой занятости в ИТ-отрасли проведен контент-анализ спроса и предложения с учетом открытой информации на российских государственных и коммерческих платформах поиска работы и подбора персонала. Авторами определены базовые метрики цифровой занятости в анализируемой отрасли: доля и количество занятых в ней в общем объеме предложения на рынке труда; структура занятых в ИТ-отрасли по полу, возрасту, специализациям, предпочитаемому графику работы и формам занятости; структура компетенций. Предложенная система базовых метрик позволит уточнить перечень официальных статистических метрик для измерения развития цифровых форм занятости на рынке труда и выявить востребованные профессиональные компетенции, связанные с их применением.

В ходе исследования выявлены гендерные и территориальные особенности цифровой занятости в ИТ-отрасли.

Во-первых, в структуре цифровой занятости выделяются «типично мужские» ИТ-профессии, к которым относятся технический директор (доля вакансий 98,67%), директор по информационным технологиям (96,98%), а также «типично женские» профессии – дизайнер/художник (доля вакансий 42,13%). Отличия в компетенциях у женщин и мужчин связаны с гендерными предпочтениями в отношении ИТ-профессий.

Во-вторых, выявлена общая тенденция преобладания мужчин всех возрастных групп по всем федеральным округам, вместе с тем отмечен возросший интерес женщин 18–30 лет к ИТ-области также по всем округам с преобладанием Северо-Западного, Центрального и Уральского (их доли составили 34,35; 32,13 и 31,73% соответственно).

В-третьих, в рамках анализа предпочтений по типу занятости зафиксирована общая тенденция – превалирование полной занятости по всем рассматриваемым округам среди мужчин (доля вакансий составила 58,96%) и женщин (54,30%). Помимо этого, отмечается преобладающий интерес женщин к удаленной работе (доля вакансий 23,12%) и гибкому рабочему графику (17,53%), что объясняется возмож-

ностью поддерживать баланс между работой и личной жизнью и ухаживать за маленькими детьми; наибольшая доля резюме с указанием таких графиков работы – у женщин в Северо-Кавказском и Уральском федеральных округах (26,02 и 24,14% соответственно).

Эмпирические результаты позволили выявить потенциальную возможность и перспективность использования информационных баз цифровых платформ по поиску работы и подбору персонала для оценки масштаба, гендерной и территориальной специфики цифровой занятости в отрасли информационных технологий, выделения общих трендов на цифровом рынке труда. Полученные результаты показали наличие дифференциации в применяемых на российских государственных и коммерческих рабочих порталах метриках.

В качестве ключевых выводов и предложений по итогам исследования можно отметить, что оценка цифровой занятости нуждается в централизованном механизме сбора и обработки информации на основе унифицированных метрик. Для оценки развития цифровых форм занятости представляется целесообразным комплексный подход, предполагающий использование не только баз данных цифровых платформ по поиску работы и статистических материалов, но и результатов социологических исследований.

Литература

- Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневецкий К.О. [и др.] (2022). Цифровая экономика: 2022. М.: НИУ ВШЭ. 124 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2599-9
- Абрамов Р.Н., Быков А.В. (2021). Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (163). С. 4–20. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.2001
- Азьмук Н.А. (2020). Цифровая занятость в системе регулирования национальной экономики // Проблемы экономики (Харьков). № 1 (43). С. 52–58. DOI: 10.32983/2222-0712-2020-1-52-58
- Гебриаль В.Н. (2008). Социальные аспекты феномена дистанционной работы как нового вида трудовых отношений // Государственное управление. Электронный вестник. № 17. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_377 (дата обращения 04.08.2022).
- Дашкова Е.С., Звягинцева В.Е. (2020). Дистанционная занятость: оценка и направления регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 83–88. DOI: 10.17308/econ.2020.1/2758
- Землянухина Н.С. (2019). Современные тенденции в сфере занятости населения // Гуманитарный научный журнал. № 1. С. 38–43.
- Калашникова И.В., Филиппова К.В. (2020). Трудовые отношения в эпоху гигномики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. № 3 (58). С. 33–42.

- Камарова Т.А. (2019). Распространение, достоинства применения и перспективы развития дистанционной занятости // Человеческий и производственный потенциал Российской экономики перед глобальными и локальными вызовами: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 30 ноября 2018 г.). Саратов: КУБиК. С. 157–162.
- Колосова Р.П., Луданик М.В. (2018). Новая архитектура российского рынка труда в условиях цифровой экономики // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сб. науч. ст. Витебск: ВГТУ. С. 100–108.
- Маляр Д.В. (2019). Дистанционная занятость: предусловие, форма проявления и следствие развития цифровой экономики // Бизнес Информ. № 10. С. 165–171. DOI: 10.32983/2222-4459-2019-10-165-171
- Мамонтова С.В. (2019). Дистанционная занятость в условиях инновационных преобразований: проблемы и перспективы развития // Новая потребительская кооперация – драйвер продовольственного импортозамещения и социально-экономического благополучия российского села: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тамбов, 16–17 мая 2019 г.). Тамбов: ИД «Державинский». С. 50–57.
- Мусаев Б.А. (2019). Рост дистанционной занятости как новая тенденция в развитии российского рынка труда // Социально-трудовые исследования. № 2 (35). С. 40–50. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-35-2-40-50
- Пеша А.В. (2021). Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. № 4 (64). С. 111–125.
- Синявская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П. [и др.] (2021). Платформенная занятость: определение и регулирование. М.: НИУ ВШЭ. 77 с.
- Разумова Т.О., Алешина А.Б., Серпухова М.А. (2020). Баланс семья-работа в условиях изменений качества трудовой жизни // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 3. С. 24–37. DOI: 10.38050/2078-3809-2020-12-4-21-33
- Тонких Н.В., Антонов Д.А., Агафонов В.Г. [и др.] (2019). Дистанционная женская занятость в контексте института родительства / отв. ред. Н.В. Тонких. Екатеринбург: УрГЭУ. 310 с.
- Федченко А.А., Дорохова Н.В., Дашкова Е.С. (2018). Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 1. С. 16–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-16-24
- Черных Е.А. (2021). Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11
- Чудиновских М.В. (2021). Основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии // Бизнес. Образование. Право. № 3 (56). С. 280–284. DOI: 10.25683/volbi.2021.56.370
- Chen B., Liu T., Wang Y. (2020). Volatile fragility: New employment forms and disrupted employment protection in the new economy. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(5), 1531. DOI: 10.3390/ijerph17051531
- Dieuaide P., Azaïs C. (2020). Platforms of work, labour, and employment relationship: The grey zones of a digital governance. *Frontiers in Sociology*, 5, 2. DOI: 10.3389/fsoc.2020.00002
- Lapina T.A., Stuken T.Yu. (2017). Work satisfaction of non-standard employed in Russia. In: *The 11th International Days of Statistics and Economics: conference proceedings (Prague, September 14–16, 2017)*. Prague: University of Economics.
- Mandl I. (2020). *New Forms of Employment: 2020 Update*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2806/278670
- Róbert P., Oross D., Szabó A. (2017). Youth, precarious employment and political participation in Hungary. *Intersections*, 3(1), 120–146. DOI: 10.17356/ieejsp.v3i1.299
- Thulin E., Vilhelmson B. (2019). New telework, time pressure, and time use control in everyday life. *Sustainability*, 11(11), 3067. DOI: 10.3390/su11113067
- Tonkikh N.V., Chudinovskikh M.V., Markova T.L. (2019). Assessment of female telework scope in the conditions of digital economy. *Advances in Economics, Business and Management Research*, 81, 160–163. DOI: 10.2991/mtde-19.2019.30

Сведения об авторах

Татьяна Александровна Камарова – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62; e-mail: Kta@usue.ru)

Наталья Владимировна Баранова – доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62; e-mail: Baranova_usue@mail.ru)

Kamarova T.A., Baranova N.V.

Assessing the Development of Digital Employment in the Labor Market on the Example of the IT Sector: Basic Metrics

Abstract. The article is devoted to the assessment of the development of digital employment in the IT sector. The aim of the study is to determine the metrics of digital employment in the IT sector in the gender and territorial perspective, which can be used for monitoring the development and comprehensive assessment of the labor market in the area under consideration. We provide our own understanding of the essence of the term “digital employment”. The research was conducted by benchmarking and content analysis of information about the supply and demand of labor force in the IT sector; the information was retrieved from Russian government and commercial job search and recruitment websites (Rabota Rossii and HeadHunter). The subject of the content analysis was information about the number and composition of vacancies and resumes in the digital segment of employment in the IT sector, including vacancies containing references to remote working hours, both overall in the sample, and in the context of gender and industry. The content analysis covered vacancies and resumes in all federal districts: Central, Northwestern, Southern, North Caucasian, Volga, Ural, Siberian and Far Eastern. The results were used to calculate the structure of professional qualifications, to identify gender specifics and general trends in the development of digital employment in the IT sector, both on average in the country and in the federal districts. The analysis of information on the demands of the labor market participants in the area under consideration allowed us to conclude about the asymmetry of supply and demand. In order to assess the development of the market for professional qualifications in the IT sector, the metrics of digital employment were identified, which help to evaluate its quantitative and qualitative characteristics, including in the gender and territorial perspective. The research results can further be used in monitoring the development and comprehensive assessment of digital employment in the IT sector, and also serve as the basis for the development and implementation of state policy programs to regulate digital employment in the labor market of the IT sector.

Key words: digital employment, remote employment, information technology sector, IT sector, gender, resume, vacancy, labor market

Information about the Authors

Tatyana A. Kamarova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Ural State University of Economics (62, Vos'mogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: Kta@usue.ru)

Natalya V. Baranova – associate professor of department, Ural State University of Economics (62, Vos'mogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: Baranova_usue@mail.ru)

Статья поступила 04.08.2022.

Эффективность деятельности некоммерческих организаций для региональной экономики: концептуальные основы идентификации

**Анна Станиславовна
АРТАМОНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: artamonova.ast@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7585-2123; ResearcherID: I-6176-2016

**Елена Валерьевна
БАЗУЕВА**

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: bazueva.l@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0945-3597; ResearcherID: E-1233-2017

Аннотация. Предпринята попытка обосновать значимость создания институциональных условий развития некоммерческих организаций путем выявления социальных и экономических эффектов их деятельности для экономики региона. На основе синтеза постулатов теоретических подходов к объяснению причин возникновения некоммерческого сектора (теория взаимозависимости и теория провалов) и результатов контент-анализа поддержанных Фондом президентских грантов проектов, представленных социально ориентированными некоммерческими организациями (СОНКО) от регионов Приволжского федерального округа, выявлены направления и конкретизированы формы нивелирования провалов государства. Установлено, что СОНКО сконцентрированы на предоставлении спектра услуг в системе образования, сфере охраны

Для цитирования: Артамонова А.С., Базуева Е.В. (2022). Эффективность деятельности некоммерческих организаций для региональной экономики: концептуальные основы идентификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 215–231. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.13

For citation: Artamonova A.S., Bazueva E.V. (2022). Effectiveness of nonprofit organizations for the regional economy: Conceptual foundations for identification. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 215–231. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.13

здоровья и социальной поддержки, имеющих приоритетное значение для формирования базовых потребностей населения, возможность удовлетворения которых у государства в полном объеме независимо от территории проживания и с учетом индивидуальных потребностей населения ограничена. При оценке эффективности своей деятельности представители СОНКО концентрируют внимание на ее социальной значимости, используя механизмы точечного решения текущих проблем целевой аудитории. Идентифицирован спектр потенциальных социально-экономических эффектов от деятельности СОНКО, осуществляемой на системной и долгосрочной основе, детализированный по приоритетным сферам деятельности организаций. Подчеркнуто, что авторский подход за счет формирования единого представления у экономических агентов (государства, бизнеса, общества и самих некоммерческих организаций) расширяет представление о ее значимости для экономики региона и может стать отправной точкой для создания институциональных условий развития некоммерческих организаций в России. Перспективы будущих исследований авторов заключаются в моделировании системы управления конкретными регионами РФ на основе создания институциональных условий для наращивания вклада СОНКО в сбалансированное развитие территорий.

Ключевые слова: эффективность деятельности СОНКО, социально-экономические эффекты, экономика региона, социальное неравенство, уязвимые категории населения, общественные блага, провалы государства.

Введение

Рост социального неравенства и невозможность государства обеспечить равный доступ к мериторным благам для всех категорий населения независимо от территории проживания обусловили необходимость формирования некоммерческого сектора экономики. Предполагалось, что создание некоммерческих организаций (НКО) позволит нивелировать усиливающиеся дисфункции (провалы) государства и рынка. Акцентировалось внимание на таких сравнительных преимуществах НКО, как индивидуальный подход и ускоренная адаптация к изменяющимся потребностям благополучателей, способность привлекать дополнительные ресурсы (волонтеров, пожертвования), возможность продолжать свою работу в случае сокращения государственного финансирования (Мерсиянова, Беневоленский, 2016).

В результате появилось значительное число исследований, посвященных факторам, определяющим величину и уровень развития некоммерческого сектора. Среди таких факторов выделены гетерогенность общества (Matsunaga, Yamauchi, 2004; Paarlberg, Gen, 2009), размер государственной финансовой поддержки (Lecu, Van Slyke, 2013; Bae, Sohn, 2018), уровень социально-экономического развития территории (Grønbjerg, Paarlberg, 2001; Sevak, Baker, 2022).

Однако, как известно из институциональной экономической теории, становление и развитие нового института в условиях действующей институциональной среды без создания специальных механизмов его стабилизации всегда сопровождается ростом усиливающихся диспропорций. Применительно к некоммерческому сектору это проявляется в широком спектре проблем, с которыми сталкиваются НКО в своей деятельности. Заметим, что на изучение специфики и глубины их проявления в разных странах направлены многочисленные исследования. Для России особо актуальны такие проблемы, как недостаток и проектный характер финансирования, вынужденность конкуренции с государственными учреждениями, дефицит квалифицированных кадров и т. д. (Григорьева, Парфенова, 2021).

На наш взгляд, все они возникают из-за отсутствия побудительных мотивов к созданию прозрачных правил деятельности НКО, понятных и единых для всех заинтересованных экономических агентов (государства, бизнеса, общества и самих НКО). Одним из оснований для формирования таких правил является четкое понимание долгосрочных социально-экономических эффектов и конкретных критериев эффективности дея-

тельности НКО для территории (региона) их размещения. Как показал наш анализ, указанный аспект исследования представлен крайне фрагментарно.

В связи с этим цель данного исследования заключается в обосновании значимости создания институциональных условий развития НКО на основе выявления социальных и экономических эффектов их деятельности для экономики региона.

В следующем разделе статьи кратко обозначим теоретический базис нашего исследования.

Теоретические концепции возникновения и особенностей развития НКО

Одним из основных подходов, объясняющих возникновение и развитие НКО, является теория провалов государства, представленная Б. Вайсбродом в 80-х годах XX века (Weisbrod, 1986). Она заключается в том, что государство производит блага для большинства и не способно учесть запросы всех групп населения. Истоки этого лежат в политических процессах, когда государство старается обеспечить поддержку основной части участвующих в выборах граждан. В то же время постепенно число категорий граждан, оказавшихся в меньшинстве, растет, что требует привлечения альтернативного участника для удовлетворения их потребностей (Lu, Xu, 2018, p. 455). Чем больше таких групп, тем более гетерогенно общество, тем выше вероятность появления некоммерческих организаций, готовых производить товары и услуги, спрос на которые не может удовлетворить государство (Скокова, Рыбникова, 2022). Отметим, что теория провалов довольно широко используется в качестве теоретической основы исследований. Так, японские ученые в ходе анализа взаимозависимости размеров государства и размеров некоммерческого сектора на данных 22 стран выявили наличие негативной корреляции между объемом государственных расходов на сферы образования и здравоохранения и величиной некоммерческого сектора в этих отраслях (Matsunaga et al., 2010). Результаты, полученные в рамках панельного анализа, подтверждаются исследованиями, проведенными на национальном уровне (Lecu, Van Slyke, 2013; Van Puvelde, Brown, 2016). Это дает основания заключить, что для некоммерческих организаций харак-

терна восполняющая (supplementary) функция, т. е. они занимают «ниши», в которых объем спроса на товары и услуги существенно меньше предложения (Lu, Xu, 2018).

На теории провалов базируется теория взаимозависимости, согласно которой взаимоотношения государства и некоммерческих организаций носят кооперационный характер. Государство опирается на НКО как альтернативных поставщиков общественных благ, особенно для групп населения, оказывающихся в меньшинстве. В то же время для осуществления такой деятельности НКО получают государственную поддержку в виде грантов, субсидий, социальных контрактов и пр., информационно-консультационной и правовой помощи, что может приводить к появлению их зависимости от нее (Gazley, 2010; Bae, Sohn, 2018). Исследования подтверждают, что некоммерческий сектор тем больше, чем значительнее эта поддержка (Kim, 2015; Lecu, Van Slyke, 2013). Однако выявлен негативный тренд: НКО, стремясь к финансовой стабильности, предпочитают работать в регионах с более высоким уровнем социально-экономического развития и меньшей численностью нуждающихся в их услугах (Sevak, Baker, 2022). В некоторой степени это вступает в противоречие с интуитивным представлением о том, что НКО возникают в качестве ответа на существующие проблемы населения. Тем не менее, приобретенная в результате государственной поддержки финансовая устойчивость позволяет некоммерческим организациям развивать экспертные компетенции и внедрять в свою деятельность новые практики, реализуя установленную социальную миссию. Фактически речь идет о дополняющей (complementary) роли НКО, которые в данном случае выступают партнерами государства (Lu, Xu, 2018).

Эмпирические исследования подтверждают, что величина государственных расходов связана с уровнем активности НКО в решении проблем бедности (Joassart-Marcelli, Wolch, 2003) и в целом соответствует размеру некоммерческого сектора в регионе (Kim, Kim, 2016; Liu, 2017). Теория взаимозависимости предполагает, что некоммерческие организации эффективнее оказывают социальные услуги населению в силу лучшего понимания локальных проблем, наличия возможности обеспечить

индивидуальный подход и менее бюрократизированную организацию работы. В свою очередь государство компенсирует затраты НКО, предоставляет информационно-консультационную и правовую поддержку. Тем самым между государством и некоммерческими организациями возникают взаимозависимые отношения.

Представляется, что рассмотренные теоретические подходы могут способствовать концептуальному обоснованию влияния эффективности деятельности НКО на развитие региона. В настоящее время в научном дискурсе высказывается мнение, что в России некоммерческий сектор развивается под сильным влиянием государства (Тарасенко, 2015, с. 172). Следовательно, именно государство, используя финансовые механизмы, будет задавать приоритетные направления деятельности НКО, определение которых позволит выявить ниши нивелирования провалов государства. На этой основе далее можно определить социально-экономические эффекты деятельности НКО для территории размещения в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В следующем разделе статьи описан инструментарий, используемый авторами для реализации цели исследования.

Методы и информационная база исследования

Для достижения поставленной цели применялись следующие методы:

а) контент-анализ научной литературы, релевантных нормативно-правовых документов, опубликованных отчетов некоммерческих организаций;

б) анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО); выбор объекта исследования обусловлен значимостью СОНКО в структуре некоммерческого сектора, т. к. они реализуют роль его ядра; функционалом СОНКО, концентрирующих свою деятельность на предоставлении социально значимых услуг населению, имеющих приоритетное значение для сбалансированного развития региональной экономики; большей доступностью показателей деятельности СОНКО в системе государственной статистики;

с) контент-анализ заявок НКО, получивших поддержку Фонда президентских грантов (ФПГ); для анализа были отобраны проекты-победители конкурсов 2022 года (два основных и один специальный); в качестве объекта исследования выбран Приволжский федеральный округ (ПФО). Это обусловлено апробацией предложенного в статье подхода к оценке эффективности деятельности НКО для экономики региона на одном из субъектов ПФО посредством участия авторов в разработке «Концепции содействия развития НКО в Пермском крае» по заказу Фонда грантов губернатора Пермского края¹.

Выбор ФПГ в качестве информационной базы связан с возможностью осуществления объективного сравнительного анализа заявок НКО разных регионов, входящих в ПФО, поскольку Фонд, являясь крупнейшим отечественным регулятором в области финансовой поддержки некоммерческих организаций, применяет единые критерии оценки ко всем проектам. Данные по всем 13 направлениям проектов характеризуются открытостью, частично включают описание потенциальных эффектов организациями заявителями.

Эмпирический анализ приоритетных сфер и критериев эффективности деятельности некоммерческих организаций (на примере ПФО)

Начиная с 2012 года количество социально ориентированных некоммерческих организаций в ПФО, так же, как и стране в целом, увеличилось почти в 3 раза и составляет в настоящий момент 24839 ед. Активный рост СОНКО обусловлен усилением остроты проблем, связанных с ростом социально-экономического неравенства, и осознанием Правительством РФ важности использования потенциала некоммерческого сектора для их решения. В стране был принят комплекс мер, направленных на развитие СОНКО и обеспечение их доступа к бюджетным средствам, разработана дорожная карта «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», внесены изменения в федеральный закон «О некоммерческих организациях» и введено понятие «НКО — испол-

¹ Обсуждение проекта данного документа запланировано на 10.12.2022 в рамках Пермского краевого форума общественности и добровольчества.

нитель общественно полезных услуг», принят указ Президента РФ, определяющий приоритетные направления деятельности СОНКО. В число приоритетных сфер вошли дошкольное образование, организация отдыха и оздоровления детей, образовательная деятельность по дополнительным общеобразовательным программам, реализация территориальных программ обязательного медицинского страхования, услуги ранней диагностики, социализации и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, а также развитие негосударственных (немуниципальных) организаций в сфере культуры². Установленные государством приоритеты находят отражение в деятельности некоммерческого сектора. Так, анализ видов деятельности СОНКО подтвердил концентрацию их услуг в сферах образования, здравоохранения, социального обслуживания, культуры и спорта (табл. 1).

Согласно данным таблицы 1 максимальное число СОНКО занято в сфере предоставления различных видов персональных услуг по обслуживанию населения (к примеру, ремонт и обслуживание вычислительной техники, предметов домашнего обихода и личных вещей и т. п.). Особенно актуальной такая поддержка является для пожилых и маломобильных граждан. Кроме того, необходимо учитывать, что сбор указанных данных осуществляется в ходе выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций и анкета предусматривает несколько вариантов ответов на вопрос о видах деятельности. Это

означает, что наряду с основным видом деятельности респонденты могли выбрать и неспецифические персональные услуги. Таким образом, при исключении общих персональных услуг из расчета становится очевидным, что СОНКО преимущественно функционируют в сферах образования, здравоохранения, социальных услуг и культурно-досуговой деятельности. Указанные отрасли обладают крайне высокой значимостью для региона, поскольку создают условия для формирования и повышения качества человеческого капитала, выступающего основным фактором производства в условиях современной экономики, способствуют росту социальной защищенности населения и, как следствие, направлены на сокращение социального неравенства.

Данные выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций позволяют также оценить их финансовое положение и определить основные источники доходов. По итогам 2021 года выявлено, что в округе «внешняя» финансовая поддержка (гранты, субсидии и подобные поступления, а не доходы, полученные от реализации своих товаров и услуг) остается основным ресурсом для СОНКО, ее доля составляла около 65% в общем объеме поступлений (для сравнения: в 2017 году 75%). Причем наблюдается дифференциация среди регионов ПФО: например, в Пермском крае соотношение внешние/внутренние источники составляет примерно 54/45%. Однако этот аспект функционирования СОНКО нуждается в более тщательном

Таблица 1. Структура сфер деятельности СОНКО в ПФО в 2021 году

Сфера деятельности	ПФО	
	Число СОНКО	Доля от общего числа СОНКО, %
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	3506	14,1
Образование	2791	11,2
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1654	6,7
Предоставление прочих видов услуг	13459	54,2
Примечание: в таблицу не включены сферы деятельности, в которых число СОНКО составляет менее 1654 ед. Источник: ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/		

² Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг: Указ Президента Российской Федерации от 8 августа 2016 г. № 398.

анализе, что выходит за рамки статьи и может стать предметом будущих исследований. Вместе с тем тот факт, что СОНКО во многом опираются на грантовую поддержку, послужил достаточным основанием для обращения к сведениям Фонда президентских грантов – одного из главных операторов финансовой поддержки третьего сектора.

С целью выявления конкретных эффектов деятельности СОНКО для территории размещения нами был осуществлен контент-анализ поддержанных Фондом президентских грантов проектов, представленных в 2022 году от регионов Приволжского федерального округа. Количественные показатели и объемы финансирования в региональном разрезе отражены в *таблице 2*.

Обратим внимание, что согласно представленным в *таблице 2* данным объем собственных средств, вложенных СОНКО для реализации проектов, составляет 44%. В краткосрочной перспективе это означает, что фактически они также инвестируются в решение локальных проблем граждан. В долгосрочной перспективе, как будет показано нами далее, это может выражаться в целом спектре мультиплицирующих эффектов для региональной экономики.

В ходе контент-анализа заявок выявлено, что преобладающее направление деятельности СОНКО в регионах ПФО – социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, второе по значимости – охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни. Третьим приоритетом в зависимости от региона стали проекты в области образования и науки или поддержки семьи (*табл. 3*).

Результаты детализированного контент-анализа проектов свидетельствуют, что основной целевой аудиторией СОНКО являются социально уязвимые категории населения: малоимущие семьи с детьми, инвалиды и пожилые. Соответственно, проекты реализуются либо для оказания им натуральной помощи (в виде предоставления продуктов питания или вещей), либо фокусируются на решении проблем социализации граждан (патриотическое воспитание детей, вовлечение инвалидов и пожилых в общественно-трудовую деятельность, создание условий для выхода из социально опасного положения и улучшения качества жизни). Заметной тенденцией, отражающей влияние государства на определение направлений деятельности СОНКО, стало то, что в текущем году значительная часть проектов,

Таблица 2. Количественная характеристика проектов, поддержанных Фондом президентских грантов в 2022 году

Регион	Кол-во поддержанных проектов	Объем грантов, руб.	Объем софинансирования, руб.
Республика Башкортостан	175	204635006,9	163287479,9
Кировская область	36	59695098,62	44795745,7
Республика Марий Эл	20	37465125,22	18895093
Республика Мордовия	41	48337340,64	40807011,06
Нижегородская область	94	259711940,7	193710365,9
Оренбургская область	48	78247423,83	65049552,33
Пензенская область	32	93196393,99	90233715,51
Пермский край	78	138605416,1	166508377,1
Самарская область	146	290884796,8	221621101,7
Саратовская область	58	103591928,1	58113145,41
Республика Татарстан	98	192308118,5	145704867,3
Удмуртская Республика	91	129008666	111782162,7
Ульяновская область	61	81524522,8	54783511,93
Чувашская Республика	22	41015257,71	25299701,5
Итого по ПФО	1000	1758227036	1400591831
Рассчитано по: https://президентскиегранты.рф			

Таблица 3. Приоритизация направлений деятельности СОНКО,
% от общего числа СОНКО (по данным 2022 года)

Регион	Направление деятельности							
	Охрана здоровья	Охрана окружающей среды	Молодежные проекты	Образование	Поддержка семьи	Развитие гражданского общества	Сохранение истории	Социальное обслуживание
Республика Башкортостан	17,1	1,7	3,4	16,6	12	2,9	5,7	33,1
Кировская область	5,6	11,1	11,1	22,2	13,9	5,6	8,3	19,4
Республика Марий Эл	40	5	-	10	10	5	5	25
Республика Мордовия	24,4	-	14,6	2,4	19,5	7,3	7,3	22
Нижегородская область	19,1	3,2	5,3	13,8	11,7	2,1	11,7	25,5
Оренбургская область	12,5	4,2	8,3	6,3	12,5	2,1	12,5	35,4
Пензенская область	25	6,3	-	12,5	12,5	6,3	6,3	31,3
Пермский край	19,2	10,3	9	10,3	6,4	3,8	7,7	29,5
Самарская область	21,2	6,8	8,9	6,8	15,1	6,2	6,2	24
Саратовская область	22,4	3,4	5,2	-	19	3,4	15,5	27,6
Республика Татарстан	15,3	2	8,2	12,2	13,3	4,1	10,2	28,6
Удмуртская Республика	16,5	1,1	9,9	31,9	4,4	1,1	12,1	17,6
Ульяновская область	23	16,4	4,9	13,1	6,6	3,3	9,8	23
Чувашская Республика	13,6	4,5	4,5	13,6	13,6	4,5	18,2	18,2

Условные обозначения (полное наименование грантового направления): охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни; охрана окружающей среды и защита животных; поддержка молодежных проектов, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные статьей 31 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; поддержка проектов в области науки, образования, просвещения; поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; развитие институтов гражданского общества; сохранение исторической памяти; социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан.

Примечания: 1) заливкой выделены три приоритетных направления по региону;
2) направления с ограниченным участием регионов, доля которых составляет менее 5%, не включены в таблицу.

Рассчитано авторами по: <https://президентскиегранты.рф>

получивших поддержку в рамках специального конкурса грантов Фонда, нацелена на оказание различной помощи гражданам, находящимся в сложной жизненной ситуации вследствие конфликта на Украине.

С учетом поставленной цели исследования возникает вопрос о заявленных СОНКО результатах реализации проектов и возможных социально-экономических эффектах для региона. В ходе контент-анализа проектов выявлено, что большинство СОНКО определяют их с точки зрения благополучателей, то есть целевой аудитории (табл. 4).

С одной стороны, очевидно, что специфика деятельности СОНКО обуславливает концентрацию внимания их сотрудников на социальной значимости проектов. Реализация СОНКО функций посредника в оказании социальных услуг, их близость к населению объясняет фокусирование на точечном решении проблем целевой аудитории. С другой стороны, замыкание только на устранении локальных проблем не позволяет СОНКО выработать долгосрочную стратегию развития, создает ситуацию «латания дыр». На наш взгляд, это является одной из объективных причин отсутствия эффективного

Таблица 4. Представление СОНКО о результатах реализации поддержанных проектов (примеры, выборочно, по данным 2022 года)

Направление	Эффект / результат
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	
Поддержка беженцев	«Обеспечение беженцев сезонной одеждой. В рамках проекта мы окажем вещевую помощь не менее чем на 1500 обращений. При этом средняя оценка стоимости полученной помощи по каждому обращению составит 3000 рублей» (<i>За Добро I Система обеспечения беженцев сезонной одеждой. Пензенская обл.</i>)
Поддержка малоимущих	«Результатом работы станет решение проблем в семье, что повлечет за собой повышение материального благосостояния, повышение родительской и социальной компетентности, разрешение конфликтов и в конечном итоге – более высокий жизненный старт детей в данных семьях» (<i>Профессиональная поддержка для семьи в трудной ситуации. Нижегородская обл.</i>)
Поддержка населения с ОВЗ	«Создание благоприятной среды для социальной адаптации и самореализации глухих и слабослышащих людей через включение в разнообразные виды деятельности» (<i>Дом, где нас слышат. Инклюзивная площадка для глухих и слабослышащих г. Кирова. Кировская обл.</i>)
Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	
Спортивные мероприятия	«Наиболее ожидаемые результаты от реализации проекта: количество мероприятий спортивной направленности не менее 2 в месяц, число участников спортивных мероприятий не менее 35 человек, количество местных жителей, занимающихся скандинавской ходьбой, не менее 10 человек» (<i>Сельским жителям – площадка для игры, спорта и укрепления здоровья! Башкортостан</i>)
	«Увеличение двигательной активности людей, способствование увеличению периода активного долголетия и продолжительности жизни пожилых людей» (<i>Спорт в каждый дом. Мордовия</i>)
Развитие туризма	«Создание условий для социальной адаптации и разносторонней реабилитации инвалидов по зрению средствами адаптивной физической культуры, спорта и туризма путем организации тренировок по плаванию, туристического сплава по реке, тематических туристических походов и просветительских мероприятий» (<i>Плавание и туризм – лучший для жизни девиз. Марий Эл</i>)
Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения	
Дополнительное образование для детей	«Увеличить количества обучающихся за один год реализации проекта на 250 человек к основному числу получателей образовательных услуг благодаря введению новых и смежных друг с другом разновозрастных студий-мастерских. Соответственно, произойдет увеличение количественных показателей с 3,1 до 4,7% охвата дополнительным образованием нашей организацией от общего числа количества детей в городе, и с 6,6 до 9,8% от плановых показателей городского охвата из занимающихся детей» (<i>Театрально-творческие мастерские «Точка+». Удмуртия</i>)
Сохранение традиционной культуры	«В результате проекта не менее 35 семей приобщатся к культурным традициям хорового пения, произойдет популяризация образа многодетной семьи. У участников проекта повысится вокальное мастерство, улучшится психоэмоциональный фон, расширятся знания о культурных традициях» (<i>Музыкальные вечера в Большой семье. Самарская обл.</i>)
Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	
Поддержка населения с ОВЗ	«Улучшить качество жизни семей, в которых воспитывается ребёнок с ОВЗ, путём вовлечения 100 родителей в процесс абилитации, повышения уровня родительской компетенции, в т. ч. оказания помощи в создании развивающей и абилитационной среды, включения их в абилитационный процесс, для достижения максимально эффективных и пролонгированных результатов абилитации у детей» (<i>Мы идем к вам! Татарстан</i>)
Поддержка замещающих семей	«Содействие оказанию всесторонней поддержки замещающим семьям как посредством обучения, так и благодаря разнообразному досугу и активизации внутреннего потенциала, расширяя новые возможности поддерживающей среды для приемных семей» (<i>Расширяя горизонты: новые возможности поддерживающей среды для приемных семей. Саратовская обл.</i>)
Составлено по: https://президентскиегранты.рф	

механизма межсекторного взаимодействия для решения на системной основе существующих социально значимых проблем в регионах.

С целью устранения выявленных ограничений в следующем разделе статьи выделим возможные социально-экономические эффекты деятельности СОНКО для территории размещения.

Концептуальное обоснование потенциальных мультиплицирующих эффектов деятельности СОНКО для экономики региона

Как показал наш анализ, приоритетными направлениями деятельности для СОНКО в ПФО являются оказание услуг в системе дошкольного и дополнительного образования, сфере охраны здоровья, социального обслуживания и социальной поддержки населения. Далее кратко представим спектр получаемых социально-экономических эффектов для региона в результате функционирования СОНКО в указанных отраслях экономики.

Система образования региона

В настоящее время для России характерна сильная региональная дифференциация по доступности дошкольного образования, особенно для детей до трех лет: максимальное значение показателя в 2021 году зафиксировано в Уральском федеральном округе (36,8%), минимальное – в Северо-Кавказском (15%). В ПФО только 29,6% детей в возрасте до 3 лет обеспечены местами в дошкольных детских учреждениях (ДДУ). При этом различия по округу составляют более 17%: лидером является Пермский край (38,3%), аутсайдером – Саратовская область (21,2%). Стопроцентная обеспеченность ДДУ детей в возрасте от 3 до 6 лет в ПФО по данным за 2021 год достигнута только в Удмуртской Республике, тогда как почти 15% детей в Саратовской и Оренбургской областях не имеют такой возможности³. Нерешенность данной проблемы имеет ряд негативных социально-экономических последствий для населения и экономики региона. Так, по данным исследований, более 36% женщин отмечают наличие малолетних детей (дошкольного возраста) в качестве барьера для участия в общественном производстве, профессиональном и

³ Основные показатели в сфере дошкольного образования по Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education>

социальном развитии (Колесникова, Маслова, 2019). Кроме этого, дефицит мест в ДДУ сокращает возможности вторичной социализации детей. Особо сложная ситуация возникает в малообеспеченных, многодетных семьях и семьях, имеющих лиц с ограниченными возможностями. Частичная компенсация оплаты родителей за содержание детей в учреждении дошкольного образования (а тем более в частных детских садах) для них труднодоступна (Абанкина, Филатова, 2018, с. 231). Кроме того, специализация женщин на накоплении семейного капитала (в терминах Г. Беккера) в результате концентрации времени на заботе о детях ограничивает возможность их возвращения на рынок труда и, как следствие, приводит к обесцениванию человеческого капитала (в терминах Г. Беккера – рыночного капитала). На этой основе может сформироваться вторичное неравенство, ограничивающее качество человеческого капитала детей в таких семьях. К примеру, эмпирически доказано, что дети из семей, находящихся в менее благополучном социально-экономическом положении, демонстрируют менее значимые успехи в учебе (Уваров, Ястребов, 2014, с. 126).

Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере дополнительного образования. По данным НИУ ВШЭ, 44% не вовлеченных в программы дополнительного образования детей составляют дети из семей с низким уровнем образования и дохода⁴. Кроме этого, масштабы вовлечения детей в процессы дополнительного образования существенно различаются в городской и сельской местности. В результате отсутствия сети специализированных учреждений в сельской местности предложение услуг дополнительного образования чаще ограничено школами. Одна из главных причин сложившейся ситуации заключается в том, что в субъектах РФ основная доля бюджетных расходов на дополнительное образование детей приходится на местные бюджеты, а поскольку на него не распространяются гарантии бесплатности и общедоступности, то его финансирование осуществляется «по остаточному принципу»⁵.

⁴ Дополнительное образование детей в России: единое и многообразное (2019) / Под ред. С.Г. Косарецкого, И.Д. Фрумина. Издательский дом ВШЭ. Москва. 280 с. С. 81.

⁵ Там же. С. 140.

Между тем, деятельность учреждений в сфере дошкольного и дополнительного образования представляет собой особую среду социализации и создает условия для приобретения различных социальных навыков, что затем оказывает влияние на устойчивость и качество человеческого капитала конкретных индивидов и, как следствие, человеческого капитала региона в целом (Иванюшина, Александров, 2014; Павлова, 2020). Освоение социальных норм, ценностей, правил определяет дальнейшее поведение индивида, его отношение к обществу, формирует мировоззрение, являющееся основой для формирования социального капитала региона (Чурекова, Пуранен, 2017).

Необходимо отметить, что важность этих подсистем образования осознана на государственном уровне. Майскими указами⁶ Президента РФ и рядом других нормативно-правовых документов предусмотрено достижение стопроцентной доступности дошкольного образования⁷ и поставлена задача увеличения охвата детей в возрасте от 5 до 18 лет дополнительными общеобразовательными программами⁸. В то же время очевидно, что государство «работает» на усредненного потребителя, а указанные проблемы, как было показано нами выше, требуют адресного вмешательства с учетом индивидуальных потребностей семей. Участие СОНКО в этой сфере позволит сократить государственные расходы⁹ и будет способствовать сокращению неравенства в доступности услуг дошкольного и дополнительного образования в аспекте как финансовых, так и пространственных ограничений.

⁶ О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки к 2020 году: Указ Президента от 7 мая 2012 г. № 599.

⁷ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ba67ee28baf743ea8ac5da312cf81d413fd60e0f/

⁸ Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р; Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2022 № 678-р (вместе с «Концепцией развития дополнительного образования детей до 2030 года»); Федеральный проект «Успех каждого ребенка». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/success/>

⁹ Алекперов В. (2018). Инвестиции в новаторов. Социальное предпринимательство // Ведомости. № 12 (32). URL: <https://www.nb-fund.ru/upload/iblock/dd6/dd6f3de8b19f585b9867f807188851f2.pdf>

Система здравоохранения

Здоровье является одним из ключевых ресурсов общественного производства. Вместе с тем здравоохранение относится к числу сфер, вызывающих значительную обеспокоенность экспертов (Иванов, Суворов, 2021). Рост демографической нагрузки (на 133% с 2005 по 2020 год в стране) и увеличение численности населения старше трудоспособного возраста (на 4,8 п. п. с 2005 по 2020 год) ведут к значительным социально-экономическим последствиям. Согласно прогнозам Росстата, в 2035 году средняя продолжительность жизни увеличится до 79,1 года (по среднему варианту)¹⁰. В то же время устойчиво возрастает общая заболеваемость россиян, что обусловлено как старением населения, так и ухудшением состояния здоровья людей¹¹. По оценкам, из общего числа неизлечимо больных граждан в России паллиативную медицинскую помощь (ПМП) получают лишь 15% нуждающихся в ней, что соответствует среднемировым значениям (Фадеева, 2019, с. 111). Однако при этом необходимо учитывать, что 78% нуждающихся в ПМП проживают в странах с низким и средним уровнем дохода¹². Известно, что РФ по итогам 2021 года отнесена Всемирным банком к странам со средним уровнем дохода¹³ и в настоящее время реальные доходы населения в ней имеют негативную динамику.

Старение населения формирует новые вызовы для институтов пенсионного обеспечения, занятости, здравоохранения и др. и требует дополнительных механизмов поддержки пожилых граждан в виде создания системы гериатрической помощи (Черешнев, Чистова, 2017; Доброхлеб, 2018). Результаты канадского исследования показали, что на последний год жизни человека приходится четверть

¹⁰ Росстат представил уточненный демографический прогноз до 2036 года. URL: <https://clck.ru/qC7YH>

¹¹ Щербакова Е. Заболеваемость населения России, 2019–2020 годы. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0897/barom01.php#_ftn1

¹² Паллиативная медицинская помощь. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/palliative-care>

¹³ World Bank country classification by income level. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2022-2023>

общих затрат на медицинские услуги¹⁴. Организация паллиативной помощи позволяет более эффективно и экономично расходовать ресурсы системы здравоохранения благодаря сокращению расходов на уход за людьми с угрожающими жизни хроническими заболеваниями и переводу пациентов со стационарной на амбулаторную паллиативную помощь. Так, исследования свидетельствуют, что начало оказания паллиативной помощи пациентам в течение трех дней после поступления в больницу значительно сокращает расходы медицинского учреждения (May et al., 2018).

В качестве необходимых мер профилактического воздействия, способных снизить нагрузку на систему здравоохранения в целом и организацию системы долговременного ухода в частности, является развитие системы мероприятий по охране здоровья населения (Селезнева и др., 2022, с. 9). Однако, по оценкам экспертов, в России в последние два года численность граждан, ведущих здоровый образ жизни, сокращается, в 2021 году их доля составила чуть более 7%¹⁵, что ниже заложенного нацпроектом «Демография» значения (12%). Исследователи считают, что негативные тенденции связаны с невысоким уровнем доходов населения, подчеркивая, что последствия коронакризиса могут стать причиной роста уровня заболеваемости (Пруель, Градусова, 2021). Как было указано нами в более ранних публикациях (Базуева, 2015), это будет иметь спектр негативных последствий на всех уровнях социально-экономической системы как в виде увеличения прямой стоимости медицинской помощи, так и наращивания косвенных видов затрат, среди которых уменьшение ВВП, обусловленное потерями трудоспособности в связи с болезнью, отсутствием людей на работе и (или) снижением производительности труда, ростом социальной напряженности и нестабильности в обществе, снижением доходов предприятий и

домохозяйств, уменьшением совокупной отдачи от инвестиций в человеческий капитал и др. Однако, несмотря на значимость здоровья в качестве стратегического ресурса национальной экономики, в России до сих пор не создана единая система охраны здоровья, включая мероприятия по профилактике и формированию здорового образа жизни¹⁶.

Мероприятия, направленные на улучшение качества жизни, формирующего предпосылки для более здорового образа жизни, реализуются точно, по отдельным категориям населения. К примеру, План мероприятий («дорожная карта») по повышению качества и доступности паллиативной медицинской помощи предусматривает достижение значения 90% от числа всех нуждающихся в ПМП к 2024 году¹⁷. В Планах мероприятий для реализации стратегии по поддержке пожилых граждан до 2025 года также заявлено улучшение организации медицинской помощи гражданам старшего поколения, в т. ч. внедрение программы профилактики когнитивных расстройств¹⁸. Вместе с тем государство осознает ограниченность своих возможностей в оперативном и полном охвате указанными услугами граждан старшего возраста, в связи с чем в рамках национального проекта «Демография» на конкурсной основе из федерального бюджета с 2020 года, стали предоставляться субсидии частным организациям для оказания медико-социальной помощи пожилым гражданам в 15 пилотных регионах¹⁹. В целом для выполнения данного социального заказа государством разработан конкретный порядок взаимодействия медицинских организаций и организаций социального обслуживания с общественными объединениями и иными НКО, осуществляющими деятельность в сфере

¹⁴ Palliative Care. A vital service with clear economic, health and social benefits. URL: https://www.portailpalliatif.ca/Assets/Economics-of-Palliative-Care-Final-EN_20170320114419.pdf

¹⁵ ЗОЖ после коронакризиса: в 2021 году количество россиян без вредных привычек сократилось на 21%. URL: shorturl.at/rtvCI

¹⁶ Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2019. 80 с.

¹⁷ Методические рекомендации. Ведение регистра пациентов, нуждающихся в паллиативной помощи с использованием региональной медицинской информационной системы ЕЦП.МИС. Пермь, 2021. 32 с. URL: [rekomendacii-po-vedeniyu-registra-pmp-s-ispolzovaniem-ecp-mis-v1-6-1\(1\).pdf](http://rekomendacii-po-vedeniyu-registra-pmp-s-ispolzovaniem-ecp-mis-v1-6-1(1).pdf) (rtmis.ru)

¹⁸ Распоряжение от 23 июня 2021 года №1692-р. URL: <http://government.ru/news/42628/>

¹⁹ Распоряжение от 27 января 2022 года №97-р. URL: <http://government.ru/news/44425/>

охраны здоровья²⁰. В 2021 году, согласно данным Росстата, СОНКО оказали услуги в сфере здравоохранения примерно 29 тысячам человек, в области спорта (именно в этот раздел, как правило, включены организации, занимающиеся формированием здорового образа жизни) — 67 тысячам²¹. В то же время доля нуждающихся в повседневной помощи по причине ограничений, наложенных хроническими заболеваниями, составляет 29,4% от численности населения России (Селезнева и др., 2022, с. 40). Следовательно, потенциал СОНКО задействован не в полной мере и имеется возможность наращивания их участия в решении указанных проблем. Увеличение объема и спектра услуг, оказываемых СОНКО, могло бы существенно сократить неравенство возможностей в формировании капитала здоровья данных групп населения.

Система социального обслуживания населения

Старение и рост инвалидизации населения приводит к необходимости повышения государственных расходов на предоставление долговременного ухода за гражданами (Нацун, 2019). В настоящее время в России спрос на такие услуги удовлетворен только на 20%²². Низкий уровень доходов населения ограничивает возможности полного возмещения таких затрат.

Формирующиеся в настоящее время системы долговременного ухода и социального сопровождения направлены в первую очередь на поддержку пожилого населения (Колосова, Гущина, 2021). В то же время специфика России заключается в том, что 93% от общего числа живущих за чертой бедности составляют граждане трудоспособного возраста и дети до 16 лет²³. Заявленный Правительством РФ адресный подход к социальной помощи и поддержке населе-

²⁰ URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37821-k_aprobatsii_sotsialnogo_zakaza_prisoedinilis_novye_regiony; Приказ от 31 мая 2019 года № 345н/372н. URL: <https://docs.cntd.ru/document/560482941>

²¹ Количество человек, которым оказаны социальные услуги в 2021 г. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58621>

²² Долговременный уход за гражданами пожилого возраста и инвалидами как элемент сопровождаемого проживания: методические рекомендации для специалистов учреждений социального обслуживания населения (2019). Красноярск: КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения». 190 с. С. 5.

²³ Распределение малоимущего населения по социально-демографическим группам. <https://www.fedstat.ru/indicator/59454>

ния фактически не достигнут (Усова, Гришук, 2019). В результате сохраняются критически высокие для национальной экономики значения относительно количества граждан, нуждающихся в социальной поддержке. С точки зрения охвата населения существующая система обеспечивает достаточно высокие показатели (65% охвата населения России в целом и 84% охвата малоимущих), однако эффективность этих мер составляет, по экспертным оценкам, в среднем 25%²⁴. Это выступает фактором дестабилизации социально-экономического положения страны и ее регионов, фрагментирует социальную структуру общества, ослабляет основы общественной солидарности в результате эксклюзии уязвимых групп населения из нормальной социальной жизни (Зубова, 2017; Ильин, Морев, 2022).

Усилить адресную поддержку нуждающихся в социальной помощи также возможно посредством более активного привлечения организаций некоммерческого сектора, которые, как показал наш анализ, в настоящее время работают в данном направлении на бессистемной основе по ограниченному спектру социально значимых задач. Потенциал СОНКО не использован в полной мере в одной из предпочтительных форм жизнеустройства граждан, нуждающихся в долговременном уходе, — сопровождаемом проживании, которое позволяет обеспечить сохранение пребывания граждан в привычной и благоприятной для них социальной среде. Наряду с этим поддерживается их самостоятельность и автономность в реализации основных жизненных потребностей (организация быта, досуга, общения и социальных связей), осуществляется выработка навыков, необходимых для проживания в домашних условиях²⁵. Интенсификация участия СОНКО в функционировании системы долговременного ухода выступит фактором ее совершенствования, что позволит улучшить общее со-

²⁴ Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность (2017) / Под ред. к.э.н. В. Назарова и А. Пошарац. Научный доклад. М.: Научно-исследовательский финансовый институт; Всемирный банк. 144 с.

²⁵ Годовой отчет за 2021 год о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2232>

стояние здоровья граждан, их психологическое самочувствие, снизить вероятность депрессии (Brimblecombe et al., 2018), сократить величину спроса на госпитализацию (Feng et al., 2020), продлить жизнь (Choi, Joung, 2016).

Систематизируем рассмотренные в данном и предшествующих разделах возможные социально-экономические эффекты влияния СОНКО на экономику региона (табл. 5).

Представленные экономические эффекты, в частности в отношении повышения уровня доходов населения, нуждаются в некотором пояснении. Фактические данные не дают прямого подтверждения влияния деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на рост объема доходов граждан, однако нами учитываются разные формы помощи, поступающей от СОНКО (в натуральном виде, ресурсная, техническая, финансовая поддержка), что позволяет перераспределить статьи расходов семейного бюджета, дать большую свободу выбора.

Представленные в таблице 5 социально-экономические эффекты деятельности СОНКО, с одной стороны, подчеркивают значимость их развития для экономики региона, с другой —

дают системное представление о потенциальных возможностях от деятельности СОНКО, если она осуществляется профессионально, на системной и долгосрочной основе для территории размещения. Кроме того, эффекты свидетельствуют, что характер деятельности СОНКО имеет не только социальную значимость, как подчеркивают авторы существующих исследований и представители СОНКО, власти и бизнеса. Это, по мнению авторов, может сформировать дополнительные побудительные мотивы у заинтересованных экономических агентов для создания институциональных условий развития НКО в РФ.

Заключение

Резюмируя полученные результаты, следует отметить следующее. Во-первых, проведенный анализ концептуальных подходов к объяснению причин возникновения НКО (теория провалов и теория взаимозависимости) позволил установить, что финансовые механизмы, используемые государством для поддержки некоммерческих организаций, оказывают влияние на размер третьего сектора (теория взаимозависимости) и дают ему возможность устанавливать приоритетные направления их

Таблица 5. Систематизация потенциальных эффектов влияния деятельности СОНКО на экономику региона

Экономические эффекты	Социальные эффекты
Система образования	
1) Рост оплачиваемой занятости; увеличение объема поступлений в фонд социального страхования РФ и в территориальный фонд ОМС; 2) рост доходов населения; сокращение уровня бедности; 3) повышение эффективности использования человеческого капитала женщин; повышение качества человеческого капитала региона	1) Разносторонность социализации детей; 2) рост качества человеческого капитала детей; 3) нивелирование гендерной дискриминации женщин; 4) повышение качества социального капитала региона
Система здравоохранения	
1) Увеличение ВРП; 2) эффективное использование человеческого капитала, повышение уровня его отдачи; 3) повышение эффективности использования бюджетных средств	1) Улучшение качества жизни населения; 2) увеличение продолжительности активной жизни; 3) улучшение качества жизни пациентов и членов их семей
Система социального обслуживания населения	
1) Снижение расходов государства на систему социального обеспечения и социального обслуживания; 2) снижение спроса на госпитализацию при невозможности обеспечения долговременного ухода; 3) повышение уровня доходов семей; снижение уровня бедности и социального неравенства	1) Дефрагментация социальной структуры общества; 2) повышение уровня солидарности общества; 3) улучшение качества жизни нуждающихся в долговременном уходе и членов их семей; 4) увеличение продолжительности жизни
Источник: разработано авторами.	

деятельности в сферах, где предложение общественных благ в условиях ограниченности ресурсов и забюрократизированности социальной системы значительно меньше спроса (теория провалов).

Во-вторых, на основе контент-анализа поддержанных Фондом президентских грантов проектов от регионов ПФО установлено, что деятельность СОНКО сконцентрирована на предоставлении спектра услуг в системе образования, сфере охраны здоровья и социальной поддержки, имеющих приоритетное значение для формирования базовых потребностей населения, возможность удовлетворения которых у государства в полном объеме независимо от территории проживания и с учетом индивидуальных потребностей населения ограничена.

В-третьих, представители СОНКО при оценке эффективности своей деятельности концентрируют внимание на ее социальной значимости, используя механизмы точечного решения текущих проблем целевой аудитории. При этом остается недооцененным вклад собственных ресурсов СОНКО в решение острых социальных проблем в регионах размещения.

В-четвертых, идентифицирован спектр потенциальных социально-экономических

эффектов от деятельности СОНКО при условии ее осуществления на системной и долгосрочной основе, что расширяет представление о ее значимости для экономики региона. По мнению авторов, это может стать отправной точкой для создания институциональных условий развития НКО в РФ.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что авторы, безусловно, понимают, что объем вклада обозначенных в статье социально-экономических эффектов деятельности СОНКО для территории размещения не является таким же значительным, как вклад других секторов экономики. Однако, при этом не стоит его недооценивать, особенно учитывая современные тенденции, связанные с необходимостью трансформации доминирующих моделей экономического развития и формированием условий для инклюзивного экономического роста, нивелирующего неравенство потенциальных возможностей для уязвимых категорий населения. Моделирование системы управления конкретными регионами РФ на основе создания институциональных условий для наращивания вклада СОНКО в их сбалансированное развитие определяет перспективы будущих исследований авторов.

Литература

- Абанкина И.В., Филатова Л.М. (2021). Доступность дошкольного образования в раннем возрасте: информационный бюллетень / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 48 с.
- Базуева Е.В. (2015). Система институтов гендерной власти в экономике России: основы теории и методологии. Пермь. 456 с.
- Григорьева И., Парфенова О. (2021). Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // *The Journal of Social Policy Studies*. № 19 (1). С. 7–22. URL: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22>
- Доброхлеб В.Г. (2018). Старение населения России: региональный аспект // *Вопросы территориального развития*. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.4
- Зубова Л.Г. (2017). Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // *Народонаселение*. № 3 (77). С. 104–115.
- Иванов В.Н., Суворов А.В. (2021). Современные проблемы развития российского здравоохранения. Часть 1 // *Проблемы прогнозирования*. № 6 (189). С. 59–71.
- Иванюшина В.А., Александров Д.А. (2014). Социализация через неформальное образование: внеклассная деятельность российских школьников // *Вопросы образования*. № 3. С. 174–196.
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демографического будущего» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.1
- Колесникова О.А., Маслова Е.В. (2019). К вопросу о снижении гендерных диспропорций на рынке труда в современных российских условиях // *Экономика труда*. Т. 6. № 4. С. 1447–1462. DOI: 10.18334/et.6.4.41272

- Колосова Г.В., Гушина М.Р. (2021). Оценка эффективности деятельности службы социальных участков в Санкт-Петербурге в организации социального сопровождения граждан пожилого возраста // Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. 779 с. С. 42–45.
- Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2016). Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 7–26.
- Нацун Л.Н. (2019). Инвалидизация населения стран Европы как индикатор результативности их политики в сфере здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 200–219. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.13
- Павлова Н.И. (2020). Дополнительное образование детей в современных условиях и инновационные механизмы совершенствования // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). С. 274–276.
- Пруель Н.В., Градусова В.Н. (2021). Здоровый образ жизни как фактор экономической динамики // Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. С. 251–526.
- Селезнева Е.В., Синявская О.В., Якушев Е.Л. [и др.] (2022). Система долговременного ухода: уроки международного опыта для России: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» / науч. ред. О.В. Синявская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 156 с.
- Скокова Ю.А., Рыбникова М.А. (2022). Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы различий // Журнал социологии и социальной антропологии. № 25 (1). С. 70–102. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.3>
- Тарасенко А. (2015). Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб.: Норма, 224 с.
- Уваров А.Г., Ястребов Г.А. (2014). Социально-экономическое положение семей и школа как конкурирующие факторы образовательных возможностей: ситуация в России // Мир России. № 2. С. 103–132.
- Усова О.А., Грищук В.А. (2019). Социальная поддержка различных категорий населения в Российской Федерации: эффективность, проблемы функционирования системы // Общество, экономика, управление. № 1. С. 18–23.
- Фадеева Е.В. (2019). Паллиативная помощь в России: состояние и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 109–119.
- Черешнев В.А., Чистова Е.В. (2017). Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. Т. 16. № 12. С. 2206–2223.
- Чурекова Т.М., Пуранен В.Н. (2017). Социализация детей дошкольного возраста как социально-педагогическая проблема // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 42–46.
- Bae K.B., Sohn H. (2018). Factors contributing to the size of nonprofit sector: Tests of government failure, interdependence, and social capital theory. *Voluntas*, 29, 470–480. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-017-9888-3>
- Brimblecombe N. et al. (2018). Review of the international evidence on support for unpaid carers. *J. Long-Term Care*, 25–40. Available at: <http://doi.org/10.31389/jlrc.3>
- Choi J., Joung E. (2016). The association between the utilization of long-term care services and mortality in elderly Koreans. *Arch. Gerontol. Geriatr.*, 65, 122–127.
- Feng J., Wang Z., Yu Y. (2020). Does long-term care insurance reduce hospital utilization and medical expenditures? Evidence from China. *Soc. Sci. Med.*, 258. Available at: <http://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113081>
- Gazley B. (2010). Why not partner with local government? Nonprofit managerial perceptions of collaborative disadvantage. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 39(1), 51–76. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764008327>
- Grønberg K. A., Paarlberg L. (2001). Community variations in the size and scope of the nonprofit sector: Theory and preliminary findings. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 30(4), 684–706. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764001304004>

- Joassart-Marcelli P., Wolch J.R. (2003). The intrametropolitan geography of poverty and the nonprofit sector in Southern California. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 32(1), 70–96. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764002250007>
- Kim M. (2015). Socioeconomic diversity, political engagement, and the density of nonprofit organizations in US counties. *American Review of Public Administration*, 45(4), 402–416. Available at: <https://doi.org/10.1177/0275074013504616>
- Kim Y.H., Kim S.E. (2016). Testing an economic model of nonprofit growth: Analyzing the behaviors and decisions of nonprofit organizations, private donors, and governments. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 27(6), 2937–2961.
- Lecy J.D., Van Slyke D.M. (2013). Nonprofit sector growth and density: Testing theories of government support. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 23(1), 189–214. Available at: <https://doi.org/10.1093/jopart/mus010>
- Liu G. (2017). Government decentralization and the size of the nonprofit sector revisiting the government failure theory. *American Review of Public Administration*, 47(6), 619–633. Available at: <https://doi.org/10.1177/0275074016631643>
- Lu J., Xu C. (2018). Complementary or supplementary? The relationship between government size and nonprofit sector size. *Voluntas*, 29, 454–469. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-018-9981-2>
- Matsunaga Y., Yamauchi N. (2004). Is the government failure theory still relevant? A panel analysis using US state level data. *Annals of Public and Cooperative Economics*, 75(2), 227–263. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8292.2004.00251.x>
- Matsunaga Y., Yamauchi N., Okuyama N. (2010). What determines the size of the nonprofit sector? A cross-country analysis of the government failure theory. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 21(2), 180–201.
- May P., Normand C., Cassel J.B., et al. (2018). Economics of palliative care for hospitalized adults with serious illness: A meta-analysis. *JAMA Intern Med.*, 178(6), 820–829. Available at: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2018.0750>
- Paarlberg L.E., Gen S. (2009). Exploring the determinants of nonprofit coproduction of public service delivery: The case of K-12 public education. *American Review of Public Administration*, 39(4), 391–408. Available at: <https://doi.org/10.1177/0275074008320711>
- Sevak K.Y., Baker L. (2022). Need-resource indicators and nonprofit human services organization density. *Annals of Public and Cooperative Economics*, 93, 1, 129–160. Available at: <https://doi.org/10.1111/apce.12315>
- Van Puyvelde S., Brown W. A. (2016). Determinants of nonprofit sector density: A stakeholder approach. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 27(3), 1045–1063.
- Weisbrod B.A. (1986). Toward a theory of the voluntary non-profit sector in a three sector economy. In: S. Rose-Ackerman (Ed.) *The economics of nonprofit institutions*. New York: Oxford University Press. 440 p. Pp. 21–44.

Сведения об авторах

Анна Станиславовна Артамонова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Елена Валерьевна Базуева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: bazueva.l@mail.ru); ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а)

Artamonova A.S., Bazueva E.V.

Effectiveness of Nonprofit Organizations for the Regional Economy: Conceptual Foundations for Identification

Abstract. We make an attempt to substantiate the significance of creating institutional conditions for the development of nonprofit organizations; to this end, we identify social and economic impact of their activities on the regional economy. Using the synthesis of theoretical approaches to explaining the reasons for the emergence of the nonprofit sector (theory of interdependence and failure theory) and the results of content analysis of the projects supported by the Presidential Grants Foundation and submitted by socially oriented nonprofit organizations from the Volga Federal District, we identify directions and specify forms of leveling government failures. It was found that socially oriented nonprofit organizations focus on providing a range of services in the education system, health care and social support, which are of priority importance for the formation of people's basic needs, which can be fulfilled by the state only to a certain limit, regardless of the territory of residence and taking into account residents' individual needs. When assessing the effectiveness of their own work, representatives of socially oriented nonprofit organizations focus on its social significance, using mechanisms of point solutions to the current problems of the target audience. We identify the range of potential socio-economic effects from the activities of socially oriented nonprofit organization carried out on a systematic and long-term basis in the context of priority areas of their work. We emphasize that our approach, due to the formation of a unified view among economic agents (government, business, society and nonprofit organizations themselves), expands the idea of its importance for the region's economy and may become a starting point for the creation of institutional conditions for the development of nonprofit organizations in Russia. The prospects for our future research include modeling the management system of specific regions of the Russian Federation based on the creation of institutional conditions to increase the contribution of socially oriented nonprofit organizations to the balanced development of territories.

Key words: effectiveness of socially oriented nonprofit organizations, socio-economic effects, regional economy, social inequality, disadvantaged groups, public goods, government failures.

Information about the Authors

Anna S. Artamonova – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Elena V. Bazueva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Perm State National Research University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: bazueva.l@mail.ru); Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation)

Статья поступила 09.10.2022.

Экологическая ответственность персонала: эмпирический анализ и типология

**Галина Сергеевна
АРЗАМАСОВА**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Российская Федерация
e-mail: Arzamasova_g@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7829-6970; ResearcherID: GRJ-9070-2022

**Ирэна Александровна
ЭСАУЛОВА**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Российская Федерация
e-mail: esaulova_ia@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0375-0275; ResearcherID: K-6804-2017

Аннотация. Экологическая ответственность персонала является ключевой предпосылкой достижения экологических целей организации и повышения ее экологической результативности как на управленческом, так и на исполнительском уровне. Формирование экологической ответственности у сотрудников требует понимания механизмов и факторов индивидуального экологического поведения, которое может существенно отличаться в зависимости от экологически значимых профессиональных и личностных качеств, побуждающих к осознанному проявлению их в работе. Цель исследования заключается в теоретическом и эмпирическом обосновании типов экологической ответственности персонала. Методологической базой послужили концепции экологической ответственности личности и экологического поведения сотрудников.

Для цитирования: Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. (2022). Экологическая ответственность персонала: эмпирический анализ и типология // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 232–242. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.14

For citation: Arzamasova G.S., Esaulova I.A. (2022). Employee environmental responsibility: Empirical analysis and typology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 232–242. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.14

Эмпирическая база исследования сформирована на основе данных опроса сотрудников российских эколого-ориентированных промышленных предприятий нефтегазовой отрасли. По результатам кластерного анализа полученных данных выявлены характеристики ролевых моделей экологического поведения и идентифицировано четыре типа сотрудников: эко-консерваторы, эко-прагматики, эко-активисты, эко-проактивисты, отличающиеся степенью осознания и принятия экологических ценностей компании, характером выполнения экологических требований в рабочей деятельности, заинтересованностью в участии в дополнительной экологической деятельности и инициативностью в решении экологических проблем. Полученные результаты могут применяться для исследования природы индивидуального экологического поведения и экологической ответственности, а также в практике компаний для разработки и совершенствования политик и практик управления человеческими ресурсами, направленных на экологическое развитие персонала. Основным ограничением является выбор в качестве объекта исследования крупных предприятий нефтегазовой отрасли, характеризующихся высоким уровнем развития экологической политики, экологического менеджмента и применяющих на постоянной основе практики экологического развития персонала, что сужает значимость полученных результатов в рамках одной отрасли, не позволяя сделать обобщенные выводы и дать практические рекомендации.

Ключевые слова: экологическое поведение сотрудника, обязательное экологическое поведение, добровольное экологическое поведение, экологическая ответственность персонала, экологическая компетентность, экологическая вовлеченность.

Введение

Приоритетность защиты окружающей среды и сохранения природных ресурсов является общемировым трендом последних десятилетий, побуждая компании включать вопросы экологической безопасности и ответственности в стратегии развития как значимые факторы конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и доверия заинтересованных сторон (Dummett, 2008; Wang, 2016). Практика компаний показывает, что устойчивые долгосрочные экологические результаты достигаются за счет консолидации природоохранной деятельности и системы управления человеческими ресурсами (УЧР), которая обеспечивает повышение компетентности, осведомленности и вовлеченности персонала в решение экологических задач в каждом бизнес-процессе и на каждом рабочем месте (Bunge et al., 1996; Del Brío et al., 2007; Jabbour et al., 2010; Potrich et al., 2019).

В последние годы понимание критически значимой роли персонала в реализации экологической стратегии организации выводит на первый план понятие экологической ответственности персонала (ЭОП), которая обуславливается внутренними мотивами и установками человека по отношению к проблемам охраны окружающей среды и отражается в различных

моделях экологического поведения сотрудников. Понимание ролевых моделей поведения сотрудников и их проявления в реальных действиях выступает важным условием достижения экологических целей компании (Ramus, Killmer, 2007; Benn et al., 2015; Voiral et al., 2015). Сегодня в литературе представлены различные типологии сотрудников в зависимости от наличия или отсутствия у них индивидуальных качеств, необходимых для выполнения экологически ориентированной деятельности, но не учитывающих взаимосвязи этих качеств или моделей поведения с экологической ответственностью сотрудников, что ограничивает понимание организационных и личностных механизмов ее формирования в условиях реальной организации. В связи с этим цель исследования заключается в эмпирическом обосновании и идентификации типов экологической ответственности персонала.

Обзор литературы

В современной науке и практике экологическая ответственность является широко распространенным понятием, связанным с осознанной и бережной деятельностью организаций и людей по отношению к окружающей среде. На уровне личности экологическая ответственность рассматривается с позиции индиви-

дуального отношения и обязательств (моральная ответственность), в основе которых лежат мировоззренческие установки, экологические ценности, знания и опыт человека (Пономаренко, 2012; Крайник, Сергазина, 2018; Babu et al., 2019). При этом индивидуальные качества экологически ответственной личности проявляются в форме поведения, направленного на получение экологически благоприятных результатов (Eden, 1993; Hemphill, Laurence, 2018; Norton et al., 2015). Когда речь идет о работнике, то под экологической ответственностью подразумевается понимание экологических проблем, способность их решать и поведение, направленное на снижение и предотвращение негативного воздействия на окружающую среду при выполнении профессиональных обязанностей.

Способность сотрудника к решению экологических задач обеспечивается его экологической компетентностью, представляющей совокупность экологических ценностей, знаний, умений и навыков эколого-ориентированной деятельности (Subramanian et al., 2016; Cabral, LochanDhar, 2020). Мерой проявления экологической ответственности становится экологическое поведение сотрудника (ЭПС), основанное на чувстве личной заинтересованности, определяемой степенью включенности сотрудника в решение экологических задач и достижения значимых результатов в сфере охраны окружающей среды (Eden, 1993). ЭПС объединяет поведение, предусматривающее выполнение обязательных экологических требований, связанных с экологическими целями и показателями организации (обязательное или нормативное ЭПС), и поведение, посредством которого сотрудники проявляют готовность сотрудничать со своей компанией и ее членами, демонстрируя на рабочем месте поведение, приносящее пользу природной среде (добровольное ЭПС) (Daily et al., 2009; Boiral, Paillé, 2012; Norton et al., 2015; Арзамасова, Эсаулова 2021).

Таким образом, ЭОП может быть определена как форма экологически значимого поведения, проявляющегося в осознанной добровольной включенности сотрудников в решение экологических задач компании, основанной на их внутренних установках и ценностях, и выражающегося в стремлении к реализации

эффективной экологически ориентированной профессиональной деятельности через практическое применение эколого-ориентированных знаний и навыков¹.

Экологическую ответственность персонала формируют два взаимосвязанных компонента (рис. 1):

– *экологическая компетентность* – комплекс экологических ценностей, знаний, навыков и опыта сотрудника в эколого-ориентированной профессиональной деятельности;

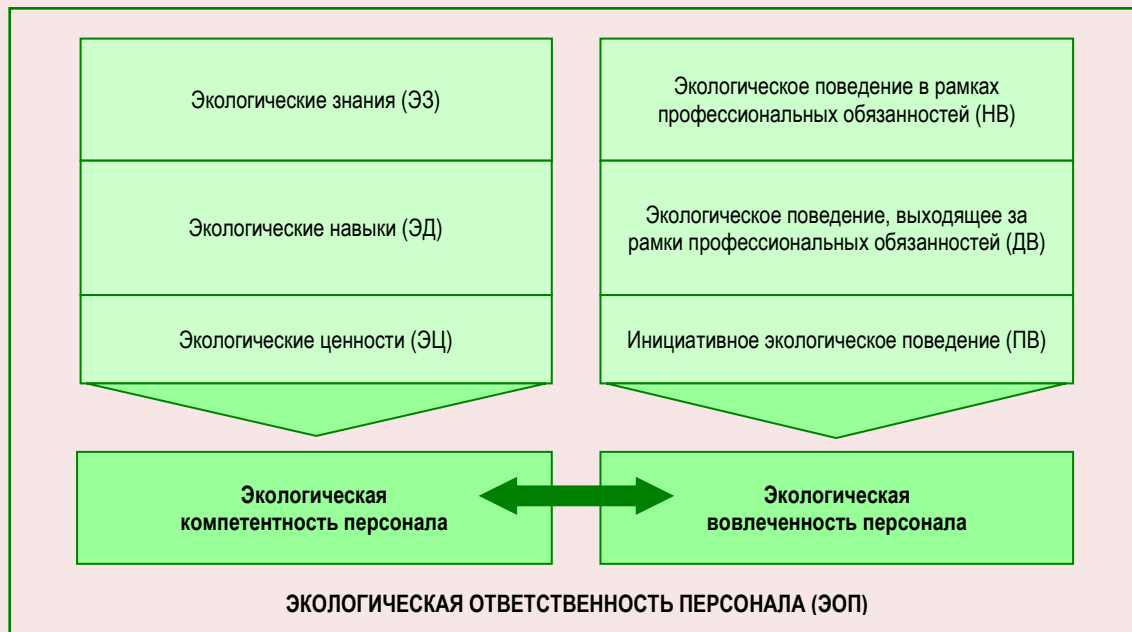
– *экологическая вовлеченность* – активное соучастие сотрудников в реализации экологической политики и целей организации, проявляющееся в добровольном содействии достижению этих целей и стремлении внести положительный вклад в экологические инициативы и инновации.

Многокомпонентность этой конструкции дает основания предположить, что ЭОП может проявляться в различных формах экологического поведения сотрудников. Определение этих форм становится важной задачей исследования, поскольку позволит обосновать взаимосвязи между ЭПС и ЭОП, что, в свою очередь, будет полезно для выбора и реализации соответствующих практик управления персоналом в экологически ориентированных компаниях.

К настоящему времени в научной литературе существует несколько типологий, но, к сожалению, эмпирически они пока не подкреплены. В частности, Н. Opatha и А. Arulrajah описали три типа сотрудников: «защитники», «не загрязнители», «активисты» (Opatha, Arulrajah, 2014). Встречаются расширенные классификации, где помимо демонстрируемого поведения учитываются психологические мотивы сотрудника при решении экологических задач. К примеру, по этим признакам D. Ones и S. Dilchert выделяют «защищающих», «исполнительных», «избегающих», «мотивирующих» и «инициативных» работников (Ones, Dilchert, 2012). В зависимости от интенсивности проявления ЭПС выделяют высокоинтенсивных и низкоинтенсивных сотрудников (Ciocirlan, 2016).

¹ Арзамасова Г.С. (2021). Формирование эколого-интегрированной модели управления человеческими ресурсами: автореферат дис. ... канд. экон. наук. Пермь. 26 с.

Рис. 1. Элементы экологической ответственности персонала

Источник: Арзамасова Г.С. (2021). Формирование эколого-интегрированной модели управления человеческими ресурсами: автореферат дис. ... канд. экон. наук. Пермь. 26 с.

Однако очевидно, что рассмотренные классификации описывают исключительно поведенческие отличия сотрудников по отношению к экологии, тогда как с точки зрения экологического управления имеет значение сформированность не столько моделей экологического поведения, сколько индивидуальной экологической ответственности, которая, как было обосновано выше, представляет собой сложную конструкцию, объединяющую профессиональные знания, навыки, установки, личную заинтересованность и проэкологическую деятельность сотрудников. В рамках нашего исследования ключевым критерием построения типологии сотрудников является степень выраженности компонентов ЭОП: экологической компетентности как основы, побуждающей к проявлению экологического поведения, и реального его проявления в форме экологической вовлеченности.

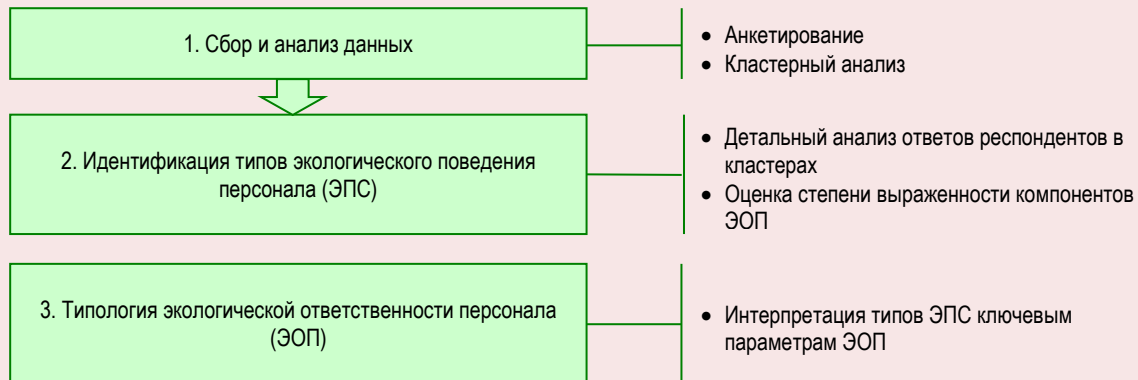
Методология исследования

Общая модель исследования ЭОП включала три этапа (рис. 2).

В исследовании приняли участие 1522 работника производственных и производ-

ственных подразделений трех российских предприятий нефтегазового сектора, включая руководителей, специалистов и рабочих. Исследование проводилось в 2021 году на предприятиях, которые входят в число крупных природопользователей и относятся к социально ответственным компаниям. Объединяющими критериями выбора объектов исследования являлись наличие сформированной системы экологического менеджмента, «открытая» экологическая политика, признание значимости работников в достижении экологических результатов и применение на постоянной основе практик управления персоналом, направленных на повышение компетентности и вовлеченности сотрудников в природоохранную деятельность (экологическое обучение, оценка экологической результативности, развитие корпоративной экологической культуры, реализация социально-экологических мероприятий и др.). Объем исследуемой выборки составляет 10% от общей списочной численности персонала рассматриваемых предприятий. Характеристика выборки представлена в таблице 1.

Рис. 2. Общая характеристика исследования

Источник: разработано авторами.

Таблица 1. Характеристика исследовательской выборки

Параметр	Значение
Пол	Мужчины – 75%; женщины – 25%
Тип подразделения	Сотрудники производственных подразделений – 78% сотрудники непроизводственных подразделений – 21%
Стаж работы в компании	Менее 1 года – 4%; до 5 лет – 18%; от 5 до 10 лет – 23%; более 10 лет – 56%
Возраст	Менее 25 лет – 4%; до 35 лет – 33%; от 36 до 45 лет – 32%; более 45 лет – 31%
Образование	Общее (школа) – 3,7%; среднее профессиональное – 29%; высшее – 67%; ученая степень – 0,3%
Должностная позиция	Руководители – 17%; специалисты – 39%; рабочие – 44%

Сбор данных проводился методом анонимного анкетирования сотрудников с использованием авторского опросника, содержащего 19 вопросов-утверждений, разработанных на основе индикаторов элементов ЭОП (см. рис. 1), в том числе:

1) экологическая компетентность включает три группы индикаторов для оценки знаниевых (экологические знания – ЭЗ), деятельностных (экологические действия – ЭД) и ценностных (экологические ценности – ЭЦ) характеристик работника;

2) экологическая вовлеченность представлена вопросами-утверждениями для оценки уровня:

– нормативной вовлеченности (НВ), которая отражает проявление ЭПС в рамках должностных обязанностей сотрудника;

– добровольной вовлеченности (ДВ), определяющей участие сотрудника в дополнительных экологических мероприятиях, выходящих за рамки требований должностных и рабочих инструкций;

– потенциальной вовлеченности (ПВ), отражающей потенциальную готовность работника к решению экологически значимых задач через поддержку и продвижение экологических предложений и инноваций.

Характеристика индикаторов компонентов ЭОП представлена в *таблице 2*.

Оценка элементов ЭОП проводилась по пятибалльной шкале Лайкерта в значениях от 4,0 (ответ «полностью согласен») до 0 баллов (ответ «мне безразлично»). Валидность и надежность опросника проверялась с помощью индикаторов Альфа Кронбаха и средней извлеченной дисперсии (AVE), значения которых не превышали критических 0,7 и 0,5 соответственно. Значение дискриминантной валидности по критерию Fornell-Larcker (квадратный корень AVE) превышало коэффициенты корреляции каждой переменной. Таким образом, можно говорить о согласованности и высокой надежности инструмента анализа.

Таблица 2. Индикаторы компонентов ЭОП (фрагмент)

Переменная	Индекс	Индикаторы
ЭКО-КОМПЕТЕНТНОСТЬ	Экологические знания (ЭЗ)	Сотрудник знает меры, необходимые в его профессиональной деятельности для недопущения негативного воздействия на окружающую среду и сохранения природных ресурсов
	Экологические ценности (ЭЦ)	Сотрудник понимает свою персональную ответственность за воздействие его деятельности на окружающую среду
	Экологические действия (ЭД)	Сотрудник изучает информацию и взвешивает свои действия на рабочем месте, если они могут привести к негативным последствиям для окружающей среды
ЭКО-ВОВЛЕЧЕННОСТЬ	Нормативная вовлеченность (НВ)	Сотрудник выполняет установленные обязательства и экологические требования к своей профессиональной деятельности
	Добровольная вовлеченность (ДВ)	Сотрудник по личной инициативе принимает участие в экологических акциях, направленных на улучшение окружающей среды
	Потенциальная вовлеченность (ПВ)	Сотрудник проявляет интерес и готовность к участию в рабочих группах для решения экологических вопросов

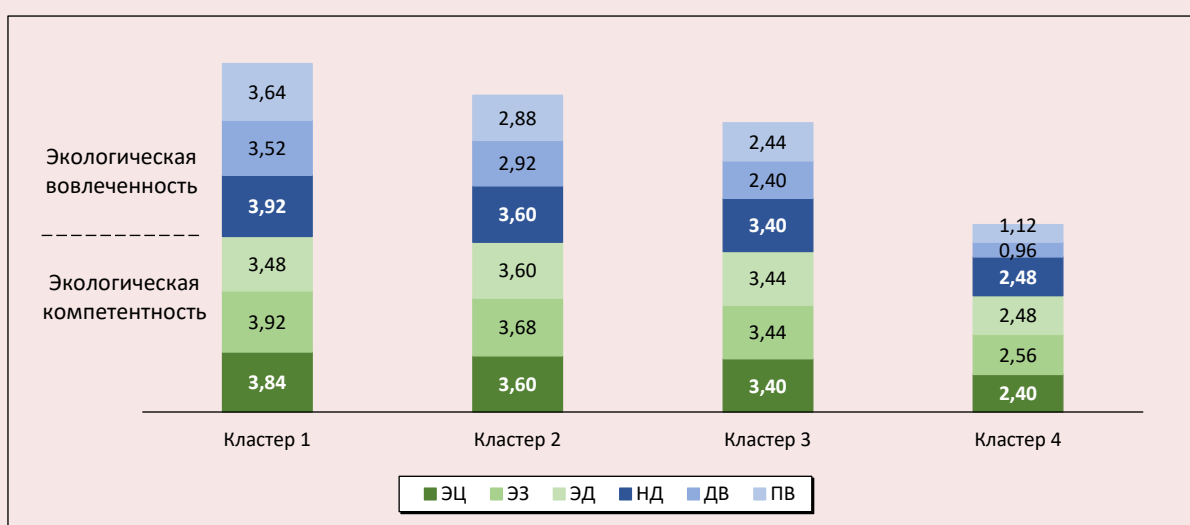
Источник: разработано авторами.

Для выделения групп работников использовался кластерный анализ с применением метода k-средних с предварительным выделением оптимального количества кластеров при помощи построения иерархической модели методом Варда. Кластерный анализ проводился с помощью программного продукта SPSS Statistics. Характеристика ролевых моделей ЭПС и сегментация персонала по типу ЭОП осуществлялись на основе детального анализа ответов респондентов на вопросы анкеты и оценке средних ответов в кластерах.

Результаты и обсуждение

На основе результатов опроса все 1522 респондента распределились на 4 кластера по компонентам ЭОП. Принадлежность к кластерам проверялась в диапазоне от трех до пяти. Достоверность проверялась с помощью коэффициента Фишера, значения которого показывают, что использованные для кластеризации признаки вносят значительный вклад в дифференциацию с выделением четырех кластеров. Результаты кластерного анализа представлены на *рисунке 3*.

Рис. 3. Результаты кластерного анализа (средние ответы респондентов)

Источник: рассчитано авторами.

Кластер 1 объединил 34,8% респондентов, для которых характерен высокий уровень выраженности экологической компетентности (97%) и чуть менее выраженный уровень экологической вовлеченности (91%). Данных сотрудников отличает одинаково высокий уровень развития всех составляющих экокомпетентности (знаний, ценностей, навыков эколого-ориентированной деятельности), что говорит о сформированности требуемых индивидуальных качеств, необходимых для выполнения эколого-ориентированной профессиональной деятельности. Об этом, в том числе, свидетельствует высокий уровень нормативной вовлеченности (98%). Для представителей кластера 2 (24,1% респондентов) также характерен сбалансированный по всем трем составляющим высокий уровень экологической компетентности (91%), но менее выраженная эко-вовлеченность (79%), чем в кластере 1. Эти респонденты строго и своевременно выполняют должностные обязанности (НВ – 90%). Уровень добровольной (ДВ) и потенциальной вовлеченности (ПВ) у сотрудников данного сегмента находился в диапазоне 73–75%, что подтверждает их готовность к участию в экологических программах и мероприятиях, а также к проявлению инициативы с экологическим эффектом. Респонденты,

объединённые в кластер 3 (34,6%) проявляют более низкий уровень экологической вовлеченности (69%), при этом стоит отметить, что данный показатель формируется за счет значительного снижения добровольной и потенциальной вовлеченности (61 и 60% соответственно). Для данной группы сотрудников также характерно наличие необходимых знаний и навыков для внесения предложений по улучшению экологической деятельности (уровень эко-ответственности 83–86%). Кластер 4 объединил 6,5% респондентов, отличающихся самым низким уровнем экологической компетентности (на уровне 62%) и вовлеченности в экологическую деятельность (38%).

Кластерный анализ показал, что ролевое поведение сотрудника не связано с должностью или специализацией подразделения, поскольку представители выделенных четырех кластеров встречаются среди всех категорий персонала как производственных, так и непроизводственных служб предприятия (табл. 3).

Обобщение результатов кластерного анализа и оценок респондентов относительно предложенных вопросов по компонентам ЭОП позволило идентифицировать специфические модели экологического поведения сотрудников (ЭПС): консервативное, прагматичное, активное и проактивное (табл. 4).

Таблица 3. Результаты кластерного анализа по категориям персонала

Классификация	Категория персонала	Доля в выборке, %			
		Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Должностная позиция	Руководители	45,8	30,5	21,8	1,9
	Специалисты	27,8	34,8	30,9	6,5
	Рабочие	36,5	36,2	34,6	8,2
Тип подразделения	Производственные	36,3	34,3	22,8	7,6
	Непроизводственные	28,8	34,6	29,5	1,2

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 4. Модели экологического поведения сотрудников (ЭПС)

<i>Консервативное</i>	<i>Прагматичное</i>
Пассивная позиция по отношению к экологическим обязанностям, мероприятиям и нововведениям, отсутствие заинтересованности в экологической деятельности и развитии компании	Строгое соблюдение экологических требований в рамках должностных и рабочих обязанностей, не вникая в сущность и значимость этих требований, для достижения личных экологических результатов и результатов компании
<i>Активное</i>	<i>Проактивное</i>
Осознанное участие в экологической жизни компании, поддержка экологических изменений и внесение предложений по улучшению деятельности в области охраны окружающей среды	Высокая инициативность в области охраны окружающей среды, обусловленная глубокой приверженностью экологическим ценностям компании, готовностью брать на себя ответственность за экологические результаты и выступать в качестве «экологических лидеров»

Источник: разработано авторами.

В соответствии с выделенными типами экологического поведения были идентифицированы четыре типа сотрудников: эко-консерваторы, эко-прагматики, эко-активисты, эко-проактивисты (табл. 5).

Эко-консерваторы не проявляют интерес к экологической деятельности компании, отчасти вследствие того, что их должностные обязанности требуют минимальной эко-компетентности, а экологические показатели не включаются в оценку результативности. Такие сотрудники проявляют низкую приверженность экологическим ценностям и целям компании, что может стать фактором экологических рисков из-за непонимания последствий своих действий или бездействия как в повседневной работе, так и критической ситуации. Эко-прагматики – это сотрудники, для которых характерен высокий уровень нормативной вовлеченности. Для привлечения сотрудников второго типа к экологическим мероприятиям, не входящим в их профессиональные обязанности, требуются дополнительные меры сти-

мулирования или перевод участия в мероприятиях в плоскость «обязательных» требований. Как правило, сотрудники с прагматичным типом поведения не всегда видят возможности для улучшения своей деятельности с экологической точки зрения, но с учетом необходимых знаний и навыков, а также высокой степени исполнительности могут проявлять инициативу при условии дополнительного стимулирования, в первую очередь материального. Эко-активисты и эко-проактивисты – это наиболее заинтересованные в экологической деятельности предприятия сотрудники, готовые отдавать свою энергию и силы на ее улучшение. Эко-активистам для проявления инициативной деятельности может потребоваться формальная и неформальная поддержка извне, выражаемая в материальном стимулировании, поддержке со стороны руководства, привлечении в рабочие группы для решения экологических значимых задач, различных формах признания вклада в достижение экологической результативности (доски почета, публикации в СМИ и др.).

Таблица 5. Типология экологической ответственности персонала

Параметр	Эко-консерваторы	Эко-прагматики	Эко-активисты	Эко-проактивисты
Отношение к экологическим ценностям и деятельности компании	Нейтральное или безразличное	Принятие экологических ценностей на уровне прагматических обоснований (поощрение, награда, похвала)	Разделяют экологические ценности компании и стремятся к наилучшим экологическим результатам	Воспринимают экологические ценности компании как свои собственные
Выполнение обязательных экологических требований	Игнорирование и нарушение (намеренное и ненамеренное)	Выполнение в строгом соответствии с требованиями	Осознанная ответственность, личная и коллективная инициатива по вопросам экологии	
Экологическая компетентность	Минимальная, в рамках требований к профессиональной деятельности	В рамках требований к профессиональной деятельности	Общие и специализированные экологические компетенции	
		Дополнительные знания и умения, связанные с занимаемой должностью или ролью	Компетенции в смежных областях профессиональной деятельности, опыт решения конкретных экологических задач и проблем	
Добровольная экологическая деятельность	Избегают участия в дополнительных эко-мероприятиях, инициативу не проявляют	Принимают участие в эко-мероприятиях и могут проявлять инициативу при условии закрепления обязательных требований или материального поощрения	Активные участники эко-мероприятий, инициативы в рамках непосредственных экологических обязанностей, могут быть членами рабочих команд по решению экологических проблем	Активно участвуют в эко-мероприятиях и инициатируют их проведение, выступают с предложениями по улучшению экологической результативности своей работы, работы в смежных областях и компаниях, привлекая коллег

Составлено по: Арзамасова Г.С. Формирование эколого-интегрированной модели управления человеческими ресурсами: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Пермь: 2021. 26 с.

Эко-проактивистов можно рассматривать в качестве руководителей экологических проектов, рабочих групп, представителей компании на внешних эко-мероприятиях. Данные сотрудники, как правило, выступают драйверами экологических нововведений в своих подразделениях и могут рассматриваться как экологические лидеры.

Заключение

На волне нарастающего интереса к повышению экологической эффективности бизнеса весьма актуальной, но наименее изученной с научной и практической точки зрения является задача измерения и оценки экологической ответственности персонала, обеспечивающей реальное соучастие сотрудников в достижении экологических целей организации. Представленное исследование предлагает эмпирически обоснованную типологию ЭОП, объединяющую, с одной стороны, личностные механизмы экологической ответственности сотрудника, а с другой – их проявление в реальной практической деятельности с экологическим эффектом. Такой подход позволяет сформировать новые подходы к исследованию механизмов

и факторов формирования ЭОП, внося тем самым вклад в развитие представлений о его природе и методах управления им.

С точки зрения практики полученные результаты могут применяться специалистами в области управления персоналом для анализа экологической ответственности сотрудников с целью разработки соответствующих практик УЧР для формирования экологичных моделей поведения и максимального использования «экологического» потенциала работников в контексте экологической политики и стратегии компании.

Наше исследование имеет ряд ограничений. Опрос проводился на предприятиях одной отрасли с высоким уровнем экологической ответственности, развитой системой экологического менеджмента и практик работы с персоналом, что, во-первых, сужает значимость его результатов рамками одной отрасли; во-вторых, очевидно, что на предприятиях с менее развитой экологической политикой и природоохранной деятельностью могут быть выделены и другие (скорее пограничные) типы экологического поведения сотрудников.

Литература

- Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. (2022). Влияние управления человеческими ресурсами на экологическое поведение сотрудников: роль корпоративной экокультуры // *Управленец*. Т. 13. № 3. С. 46–56. DOI:10.29141/2218-5003-2022-13-3-4
- Крайник В.Л., Сергазина Ж.Ж. (2018). К вопросу о сущности экологической ответственности личности // *Мир науки, культуры, образования*. № 3 (70). С. 203–205.
- Пономаренко Е.В. (2012). Методология формирования экологически ответственной личности // *Философия образования*. № 3 (42). С. 123–129.
- Babu N., De Roeck K., Raineri N. (2019). Hypocritical organizations: Implications for employee social responsibility. *Journal of Business Research*, 114, 376–384. DOI:10.1016/j.jbusres.2019.07.034
- Benn S., Teo S.T.T., Martin A. (2015). Employee participation and engagement in working for the environment. *Personnel Review*, 44(4), 492–510. DOI:10.1108/pr-10-2013-0179
- Boiral O., Paillé P. (2012). Organizational citizenship behaviour for the environment: Measurement and validation. *Journal of Business Ethics*, 109(4), 431–445. DOI 10.1007/s10551-011-1138-9
- Boiral O., Paillé P., Raineri N. (2015). The nature of employees' pro-environmental behaviors. In: *The Psychology of Green Organizations*. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199997480.003.0002
- Bunge J., Cohen-Rosenthal E., Ruiz-Quintanilla A. (1996). Employee participation in pollution reduction: Preliminary analysis of the Toxics Release Inventory. *Journal of Cleaner Production*, 4(1), 9–16. DOI:10.1016/S0959-6526(96)00006-6
- Cabral C., LochanDhar R. (2019). Green competencies: Construct development and measurement validation. *Journal of Cleaner Production*, 235, 887–900. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.07.014
- Ciocirlan C.E. (2016). Environmental workplace behaviors. *Organization & Environment*, 30(1), 51–70. DOI:10.1177/1086026615628036
- Daily B.F., Bishop J.W., Govindarajulu N. (2009). A conceptual model for organizational citizenship behavior directed toward the environment. *Business & Society*, 48(2), 243–256. DOI: 10.1177/0007650308315439

- Del Brío J.Á., Fernández E., Junquera B. (2007). Management and employee involvement in achieving an environmental action-based competitive advantage: An empirical study. *The International Journal of Human Resource Management*, 18(4), 491–522. DOI: 10.1080/09585190601178687
- Dummett K. (2006). Drivers for corporate environmental responsibility (CER). *Environment, Development and Sustainability*, 8(3), 375–389. DOI: 10.1007/s10668-005-7900
- Eden S.E. (1993). Individual environmental responsibility and its role in public environmentalism. *Environment and Planning*, 25(12), 1743–1758. DOI: 10.1068/a251743
- Hemphill T.A., Laurence G.A. (2018). Employee social responsibility: A missing component in the ISO 26000 Social Responsibility Standard. *Business and Society Review*, 123(1), 59–81. DOI:10.1111/basr.12135
- Jabbour C.J.C., Santos F.C.A., Nagano M.S. (2010). Contributions of HRM throughout the stages of environmental management: methodological triangulation applied to companies in Brazil. *The International Journal of Human Resource Management*, 21(7), 1049–1089. DOI: 10.1080/09585191003783512
- Norton T.A., Parker S.L., Zacher H., Ashkanasy N.M. (2015). Employee green behavior: A theoretical framework, multilevel review, and future research agenda. *Organization Environment*, 28(1), 103–125. DOI: 10.1177/1086026615575773
- Ones D.S., Dilchert S. (2012). Environmental sustainability at work: A call to action. *Industrial and Organizational Psychology*, 5(4), 444–466. DOI: 10.1111/j.1754-9434.2012.01478.x
- Opatha H.H.D.N.P., Arulrajah A. (2014). Green human resource management: Simplified general reflections. *International Business Research*, 8, 101–112. DOI: 10.5539/ibr.v7n8p101
- Potrich L., Cortimiglia M.N., Medeiros J.F. (2019). A systematic literature review on firm-level proactive environmental management. *Journal of Environmental Management*, 243, 273–286. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.04.110
- Ramus C.A., Killmer A.B. (2007). Corporate greening through prosocial extrarole behaviours – a conceptual framework for employee motivation. *Business Strategy and the Environment*, 16(8), 554–570. DOI: 10.1002/bse.504
- Subramanian N., Abdulrahman M.D., Wu L., Nath P. (2015). Green competence framework: Evidence from China. *The International Journal of Human Resource Management*, 27(2), 151–172. DOI: 10.1080/09585192.2015.1047394
- Wang H. (2016). Systematic analysis of corporate environmental responsibility: Elements, structure, function, and principles. *Chinese Journal of Population Resources and Environment*, 14(2), 96–104. DOI: 10.1080/10042857.2016.1147715

Сведения об авторах

Галина Сергеевна Арзамасова – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., д. 29; e-mail: Arzamasova_g@mail.ru)

Ирэна Александровна Эсаулова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., д. 29; e-mail: esaulova_ia@mail.ru)

Arzamasova G.S., Esaulova I.A.

Employee Environmental Responsibility: Empirical Analysis and Typology

Abstract. Environmental responsibility of employees is a key prerequisite for achieving environmental goals of an organization and improving its environmental performance at the managerial and executive levels. Forming environmental responsibility in employees requires an understanding of the mechanisms and drivers of individual environmental behavior that may differ considerably, depending on the environmentally significant professional and personal qualities that encourage their conscious manifestation at work. The purpose of our study is to provide theoretical and empirical substantiation of the

types of employee environmental responsibility. Methodological basis for our work includes the concept of individual environmental responsibility and environmental behavior of employees. The empirical base of the study is formed by the data from a survey of employees at Russian pro-environmental enterprises of the oil and gas industry. According to the results of the cluster analysis of the data obtained, we reveal characteristics for the role models of environmental behavior and identify four types of employees: eco-conservatives, eco-pragmatists, eco-activists, eco-pro-activists, differing in the awareness and acceptance of the company's environmental values, compliance with environmental requirements in work activities, interest in participating in additional environmental activities and initiative in addressing environmental issues. The results obtained can be used to study the nature of individual environmental behavior and environmental responsibility; they can be also useful for companies in developing and improving human resource management policies and practices aimed at employees' environmental development. The main limitation is the fact that we have chosen major oil and gas industry enterprises as the object of research, and they have a highly developed environmental policy, environmental management and the practice of environmental development of personnel; this narrows the significance of the results obtained within one industry, not allowing us to draw generalized conclusions and give practical recommendations.

Key words: employee environmental behavior, required environmental behavior, voluntary environmental behavior, employee environmental responsibility, environmental competence, environmental engagement.

Information about the Authors

Galina S. Arzamasova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: Arzamasova_g@mail.ru)

Irena A. Esaulova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: esaulova_ia@mail.ru)

Статья поступила 14.09.2022.

Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок РФ и КНР

Борис Андреевич

АНОСОВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: anosovu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0108-0191

Аннотация. В течение многих десятилетий Россия и Китай являются важнейшими торгово-экономическими партнерами, тесное и эффективное сотрудничество которых приобретает особую значимость в условиях введения западных санкций. Новые стратегические ориентиры российско-китайских отношений обуславливают научную актуальность и практическую значимость исследования потребительских рынков двух стран. Особенно важным является изучение особенностей и тенденций изменения потребительских рынков в рамках эпидемиологического кризиса. Цель работы заключается в анализе влияния пандемии COVID-19 на четыре сферы потребительского рынка в КНР и РФ: рынок интернет-торговли, рынок предметов роскоши, рынок доставки еды и рынок онлайн-образования. Исследование влияния кризисных процессов на потребительские рынки отдельных стран представляется весьма актуальным для выработки действенных мероприятий по выходу из схожих ситуаций в будущем. Для достижения цели применяются методы анализа и синтеза статистических данных. Результаты исследования свидетельствуют, что пандемия COVID-19 оказала существенное негативное влияние на потребительский рынок России и Китая. Масштабный эпидемиологический кризис привел к ухудшению материального благосостояния и потребительских возможностей населения обеих стран. Вместе с тем пандемия COVID-19 способствовала ряду положительных изменений в отдельных секторах потребительского рынка в России и КНР: дальнейшему стремительному развитию дистанционной торговли, росту рынка доставки товаров, ускорению тренда развития онлайн-образования. Подобные позитивные тенденции будут способствовать дальней-

Для цитирования: Аносов Б.А. (2022). Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок РФ и КНР // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 243–256. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.15

For citation: Anosov B.A. (2022). Impact of the COVID-19 pandemic on the consumer market in Russian and China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 243–256. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.15

шему информационно-инновационному развитию, экономическому росту России и Китая. Научная новизна исследования состоит в выделении сфер потребительского рынка, ощутивших наибольшее влияние пандемии, в части ускорения их развития, а также сравнительном анализе данных сфер в межстрановом сопоставлении.

Ключевые слова: потребительское поведение, цифровизация экономики, розничная онлайн-торговля, пандемия коронавируса, розничный товарооборот.

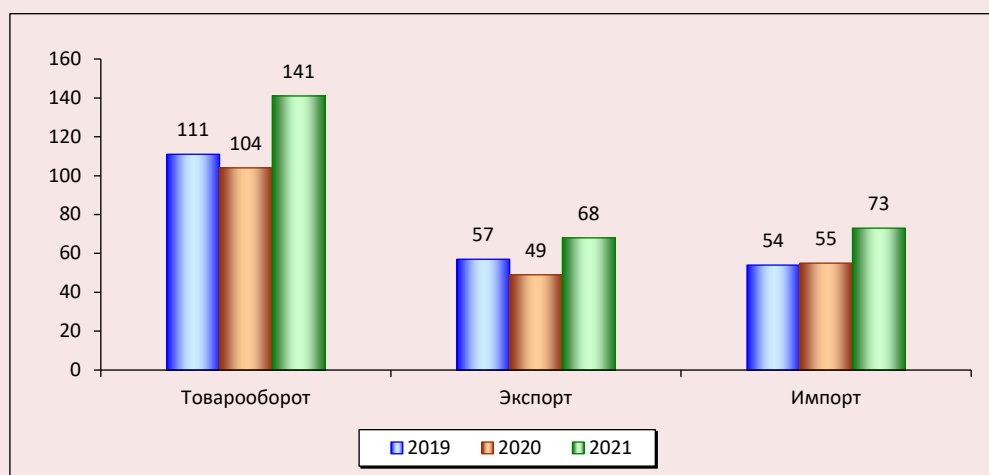
Введение

Отношения между Россией и Китаем – крупнейшими государствами мира – имеют многовековую историю. Сегодня между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой подписано более 30 соглашений, которые способствуют развитию торгово-экономического и политического сотрудничества. 16 июля 2001 года был подписан договор о добрососедстве и дружбе, положивший начало взаимовыгодным длительным партнерским отношениям между РФ и КНР (Нагорный, 2015). С 2010 года Китай является крупнейшим торговым партнёром России. По данным Федеральной таможенной службы, Китай занимает первое место среди важнейших торговых партнеров в общем объеме экспорта и импорта РФ. В 2021 году по сравнению с 2020 годом товарооборот между странами вырос более чем на

треть и превысил 140 млрд долларов (рис. 1). Российский экспорт в Китай увеличился в 2021 году на 38% и превысил 68 млрд долл., а импорт из Китая – на 33%, составив 73 млрд долл. Более того, Россия и Китай намерены выйти на товарооборот в 200 млрд долларов США уже к 2024 году. Россия поставляет товары с низкой степенью обработки, такие как цветные металлы, нефть, древесина, а КНР – товары легкой промышленности, высокотехнологическую продукцию машиностроения, электротехнику¹.

В условиях введения западных санкций отношения Российской Федерации с КНР имеют большое значение с точки зрения замены ушедших с российского рынка предприятий и компаний. Китай готов не только экспортировать свою конечную продукцию, но и создавать новые рабочие места и локализовать свои

Рис. 1. Структура товарооборота России и Китая в 2019–2021 гг., млрд долл. США

Источник: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/incomparisons>

¹ Россия и КНР-стратегия взаимодействия – Геополитическая стратегия Российской Федерации. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=-view&id=141&Itemid=55

технологии в России. Кроме того, в условиях санкционного влияния Запада Китай вполне сможет восполнить национальный рынок высокотехнологичным оборудованием, машинами и транспортными средствами, а также иными необходимыми товарами (Мадиярова, 2022).

В июне 2019 года президент КНР Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин подписали Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху, которое подняло двухсторонние отношения на новый уровень (Мадиярова, 2022).

Новые стратегические ориентиры российско-китайского сотрудничества обуславливают научную актуальность и практическую значимость исследования потребительских рынков двух стран. Особенно важным является изучение особенностей и тенденций изменения потребительских рынков во время пандемии COVID-19, которая кардинально изменила многие социально-экономические процессы на международном и национальном уровнях, оказала существенное влияние на механизмы развития и функционирования сферы потребления.

Анализ научных публикаций по теме исследования

Проблемы влияния пандемии COVID-19 на мировую экономику, социально-экономическое положение отдельных стран, развитие национальных потребительских рынков вызывают высокий научный интерес среди российских и зарубежных исследователей. Многочисленные работы ученых посвящены различным направлениям функционирования российской и китайской экономик в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции.

В работах (Минакир, 2020; Смотрицкая, 2020; Ли Чжимэн и др., 2022) выполнены варианты расчетов экономического и финансового ущерба, оценены параметры экономической динамики и изменение потребительского поведения населения в связи с введенными ограничениями, обоснованы принципы, приоритеты и векторы посткризисного восстановления экономики. В совместном исследовании ученых характеризуется состояние деловой активности в производственном и непромышленном секторах народного хозяйства, обобщаются

основные меры противопандемийной политики китайского и российского правительства, рассматривается динамика функционирования в условиях пандемии COVID-19 офлайн-сфер экономики, нацеленных на личную коммуникацию (туризм, общественное питание, розничная торговля, транспорт, культура, развлечения), а также онлайн-сфер, подразумевающих взаимодействие человека и компьютера (розничная интернет-торговля, экспресс-доставка, удаленная работа, телемедицина) (Ли Чжимэн и др., 2022).

В научной литературе, посвященной влиянию эпидемиологического кризиса непосредственно на потребительский рынок, значимое внимание уделено рассмотрению таких аспектов, как формирование новых паттернов потребительского поведения, изменение функционирования рынка продовольственных товаров в целях обеспечения продовольственной безопасности, разработка и массовое распространение современных технологий и цифровых инноваций в сфере потребления, трансформация рынка потребительского кредитования.

Так, в работах Е.К. Карпуниной, Н.Н. Губернаторовой, Т.Г. Соболевской, М.Д. Белецкого определены эффекты пандемии, оказавшие влияние на поведение российского потребителя. Систематизированы новые паттерны, определяющие характер потребительского поведения россиян в период пандемии. Сделан акцент на заметных переменах в субъективном восприятии населением социально-экономических процессов, всплеске инфляционных ожиданий потребителей, что привело к росту доли продовольственных товаров в общей структуре потребления населения и интенсивному развитию сегмента FMCG рынка электронной коммерции, активному использованию сервисов бесплатной доставки продуктов питания и широкому применению безналичных платежных инструментов. Обосновано воздействие изменения поведения потребителей на производственную и сбытовую деятельность предприятий. Определена роль государства в преодолении эффектов пандемии (Карпунина и др., 2022). Изменения потребительского поведения россиян на рынке в условиях пандемии характеризуются и в работах А.Р. Ишниева, С.А. Андроновой, И.И. Юнусовой, где отмечается ориентированность потреби-

лей на товары здоровьесберегающего направления и экологически чистые продукты питания, обосновывается зависимость тенденций потребительского рынка от реализуемых стратегий поведения граждан в условиях угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (Ишниязова и др., 2021).

Н.В. Грибова рассматривает динамику и ключевые тенденции потребления китайских домохозяйств, основные факторы потребительского поведения семей, дает оценку влияния пандемии на состояние и перспективы потребительского спроса в КНР. Модель потребительского поведения китайских домашних хозяйств имеет свои характерные черты и особенности и постоянно меняется под воздействием различных факторов. Важнейшими среди них выступают уровень доходов семей, демографическая структура населения, потребительские привычки и предпочтения, а также широкое распространение цифровых технологий. Пандемия и ограничительные меры оказали негативное влияние на доходы и потребительские расходы домашних хозяйств страны. При этом они способствовали формированию новых потребительских приоритетов, которые, по мнению автора, сохранятся и в перспективе, способствуя ускоренному продвижению новых моделей потребления в КНР (Грибова, 2021).

В исследованиях отечественных ученых (Зюкин, Репринцева, 2022) также рассмотрено влияние пандемии коронавирусной инфекции и связанных с ней изменений в потребительском поведении на рынок продуктового ритейла. Следует отметить и акцентирование внимания на функционировании российского рынка потребительского кредитования, анализе факторов, обусловивших как рост, так и сокращение рынка под влиянием пандемии, оценке динамических изменений ключевых индикаторов, определяющих состояние данного сектора экономики (Глуценко и др., 2020). В работе зарубежного автора (Нуэрчжада, 2021), посвященной развитию потребительских кредитов в Китае, показано, что в условиях кризиса потребительский кредит может увеличить платежеспособный спрос и стабилизировать экономический рост, одновременно стимулируя раннее потребление, тем самым приводя к структурной трансформации экономики.

В большом количестве работ затрагивается тема развития электронной коммерции. Так в исследованиях (Россинская, Мамаева, 2020; Плотников, 2021; Ревина, Третьякова, 2021) определено влияние информационных технологий на сферу потребления в условиях пандемии, обосновывается необходимость интенсификации функционирования торговых онлайн-платформ и сервисов с целью повышения эффективности взаимодействия субъектов рынка, подчеркивается высокий потенциал интернет-торговли для российского рынка товаров и услуг. В исследовании И.Н. Дементьевой, Шэн Фанфу проанализировано состояние розничной онлайн-торговли в Китае и России, представлен сравнительный анализ различий в развитии сферы онлайн-потребления двух стран в условиях современных социально-экономических трансформаций. Доказано, что пандемия коронавируса выступила катализатором развития дистанционной торговли. Экономический спад на фоне коронавируса, карантинные ограничения и трансформация образа жизни и поведения потребителей способствовали резкому и основательному переходу к использованию новейших технологий в розничной торговле в Китае и России (Дементьева, Шэн Фанфу, 2022).

В целом, несмотря на широкий спектр проблем, затронутых в трудах зарубежных и отечественных исследователей, недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с оценкой состояния и развития отдельных секторов потребительского рынка России и Китая в условиях меняющейся под воздействием глобального эпидемиологического кризиса социальной реальности, что послужило основанием для проведения настоящего исследования.

Целью нашей работы является анализ влияния пандемии COVID-19 на четыре сферы потребительского рынка в КНР и РФ: рынок интернет-торговли, рынок предметов роскоши, рынок доставки еды и рынок онлайн-образования. Выбор именно этих четырех сфер обусловлен тем, что введенные ограничения на передвижение населения в России и Китае привели к росту дистанционных услуг: не имея возможности свободно перемещаться в пределах городских пространств, население двух стран стало чаще делать покупки онлайн, заказывать еду

на дом, а также пользоваться услугами онлайн-преподавателей. Для достижения поставленной цели исследования рассматриваются следующие вопросы: как пандемия повлияла на потребительские паттерны населения двух стран и почему изменение потребительского поведения привело к росту четырех выбранных для исследования сфер рынка. Анализировались данные за 2020 – первую половину 2022 года.

Методика исследования и источники данных

Для решения поставленных исследовательских задач применялись общенаучные методы и приёмы (диалектический метод, метод статистического анализа, обобщение, систематизация, метод сравнения).

Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), национального бюро статистики Китая, данные социологических исследований Международного института маркетинговых и социальных исследований «GfK», исследовательского агентства в сфере электронной коммерции «Data Insight», британских аудиторско-консалтинговых и исследовательских компаний «EY», «Euromonitor International», международных консалтинговых компаний «McKinsey & Company», «Bain and Company», ведущего мирового консалтингового агентства в сфере мобильного интернета «IIMEDIA Research Group», Московской школы управления «Сколково», китайской компании «China Youth Daily», Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК).

Результаты исследования

Изменение потребительского поведения населения в РФ и КНР во время пандемии COVID-19

Как показывают многочисленные исследования, важнейшими детерминантами, определяющими потребительское поведение и влияющими на развитие потребительского рынка, выступают доходы населения и цены на товары и услуги. По данным Росстата, в условиях пандемии реальные располагаемые денежные доходы россиян в 2020 году снизились на 1,4%, при этом потребительские расходы уменьшились на 4,7%. По итогам первой половины 2020 года располагаемые доходы населения КНР в реальном измерении снизились в целом по стране на 1,3%, реальные потребительские расходы на

душу населения сократились на 9,3% (Грибова, 2021). В результате по итогам 2020 года оборот розничной торговли в России снизился по отношению к 2019 году в сопоставимых ценах на 4,1%, розничные продажи потребительских товаров в КНР сократились на 3,9%.

На фоне ухудшения материального положения и сокращения покупательной способности доходов населения происходят существенные изменения в потребительском поведении, меняются привычки и предпочтения жителей России и Китая.

Аудиторско-консалтинговое агентство «EY» провело исследование потребительского поведения россиян в условиях повышенной экономической неопределенности, в ходе которого были выделены четыре потребительские группы по критерию влияния пандемии на доходы и расходы россиян: не пострадали и не беспокоятся (33%), держатся нормально, но адаптируются (13%), сталкиваются с трудностями и переживают (34%), сильно пострадали, но сохраняют оптимизм (20%)². Интересно, что основными критериями, которыми руководствуются российские потребители, по уменьшению влияния стали цена, польза для здоровья, наличие товара, качество обслуживания и экологичность.

Пандемия COVID-19 привела к улучшению технологических решений и росту онлайн-торговли в России. В исследовании Московской школы управления «Сколково» отмечено³, что с начала пандемии наблюдался переход россиян от свободного потребления к бережливости (интересно, что акции и бонусы от производителей и дистрибьюторов товаров и услуг начали оказывать большее влияние на потребителей), однако очевидно, что пандемия способствовала росту доли онлайн-покупок от совокупных розничных продаж. Также аналитики «Сколково» говорят, что покупки онлайн

² Российский потребитель: сдержанный оптимизм и новые привычки (2021) // EY. URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/russian-consumer-behavior-changes

³ Российские потребители электронной коммерции: новые потребительские привычки после перезагрузки (2020) // Московская школа управления «Сколково». URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/96d5b474-4f11-46e1-9d8e-a03f4453c5c6/SKOLKOVO_Full_Report_Russian_Ecommerce_Consumers.pdf

дешевле, чем офлайн, и в восприятии населения, и по факту. Среди российских потребителей был отмечен тренд на резкое сокращение импульсивных покупок в силу перехода в онлайн, снижения посещаемости гипермаркетов и торговых центров⁴.

Пандемия повлияла и на потребительские привычки и предпочтения граждан Китая. Для удобства анализа предлагается следующая классификация китайских потребителей по демографическому критерию. Потребители, которые родились до 1960-х гг., росли в тяжелые для страны времена, поэтому доля накоплений от располагаемого дохода в данной потребительской группе самая высокая. Для представителей этой категории очень важны цена товара и его качество. Потребители, рожденные в период 1966–1976 гг. (годы «культурной революции» в Китае), балансируют между «старыми» и «новыми» потребительскими привычками, они также сильно склонны к накоплению средств, для них важно накопить средства для воспитания ребенка и на медицинские расходы. Миллениалы, которые получили хорошее образование и открыты новому опыту, любят поддерживать новые тренды и технологии, более склонны к онлайн-шопингу, чем офлайн. Для рабочих-мигрантов в возрасте от 25 до 45 лет, крайне важна цена, они стремятся накопить денежные средства. Обеспеченные китайцы (с годовым располагаемым доходом более 1 млн. долл. США) живут в больших городах, готовы переплачивать за качественные товары и отдают предпочтение импортным товарам⁵.

Одной из тенденций, отмеченных во время пандемии, можно назвать экономический национализм или патриотизм, который получил распространение в КНР. Идея экономического патриотизма предполагает большее значение государственного вмешательства в экономику, чем способность рынка самостоятельно регулировать внутреннюю экономику государства.

⁴ Россия 2021. Движение вперед (2020) // Ipsos. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2020-12/ipsos_flair_russia_2021.pdf

⁵ Understanding Chinese Consumers: Growth Engine of the World (2020) // «McKinsey & Company». URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/china/china%20still%20the%20worlds%20growth%20engine%20after%20covid%2019/mckinsey%20china%20consumer%20report%202021.pdf>

Согласно проведенному исследованию, экономический патриотизм, обусловленный «товаро-ориентированным этноцентрическим поведением» и изоляцией из-за пандемии, сильно повлиял на готовность потребителей покупать локальные товары и бренды, поскольку люди считают, что потребление отечественных товаров положительно воздействует на восстановление экономики (Verma, Naveen, 2021).

Поскольку «режим» пандемии в Китае еще продолжается, структура потребления меняется сравнительно медленно. Опрос, проведенный исследователями среди 697 человек, показал, что еще в первую волну пандемии большинство китайских потребителей сократили расходы на развлечения, перенаправляя траты на товары первой необходимости, образование детей и медицинские расходы. Результаты опросов, осуществленных во время второй волны, свидетельствуют, что данная тенденция продолжает сохраняться. Несмотря на то, что национальная экономика и социальная жизнь постепенно приходят в норму, потребители по-прежнему с осторожностью относятся к ситуации с пандемией в краткосрочной перспективе (Yuan et al., 2021).

При этом интересно, что результаты указанного выше исследования показали склонность китайских потребителей к офлайн-покупкам (во время первой волны 50% респондентов заявили о том, что совершают покупки офлайн, во время второй волны уже 85% отмечали свою приверженность офлайн-покупкам), также была зафиксирована приверженность жителей Китая к сохранению традиционных потребительских привычек, которые были до пандемии COVID-19. Данную тенденцию можно объяснить двумя причинами: во-первых, во многих негородских районах сеть электронной коммерции не полностью налажена, именно поэтому покупка товаров первой необходимости в них возможна только в физическом магазине, во-вторых, во время вспышки пандемии китайские органы местной власти вводили ограничения на логистику (Yuan et al., 2021).

Таким образом, можно выделить одинаковые тенденции в изменении потребительских привычек населения КНР и РФ. Во-первых, в обеих странах пандемия привела к сокращению доходов населения, что объясняет изменение в приоритете трат, а именно сокращение

расходов на развлечения и необязательные траты и рост трат на товары первой необходимости, медицинские расходы и др. Во-вторых, накладываемые органами власти ограничения на передвижение привели к росту электронной коммерции и различных доставок. В-третьих, в обеих странах наблюдался рост заинтересованности потребителей в товарах и услугах местного (локального) производства с целью поддержки малых и средних предприятий, операционная деятельность которых пострадала от пандемии больше всего. В-четвертых, рост цен на товары с начала пандемии, а также общая неопределенность способствовали повышению процента накоплений от располагаемого дохода, то есть население обеих стран в условиях неопределенности поняло, что необходимо иметь финансовую подушку.

Интернет-торговля и рынок предметов роскоши

Согласно данным портала Statista, количество онлайн-покупателей в Китае в 2021 году достигло 842 млн человек (примерно 60% населения)⁶, число россиян, совершивших хотя бы одну онлайн-покупку в 2021 году составило 64,8 млн человек (примерно 45% населения)⁷. Общий объем интернет-продаж в Китае в 2021 году достиг 2639 трлн долл. США⁸, объем рынка розничной интернет-торговли в России составил 4,1 трлн рублей (69,7 млрд долл. США)⁹. Из указанных данных можно сделать вывод о том, что китайский рынок интернет-торговли больше российского примерно в 22 раза. Если рассматривать долю онлайн-покупок от общего объема розничных продаж в двух странах, то в КНР этот показатель составляет 24,5%, в РФ – 9,2%.

⁶ Number of online shoppers in China from 2011 to 2021 (in millions) (2022) // Портал Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/277391/number-of-online-buyers-in-china/>

⁷ Аналитики описали портрет типичного покупателя интернет-магазина (2021) // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/10/2021/61618e229a7947975cf67c04

⁸ Retail e-commerce sales in China for 2020 and 2021 with forecasts until 2026 (in billion U.S. dollars) (2022) // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/289734/china-retail-ecommerce-sales/>

⁹ Маркетинговое исследование «Интернет-торговля в России 2021» (2022) // Data insight. URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2021

«Яндекс.Маркет» и компания «GfK Rus» провели опрос среди российской аудитории интернет-магазинов и выделили самые популярные категории товаров, приобретаемых онлайн: одежда и обувь для взрослых (64,1%), товары для ухода за лицом, телом и волосами (59,3%), смартфоны и планшеты (54,6%), игрушки и товары для хобби (51,5%), продукты (кроме готовой еды и алкоголя, 49,7%), декоративная косметика и парфюмерия (49,3%), хозяйственные товары и посуда (47,7%), сумки, ремни, аксессуары (45,5%), лекарства и БАДы (44,8%), мелкая бытовая техника для кухни (40,6%)¹⁰:

Данные опроса показали, что в период первой волны COVID-19 и введения режима самоизоляции в России вырос спрос на товары для досуга и развлечения, например книги и музыкальные инструменты. Пользователи также стали больше интересоваться товарами для дачи и огорода (рост на 23%), для животных (на 18%), компьютерной техникой (15%). При этом спрос на одежду, обувь и аксессуары упал на 30%.

Самыми популярными категориями товаров у китайцев являются косметические товары (55%), сумки (40%), женская одежда (40%), женская обувь (35%), аксессуары (35%), товары для декорирования дома (25%), парфюмерия (20%), женское белье (18%), мужская одежда (15%), мужская обувь (15%)¹¹.

Согласно данным «Euromonitor International», рынок предметов роскоши в 2020 году в России сократился на 18%, с 14,7 до 12,1 млрд долл. США. Меньше всего пострадали рынки изысканных вин и крепких алкогольных напитков и премиальных и люксовых автомобилей, в 2020 году по сравнению с 2019 годом сократившись на 17,3 и 5,7% соответственно. Больше всего пострадал рынок личных предметов роскоши, уменьшившийся на 30% в 2020 году по сравнению с 2019 годом. Интересно, что если рассматривать категории товаров, то наимень-

¹⁰ Развитие онлайн-торговли в России. 2021 (2021) // Яндекс.Маркет и GfK Rus. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/ecomdash>; результаты по данным онлайн-опроса интернет-пользователей в возрасте 16–55 лет, проживающих в городах и посёлках городского типа.

¹¹ Top 15 Most Purchased Products Online in China (2021) // E-commerce agency GMA. URL: <https://ecommercechinaagency.com/most-purchased-items-online-marketplace-china/>

ший спад был зафиксирован в продажах декоративной и уходовой косметики (21,1%)¹².

Однако в то же время в Китае была отмечена динамика роста рынка предметов роскоши. Согласно совместному отчету «Bain and Company» и «Tmall Luxury», ожидалось, что рост рынка предметов роскоши в 2020 году вырастет на 48% и достигнет почти 346 млрд юаней (53 млрд долл. США). Мировой рынок предметов роскоши в 2020 году сократился на 23%, а доля Китая увеличилась с примерно 11% в 2019 году до 20%. В данном отчете авторы предполагали, что к 2025 г. на Китай будет приходиться самая большая доля мирового рынка предметов роскоши¹³. За время пандемии рост онлайн-продаж предметов роскоши составил более 150%. Эксперты выделили четыре причины этого явления: возвращение эмигрантов-китайцев обратно в Китай, все большее вовлечение представителей поколений Y и Z в потребление предметов роскоши, углубляющаяся цифровизация и развитие магазинов беспопылинной торговли на Хайнане. Интересно, что продажи в магазинах беспопылинной торговли на Хайнане подскочили более чем на 230% в июле 2020 года, после того как правительство утроило квоту на покупки до 100 тыс. юаней (810 тыс. руб. или 14,9 тыс. долл. США) на каждого покупателя.

Пандемия повлияла и на самих онлайн-ритейлеров, целью которых было привлечение как можно большего количества людей к себе на площадку. Так, например, в Китае зафиксирована вторая вспышка развития онлайн-стриминга, направленного на продажу товаров и услуг. Все крупнейшие китайские онлайн-платформы (Taobao, JD.COM, Kwai, TikTok и др.) начали активно продвигать трансляции, проводимые блогерами и знаменитостями. Согласно данным Китайского информационного центра сети Интернет, к концу 2020 года число зрителей интернет-трансляций достигло 617 млн чел., увеличившись на 10% по сравнению с 2019 годом, составив 66,2% от общего числа покупа-

¹² Будущее роскоши: как изменится рынок товаров люкс к 2025 году (2020) // РБК. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5c6bfce09a79477119f8e4f6>

¹³ China's Unstoppable 2020 Luxury Market (2020) // «Bain & Company». URL: https://www.bain.com/globalassets/noindex/2020/bain_report_chinas_unstoppable_2020_luxury-market.pdf

телей, совершающих покупки онлайн, а объем покупаемых через онлайн-трансляции товаров составил более 30% от общего числа покупок в интернете (Deng, 2021). После начала пандемии, когда офлайн-трафик перешел в онлайн, новые каналы взаимодействия площадок и конечных потребителей продолжились развиваться: онлайн-трансляции, микроприложения внутри больших приложений. Например, в китайской социальной сети «WeChat» было создано много дополнительных приложений для увеличения продаж, а такие техники взаимодействия площадок и потребителей, как инфлюенсер-маркетинг и SMM-маркетинг, стали нормой. Подобные тенденции можно отметить и среди российских ритейлеров. Например, платформа Ozon запустила Ozon Live, которая позволяет делать онлайн-трансляции с товарами, представленными на маркетплейсе. Интересно, что в Китае с помощью онлайн-трансляций продавались и российские товары. Так, на трансляции, которая прошла в ноябре 2020 года на площадке TMall, за полчаса было продано российских товаров на 1,8 млн долл. США.

В целом на фоне пандемии произошло формирование новых потребительских практик, связанных с активным использованием сети Интернет для совершения покупок в обеих странах. Категория «Предметы роскоши» стала одной из подгрупп товаров, в наибольшей степени пострадавших в ходе пандемии. Однако в Китае была отмечена динамика роста рынка предметов роскоши, что свидетельствует об уверенности китайских потребителей относительно своих финансовых перспектив.

Рынок доставки еды

Пандемия и прежде всего режим ограничения или запрета передвижения людей повлияли на бурный рост рынка доставки еды на дом. Согласно опросу, проводившемуся в 2019 году в России, 65% респондентов в возрасте старше 18 лет в течение трех последних месяцев пользовались услугами сервисов доставки еды из ресторанов, а для людей 18–44 лет этот показатель составил 75%¹⁴. Опрос, проведенный китайской компанией «China Youth Daily», показал,

¹⁴ Рынок доставки еды в России: что заказывают, как часто и кто – лидер сегмента (2019) // New Retail. URL: https://new-retail.ru/business/rynok_dostavki_edy_v_rossii_chno_zakazyvayut_kak_chasto_i_kto_lider_segmenta2841/

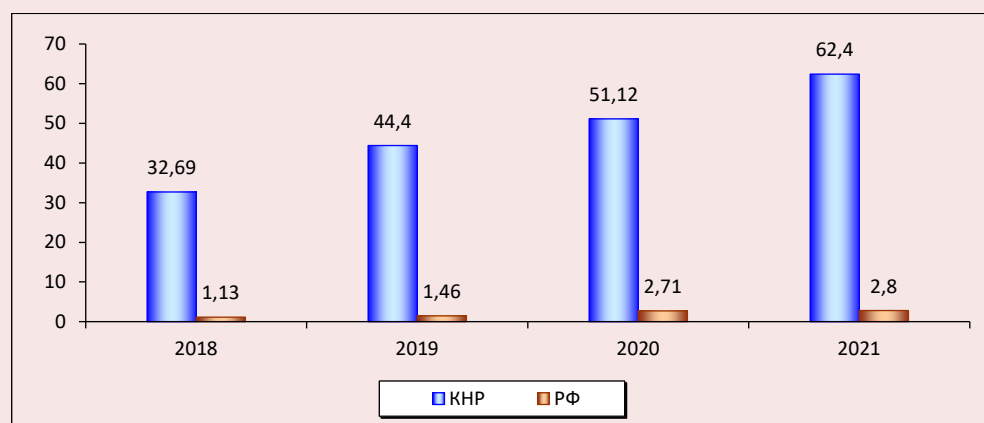
что в 2018 году 64,9% респондентов как минимум два раза в неделю покупают в ресторанах еду навынос¹⁵. Если проанализировать объем рынка доставки готовой еды, то в 2021 году в России он составил 329 млрд рублей (2,8 млрд долл. США), в Китае – 811,7 млрд юаней (62,4 млрд долл.). Очевидно, что китайский рынок доставки еды значительно больше (ожидается, что в 2022 году китайский рынок станет самым крупным в мире), чем российский. При этом важно отметить, что в последние четыре года сохраняется тенденция роста рынка доставки еды в обеих странах (рис. 2).

Рынок доставки еды представляет собой дуополию, где доминируют китайские технологические гиганты Alibaba и Tencent, которым принадлежат Ele.me (饿了么) и Meituan (美团) соответственно. В совокупности эти два приложения для доставки контролируют 95% рынка доставки еды в Китае. Ele.me занимает 26% китайского рынка доставки еды, а Meituan – 69%. Важно отметить, что Meituan предлагает больше услуг по доставке непродовольственных товаров, чем Ele.me, таких как цветы, канцелярские товары и многое другое¹⁶.

Согласно отчету iiMedia Research, такой объем китайского рынка доставки еды обусловлен частотой заказов клиентов. 27% китайских потребителей заказывают еду от шести до десяти раз в месяц, 14,3% – от 11 до 20 раз в месяц. Примечательно, что только 18,5% респондентов заявили, что никогда не заказывают еду онлайн¹⁷. В Китае наблюдается изменение основного потребителя рынка доставки еды: в 2015 году около 63% пользователей онлайн-приложений для доставки еды были «белыми воротничками», а 30,5% – студентами. Однако в 2022 году 83% – это «белые воротнички» и только 10% – студенты. Если рассматривать потребителей по гендеру и возрасту, то женщины составляют 51% пользователей приложений для доставки еды. Пользователи преимущественно молодые, 85% – в возрасте от 18 до 40 лет. Примечательно, что общее количество онлайн-заказов доставки еды, сделанных представителями поколения хоумлендеров, выросло почти на 20%.

Такую популярность сервисов по доставке еды в КНР можно объяснить относительной дешевизной. Чрезвычайная доступность доставки

Рис. 2. Объем рынка доставки готовой еды в РФ и КНР, млрд долл. США

Источник: составлено автором по данным Statista и РАЭК.

¹⁵ Over 60% of Chinese eat takeout at least twice a week (2018) // China Daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/29/WS5abcac35a3105cdcf6515215.html#:~:text=More%20than%2060%20percent%20of,China%20Youth%20Daily%20reported%20Thursday>

¹⁶ China's duopoly food delivery market (2022) // Daxue Consulting. URL: <https://daxueconsulting.com/o2o-food-delivery-market-in-china/>

¹⁷ Анализ данных индустрии доставки еды: 35,2% китайских потребителей заказывали доставку еды в среднем 1–5 раз в месяц в 2021 году (2021) // iiMedia Research. URL: <https://www.gushiciku.cn/dl/0pwve>

еды в Китае обусловлена жесткой конкуренцией между поставщиками этих услуг. Из-за напряженной конкуренции между приложениями доставки китайские потребители получают большие скидки и купоны при размещении заказа, и часто складывается ситуация, при которой заказать еду на дом становится дешевле, чем приготовить самостоятельно дома. Интересно, что, например, компания Meituan стала прибыльной только в 2020 году, то есть через девять лет после появления на рынке (ее убыточность обусловлена как раз дотациями, предоставляемыми покупателям, чтобы привлечь как можно больше новых клиентов в сервис).

В России пандемия также повлияла на рост рынка доставки еды. По данным Tinkoff Data, учитывающим все транзакции клиентов банка «Тинькофф», продажи готовой еды и продуктов питания через интернет в России за 2020 год выросли более чем в 4 раза. Основными игроками на рынке доставки готовой еды в 2020 году в РФ стали Delivery Club (17,6%), Яндекс. Еда (10,1%), Додо Пицца (7%), Domino's Pizza (1,5%), Кухня на районе (1,4%)¹⁸.

Согласно данным опроса, проведенного компанией ОМІ в 2019 году, женатые и замужние респонденты заказывают еду чаще других (70%)¹⁹. Наличие в семье детей тоже влияет на частоту заказа доставки. Чем детей больше, тем больше вероятность пользования услугой: 76% семей с одним ребенком, 79% с двумя и 81% с тремя детьми заказывали еду через какой-либо сервис за последние три месяца. Самая распространенная сумма заказа в расчете на человека — от 300 до 500 рублей (у 43% респондентов). В Москве средний чек выше — 500–700 рублей (36%).

Платформа Marylun выделила следующие тренды на рынке доставки еды: все больше ресторанов пытаются создавать собственные службы доставки, поскольку агрегаторы забирают себе от 20 до 30% комиссии от стоимости заказа; развитие «dark kitchen» (теневой фор-

мат кафе и ресторанов, которые работают исключительно на доставку, без посадочных мест в зале); доставка персонализированных наборов питания на несколько дней; развитие доставки наборов продуктов для самостоятельного приготовления блюд; сокращение скорости доставки и развитие ускоренной доставки; развитие сервисов, которые предоставляют услуги объединенной доставки из разных ресторанов и магазинов²⁰.

Если рассматривать рынок доставки в России в целом, то продукты питания и товары FMCG, а также готовая еда — самые популярные у потребителей категории товаров. 54% опрошенных потребителей заказывают доставку продуктов питания и товаров FMCG, 42% — доставку готовой еды из кафе и ресторанов. Большинство потребителей удовлетворены работой сервисов доставки. 82% опрошенных оценили свой опыт использования сервисов как положительный или скорее положительный. Наиболее популярна доставка на дом — ей пользуется половина опрошенных потребителей²¹.

Важно отметить, что за первый квартал 2022 года было зафиксировано уменьшение количества заказов готовой еды и наборов для готовки на 38,3% в годовом выражении. С 1 по 20 марта 2022 года число заказов готовой еды из ресторанов сократилось на 12–15% по сравнению с аналогичным периодом в феврале, онлайн-оборот доставки готовой еды снизился на 18% в денежном выражении, а количество заказов — на 16%²². Из-за введенных против России санкций ассортимент продуктов начал сокращаться, появились проблемы с логистикой. Некоторые эксперты предполагали, что к октябрю — ноябрю 2022 года произойдут массовые закрытия бизнесов в сфере общепита. Однако уход многих брендов с российского рынка, возможно, вызовет бурный рост развития собственных торговых марок российских компаний.

¹⁸ Исследование: крупнейшие игроки на рынке доставки еды и общепита в России (2020) // VC.ru. URL: <https://vc.ru/food/173407-issledovanie-krupneyshie-igroki-na-rynke-dostavki-edu-i-obshchepita-v-rossii>

¹⁹ Рынок доставки еды в России: что заказывают, как часто и кто — лидер сегмента (2019) // New Retail. URL: https://new-retail.ru/business/rynok_dostavki_edu_v_rossii_chto_zakazyvayut_kak_chasto_i_kto_lider_segmenta2841/

²⁰ Тренды рынка доставки еды 2021 года (2021) // Marylun. URL: <https://mymarylun.ru/blog/marketing/trendy-rynka-dostavki-edu-2021-goda/>

²¹ Исследование РАЭК и НИУ ВШЭ: работа в доставке готовой еды и продуктов питания — доступный и удобный способ дополнительного заработка для россиян (2022) // РАЭК. URL: <https://raec.ru/live/raec-news/13010/>

²² Россияне потеряли интерес к доставке готовой еды (2022) // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/09/dosta/>

В целом пандемия существенно ускорила миграцию продажи товаров из обычных магазинов в онлайн-каналы, одновременно увеличив спрос на быструю и надёжную доставку. Подобные тренды характерны как для Китая, так и для России.

Рынок онлайн-образования

Как страна с самым большим населением в мире, Китай обладает разветвленной системой образования: в школах и вузах Китая в 2021 году обучалось около 282 млн чел. и преподавало около 17,32 млн педагогов. Всего образовательная система страны насчитывает почти 530 тыс. образовательных учреждений. Онлайн-обучение стало важным каналом преподавания и обучения для учителей и учащихся и, похоже, оно будет «новой нормой» образования после пандемии. Кроме того, поскольку конкуренция на рабочем месте становится все более жесткой, все большее число работающих людей стремятся повысить свои навыки с помощью онлайн-обучения.

Согласно отчету UNICEF, ученики в Китае во время пандемии столкнулись со следующими проблемами²³:

- отсутствие навыков к самообучению (почти у половины (46,95%) всех опрошенных старшеклассников значительно снизилась успеваемость, в то время как 34,68% сохранили стабильные результаты, а 18,36% отметили улучшение (Guo et al., 2022);

- использование цифровых устройств привело к возможности нанесения вреда здоровью (в первую очередь зрению);

- отсутствие компьютеров и интернета в сельской местности ограничило доступ учеников к образованию (как показывают последние статистические данные, количество китайских домохозяйств с доступом в интернет составляло лишь 47,4%).

Если рассматривать рынок онлайн-образования в Китае, то пандемия COVID-19 лишь ускорила тренд его развития. Если в 2016 году рынок онлайн-образования в Китае оценивался в 78,7 млрд юаней (11,3 млрд долл. США), то в 2021 году его объем вырос почти в 4 раза

²³ China Case Study. Situation Analysis on the Effects of and Responses to COVID-19 on the Education Sector in Asia (2021) // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/eap/media/9321/file/Sit%20An%20-%20China%20Case%20Study.pdf>

и составил 308,2 млрд юаней (44,5 млрд долл. США). Согласно прогнозам, объем рынка онлайн-образования в 2024 году может составить 490,5 млрд юаней (70,8 млрд долл. США)²⁴.

Однако важно отметить, что количественное увеличение количества онлайн-курсов не коррелирует с их качественным улучшением. Согласно данным исследования, проведенного в Китае, количество учебных платформ отрицательно коррелирует с качеством предоставляемых курсов, демонстрируя значительный отрицательный эффект прогнозирования. Чем больше учебных платформ, тем ниже качество курсов; однако количество курсов, которые проходят ученики, положительно коррелирует с качеством курсов: чем больше курсов посещают студенты, тем выше вероятность повышения оценки качества курса (Jing et al., 2021).

Объем рынка онлайн-образования в России увеличивается не такими темпами, как в Китае. В 2016 году весь рынок оценивался в 20,7 млрд рублей (340 млн долл. США), в 2021 г. эта цифра составила 53,3 млрд рублей (873 млн долл. США). Если рассматривать структуру рынка онлайн-образования в России, то можно выделить следующие сегменты (указаны доли от общего объема рынка образования в России): дошкольное онлайн-образование (0,3%), общее среднее онлайн-образование (1,5%), дополнительное школьное онлайн-образование (6,8%), высшее онлайн-образование (4,4%), среднее профессиональное онлайн-образование (1%), дополнительное профессиональное онлайн-образование (10,9%), языковое онлайн-образование (15,9%)²⁵.

Согласно опросу, проведенному в 2021 году компаниями Data Insight и Нетология, было зафиксировано несколько важных тенденций²⁶:

²⁴ Market size of online education in China from 2016 to 2020 with a forecast until 2024 (in billion yuan) (2021) // Statista. URL: [https://www.statista.com/statistics/1014491/china-market-size-of-online-education/#:~:text=According%20to%20a%20broader%20market,\(as%20of%20February%202021\)](https://www.statista.com/statistics/1014491/china-market-size-of-online-education/#:~:text=According%20to%20a%20broader%20market,(as%20of%20February%202021))

²⁵ Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий // Нетология. URL: <https://estars.hse.ru/mirror/pubs/share/211448255> (дата обращения 10.09.2022).

²⁶ Маркетинговое исследование «Рынок онлайн-образования в России»: исследование Data Insight и Нетологии (2022) // Data Insight, Нетология. URL: https://datainsight.ru/russian_education_market

– траты населения на онлайн-образование для взрослых превысили траты на офлайн-образование и составили 226 млрд руб.;

– в среднем получающие дополнительное онлайн-образование учатся на 2–3 программах за год, около четверти учащихся (23%) прошли за год 4 программы или больше;

– 70% получавших онлайн-образование за последние 12 месяцев учились с профессиональными целями;

– у большинства опрошенных (84,6%) есть планы обучаться онлайн в будущем; 34,4% из них – новички, никогда раньше не учившиеся онлайн.

В целом на фоне пандемии COVID-19 онлайн-образование стало актуальным вариантом организации обучения во многих странах мира, в том числе Китае и России. Процесс перехода на дистанционное образование в ходе борьбы против распространения новой коронавирусной инфекции является уникальным примером быстрого и качественного выстраивания новой парадигмы предоставления образовательных услуг в широких масштабах.

Выводы

Потребительский рынок является одним из важнейших элементов современной рыночной экономики. Его устойчивое развитие выступая определяющим условием благополучия, стабильности и экономической безопасности территории. Пандемия COVID-19 оказала существенное негативное влияние на потребительский рынок России и Китая. Масштабный эпидемиологический кризис привел к ухудшению материального благосостояния и потребительских возможностей населения обеих стран. Вместе с тем пандемия COVID-19 способствовала и ряду положительных изменений в отдельных секторах потребительского рынка в России и КНР.

Во-первых, пандемия выступила драйвером развития дистанционной торговли. Карантинные ограничения повлекли за собой возникновение новых возможностей и дополнительных направлений роста для сектора электронной коммерции. Китай, являясь абсолютным лидером онлайн-торговли в мире, в 2020 году демонстрировал самые значительные объ-

емы рынка интернет-продаж. Российский рынок интернет-торговли – самый динамичный, Россия занимает первое место по темпам прироста розничного онлайн-ритейла (Дементьева, Шэн Фанфу, 2022).

Во-вторых, вразрез с общемировыми тенденциями в Китае была отмечена динамика роста рынка предметов роскоши, что во многом связано с уверенностью китайских потребителей в своих финансовых перспективах, а также с социокультурными особенностями потребителей китайского общества, корни которых восходят к традиционным ценностям. Одним из таких потребительских паттернов является склонность к демонстративному поведению и преданность брендам (Морозова, Реунова, 2021).

В-третьих, пандемия и связанные с ней ограничения повлияли на бурный рост рынка доставки еды на дом. Китайский рынок доставки еды значительно превосходит российский. Такую популярность сервисов по доставке еды в КНР можно объяснить относительной дешевизной в условиях жесткой конкуренции между поставщиками услуг доставки. В России пандемия также повлияла на рост рынка доставки еды. Введение западных санкций способствует развитию собственных торговых марок российских компаний.

В-четвертых, пандемия COVID-19 заметно ускорила тренд развития онлайн-образования в Китае. Однако количественное увеличение образовательных онлайн-платформ не коррелирует с их качественным улучшением. Объем рынка онлайн-образования в России увеличивается не такими темпами, как в Китае. В структуре российского рынка онлайн-образования основными направлениями являются языковое и профессиональное онлайн-образование.

Эпидемиологический кризис, вызванный распространением новой коронавирусной инфекции, придал дополнительный импульс развитию отдельных сфер российского и китайского потребительского рынка. Подобные позитивные тенденции будут способствовать дальнейшему информационно-инновационному развитию, экономическому росту России и Китая.

Литература

- Глушенко М.Е. (2020). Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию рынка потребительских кредитов // Омские научные чтения – 2020: матер. Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск. С. 1837–1842.
- Грибова Н.В. (2021). Потребление китайских домохозяйств: основные тенденции и фактор пандемии. // Проблемы национальной стратегии. № 1 (64). С. 33–59.
- Дементьева И.Н., Шэн Фанфу (2022). Розничная онлайн-торговля в Китае и России: состояние и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 242–261.
- Зюкин Д.А., Репринцева Е.В. (2022). Особенности функционирования регионального рынка продовольственных товаров // Вестник НГИЭИ. № 7 (134). С. 103–113.
- Ишниязова А.Р., Андропова С.А., Юнусова И.И. (2021). Тенденции развития потребительского рынка России в современных условиях пандемии // Теория и практика общественного развития. № 12 (166). С. 121–127.
- Карпунина Е.К., Губернаторова Н.Н., Соболевская Т.Г. (2022). Эффекты пандемии COVID-19: новые паттерны потребительского поведения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 1 (88). С. 63–76.
- Ли Чжимэн, Лукин Е.В., Шэн Фанфу, Чжэн Вэнькай (2022). Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономики Китая и России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 277–299.
- Мадиярова Д.М. (2022). Внешнеторговые отношения России и Китая // Вестник науки. № 6 (51). С. 40–45.
- Минакир П.А. (2020). Экономика пандемии: российский путь // Пространственная экономика. Т. 16. № 2. С. 7–18.
- Морозова В.С., Реунова В.А. (2021). Социокультурные особенности потребительского поведения в современном китайском обществе: взгляд из России // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 24. С. 68–71.
- Нагорный А. (2015). Глобальный треугольник. Россия – США – Китай. М.: Книжный мир. 352 с.
- Нуэрчжада Т. (2021). Исследование развития рынка потребительского кредитования Китая и его контрмер // Экономика и социум. № 3-2 (82). С. 216–222.
- Плотников В.А. (2021). Пандемия COVID-19, потребительский рынок и цифровизация // Экономическое возрождение России. № 3 (69). С. 92–104.
- Ревина С.Ю., Третьякова Д.А. (2021). Электронная коммерция в России в условиях пандемических ограничений COVID-19 // Вопросы инновационной экономики. Т. 11. № 4. С. 1319–1338.
- Россинская М.В., Мамаева Л.И. (2020). Пандемия как двигатель онлайн-торговли // Наукосфера. 2020. № 12-2. С. 283–287.
- Смотрицкая И.И. (2020). Российская экономика на фоне мировой пандемии: основные контуры «новой реальности» // Менеджмент и бизнес-администрирование. № 2. С. 4–15.
- Deng J. (2021). The development of e-commerce in China during the COVID-19 pandemic on the example of the textile industry. *BRICS Journal of Economics*, 2(3), 54–69.
- Guo C., Xu Z., Fang C., Qin B. (2022). China survey report on the online learning status of high schools during the COVID-19 Pandemic. *ECNU Review of Education*. DOI: <https://doi.org/10.1177/20965311221089671>
- Li Z., Sheng F. (2020). Impacts of COVID-19 on China's industry and consumption and relevant countermeasures. *Jiangxi Social Sciences*, 2020, 3.
- Jing L., Chunlei Q., Yanchun Zh. (2021). Online teaching in universities during the COVID-19 epidemic: A study of the situation, effectiveness and countermeasures. *Procedia Computer Science*, 187, 566–573.
- Verma M., Naveen B.R. (2021). COVID-19 impact on buying behavior. *Vikalpa*, 46(1), 27–40.
- Yuan X., Li C., Zhao K., Xu X. (2021). The changing patterns of consumers' behavior in China: A comparison during and after the COVID-19 pandemic. *Int J Environ Res Public Health*, 18(5), 2447.

Сведения об авторе

Борис Андреевич Аносов – младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; e-mail: anosovu@gmail.com)

Anosov B.A.

Impact of the COVID-19 Pandemic on the Consumer Market in Russia and China

Abstract. For many decades, Russia and China have been major trade and economic partners, whose close and effective cooperation is of particular importance in the context of Western sanctions. New strategic guidelines of Russian-Chinese relations determine the scientific relevance and practical significance of studying the consumer markets of the two countries. It is especially important to study the features and trends of changes in consumer markets in the conditions of the epidemiological crisis. The purpose of this work is to analyze the impact of the COVID-19 pandemic on four areas of the consumer market in China and the Russian Federation: e-commerce market, luxury goods market, food delivery market and online education market. Studying the impact of crisis processes on the consumer markets of individual countries seems to be very relevant for the development of effective measures to overcome similar situations in the future. To achieve the research goal, we use methods of analysis and synthesis of statistical data. The research results prove that the COVID-19 pandemic has had a significant negative impact on the consumer market in Russia and China. A large-scale epidemiological crisis has led to deterioration in the material well-being and consumer opportunities of both countries. At the same time, the COVID-19 pandemic has also led to a number of positive changes in certain sectors of the consumer market in Russia and China: further rapid development of distance trading, growth of the goods delivery market, acceleration of the trend of online education development. Such positive trends will contribute to further information and innovation development, economic growth of Russia and China. The scientific novelty of the research is to identify the consumer market areas that have felt the greatest impact of the pandemic in terms of accelerating their development, as well as a comparative analysis of these areas in cross-country comparison.

Key words: consumer behavior, economic digitalization, online retail, coronavirus pandemic, retail turnover.

Information about the Author

Boris A. Anosov – Junior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: anosovu@gmail.com)

Статья поступила 12.09.2022.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (декабрь 2022 г.), а также за период с декабря 2021 по декабрь 2022 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2022 гг.²

В октябре – декабре 2022 г. оценка деятельности главы государства существенно не изменилась: доля положительных суждений составила 59–60%, отрицательных – 24–25%.

В более долгосрочной динамике отмечаются позитивные изменения. По сравнению с февралем 2022 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ возрос на 12 п. п. (с 48 до 60%); удельный вес негативных оценок снизился на 8 п. п. (с 33 до 25%).

За последние 12 месяцев (в декабре 2022 г. по сравнению с декабрем 2021 г.) доля положительных оценок работы главы государства увеличилась на 9 п. п. (с 51 до 60%); отрицательных – уменьшилась на 9 п. п. (с 34 до 25%)³.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в декабре 2022 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в декабре 2021 г.

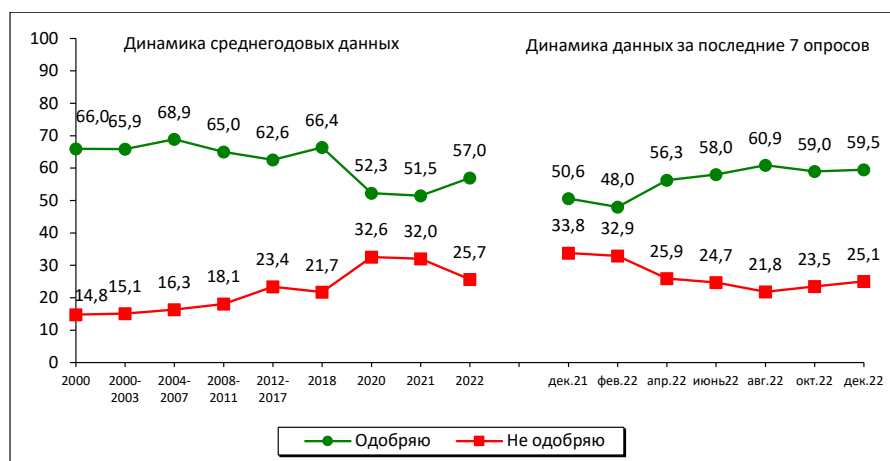
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), дек. 2022 к		
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	50,6	48,0	56,3	58,0	60,9	59,0	59,5	+9	+12	+1
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	33,8	32,9	25,9	24,7	21,8	23,5	25,1	-9	-8	+2
Председатель Правительства РФ*																		
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	38,3	37,6	43,6	45,5	47,5	48,1	50,1	+12	+13	+2
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	38,9	37,7	32,5	31,4	29,4	31,3	29,9	-9	-8	-1
Губернатор																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	35,9	33,9	38,2	41,2	43,3	43,0	45,5	+10	+12	+3
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	41,9	41,6	37,3	34,3	32,5	33,9	35,2	-7	-6	+1

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?». Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

*Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Одобрю	+9	+12	+1
Не одобряю	-9	-8	+2

Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

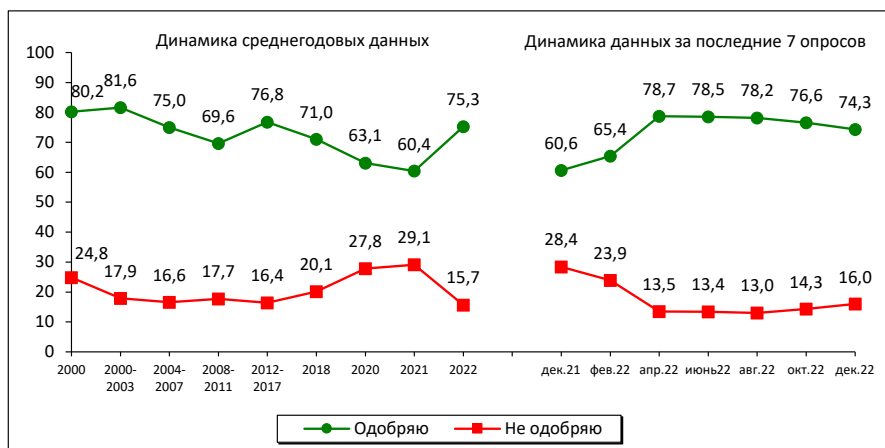
Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с октября по декабрь 2022 г. снизился на 3 п. п. (с 77 до 74%).

По сравнению с февралем 2022 г. доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 9 п. п. (с 65 до 74%).

За период с декабря 2021 по декабрь 2022 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ увеличился на 13 п. п. (с 61 до 74%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Одобрению	+14	+9	-2
Не одобряю	-12	-8	+2

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Данные за декабрь 2022 г. – среднее за 3 опроса (4, 11 и 18 декабря).

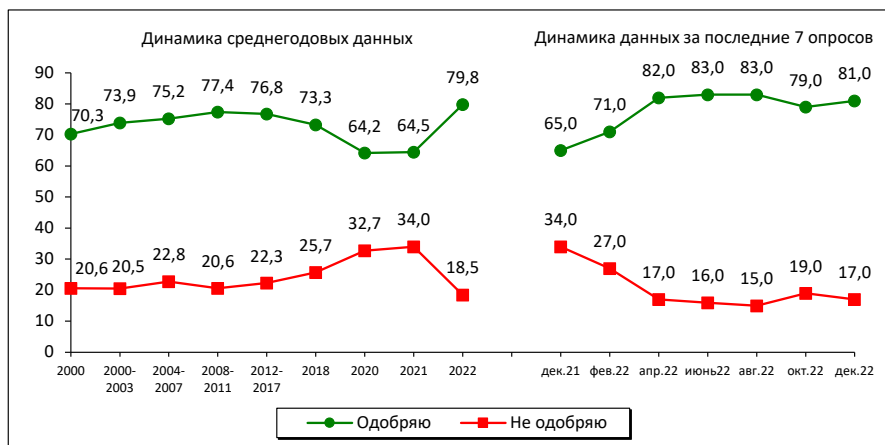
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в октябре – декабре 2022 г. увеличился на 2 п. п. (с 79 до 81%).

За период с февраля по декабрь 2022 г. отмечается рост доли позитивных суждений на 10 п. п. (с 71 до 81%).

С декабря 2021 по декабрь 2022 г. уровень одобрения деятельности главы государства увеличился на 16 п. п. (с 65 до 81%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Одобрению	+14	+10	+2
Не одобряю	-17	-10	+2

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

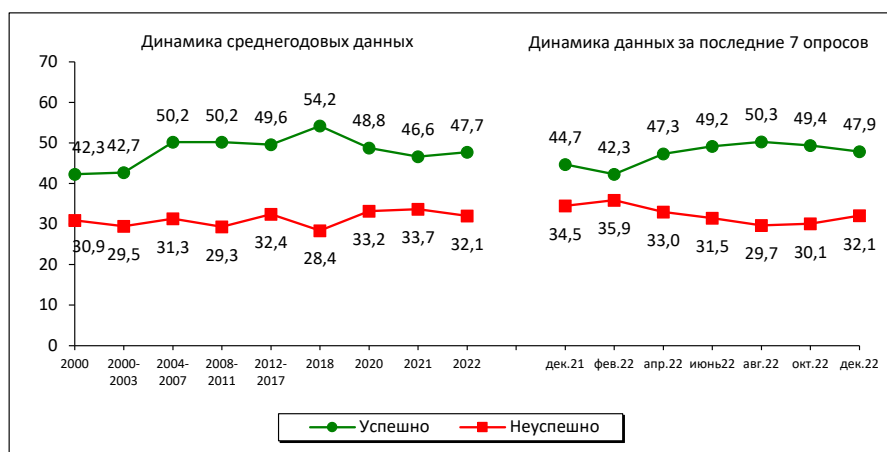
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца доля людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, существенно не изменилась (48–49%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, также незначительно увеличился (на 2 п. п., с 30 до 32%).

С февраля по декабрь 2022 г. доля положительных оценок действий главы государства по укреплению позиций России на международной арене увеличилась на 6 п. п. (с 42 до 48%); отрицательных – уменьшилась на 4 п. п. (с 36 до 32%).

По сравнению с октябрем 2021 г. удельный вес жителей области, позитивно оценивающих деятельность главы государства по укреплению международных позиций России, увеличилась на 3 п. п. (с 45 до 48%). Доля отрицательных суждений уменьшилась также на 3 п. п. (с 35 до 32%).

Укрепление международных позиций России

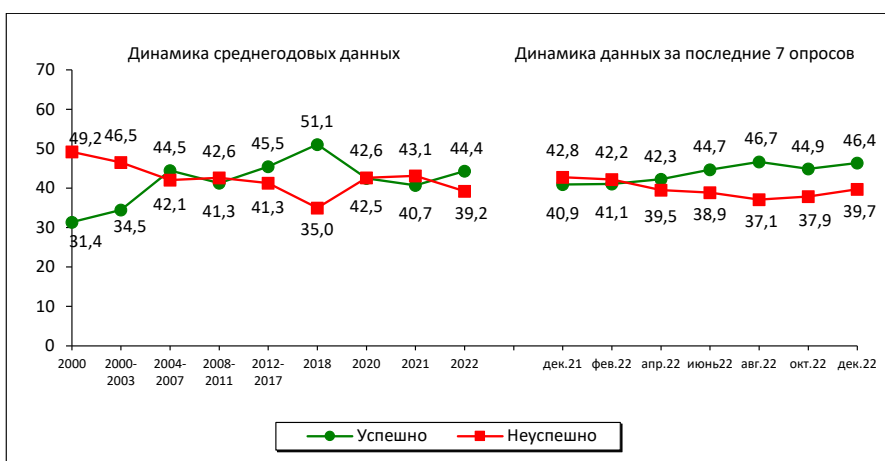
Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Успешно	+3	+6	-2
Неуспешно	-3	-4	+2

В октябре – декабре 2022 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, осталась стабильной (45–46%). Удельный вес негативных оценок незначительно увеличился (на 2 п. п., с 38 до 40%).

В целом за период с февраля по декабрь 2022 г. доля позитивных характеристик увеличилась на 5 п. п. (с 41 до 46%); отрицательных – уменьшилась на 2 п. п. (с 42 до 40%).

За последние 12 месяцев удельный вес жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, возрос на 5 п. п. (с 41 до 46%). Доля тех, кто придерживается противоположного мнения, уменьшилась на 3 п. п. (с 43 до 40%).

Наведение порядка в стране

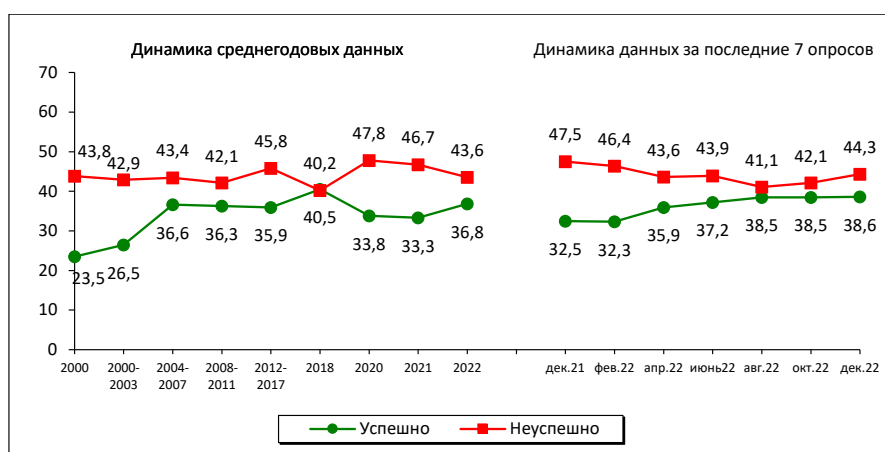
Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Успешно	+5	+5	+1
Неуспешно	-3	-2	+2

В октябре – декабре 2022 г. доля положительных оценок успешности действий Президента по защите демократии и укреплению свобод граждан не изменилась и составила 39%. Удельный вес отрицательных суждений незначительно увеличился (на 2 п. п., с 42 до 44%).

Позитивные изменения отмечаются за период с февраля по декабрь 2022 г.: доля позитивных оценок возросла на 7 п. п. (с 32 до 39%), отрицательных – снизилась на 2 п. п. (с 46 до 44%).

За последние 12 месяцев (с декабря 2021 по декабрь 2022 г.) общественное мнение о работе главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан также улучшилось: доля положительных оценок увеличилась на 6 п. п. (с 33 до 39%), отрицательных – снизилась на 4 п. п. (с 48 до 44%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

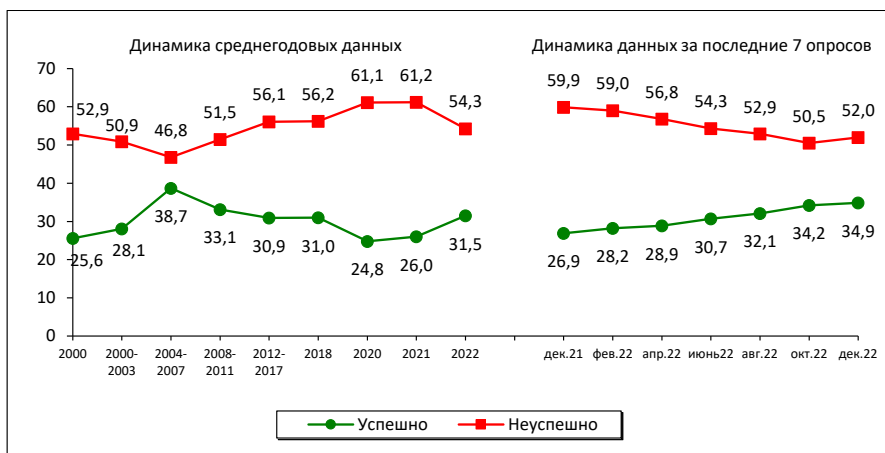
Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Успешно	+6	+7	0
Неуспешно	-4	-2	+2

В октябре – декабре 2022 г. существенно не изменилось общественное мнение относительно деятельности Президента по подъему экономики и росту благосостояния граждан: доля положительных оценок составила 34–35%, отрицательных – 51–52%.

С февраля по декабрь 2022 г. доля положительных суждений увеличилась на 7 п. п. (с 28 до 35%), отрицательных – уменьшилась на 7 п. п. (с 59 до 52%).

За период с декабря 2021 по декабрь 2022 г. также отмечаются позитивные изменения: удельный вес людей, считающих успешными действия главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан, возрос на 8 п. п. (с 27 до 35%), доля отрицательных характеристик снизилась на 8 п. п. (с 60 до 52%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Успешно	+8	+7	+1
Неуспешно	-8	-7	+2

Структура партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца существенно не изменилась: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составляет 37–38%, КПРФ – 9–10%, ЛДПР – 6%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 1–2%.

С февраля по декабрь 2022 г. отмечается рост поддержки «Единой России» (на 7 п. п., с 31 до 38%).

По сравнению с декабрем 2021 г. доля сторонников партии власти увеличилась на 6 п. п. (с 32 до 38%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), дек. 2022 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	31,9	31,1	34,2	34,9	36,2	36,7	38,3	+6	+7	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	10,5	9,5	11,2	10,2	10,4	9,9	9,3	-1	-1	-1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	9,9	9,4	7,7	7,8	6,8	6,0	6,3	-4	-3	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	6,0	5,7	4,5	4,8	4,9	4,5	4,7	-1	-1	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	2,3	1,6	1,3	1,6	1,9	1,1	1,5	-1	0	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,5	-	0,2	0,3	0,2	0,7	0,3	0,1	0,1	0,5	0,0	0	-1	-1
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	34,2	-	33,9	30,6	29,6	32,4	30,8	30,7	29,3	30,6	29,9	0	-3	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,1	-	10,0	10,1	9,7	9,6	10,0	9,9	10,5	10,8	9,9	0	0	-1

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

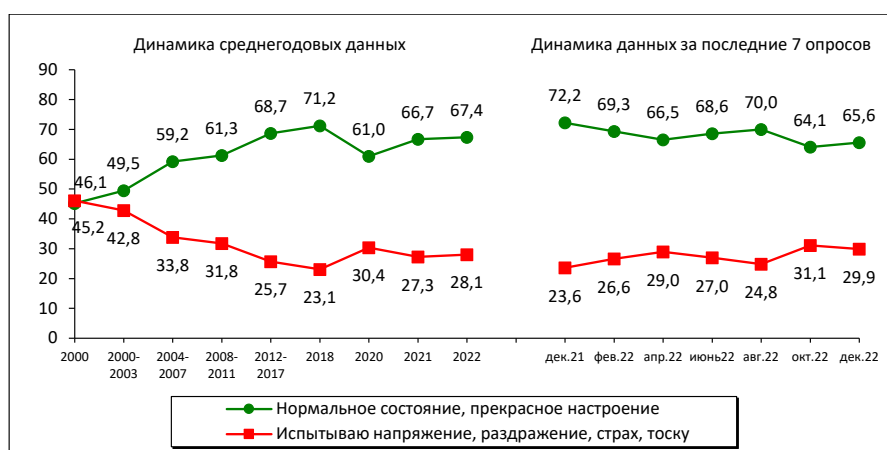
Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца незначительно улучшилось социальное настроение жителей области. Доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 2 п. п. (с 64 до 66%). Удельный вес тех, кто испытывает преимущественно «напряжение, раздражение, страх, тоску», не изменился и составил 30–31%.

По сравнению с февралем 2022 г. снизилась доля позитивных оценок социального настроения (на 3 п. п., с 69 до 66%) и возрос удельный вес отрицательных характеристик (также на 3 п. п., с 27 до 30%).

За последние 12 месяцев (с декабря 2021 по декабрь 2022 г.) удельный вес позитивных характеристик социального настроения снизился на 6 п. п. (с 72 до 66%), негативных – возрос на 6 п. п. (с 24 до 30%).

Социальное настроение

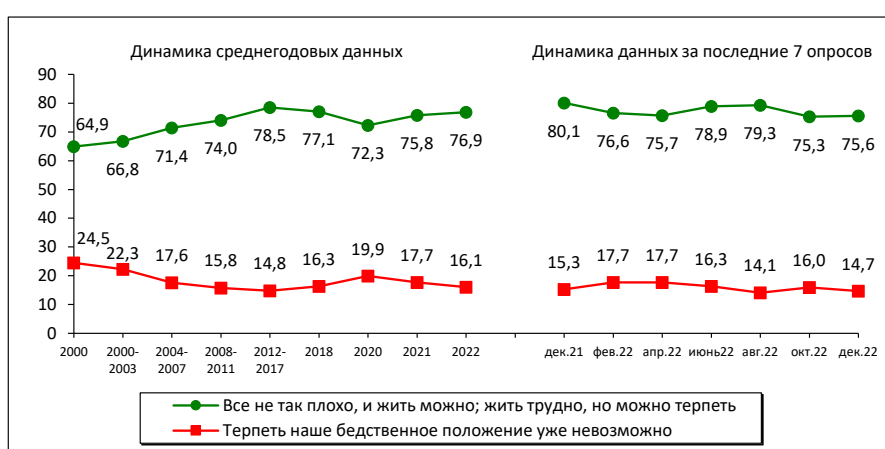
Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-6	-3	+2
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+6	+3	-1

В октябре – декабре 2022 г. доля людей, считающих, что «все не так плохо, жить можно; жить трудно, но можно терпеть», осталась стабильной (75–76%). Удельный вес отмечающих, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», также не изменился (15–16%).

С февраля по декабрь 2022 г. доля положительных характеристик запаса терпения составила 76–77%, при этом удельный вес отрицательных оценок уменьшился на 3 п. п. (с 18 до 15%).

По сравнению с декабрем 2021 г. доля позитивных оценок уменьшилась на 4 п. п. (с 80 до 76%), отрицательных – существенно не изменилась (15%).

Запас терпения

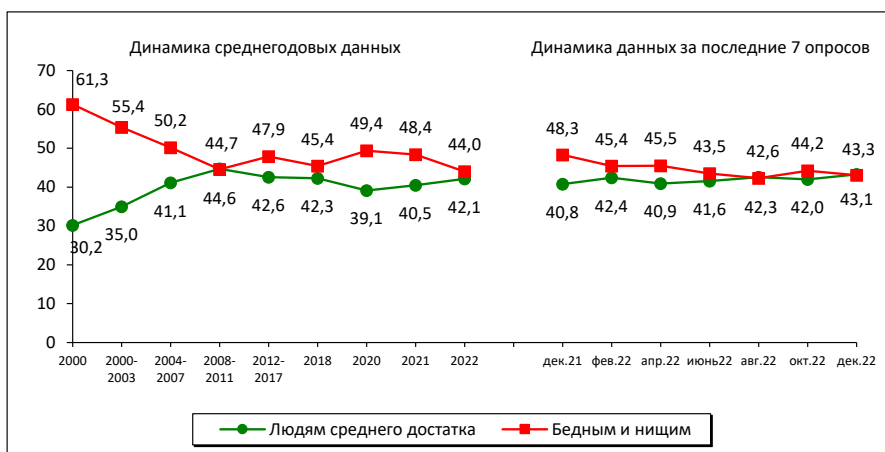
Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-4	-1	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	-3	-1

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за последние два месяца существенно не изменился (43–44%); доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка», также осталась стабильной (42–43%).

С февраля по декабрь 2022 г. доля людей «среднего достатка» составила 42–43%, при этом удельный вес «бедных и нищих» незначительно снизился (на 2 п. п., с 45 до 43%).

За последние 12 месяцев (декабрь 2021 – декабрь 2022 г.) в динамике социальной самоидентификации отмечаются преимущественно позитивные изменения: доля «бедных и нищих» жителей области уменьшилась на 5 п. п. (с 48 до 43%); удельный вес «людей среднего достатка» возрос на 2 п. п. (с 41 до 43%).

Социальная самоидентификация

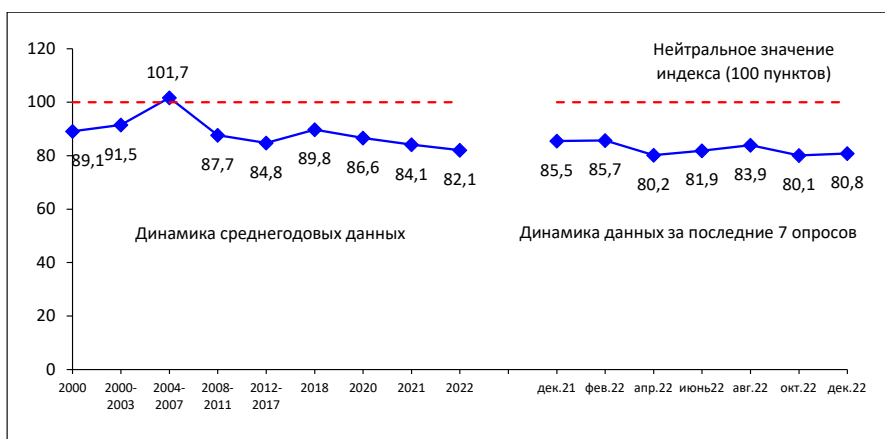

Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
Вариант ответа	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+2	+1	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-5	-2	-1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

В октябре – декабре 2022 г. индекс потребительских настроений (ИПН) составил 80–81 п. Отмечается снижение ИПН за период с февраля по декабрь 2022 г. (на 5 п. п., с 86 до 81 п.), а также за период с декабря 2021 по декабрь 2022 г. (на 5 п. п., с 86 до 81 п.). Таким образом, динамика ИПН за последний год свидетельствует о росте пессимистических прогнозов людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
ИПН	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Значение индекса, в пунктах	-5	-5	+1

Для справки:

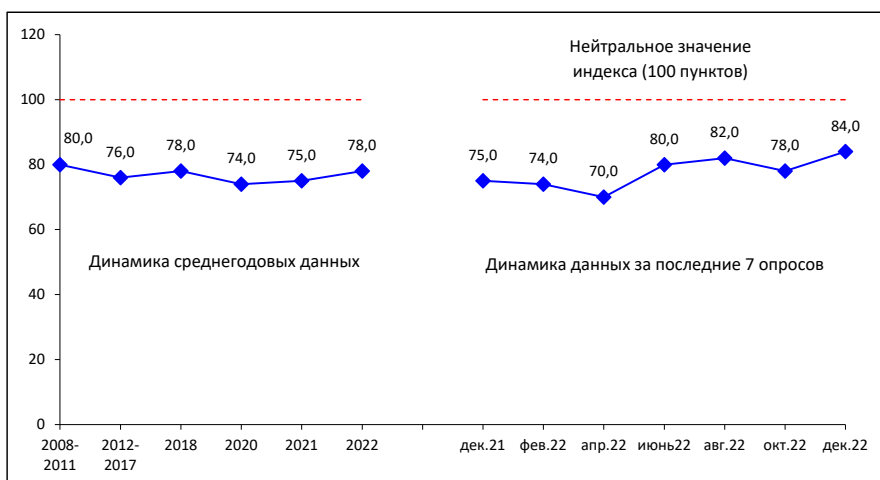
По данным общероссийских опросов Левада-Центра*, в динамике ИПН за последние два месяца отмечаются позитивные изменения (ИПН возрос на 6 пунктов, с 78 до 84 п.).

За период с февраля по декабрь 2022 г. ИПН увеличился на 10 пунктов (с 74 до 84 п.).

С декабря 2021 по декабрь 2022 г. — на 9 пунктов (с 75 до 84 п.).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+ / -), декабрь 2022 г. к			
ИПН	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Значение индекса, в пунктах	+9	+10	+6

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за август 2022 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В динамике социального настроения за период с октября по декабрь 2022 г. ни в одной из основных социально-демографических категорий населения не отмечено негативных изменений оценок социального настроения. При этом в 6 из 14 групп увеличилась доля позитивных характеристик: особенно среди людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (на 4 п. п., с 51 до 55%); среди людей в возрасте до 30 лет (на 4 п. п., с 75 до 79%) и среди людей со средним и неполным средним образованием (также на 4 п. п., с 59 до 63%).

С февраля по декабрь 2022 г. в большинстве социально-демографических групп населения (в 9 из 14) отмечаются негативные изменения оценок социального настроения, особенно среди людей старше 55 лет (доля положительных суждений уменьшилась на 8 п. п., с 65 до 57%) и 20% наиболее обеспеченных (по самооценкам уровня доходов) жителей области (на 7 п. п., с 82 до 75%).

За период с декабря 2021 по декабрь 2022 г. негативные изменения отмечаются практически во всех основных слоях населения. Прежде всего, доля тех, кто характеризует свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», уменьшилась среди людей, по самооценкам доходов относящихся к группе 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 10 п. п., с 85 до 75%).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), дек. 2022 к		
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	дек. 2021	фев. 2022	окт. 2022
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	71,5	65,5	68,3	67,4	69,9	65,0	64,7	-7	-1	0
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	72,8	72,3	65,1	69,7	70,2	63,3	66,5	-6	-6	+3
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	81,9	75,3	81,8	77,3	77,8	74,5	78,7	-3	+3	+4
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	75,1	70,7	71,1	68,8	72,0	65,2	68,5	-7	-2	+3
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	65,2	65,3	55,2	65,3	64,6	58,7	57,2	-8	-8	-2
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	69,7	68,7	63,0	65,8	68,5	58,9	62,7	-7	-6	+4
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	70,1	68,3	69,8	70,5	71,0	65,8	64,3	-6	-4	-2
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	77,6	71,5	66,9	69,7	70,8	67,5	70,6	-7	-1	+3
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	64,0	60,5	61,5	58,4	55,4	50,7	55,4	-9	-5	+4
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	71,1	68,8	64,2	70,3	73,2	65,9	66,1	-5	-3	0
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	85,3	81,5	81,9	75,7	77,0	78,7	74,9	-10	-7	-4
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	65,7	63,2	60,2	61,0	61,5	55,7	57,2	-9	-6	+2
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	75,1	72,6	70,1	72,8	74,6	67,9	69,1	-6	-4	+1
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	74,2	70,8	68,1	70,6	72,3	66,6	68,5	-6	-2	+2
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	72,2	69,3	66,5	68,7	70,1	64,1	65,7	-7	-4	+2

РЕЗЮМЕ

Итоги очередной «волны» опросов, проведенных в декабре 2022 г., позволяют сделать следующие выводы.

1. Учитывая ощутимое ухудшение оценок общественного мнения в августе – октябре 2022 г. по таким важным показателям мониторинга, как оценка социального настроения, запаса терпения и индекс потребительских настроений (отражающих соответственно психологическое самочувствие людей в настоящее время и их представления о перспективах будущего), **позитивными изменениями можно считать стабилизацию оценок населения по данным показателям в декабре 2022 г.:**

- ✓ с октября по декабрь 2022 г. доля положительных оценок социального настроения увеличилась на 2 п. п. (с 64 до 66%, после снижения в августе – октябре на 6 п. п., с 70 до 64%);
- ✓ запас терпения в октябре – декабре не изменился (75%), но после ощутимого снижения в августе – октябре 2022 г. (на 4 п. п., с 79 до 75%);
- ✓ ИПН в октябре – декабре 2022 г. составил 80–81 п., в то время как по результатам предыдущего опроса он снизился на 4 пункта (с 84 до 80 п.).

По-видимому, негативные изменения в августе – октябре стали следствием вполне естественной реакции людей на объявленную Президентом РФ 21 сентября 2022 г. частичную мобилизацию населения (об окончании всех мероприятий, связанных с частичной мобилизацией, министр обороны РФ С. Шойгу доложил В. Путину 28 октября 2022 г.)⁴.

2. Уровень одобрения деятельности главы государства остается стабильным с июня 2022 г. (58–60%). При этом в целом за период проведения специальной военной операции (с февраля по декабрь 2022 г.) доля положительных оценок работы главы государства существенно увеличилась (на 12 п. п., с 48 до 60%), что говорит о понимании и поддержке большинством населения политического курса, реализуемого Президентом.

Это подтверждает аналогичная динамика оценок населения по поводу успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны (рост доли позитивных суждений за период с февраля по декабрь 2022 г. по всем ключевым задачам составил 5–7 п. п.), а также увеличение поддержки партии власти «Единая Россия» за период проведения СВО (с февраля по декабрь 2022 г. – на 7 п. п. (с 31 до 38%)).

3. Тот факт, что на протяжении фактически всего года продолжает постепенно увеличиваться уровень одобрения деятельности Председателя Правительства РФ и губернатора области (с февраля по декабрь 2022 г. доля положительных суждений увеличилась на 12–13 п. п.), свидетельствует, что общество позитивно оценивает работу органов федеральной и региональной власти по практической реализации мер поддержки населения в сложной экономической ситуации (в частности, вызванной продолжающимися экономическими санкциями против России).

Вместе с тем ряд изменений в динамике общественного мнения за период с февраля по декабрь 2022 г. вызывает настороженность и требует повышенного внимания со стороны лиц, принимающих управленческие решения:

1. За этот период в большинстве основных социально-демографических групп населения (в 9 из 14) уменьшилась доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», причем изменения довольно ощутимые:

- ✓ среди людей старше 55 лет – на 8 п. п. (с 65 до 57%);
- ✓ в группе 20% наиболее обеспеченных (по самооценкам уровня доходов) жителей области – на 7 п. п. (с 82 до 75%);
- ✓ среди женщин (с 72 до 66%), людей со средним и неполным средним образованием (с 69 до 63%), а также жителей г. Вологды (с 63 до 57%) – на 6 п. п.

2. Индекс потребительских настроений за период с февраля по декабрь 2022 г. снизился на 5 пунктов (с 86 до 81 п.), следовательно, жители области стали придерживаться более пессимистических взглядов в оценках перспектив развития экономики и своего собственного материального положения.

3. С середины года (с июня) в динамике уровня одобрения деятельности Президента и оценки успешности его работы по решению ключевых проблем страны не наблюдается существенных позитивных изменений: доля положительных оценок работы главы государства с июня по декабрь составила 58–60%; удельный вес положительных оценок успешности решения ключевых проблем страны не изменился или увеличился на 1–2 п. п. Относительно устойчивая динамика улучшения оценок общественного мнения отмечается только в отношении деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан (с февраля по декабрь доля положительных суждений увеличилась на 7 п. п., с 28 до 35%; с июня по декабрь – на 4 п. п., с 31 до 35%).

Таким образом, по результатам проведения очередной «волны» мониторинга и в целом по итогам анализа динамики общественного мнения за 2022 год можно констатировать, что большинство населения «отреагировало» на возросшие после начала СВО (24 февраля 2022 г.) угрозы национальной безопасности консолидацией вокруг Президента и декларируемых им целей национального развития на достижение страной полного национального суверенитета. При этом общество поддерживает не

⁴ Встреча Президента РФ с министром обороны С. Шойгу 28.10.2022 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69703>

только главу государства, но и остальные органы власти, что свидетельствует об эффективности государственного управления в плане реализации ключевых управленческих решений, принимаемых на протяжении года.

В то же время нельзя не отметить, что снижение темпов позитивной динамики по ряду ключевых показателей мониторинга с середины года, а также осязаемое ухудшение оценок социального самочувствия людей в период проведения частичной мобилизации говорит о том, что общественное мнение (особенно в сложившихся тревожных условиях) является достаточно подвижным; люди поддерживают действия власти, но вполне естественно пребывают в общей напряженной атмосфере, которая сложилась на внешней и внутренней политической арене в условиях СВО.

Пожалуй, квинтэссенцией указанных процессов можно считать один из ключевых итогов развития страны в условиях СВО, которые Президент подвёл на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 21 декабря 2022 г.: «Страна, Правительство дают всё, что армия просит, всё. Надеюсь, что ответ будет должным образом сформулирован и соответствующие результаты будут достигаться»⁵.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁵ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 21 декабря 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70159>

Список статей, опубликованных в 2022 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А., Морев М.В. Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демографического будущего»	1	9–33
Ильин В.А., Морев М.В. В стране формируются контуры нового Общественного договора	6	9–34
Ильин В.А., Морев М.В. На пути к преодолению внутреннего рубикона	4	9–31
Ильин В.А., Морев М.В. Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке	2	9–30
Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества	5	9–32
Ильин В.А., Морев М.В. Трудная дорога после рубикона	3	9–41
Вопросы теории и методологии		
Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий	4	42–59
Васильева И.Н., Покровский Д.С., Демидов А.В., Биткина И.В., Реброва Т.П. Региональные особенности взаимодействия российских научных организаций и вузов с иностранными учеными: методика оценки	1	34–54
Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Влияние формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики	5	77–94
Гринберг Р.С., Комолов О.О. Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов	2	44–54
Дианов С.В., Калашников К.Н., Ригин В.А. Агент-ориентированное моделирование регионального здравоохранения: решение задачи формализации медицинской активности жителей	1	55–73
Машкова А.Л. Прогнозирование распространения норм и ценностей в России с использованием агент-ориентированного подхода	1	90–109
Некипелов А.Д. Производство и обращение в простой меновой экономике	3	58–74
Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров	2	31–43
Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества	3	42–57
Цапенко И.П., Юревич М.А. Статистика онлайн-запросов в наукастинге миграции	1	74–89
Широв А.А., Брусенцева А.Р., Савчишина К.Е., Каминова С.В. Прогнозно-аналитические возможности макроэкономических моделей в условиях кризисного развития экономики (на примере модели QUMMIR)	6	35–51
Региональная экономика		
Блохин А.А., Лихачев А.А. Влияние институциональных факторов на экономическую динамику в регионах	4	60–73
Ворошилов Н.В. Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России	5	170–188
Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Обоснование включения муниципальных образований Магаданской области в Арктическую зону РФ	1	128–147
Жестянников С.Г. Приоритеты и инструменты трансформации управления муниципальными образованиями в контексте новой реформы местного самоуправления	4	88–101
Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. Диспропорции в пространственном развитии России и её экономических районов: выбор точного и корректного метода оценки и способы сглаживания	3	75–90
Растворцева С.Н., Манаева И.В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов	1	110–127
Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций	6	94–109
Сидоров М.А. Рынки сбыта продукции регионов Северо-Запада России: количественное измерение	3	91–112
Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка	4	74–87

Отраслевая экономика		
Беркович М.И., Волин А.Ю. Детерминанты инновационной активности российских фармацевтических производителей	6	
Чередниченко О.А., Дорофеев А.Ф., Довготько Н.А. Оценка государственной политики в области активизации инновационной деятельности агробизнеса как фактора достижения целей устойчивого развития	1	148–175
Экономика окружающей среды		
Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Колосков Д.А. Экологическое инвестирование как ключевой фактор формирования и становления инвестиционной модели роста российской экономики	4	118–135
Курбацкий А.Н., Шаклеина Е.И. Экономический рост и загрязнение окружающей среды в США и России: сравнительный пространственно-эконометрический анализ	2	92–107
Фомина В.Ф. Выявление эффекта декаплинга в основных отраслях экономики Республики Коми	1	176–193
Социальное и экономическое развитие		
Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Гурарий А.Д. Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры	1	243–257
Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. Экологическая ответственность персонала: эмпирический анализ и типология	6	232–242
Артамонова А.С., Базуева Е.В. Эффективность деятельности некоммерческих организаций для региональной экономики: концептуальные основы идентификации	6	215–231
Бабич Н.С., Батыков И.В. Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей	5	189–202
Батырева М.В., Карагулян Е.А. Методология оценки эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах	3	167–183
Белехова Г.В., Ивановская А.Л. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект)	1	209–222
Бурханова Ф.Б., Баймузина Г.Р. Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы	2	190–204
Великая Н.М., Новоженина О.П. Экологические угрозы как фактор экологизации общественного сознания	4	209–227
Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Моделирование влияния институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования	5	257–273
Воробьева И.Н., Мехова А.А. Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели	4	189–208
Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И., Атнабаева А.Р. Иррациональность поведения абитуриентов как фактор дисбаланса рынков труда и образовательных услуг региона	1	194–208
Головчин М.А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников	5	237–256
Сивоплясова С.Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия	1	223–242
Груздева М.А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства	4	228–241
Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии	4	172–188
Камарова Т.А., Баранова Н.В. Оценка развития цифровой занятости на рынке труда на примере ИТ-отрасли: базовые метрики	6	199–214
Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А., Дьякова В.В., Симоненко М.А. Динамика читательских практик современного российского студенчества: социологический анализ	1	258–275
Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью)	2	172–189
Леонидова Г.В. Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни	6	182–198
Максимов А.М., Тутыгин А.Г., Малинина К.О., Чижова Л.А., Блынская Т.А. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России	2	138–155
Медведева Е.И., Александрова О.А., Крошилин С.В. Телемедицина в современных условиях: отношение социума и вектор развития	3	200–222
Нацун Л.Н. Влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов	5	203–220

Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Модели matrimониального и репродуктивного поведения российской молодежи	3	184–199
Рязанцев С.В., Мишук С.Н., Мирязов Т.Р. Этнодемографическая структура иммиграции в Россию: возможности статистического анализа	3	134–153
Скипин Д.Л., Юхтанова Ю.А., Крыжановский О.А., Токмакова Е.Г. Ожидаемая продолжительность жизни в регионах России	2	156–171
Смолева Е.О., Попов А.В. Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований	3	154–166
Старшинова А.В., Бородкина О.И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки	5	221–236
Государственное управление		
Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций	6	52–78
Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования	5	33–54
Кувалин Д.Б. Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности	6	79–93
Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Давлетшина Л.А. Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей	2	55–72
Тощенко Ж.Т. КТО в России олицетворяет борьбу за сохранение человечества?	4	32–41
Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. Расширение методологических подходов к оценке качества стратегий социально-экономического развития крупных городов	2	73–91
Научно-технологическое и инновационное развитие		
Алтынер А., Бозкурт Э., Топчуоглу О. Влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции	5	153–169
Бучинская О.Н. Знания как медиатор во взаимосвязи между цифровым и экономическим развитием	6	139–152
Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа	2	239–252
Гуртов В.А., Аверьянов А.О., Корзун Д.Ж., Смирнов Н.В. Система классификации технологий в сфере искусственного интеллекта для кадрового прогнозирования	3	113–133
Иванов С.Л., Метляхин А.И. Разработка методики оценки влияния инновационного предпринимательства на развитие экономики региона	4	136–154
Климова Ю.О., Устинова К.А., Фролов И.Э. Финансирование исследований и разработок в регионах: задачи, состояние, перспективы	5	135–152
Наумов И.В., Никулина Н.Л. Сценарное моделирование и прогнозирование степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России	4	155–171
Пилясов А.Н., Цукерман В.А. Становление нового технологического уклада в Арктике за период 1990–2021 гг.: региональный разрез	5	95–117
Попов Е.В., Семячков К.А. Методы анализа экономического и социального развития умных городов	2	108–119
Секушина И.А. Цифровизация малых и средних городов Европейского Севера России: тенденции и перспективы	6	124–138
Усков В.С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы	2	120–137
Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. Факторы регионального развития предпринимательства России: оценка и роль пространственных взаимосвязей	5	118–134
Общественные финансы		
Леонов С.Н. Оценка влияния пандемии коронавируса на состояние региональных бюджетов: дальневосточный аспект	6	153–166
Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Финансово-экономические аспекты экспортноимпортной деятельности цветной металлургии России за 2013–2020 гг. и направления ее дальнейшего развития	4	102–117
Мировой опыт		
Аносов Б.А. Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок РФ и КНР	6	243–256
Дементьева И.Н., Шэн Фанфу Розничная онлайн-торговля в Китае и России: состояние и перспективы развития	4	242–261

Нифтиев И. Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли	2	205–222
Озен Б.С., Байджан Т. Сравнение инновационных стратегий, разработанных агентствами регионального развития в Турции	3	236–258
Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции	3	223–235
Райчев С., Стоянова Д., Димитрова Г., Маджурова Б. Влияние инноваций на экономику замкнутого цикла	2	223–238
Сапир Ж. Французская экономика между пандемией COVID-19 и новой геополитической ситуацией: рецидив кризиса или его преодоление?	5	55–76
Ян Нань, Го Пэйцзин Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития	3	259–273
Научные обзоры		
Попов А.В. Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты	6	167–181
Научная жизнь		
Витязь П.А., Щербин В.К. Вопросы охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий в деятельности Международной ассоциации академий наук и Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства	5	274–289
Ромашкина Г.Ф., Груздева М.А. Об итогах XVI Всероссийской научно-практической конференции «Новые тенденции социокультурной эволюции в регионах России»	1	276–282
Научные отзывы. Рецензии.		
Бобков В.Н., Бобков Н.В., Чашина Т.В. Экономика, уровень и качество жизни в регионе (размышления о словаре-справочнике «Экономика региона» Вологодского научного центра РАН)	4	262–279
Мониторинг общественного мнения		
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	283–294
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	253–264
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	274–286
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	280–292
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	290–303
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	257–270

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.12.2022.
Дата выхода в свет 30.12.2022.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,3. Тираж 500 экз. Заказ № 68.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru